НАРОДНОЕ ЧТЕНІЕ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ,

СОСТАВЛЕННАЯ

А. ОБОЛОНСКИМЪ И Г. ЩЕРБАЧЕВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

Центральний Державний
БІБЛІОТЕКА
595

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 29 Ноября 1858 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

Типографія Тихменева.

АЛЕКСАНДРЪ II

ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Всемилостивѣйшій нашъ государь, императоръ Александръ Николаевичъ воцарился въ 19 день февраля мѣсяца 1855 года.

Въ тяжкіе для отечества нашего дни принялъ новый Царь свой скипетръ и державу: вся Россія, ополченная противъ нахлынувшихъ на нее ратей, боролась въ разныхъ концахъ съ воинами французскими, англійскими, сардинскими и турецкими. Славно били мы турокъ; молодецки колотили нашихъ недруговъ въ разныхъ схваткахъ; мужественно выдерживали наши солдатушки и ратники натискъ англичанъ и французовъ въ Крыму; отчаянно отстаивали они городъ Севастополь, подъ которымъ рѣкой текла кровь русская и кровь вражеская: но Господь намъ не судилъ одолѣть нашихъ сопротивниковъ! Ни числомъ головъ, ни

храбростью, ни стойкостью, ничѣмъ не уступали мы нашимъ непріятелямъ: наши воинскія доблести честно почтены даже нашими врагами. Насъ ломила другая сила — сила науки и знанія; у насъ не было тѣхъ разумныхъ улучшеній и усовершенствованій, которыя введены были у европейскихъ солдатъ и въ арміяхъ и во флотахъ: мы должны были уступить не силѣ тѣлесной, а силѣ ума человѣческаго, силѣ современнаго просвѣщенія.

Новый Государь не захотѣлъ справлять свое восшествіе на престолъ радостнымъ коронованіемъ въ такіе дни, когда вся Россія смущалась и горевала подъ гнетомъ всеобщей печали, всенароднаго горя. Государю было не до радостей: Онъ изливалъ только милости и думалъ только о томъ, какъ бы съ честью прекратить войну, какъ бы скорѣе умирить православный міръ.

Господь услышалъ теплыя Его молитвы и послалъ миръ всему міру. Война была прекращена— и это было первою радостію, которою Царь подѣлился съ своимъ народомъ. Только послѣ закрѣпленія мира, Онъ возвѣстилъ подданнымъ о своей коронаціи и вѣнчался на царство въ 26-е августа 1856 года.

Въ этотъ день Онъ излилъ на народъ свой новыя милости. Памятуя божественныя слова Христа-Спасителя, говорившаго ученикамъ Своимъ, что Онъ пришелъ въ міръ не *праведниковъ* спасти, а *грѣшниковъ*, нашъ милосердый Государь простеръ руку помощи Своей на грѣшныхъ, несчастныхъ

и довольно уже пострадавшихъ собратій и сограждан ъ нашихъ: Онъ отверзъ темницы ихъ и тысячи осужденныхъ, тысячи погибшихъ людей, словомъ любви Его, воззваны къ новой жизни.

Въ сердцѣ царевѣ твердо напечатлѣны были слова божественнаго учителя нашего Іисуса Христа «*пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обременніи и Азъ упокою вы*»: и вотъ единымъ царскимъ словомъ, единымъ почеркомъ пера, Государь навсегда уничтожаетъ званіе кантонистовъ, строго воспрещаетъ отнимать у воинскихъ людей сыновей и, неволей, съ юности, зачислять ихъ въ военную службу; Онъ уничтожаетъ пахатныхъ солдатъ и всѣхъ ихъ обращаетъ въ свободное крестьянское званіе; Онъ уничтожаетъ всѣ военныя поселенія—и сотни тысячъ народа, обреченнаго всегдашней воинской повинности, перераждаетъ въ вольныхъ крестьянъ, владѣющихъ правомъ свободнаго труда; Онъ проявляетъ желаніе улучшить бытъ помѣщичьихъ крестьянъ и со всѣхъ концевъ Россіи слышатся отклики на царское желаніе.

Наканунѣ великаго дня Входа во храмъ Пресвятыя Богородицы, то есть 20 ноября 1857 года, Государь подписываетъ *первую* грамоту объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ ковенской, виленской и гродненской.

Черезъ двѣ недѣли послѣ того, наканунѣ праздника святителя и чудотворца Николы, Царь под-

писалъ *вторую* грамоту объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ санктпетербургской губерніи.

Наканунѣ праздника Рождества Христа-Спасителя подписана Государемъ *третья* такая же грамота о помѣщичьихъ крестьянахъ нижегородской губерніи.

16-го января сего года, въ день поклоненія веригамъ апостола Петра, подписывается *четвертая* такая же грамота о помѣщичьихъ крестьянахъ московской губерніи.

9-го марта, въ день сорока-мучениковъ, подписываются еще четыре такія же точно грамоты объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ кіевской, волынской, подольской, самарской, симбирской и саратовской.

Еще снѣгъ съ полей въ нынѣшнемъ году не вполнѣ сошелъ, а ужь царскими грамотами повелѣно было учредить комитеты для составленія проэкта, то есть предположенія, объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ двадцати шести губерніяхъ, а къ Петрову-дню число этихъ губерній простерлось уже свыше сорока.

Чтобъ это лучше и яснѣе понять, вотъ наглядная табличка: изъ нея видно про какую губернію и когда Государемъ подписана грамота губернатору, сколько въ какой губерніи крѣпостныхъ людей и сколько надъ этими крѣпостными людьми помѣщиковъ.

Въ какой губерніи живутъ крѣпостные люди, объ устройствѣ и улучшеніи быта которыхъ состоялись царскія грамоты губернаторамъ.	Когда грамота къ губернатору подписана Государемъ.	Сколько въ той губерніи считается владѣльцовъ крѣпостныхъ люд.	Сколько въ той губерніи крѣпостныхъ людей.
1. въ Ковенской . . .	20 ноября 1857 г.	1.677	175.208
2. — Виленской . . .		2.238	197.897
3. — Гродненской . . .		1.719	197.182
4. — С. Петербургской .	5 декабря 1857 г.	1.854	123.718
5 — Нижегородской . .	24 декабря 1857 г.	1.463	346.517
6. — Московской . . .	16 января 1858 г.	2.244	305.171
7. — Кіевской	9 марта 1858 г.	1.584	521.245
8. — Волынской . . .		2.370	440.554
9. — Подольской . . .		1.667	485.960
10. — Самарской . . .		972	111.277
11. — Симбирской . . .		1.770	211.415
12. — Саратовской . . .		2.676	322.931
13. — Орловской . . .	16 марта 1858 г.	4.069	372.433
14. — Тверской		3.799	359.739
15. — Новгородской . .	1 апрѣля 1858 г.	4.301	197.789
16. — Казанской		1.194	99.516
17. — Рязанской		5.595	394.495
18. — Костромской . . .		3.437	292.334
19. — Астраханской . .		98	6.198
20. — Екатеринославской .	5 апрѣля 1858 г.	2.621	158.858
21. — Тамбовской . . .		4.445	359.088
22. — Полтавской . . .		7.547	325.296
23. — Харьковской . . .		4.286	223.525
24. — Пензенской . . .		2.139	262.520
25. — Воронежской . . .	20 апрѣля 1858 г.	2.891	242.679
26. — Курской		6.189	362.192
27. — Тульской	3 мая 1858 г.	3.898	388.000
28. — Псковской . . .		2.629	187.084
29. — Ярославской . . .		3.043	269.925
30. — Могилевской . . .		2.088	287.889
31. — Вологодской . . .		1.305	102.361
32. — Витебской . . .		1.595	218.707
33. — Таврической . . .	10 мая 1858 года.	543	21.144
34. — Херсонской . . .		2.813	151.142
35. — Минской		2.014	288.336
36. — Черниговской . .		4.869	277.153
37. — Смоленской . . .	28 мая 1858 года.	5.092	378.320
38. — Землѣ войск. Донск.	6 іюня 1858 года.	3.090	127.154
39. — Владимірской . . .	8 іюня 1858 года.	2.729	330.740
40. — Калужской. . . .	24 іюня 1858 года.	2.325	315.886
41. — Оренбургской . .	6 іюля 1858 года.	1.091	104.891
42. — Ставропольской . .	15 іюля 1858 года.	184	8.219
	Всего. . .	114.153	10.552.688

О чемъ же въ этихъ царскихъ грамотахъ, которыя Государь написалъ губернаторамъ, говорится?

Во всѣхъ нихъ сказано одно и то же и всѣ онѣ писаны на одинъ образецъ. Для примѣра вотъ одна, подписанная 16 марта 1858 года, на имя начальника тверской губерніи:

«Дворянство тверской губерніи изъявило желаніе открыть въ этой губерніи особый комитетъ для составленія проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ оной».

«Признавая необходимымъ, чтобы проэктъ сей былъ составленъ на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже Мною дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде желаніе улучшить и устроить бытъ своихъ крестьянъ, и чтобы предположенія по сему предмету были приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній, повелѣваю»:

«I. Открыть нынѣ же въ Твери особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: 1) двухъ отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранныхъ изъ среды своей дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ тверской губерніи, по непосредственному назначенію вашему».

«II. Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проэкта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта по-

мѣщичьихъ крестьянъ тверской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія»:

«1) *Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная оспдлость, которую они, въ теченіи опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.*

«2) *Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція; и*

«3) *При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.*

«III. Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ».

«Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по тверской губерніи, Я предоставляю вамъ дать комитету надлежащія наставленія, для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ проэктъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ тверской губерніи изъятіями, или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія на Мое усмотрѣніе».

«Открывая такимъ образомъ дворянству тверской губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ *на указанныхъ Мною общихъ началахъ*, Я увѣренъ, что оно вполнѣ оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участію въ столь важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаемымъ всѣми успѣхомъ».

«Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне оставались въ полномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внимая никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ».

Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинныхъ грамотахъ собственною его императорскаго величества рукою подписано: «Александръ.»

Въ этой грамотѣ сказано: «министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ *свои соображенія*, могущія служить комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ».

Для образца какія *соображенія*, по высочайшей волѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ передавалъ губернаторамъ — вотъ и его бумага, которую онъ писалъ къ кіевскому, подольскому и волынскому генералъ-губернатору.

«Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представлять государю императору доставленныя вашимъ сіятельствомъ постановленія дворянства кіевской, подольской и волынской губерній о дозволеніи дворянамъ сихъ губерній приступить къ составленію проэкта правилъ объ улучшеніи и устройствѣ быта ихъ крестьянъ.

«Его величество высочайшимъ рескриптомъ, на имя ваше даннымъ, изволилъ всемилостивѣйше разрѣшить дворянству губерній, ввѣренныхъ вашему главному управленію, приступить, посредствомъ особо-учреждаемыхъ въ каждой губерніи комитета и для всѣхъ 3-хъ губерній одной общей коммисіи, къ составленію проэктовъ положеній по сему предмету на главныхъ началахъ, уже указанныхъ другимъ губерніямъ, и на основаніи дѣйствующаго въ кіевской, подольской и волынской губерніяхъ инвентарнаго положенія.

«Въ дополненіе къ правиламъ, изложеннымъ въ рескриптѣ, относительно состава и порядка дѣйствій учреждаемыхъ по настоящему предмету ко-

митетовъ и коммиссіи, государь императоръ высочайше соизволилъ повелѣть:

«1) При выборѣ членовъ въ губернскіе комитеты отъ каждаго уѣзда, предоставить дворянамъ, если пожелаютъ, выбрать и уѣзднаго предводителя дворянства.

«2) Вмѣнить въ обязанность дворянамъ, при выборѣ членовъ, избирать для каждаго уѣзда одного кандидата, который могъ бы заступить въ комитетѣ мѣсто того члена уѣзда, который будетъ въ отсутствіи.

«3) Членовъ и кандидатовъ, избранныхъ дворянствомъ, утверждать вашему сіятельству; увольнять же ихъ въ отпуски по губернскимъ комитетамъ—начальникамъ губерній, а по общей коммиссіи—вамъ, милостивый государь.

«4) Дозволить губернскимъ комитетамъ приглашать, съ разрѣшенія начальниковъ губерніи, въ свои засѣданія, для необходимыхъ совѣщаній, тѣхъ помѣщиковъ каждой губерніи, кои могутъ доставить комитетамъ полезныя для нихъ свѣдѣнія. Приглашеніе же такихъ помѣщиковъ въ общую коммиссію дозволить съ разрѣшенія вашего сіятельства.

«5) Предоставить дворянству каждой губерніи, если оно признаетъ нужнымъ, производить изъ своихъ суммъ пособіе членамъ, имъ избраннымъ, а также издержки на разныя по губернскимъ комитетамъ и общей коммиссіи надобности.

«6) Начальники губерній, имѣя постоянное наблюденіе за занятіями губернскихъ комите-

товъ, могутъ требовать сообщенія имъ журналовъ оныхъ.

«7) Общая коммиссія обязана свои журналы представлять вашему сіятельству и, въ случаѣ указаній вашихъ, коммиссія можетъ, не стѣсняясь прежними своими положеніями, пересматривать оныя вновь; и

«8) Губернскимъ комитетамъ кончить порученныя ему работы въ 6-ти-мѣсячный срокъ, со дня ихъ открытія. Для окончанія возлагаемаго на общую коммиссію труда назначить также 6-ти-мѣсячный срокъ со времени поступленія въ оную всѣхъ составленныхъ губернскими комитетами проэктовъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было поручить мнѣ сообщить вашему сіятельству мои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ и коммиссіи при ихъ занятіяхъ.

«Въ исполненіе таковой ВЫСОЧАЙШЕЙ воли, сообразивъ мои отношенія по сему предмету къ начальникамъ другихъ губерній, приступившихъ къ устройству крестьянскаго быта, я нахожу, что вновь учреждаемымъ въ губерніяхъ кіевской, подольской и волынской комитетамъ и общей для всѣхъ 3-хъ губерній коммиссіи для составленія проэктовъ положеній объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, необходимо при этой работѣ *имѣть въ виду, сообразить и разсмотрѣть въ подробности,* примѣняясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и особенностямъ каждой губерніи, слѣдующія правила и предположенія:

«I. Будущее, на основаніяхъ въ высочайшемъ рескриптѣ изложенныхъ, устройство помѣщичьихъ крестьянъ должно быть приведено въ дѣйствіе не вдругъ, а постепенно. Для этого крестьяне должны быть сначала въ состояніи переходномъ, болѣе или менѣе крѣпки землѣ, а потомъ уже въ окончательномъ, когда правительство разрѣшитъ имъ выходъ изъ одной мѣстности въ другую, съ надлежащими ограниченіями и условіями. Для переходнаго состоянія слѣдуетъ назначить опредѣленный срокъ, по усмотрѣнію губернскихъ комитетовъ и общей коммисіи, не свыше 12 лѣтъ.

«II. На основаніи началъ, указанныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ, въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи, оставляется ихъ усадебная осѣдлость, пріобрѣтаемая ими въ теченіи опредѣленнаго срока въ собственность, посредствомъ выкупа. Сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику. При подробномъ развитіи и примѣненіи такихъ главныхъ началъ, необходимо принять въ основаніе дѣйствующія нынѣ въ кіевской, подольской и волынской губерніяхъ инвентарныя правила и, сверхъ того, имѣть въ виду слѣдующее:

«1) Подъ усадебною осѣдлостью, или крестьянскою усадьбою, слѣдуетъ разумѣть ихъ *жилыя и хозяйственныя строенія съ землею подъ оными, съ ихъ садами и огородами.*

«2) Права состоянія крестьянъ, по окончательномъ ихъ устройствѣ (кромѣ права выхода въ другія мѣстности, которое, въ свое время, будетъ опредѣлено особымъ распоряженіемъ правительства), и право собственности на усадьбу пріобрѣтаются или цѣлымъ міромъ, или крестьянскими семействами отдѣльно, не иначе какъ уплатою, въ томъ и другомъ случаѣ, владѣльцу выкупа въ продолженіе опредѣленнаго срока. При выкупѣ міромъ, усадебные участки остаются въ постоянномъ и исключительномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ, тому міру принадлежащихъ.

«При отдѣльномъ же выкупѣ крестьянскими семействами, семейства сіи съ выкупленной усадьбой остаются въ составѣ міра и подчиняются всѣмъ условіямъ мірскаго устройства и управленія.

«3) Выкупъ усадебъ можетъ быть совершенъ различными способами, сообразно съ мѣстными средствами и потребностями. Если при всѣхъ льготахъ—которыя помѣщики, стремясь къ улучшенію быта своихъ крестьянъ, не преминутъ, конечно, имъ предоставить—выкупъ сей не успѣлъ бы совершиться въ теченіе переходнаго времени, то срокъ выкупа можетъ быть продолженъ, хотя срокъ вообще переходнаго періода и не долженъ, ни въ какомъ случаѣ, превышать двѣнадцати лѣтъ.

Долговыя обязательства могутъ оставаться на крестьянахъ и по полученіи ими всѣхъ личныхъ правъ, съ тѣмъ только, что до окончательнаго за усадьбы платежа, крестьяне сіи не будутъ полными ихъ владѣльцами.

«4) Уплата за усадьбу можетъ быть произведена или деньгами, или особыми работами, независимо отъ тѣхъ, которыя крестьяне обязаны отбывать помѣщику за земли, отводимыя имъ, на основаніи пункта 7-го сей статьи, въ пользованіе, и за иныя, предоставленныя помѣщиками въ пользу крестьянъ, угодья или мѣстныя выгоды.

«5) Относительно владѣнія усадьбами можетъ быть постановлено, что выкупленныя крестьянами усадьбы должны переходить—по наслѣдству ли, или по даренію, или чрезъ продажу—только къ члену того же крестьянскаго мірскаго общества, или къ лицу, въ то общество принимаемому.

«6) Замѣнъ усадебъ отводомъ земли въ другихъ, въ томъ же имѣніи, мѣстахъ, съ перенесеніемъ туда крестьянскихъ строеній, можетъ быть допускаемъ, но не иначе какъ съ обоюднаго согласія помѣщика и крестьянъ и съ утвержденія тѣхъ особыхъ мѣстныхъ присутствій, которыя будутъ учреждены на основаніи новаго положенія.

«7) Изъ остальной земли, за отдѣленіемъ усадебной, предоставляется надлежащее, по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ, и соображаясь съ дѣйствующимъ нынѣ инвентарнымъ положеніемъ, количество земли въ пользованіе крестьянъ, для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязан-

ностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, за пользованіе коею крестьяне обязаны или отбывать для помѣщика натуральныя повинности и работы, или же платить помѣщику оброкъ деньгами, или произведеніями.

«8) Пашни и другія угодья, отведенныя въ пользованіе крестьянъ, должны постоянно оставаться въ распоряженіи міра. Замѣнъ оныхъ и всякія въ томъ перемѣны, сообразно потребностямъ обоюднаго хозяйства помѣщика и сельскаго общества, могутъ быть дозволены, по взаимному соглашенію. Недоумѣнія, могущія при семъ возникнуть, разрѣшаются также упомянутыми въ 6 пунктѣ мѣстными присутствіями.

«9) Не нарушая мірскаго устройства, слѣдуетъ сохранить каждому семейству право на надѣлъ землей въ пользованіе, сообразно принятому обычаю, по тяглямъ, или подворно, стараясь не допускать частаго передѣла и дробленія полей.

«10) Размѣръ выкупа усадебной осѣдлости опредѣляется оцѣнкой не одной усадебной земли, но и промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ.

«11) На этомъ же основаніи установляется и размѣръ оброка и повинностей натурою за отводимую въ пользованіе крестьянъ землю.

«12) Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, принявъ въ соображеніе мѣстные постановленія и обычаи, опредѣлить взаимныя права и обязанности членовъ крестьянскаго семейства, а также права наслѣдства усадебъ и тягловыхъ участковъ и условія, при которыхъ допускается раздѣлъ семей.

«13) Натуральныя повинности и работы отправляются по особымъ урочнымъ положеніямъ, кои должны быть составлены губернскими комитетами, разсмотрѣны и соглашены общей коммиссіей, на началахъ, сколь возможно простыхъ и несложныхъ, на основаніи существующаго инвентарнаго положенія; и

«14) Въ случаѣ неисправности во взносѣ оброка, крестьянинъ обращается на работы натурой. Независимо отъ сего, должны быть опредѣлены, съ надлежащею подробностію, мѣры, обезпечивающія исправное исполненіе крестьянами какъ денежныхъ, такъ и прочихъ повинностей помѣщику. Въ сихъ случаяхъ принимаются тоже въ соображеніе правила нынѣ дѣйствующаго инвентарнаго положенія.

«III. Вотчинная полиція оставляется помѣщику. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества. Завѣдываніе мірскими дѣлами каждаго общества и мірская расправа предоставляются мірскимъ сходамъ, или составленнымъ изъ крестьянъ мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщиковъ.

«IV. Для надзора за введеніемъ и соблюденіемъ новыхъ правилъ и для разбора недоразумѣній, могущихъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами, будутъ установлены особыя въ каждомъ уѣздѣ присутствія.

«V. Со введеніемъ новаго положенія, когда оно будетъ утверждено,

«1) Продажа, дареніе и всякое отчужденіе крестъ-

янъ безъ земли, равно и переселеніе крестьянъ, противъ воли ихъ, въ другія имѣнія—должны быть прекращены; а съ другой стороны крестьянамъ, до окончательнаго вступленія ихъ въ свободное состояніе, не можетъ быть дозволено оставлять имѣніе безъ разрѣшенія помѣщика, на землѣ коего они водворены.

«2) Во все время переходнаго состоянія, помѣщикамъ предоставляется право сдавать нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ, по соглашенію съ обществомъ, въ рекруты, или отдавать въ распоряженіе правительства, для переселенія въ другія губерніи, но не иначе, какъ съ утвержденія тѣхъ присутствій, кои будутъ по уѣздамъ образованы на основаніи новаго положенія; и

«VI. Въ составляемыхъ губернскими комитетами проэктахъ должны быть опредѣлены и указаны:

«1) Правила отправленія крестьянами рекрутской повинности. Поставка рекрутъ должна быть предоставлена самимъ обществамъ, съ утвержденія помѣщика.

«2) Способы обезпеченія народнаго продовольствія и исправнаго поступленія податей. Для сего, можетъ быть, было бы полезно лучшее устройство мірскихъ магазиновъ и учрежденіе общественныхъ запашекъ и мірскихъ капиталовъ; и

«3) Мѣры, необходимыя для утвержденія между крестьянами правилъ вѣры и нравственности, для распространенія между ними грамотности, полезныхъ ремеслъ, для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ, для пособія больнымъ и т. п.

Центральний Державний Музей ... ченка
№ 1060
БІБЛІОТЕКА
595

«Сообщая о всемъ этомъ вашему сіятельству, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, всѣ изложенныя выше соображенія мои передать, въ свое время, губернскимъ комитетамъ. Если комитеты, или впослѣдствіи общая коммисія, по мѣстнымъ уваженіямъ, признаютъ неудобнымъ принять которыя либо изъ этихъ соображеній, то я просилъ бы васъ поручить комитетамъ и коммисіи, въ своихъ окончательныхъ мнѣніяхъ, объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ».—Подписалъ министръ внутреннихъ дѣлъ С. Ланской.

Чтожь касается до заповѣдныхъ имѣній, то высочайше утвержденнымъ журналомъ *Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу*, 29 марта сего года, постановлено: сообщить губернскимъ комитетамъ, учрежденнымъ для составленія проэктовъ положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, что маіораты, или заповѣдныя наслѣдственныя имѣнія (*)—кромѣ лишь случаевъ, когда между помѣщиками оныхъ и крестьянами сихъ имѣній заключены особые формальные о ихъ освобожденіи договоры—должны

(*) Маіоратами, или заповѣдными имѣніями называются такія недвижимыя имущества, которыя, по смерти владѣльца, не дѣлятся поровну между всѣми законными прямыми его наслѣдниками, а переходятъ только къ одному изъ нихъ, по назначенію учредителя маіората, и не иначе, какъ съ высочайшаго утвержденія. Владѣлецъ такого имѣнія не вправѣ ни продать, ни заложить его, ни отчуждить отъ себя и своего рода какимъ либо инымъ способомъ.

подлежать тѣмъ же правиламъ, относительно порядка постепеннаго освобожденія сихъ крестьянъ, кои будутъ предположены по всѣмъ прочимъ помѣщичьимъ имѣніямъ, и что, слѣдовательно, и въ маіоратахъ крестьяне имѣютъ также пріобрѣсти личныя права, какъ и въ другихъ имѣніяхъ, и выкупить въ свою собственность усадебную осѣдлость.

Объ этой высочайшей волѣ министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ всѣхъ губернаторовъ.

Кромѣ того, въ именномъ его императорскаго величества высочайшемъ указѣ, данномъ 2-го марта сего года правительствующему сенату изображено:

«На основаніи утвержденнаго Нами 3-го іюня 1857 года устава о производствѣ десятой народной переписи, при составленіи ревизскихъ сказокъ въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, счетъ семьямъ дворовыхъ людей долженъ быть веденъ особо отъ семей крестьянскихъ.

«Въ видахъ уменьшенія на будущее время числа дворовыхъ людей, мы повелѣваемъ:

«Со времени подачи ревизскихъ по десятой народной переписи сказокъ, *помѣщичьихъ крестьянъ въ дворовые вновь не перечислять*; перечисленіе же дворовыхъ людей въ крестьяне, назначеніе крестьянъ въ разныя сельско-хозяйственныя должности оставить на прежнемъ основаніи.

«Правительствующій сенатъ имѣетъ слѣлать надлежащія распоряженія, къ приведенію сего въ исполненіе.»

Но еще прежде этого высочайшаго указа, государь императоръ, 8 января 1858 года, высочайше соизволилъ учредить, въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи и подъ своимъ предсѣдательствомъ, особый комитетъ, для разсмотрѣнія *постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи.*

Въ составъ сего комитета его императорское величество изволилъ назначить: предсѣдателя государственнаго совѣта, генералъ-адъютанта князя Орлова, съ тѣмъ, чтобы онъ заступалъ мѣсто предсѣдателя въ комитетѣ тогда, когда его императорское величество не соизволитъ самъ предсѣдательствовать въ ономъ, и членовъ государственнаго совѣта: его императорское высочество государя великаго князя Константина Николаевича, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Блудова, генералъ-адъютанта графа Адлерберга, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ—князя Гагарина, Ланскаго, барона Корфа и графа Панина, генералъ-адъютантовъ князя Долгорукова и Чевкина, генерала отъ инфантеріи Муравьева, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Брока и генералъ-адъютанта Ростовцова.

Производство дѣлъ по комитету государь императоръ изволилъ возложить на государственную канцелярію, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ государственнаго секретаря, тайнаго совѣтника Буткова, назначивъ въ помощь ему по сему дѣлу исправляющаго должность статсъ-секретаря государственнаго совѣта, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жуковскаго.

Его императорское величество высочайше изволилъ повелѣть означенный комитетъ именовать *Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу*.

Въ этомъ *Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу*, по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, составлена и разсмотрѣна подробная программа, то есть задача и перечень, занятій губернскихъ комитетовъ, учрежденныхъ изъ дворянъ—помѣщиковъ, для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Программа сія, по повелѣнію его императорскаго величества, должна быть принята въ руководство дворянскими комитетами.

Первоначальная обязанность, возложенная на губернскіе комитеты, заключается: 1) *въ изысканіи способовъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ*, на основаніяхъ, указанныхъ въ высочайшихъ рескриптахъ, и 2) *въ начертаніи общаго о семъ Положенія*.

По исполненіи сей обязанности, тѣ же комитеты будутъ призваны къ приведенію въ дѣйствіе *Высочайше утвержденныхъ Положеній;* затѣмъ имъ же, но въ меньшемъ составѣ, будетъ поручено и *начертаніе проэктовъ Общаго Сельскаго Устава*, долженствующаго опредѣлить всѣ подробности быта крестьянъ по новому ихъ устройству.

По такому кругу дѣйствій губернскихъ комитетовъ, занятія ихъ раздѣляются существенно *на три* періода.

1) Опредѣленіе въ особомъ проэктѣ Положенія

главныхъ началъ для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

2) Дѣйствительное исполненіе, *по каждому имѣнію*, сего положенія, когда оно удостоится высочайшаго утвержденія.

3) Начертаніе Сельскаго Устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта, или представленія необходимыхъ для сего матеріаловъ.

Для всѣхъ сихъ занятій предлагается слѣдующая общая программа.

Первый періодъ занятій: *изысканіе способовъ къ улучшенію быта крестьянъ и начертаніе проэкта Положенія.*

Занятія перваго періода раздѣляются на *предварительныя* и *окончательныя*.

Къ *предварительнымъ* занятіямъ относятся:

1) Собраніе свѣдѣній, и

2) Уѣздныя совѣщанія, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ таковыя предназначены.

По выборѣ членовъ въ губернскій комитетъ порядкомъ, для сего предписаннымъ, губернскій предводитель дворянства, какъ предсѣдатель сего комитета, составляетъ одну общую программу, по которой должны быть собраны свѣдѣнія о всѣхъ дворянскихъ имѣніяхъ. Программы эти, напечатанныя въ потребномъ числѣ экземпляровъ, разсылаются, чрезъ уѣздныхъ предводителей, во всѣ дворянскія имѣнія; а членамъ и кандидатамъ комитета поручается каждому, въ опредѣленномъ для него участкѣ, наблюсти чтобы

свѣдѣнія были составлены со всею вѣрностію и въ самый непродолжительный срокъ.

Мѣстныя обстоятельства каждой губерніи ближе всего укажутъ, какія именно свѣдѣнія будутъ нужны для работъ каждаго губернскаго комитета.

Въ общихъ видахъ, полезно имѣть возможно-близкія данныя по слѣдующимъ предметамъ:

1) Число душъ въ каждомъ имѣніи, по сказкамъ нынѣшней 10 народной переписи.

2) Раздѣленіе крестьянъ, относительно къ отправленію господскихъ повинностей, на тяглы и число тяголъ, или работниковъ.

3) Усадебное устройство ихъ, число усадьбъ, пространство земли подъ усадьбами.

4) Общее пространство земли въ каждомъ имѣніи: а) особо отмежеванныя земли, б) чрезполосныя.

5) Распредѣленіе поземельныхъ угодій между помѣщиками и крестьянами.

6) Отношенія общаго количества земли десятинами къ массѣ населенія по душамъ.

7) Отношенія крестьянскаго надѣла десятинами къ массѣ населенія по тяглямъ, или работникамъ.

8) Цѣнность усадьбъ: строеній и земли.

9) Цѣнность поземельныхъ угодій разныхъ наименованій: а) ходячая цѣна; б) наемная плата съ десятины; в) стоимость обработки; г) средній валовой доходъ съ десятины.

10) Промышленность крестьянъ: а) земледѣльческая; б) ремесленная; в) заводская и фабричная; г) извозы и проч.

11) Повинности крестьянъ: а) подати и оброки,

ихъ размѣръ и способы взиманія; б) натуральная повинность. Число рабочихъ дней, урочныя работы, приблизительная оцѣнка рабочаго дня: мужскаго пѣшаго, мужскаго коннаго или воловьяго, женскаго; сгонные дни и уплата за нихъ.

12) Дворовые: а) приписные къ домамъ и капиталамъ; б) причисленные къ населеннымъ имѣніямъ; в) раздѣленіе послѣднихъ на домашнюю прислугу и должностныхъ при хозяйствѣ. Число тѣхъ и другихъ по ревизіи и устройство экономическаго ихъ быта.

13) Изъ крестьянскаго населенія: писаря, конторщики, лѣсничіе, музыканты, пѣвчіе, псари, фельдшера, ветеринары, винокуры, садовники, огородники, сахароварры, селитроварры, мельники, пастухи, и проч.; число ихъ и устройство экономическаго ихъ быта.

14) Число грамотныхъ крестьянъ въ имѣніи и способы распространенія грамотности, нынѣ существующіе.

15) Экономическія и благотворительныя заведенія: мірскіе капиталы, сельскіе банки, запасные магазины, богадѣльни, больницы, дѣтскіе пріюты.

16) Банковые долги и податныя недоимки на имѣніяхъ. Сумма тѣхъ и другихъ къ 1-му января 1858 года.

Всѣ сіи свѣдѣнія соединяются въ одинъ общій сводъ по каждому уѣзду и, въ этомъ видѣ, вносятся въ губернскій комитетъ.

Уѣздныя совѣщанія дѣлаются при самомъ выборѣ членовъ и касаются только способовъ исполненія

основныхъ началъ, предначертанныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, и указаній, содержащихся въ циркулярныхъ предписаніяхъ министра внутреннихъ дѣлъ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, потребностями, промыслами и занятіями жителей уѣзда. Мнѣнія, на уѣздныхъ совѣщаніяхъ принятыя, представляются губернскому комитету (*).

«*Окончательныя* занятія губернскихъ комитетовъ въ первомъ періодѣ ихъ существованія заключаются:

«1) Въ составленіи общаго свода о настоящемъ положеніи дворянскихъ имѣній въ губерніи. Сводъ этотъ составляется изъ отдѣльныхъ сводовъ, которые будутъ представлены отъ каждаго уѣзда.

«2) Въ составленіи общаго свода предметамъ, обратившимъ на себя вниманіе дворянства при уѣздныхъ совѣщаніяхъ.

«3) Въ разсмотрѣніи и обсужденіи всѣхъ предметовъ, долженствующихъ войти въ составъ проэкта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Предметы сіи разсматриваются послѣдовательно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изложены ниже, и окончательное по каждому постановленіе вносится въ журналъ. Журналы сіи

(*) Само собою разумѣется, что предварительныя занятія не могутъ имѣть мѣста въ тѣхъ комитетахъ, которые уже открыты и приступили къ работамъ. Они могутъ, не прерывая своихъ занятій, собрать недостающія имъ свѣдѣнія и соединить всѣ свѣдѣнія въ одинъ общій сводъ.

составляются особою редакціонною коммиссіею, о которой сказано будетъ ниже, и въ послѣдствіи, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія занятій комитета, могутъ быть измѣняемы; но о каждой подобной перемѣнѣ долженъ быть постановленъ журналъ съ подробнымъ объясненіемъ уваженій, вызвавшихъ перемѣну и, наконецъ

«4) въ начертаніи самаго проэкта положенія. Трудъ этотъ поручается особой редакціонной коммиссіи, составленной изъ трехъ и не болѣе четырехъ членовъ комитета.

«Проэктъ, для удобнѣйшаго разсмотрѣнія и соображенія въ главномъ комитетѣ, имѣетъ по всѣмъ губерніямъ одну общую форму, съ раздѣленіемъ на главы, отдѣленія и параграфы.

«Параграфы содержатъ точное и ясное изложеніе установленныхъ правилъ, безъ всякихъ разсужденій и объясненій причинъ, побудившихъ принять то или другое положеніе.

«Причины сіи и уваженія, содержащіяся въ журналахъ, излагаются въ послѣдствіи, въ особой запискѣ (подъ заглавіемъ: Обзоръ основаній, принятыхъ при составленіи положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ) и присоединяются къ проэкту въ видѣ особаго приложенія.

«*Всѣ работы перваго періода, и предварительныя и окончательныя, продолжаются не долѣе шести мѣсяцевъ.*

«Самый проэктъ положенія имѣетъ слѣдующую форму:

ПОЛОЖЕНІЕ
ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ТАКОЙ-ТО ГУБЕРНІИ.

«I. Переходъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанные.

«II. Сущность срочно-обязаннаго положенія.

«III. Поземельныя права помѣщиковъ.

«IV. Усадебное устройство крестьянъ.

«V. Надѣлъ крестьянъ землею.

«VI. Повинности крестьянъ.

«VII. Устройство дворовыхъ людей.

«VIII. Образованіе сельскихъ обществъ.

«IX. Права и отношенія помѣщиковъ.

«X. Порядокъ и способы исполненія.

ГЛАВА I.
О ПЕРЕХОДѢ КРЕСТЬЯНЪ ИЗЪ КРѢПОСТНАГО СОСТОЯНІЯ ВЪ СРОЧНО-ОБЯЗАННЫЕ.

«Прекращеніе личнаго крѣпостнаго права на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ.

«Дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ, лично и по имуществу, всѣхъ правъ, присвоенныхъ другимъ податнымъ сословіямъ въ государствѣ. Исчисленіе сихъ правъ по Своду Законовъ.

«Наименованіе помѣщичьихъ крестьянъ *срочно-обязанными*.

ГЛАВА II.
Сущность срочно-обязаннаго положенія.

«Оставленіе крестьянъ, временно, крѣпкими къ землѣ.

«Воспрещеніе, до времени, перехода цѣлыми обществами или селеніями.

«Дозволеніе перехода въ другія сословія отдѣльно лицу или семейству.

«Отправленіе всѣхъ установленныхъ повинностей къ помѣщику.

«Крайній срокъ, назначенный для срочно-обязаннаго положенія (переходнаго состоянія), независящій отъ выкупа усадьбъ.

ГЛАВА III.

Поземельныя права помѣщиковъ.

«Неприкосновенность правъ собственности помѣщиковъ на всю землю.

«Хозяйственное устройство по усмотрѣнію.

«Право залога и продажи.

«Право помѣщика на минеральныя богатства, лѣса и воды во всѣхъ вообще земляхъ его имѣнія, кромѣ выкупленныхъ усадьбъ.

ГЛАВА IV.

Усадебное устройство крестьянъ.

«Въ чемъ заключается усадьба:

«1) Усадебныя строенія, и

«2) Усадебныя земли.

«Оцѣнка усадьбы.

«Право крестьянъ на пріобрѣтеніе усадьбъ въ собственность чрезъ выкупъ.

«Право крестьянъ пользованія ими до выкупа.

«Выкупъ усадьбъ по утвержденной оцѣнкѣ *вдругъ* или *постепенно*, деньгами или работою.

«Удобнѣйшіе способы для выкупа усадьбъ.

«Пользованіе потомственно усадьбою, съ платежемъ опредѣленныхъ процентовъ съ оцѣночной суммы и съ сохраненіемъ за крестьянами права выкупа, доколѣ они будутъ оставаться въ составѣ общества.

«Право продажи или передачи крестьянами усадьбъ только однимъ членамъ сельскаго общества или помѣщику съ согласія общества.

ГЛАВА V.

Надѣлъ, въ пользованіе, крестьянъ землею пахатною и другими угодьями.

«Основаніе надѣла по душамъ, тягламъ или работникамъ.

«Наименьшій размѣръ надѣла въ имѣніяхъ малоземельныхъ, среднеземельныхъ и многоземельныхъ.

«Какія имѣнія, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признаются малоземельными, какія среднеземельными и какія многоземельными.

«Опредѣленіе правъ крестьянскаго общества и членовъ его на пользованіе отведенною имъ землею.

«Право возведенія хозяйственныхъ строеній, съ согласія общества и помѣщика.

«Случаи перемѣны нарѣзанныхъ крестьянамъ земель и правила для сего постановляемыя (*).

(*) Увеличеніе поземельнаго надѣла въ послѣдствіи, по мѣрѣ приращенія населенія, зависитъ отъ обоюдныхъ условій помѣщика съ крестьянами, но не обязательно для помѣщика.

ГЛАВА VI.

Повинности крестьянъ.

«Раздѣленіе повинностей на двѣ категоріи: казенныя и помѣщичьи.

Отдѣленіе I.

КАЗЕННЫЯ ПОВИННОСТИ.

«Повинности денежныя.

«Повинности натуральныя.

«Способъ раскладки ихъ: по душамъ, тягламъ, работникамъ или поземельнымъ участкамъ.

«Порядокъ взиманія.

«Обезпеченіе исправнаго выполненія круговою отвѣтственностію сельскаго общества.

Отдѣленіе II.

ПОВИННОСТИ КЪ ПОМѢЩИКУ.

«Повинность денежная (оброкъ).

«Повинность натуральная (поденная работа).

«Повинность смѣшанная (оброкъ и поденная работа).

«Размѣръ ихъ, основанный на цѣнности усадьбъ, поземельныхъ угодій и промышленныхъ выгодъ мѣстности.

«Порядокъ отправленія повинностей.

«Опредѣленіе и введеніе урочныхъ работъ.

«Обезпеченіе исправности отправленія повинностей круговою отвѣтственностію сельскаго общества и мѣрами взысканія съ неисправныхъ.

«Служба крестьянъ, обученныхъ попеченіемъ помѣщиковъ, для разныхъ ремеслъ и хозяйственныхъ должностей.

«Степень вознагражденія ихъ за излишніе рабочіе дни, и срокъ ихъ службы.

ГЛАВА VII.

Устройство дворовыхъ людей.

Отдѣленіе I.

дворовые люди, приписанные къ домамъ и капиталамъ.

«Порядокъ обязательной ихъ службы.

«Жалованье и содержаніе ихъ.

«Способы и правила перехода въ свободныя сословія.

Отдѣленіе II.

дворовые люди, приписанные къ населеннымъ имѣніямъ.

«Дворовые люди, составляющіе домашнюю прислугу.

«Дворовые люди должностные при помѣщичьемъ хозяйствѣ.

«Порядокъ обязательной службы тѣхъ и другихъ.

«Жалованье и содержаніе ихъ.

«Способы и правила перехода въ свободныя сословія.

«Причисленіе дворовыхъ, по возможности, къ сельскимъ обществамъ, съ надѣленіемъ въ такомъ случаѣ землею.

«Призрѣніе стариковъ, вдовъ и сиротъ изъ дворовыхъ людей вообще.

ГЛАВА VIII.

Образованіе сельскихъ обществъ.

«Общества въ селахъ и деревняхъ единственнаго владѣнія.

«Общества въ селахъ и деревняхъ разнопомѣстнаго владѣнія.

«Соединеніе мелкопомѣстныхъ населеній въ одно общество или причисленіе ихъ къ большимъ населеніямъ.

«Наименьшій составъ общества, опредѣляемый числомъ душъ или усадьбъ.

«Распредѣленіе поземельныхъ угодій между членовъ и общества.

«Разверстка казенныхъ и господскихъ повинностей.

«Полицейское устройство въ обществахъ.

«Общественное управленіе, составъ его и предметы занятій.

ГЛАВА IX.

Права и отношенія помѣщиковъ.

«Присвоеніе помѣщику званія начальника общества.

«Права и отношенія его къ обществу:

«а) по сельскому благоустройству и порядку;

«б) по внутреннему управленію;

«в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами;

«г) по отправленію крестьянами повинностей;

«д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ.

ГЛАВА X.

Порядокъ и способы исполненія новаго положенія.

«Порядокъ исполненія по каждому имѣнію.

«Обязанность каждаго помѣщика составить для своего имѣнія письменный актъ, опредѣляющій подробности перехода крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанные, на точномъ основаніи положенія, для каждой губерніи высочайше утвержденнаго.

«Составленіе для подобныхъ актовъ общей формы.

«Подпись сего акта помѣщикомъ.

«Повѣрка, *на мѣстѣ*, сдѣланнаго помѣщикомъ акта членомъ губернскаго комитета.

«Разсмотрѣніе и утвержденіе сего акта губернскимъ комитетомъ.

«Объявленіе его и приведеніе въ исполненіе *самимъ помѣщикомъ*.

«Содѣйствіе, въ необходимыхъ случаяхъ, мѣстной полиціи и уѣздныхъ присутствій.

«Крайній срокъ для приведенія въ дѣйствіе всего вышеозначеннаго по всей губерніи.

«Строгое сохраненіе существующаго порядка по каждому имѣнію до перехода его въ срочно-обязанное положеніе.

«Составленный комитетомъ, такимъ образомъ, *проэктъ общаго положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ* подписывается всѣми членами и представляется, установленнымъ порядкомъ, министру внутреннихъ дѣлъ. Къ проэкту присоединяются, въ видѣ приложеній:

«1) Обзоръ основаній, принятыхъ при составленіи положенія. Основанія сіи излагаются кратко. Тутъ же, гдѣ будетъ нужно, объясняются причины, по которымъ комитетомъ не приняты тѣ или другія указанія, содержащіяся въ циркулярахъ министра внутреннихъ дѣлъ.

«2) Сводъ предметовъ, обратившихъ на себя вниманіе дворянства при уѣздныхъ совѣщаніяхъ.

«По отправленіи сихъ бумагъ первая часть занятій комитета считается конченною; комитетъ временно закрывается, и вся переписка, которая можетъ встрѣтиться до новаго открытія комитета, производится отъ лица губернскаго предводителя, какъ предсѣдателя комитета.

«*Второй періодъ* занятій комитета.

«*Дѣйствительное исполненіе положенія, комитетомъ составленнаго, когда оно удостоится Высочайшаго утвержденія.*

«Немедленно по полученіи въ каждой губерніи высочайше утвержденнаго положенія, губернскій

предводитель дворянства открываетъ вновь присутствіе комитета, который въ первыхъ засѣданіяхъ опредѣляетъ весь порядокъ исполненія. Сюда относятся:

«Разсылка экземпляровъ положенія и формы акта, въ каждый уѣздъ, по числу дворянскихъ имѣній.

«Опредѣленіе порядка повѣрки членами комитета частныхъ актовъ, помѣщиками составленныхъ.

«Разсмотрѣніе сихъ актовъ въ губернскомъ комитетѣ.

«Утвержденіе ихъ губернскимъ комитетомъ.

«Обращеніе ихъ чрезъ уѣздныя присутствія помѣщикамъ для исполненія.

«Надзоръ уѣздныхъ предводителей и уѣздныхъ присутствій за дѣйствительнымъ исполненіемъ помѣщиками сихъ актовъ.

«Разрѣшеніе случаевъ, которые могутъ встрѣтиться при исполненіи.

«Подготовленіе матеріаловъ для составленія подробнаго сельскаго устава.

«*Примѣчаніе.* Помѣщикамъ предоставляется лично присутствовать въ губернскомъ комитетѣ при разсмотрѣніи частныхъ актовъ, ими составленныхъ.

«*Третій періодъ* занятій комитетовъ:

«*Начертаніе сельскаго устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта, или представленіе необходимыхъ для сего матеріаловъ.*

«Для этой части занятій подробныя программы могутъ быть составлены только передъ самымъ приступомъ къ работѣ, когда потребности новаго

устройства ближе и яснѣе обозначутся практическимъ дѣйствіемъ новаго положенія. Посему губернскіе комитеты и обязаны внимательно наблюдать за ходомъ всего дѣла и отмѣчать всѣ тѣ случаи и обстоятельства, на которые нужно будетъ обратить вниманіе при составленіи сельскаго устава.

Подписали: *Князь Орловъ.*
Константинъ.
Графъ В. Адлербергъ.
Князь Павелъ Гагаринъ.
Сергій Ланской.
Графъ В. Панинъ.
Князь В. Долгоруковъ.
Михаилъ Муравьевъ.
Константинъ Чевкинъ.
Іаковъ Ростовцовъ.
Александръ Княжевичъ.
Государственный Секретарь *В. Бутковъ*».

Не объ однихъ помѣщичьихъ крестьянахъ позаботился нашъ добрый государь: Онъ простеръ милость свою и на крестьянъ удѣльныхъ. Въ 20 день іюня сего года, послѣдовалъ высочайшій указъ, съ новыми правилами во 1-хъ, о переходѣ удѣльныхъ крестьянъ въ городскія и другія свободныя сельскія состоянія и во 2-хъ, о ходатайствѣ по тяжебнымъ, исковымъ и вообще гражданскимъ дѣламъ удѣльныхъ крестьянъ съ лицами другихъ состояній.

Въ этомъ указѣ, который далъ государь министру императорскаго своего двора и удѣловъ, графу Адлербергу, говорится такъ:

«Желая даровать удѣльнымъ крестьянамъ личныя по имуществу права, предоставленныя прочимъ свободнымъ сельскимъ сословіямъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ:

«1) Отмѣнивъ существующія въ законѣ и въ удѣльныхъ правилахъ ограниченія, на основаніи коихъ удѣльные крестьяне пріобрѣтали въ собственность и отчуждали ненаселенныя земли, не иначе какъ съ разрѣшенія департамента удѣловъ и именемъ онаго, а также съ разрѣшенія сего департамента располагали лѣсомъ на собственныхъ своихъ земляхъ, предоставить впредь удѣльнымъ крестьянамъ право по своему усмотрѣнію пріобрѣтать въ собственность, всѣми законными способами, отъ лицъ своего и другихъ состояній, ненаселенныя земли, равно какъ и отчуждать, кому пожелаютъ, собственныя земли свои; совершать своимъ именемъ установленные для того акты и вообще располагать пріобрѣтенными такимъ образомъ землями и всѣмъ находящимся на поверхности и внутри оныхъ, на правахъ полной собственности. При семъ вмѣнить удѣльнымъ крестьянамъ только въ обязанность о пріобрѣтеніи и отчужденіи земли предварительно объявлять каждый разъ мѣстному удѣльному приказу, гдѣ таковой есть. По совершеннымъ, до сего времени, именемъ департамента удѣловъ, актамъ на собственныя земли удѣльныхъ крестьянъ, сдѣлать надлежащія, на имена владѣльцевъ, передачи.

«2) Вмѣсто дѣйствовавшихъ донынѣ установленій, по коимъ переходъ удѣльныхъ крестьянъ въ

мѣщане допускался лишь изъ имѣній малоземельныхъ, а въ купцы только въ случаѣ предъявленія значительнаго капитала, и взималось съ каждой мужской наличной души переходящаго семейства: при перечисленіи въ купечество по 1500 руб. сер., а въ мѣщанство по 600 рублей серебромъ, распространить на удѣльныхъ крестьянъ законъ, установленный по сему предмету для крестьянъ государственныхъ и, на основаніи утвержденныхъ нами, у сего прилагаемыхъ, правилъ, дозволить удѣльнымъ крестьянамъ, съ разрѣшенія ихъ начальства и по исполненіи установленныхъ обязанностей къ мірскому обществу, переходить въ городскія и другія свободныя сельскія сословія, съ тѣмъ, чтобы переходящіе въ городскія сословія уплачивали въ пенсіонный капиталъ для отставныхъ солдатъ, возвращающихся въ удѣльныя имѣнія, такой же сборъ, какой взимается съ крестьянъ государственныхъ, а именно: переходящій въ купечество сорокъ рублей серебромъ, а въ мѣщанство пятнадцать рублей серебромъ; съ прочихъ же ревизскихъ душъ перечисляющагося семейства половину сего, то есть: при переходѣ въ купечество по двадцати рублей, а въ мѣщанство по семи рублей пятидесяти копѣекъ серебромъ съ каждой.

«3) Дозволить безвозмездно вдовамъ и дочерямъ удѣльныхъ крестьянъ выходить замужъ за людей другихъ сословій.

«4) Въ отмѣну постановленій, по коимъ во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, касающихся удѣльныхъ крестьянъ, ходатайствовали и отвѣчали удѣльные стряп-

чіе, а самимъ крестьянамъ ходить по судамъ или имѣть своихъ повѣренныхъ воспрещалось, разрѣшить впредь удѣльнымъ крестьянамъ, въ ихъ тяжбахъ, искахъ и вообще гражданскихъ дѣлахъ съ лицами другихъ вѣдомствъ, ходатайствовать лично въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ, съ тѣмъ, чтобы по дѣламъ мірскихъ обществъ имѣли хожденіе только люди, назначенные сими обществами, съ разрѣшенія начальства оныхъ. Независимо отъ сего предоставить удѣльнымъ крестьянамъ, ежели они пожелаютъ, просить о порученіи означенныхъ дѣлъ ихъ ходатайству удѣльныхъ стряпчихъ, при чемъ вмѣнить въ обязанность удѣльнымъ конторамъ и удѣльнымъ стряпчимъ, на основаніи нами утвержденныхъ и у сего прилагаемыхъ правилъ, оказывать удѣльнымъ крестьянамъ, по дѣламъ ихъ въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ, защиту и покровительство, а тамъ, гдѣ удѣльныхъ стряпчихъ нѣтъ, возложить сію обязанность, согласно статьѣ 2184-й Тома X Свода Законовъ Гражданскихъ (изданія 1842 года), на мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ стряпчихъ.

«5) Предоставить удѣльнымъ крестьянамъ совершать всѣ обязательства и договоры, а равно духовныя завѣщанія на основаніи законовъ, существующихъ для крестьянъ государственныхъ, и всѣ письменныя сдѣлки удѣльныхъ крестьянъ между собою свидѣтельствовать въ удѣльныхъ приказахъ, по примѣру волостныхъ правленій государственныхъ имуществъ, и

«6) Всѣ означенныя мѣры распространить въ равной степени на бывшихъ пахатныхъ солдатъ, состоящихъ въ удѣльномъ завѣдываніи.

ПРАВИЛА

О ПЕРЕХОДѢ УДѢЛЬНЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ГОРОДСКІЯ И ДРУГІЯ СВОБОДНЫЯ СЕЛЬСКІЯ СОСТОЯНІЯ.

«1) Удѣльнымъ крестьянамъ предоставляется право переходить въ городскія сословія и въ другія свободныя сельскія состоянія, какъ семействами, такъ и отдѣльными лицами, съ разрѣшенія начальства своего.

«2) Переходящее семейство, или лицо, обязано испросить отъ своего мірскаго общества увольнительный приговоръ, по установленной формѣ, съ удостовѣреніемъ: а) что семейство переходящее, или къ коему принадлежитъ переходящій, не состоитъ на первыхъ двухъ рекрутскихъ очередяхъ, или, состоя на очереди, представило наемника или зачетную квитанцію; б) что на семействѣ нѣтъ податныхъ и другихъ недоимокъ, а также частныхъ долговъ и что всѣ сборы уплачены до 1-го января слѣдующаго года; в) что перечисляющіеся не состоятъ подъ слѣдствіемъ и судомъ. Затѣмъ въ мірскихъ приговорахъ на увольненіе отдѣльныхъ лицъ, или части семейства, присовокупляется удостовѣреніе: г) что родители на перечисленіе согласны, или что перечисляющійся ихъ не имѣетъ; д) что въ остающейся части семейства нѣтъ малолѣтныхъ и такихъ, которые бы

оставались безъ родителей и средствъ пропитанія, или въ противномъ случаѣ, что содержаніе ихъ обезпечено перечисляющеюся частію семейства. Наконецъ въ приговорахъ на переходъ въ городскія сословія удостовѣряется: е) что перечисляющійся не принадлежитъ къ раскольническимъ сектамъ, коимъ переходить въ городское общество воспрещено.

Примѣчаніе. Недостигшіе совершеннолѣтія, т. е. двадцати одного года отъ рожденія, допускаются къ перечисленію въ городскія сословія только съ родителями и родственниками, при семействѣ коихъ состоятъ; отдѣльный же переходъ ихъ воспрещается.

«3) Лица женскаго пола получаютъ приговоры, съ удостовѣреніемъ только о согласіи родителей, или что таковыхъ нѣтъ, и о томъ, что просящая перечисленія не состоитъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, а при переходѣ въ городскія состоянія, также о непринадлежности къ раскольничьимъ сектамъ.

«4) Ежели не существуетъ вышеозначенныхъ причинъ, препятствующихъ переходу въ другія сословія, и желающій перечислиться исполнилъ всѣ установленныя обязанности въ отношеніи къ своему мірскому обществу, то общество сіе не въ правѣ никому отказать въ выдачѣ увольнительнаго приговора; въ противномъ случаѣ, по жалобѣ просителя, удѣльная контора можетъ собрать всѣ требуемыя свѣдѣнія и выдать свидѣтельство отъ себя.

«5) Увольнительные приговоры мірскаго обще-

ства свидѣтельствуются мѣстнымъ удѣльнымъ приказомъ.

«6) Перечисляющіеся въ мѣщанское и сельское сословія, по полученіи увольнительнаго приговора, должны испросить отъ того общества, куда желаютъ поступить, пріемный приговоръ. Если при этомъ переходящій въ мѣщане внесетъ впередъ годовую подать, то общество не въ правѣ отказать ему въ согласіи на пріемъ. Крестьяне, перечисляющіеся прямо въ купечество, равно лица женскаго пола, переходящія въ другія сословія, освобождаются отъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ.

«7) Перечисляющееся семейство, или лицо, получивъ приговоръ, представляетъ оный при просьбѣ въ удѣльную контору, безъ вѣдома которой не можетъ быть совершенъ переходъ. При семъ прилагаютъ: перечисляющійся однимъ лицомъ въ купечество *сорокъ* рублей, а въ мѣщанство *пятнадцать* рублей сер. въ пользу пенсіоннаго капитала для отставныхъ нижнихъ чиновъ, возвратившихся въ удѣльныя имѣнія; перечисляющіеся же въ составѣ семейства или въ числѣ нѣсколькихъ членовъ, вносятъ полную сумму только за себя, а за прочихъ членовъ семейства мужескаго пола половину оной, именно: при переходѣ въ купечество по *двадцати* руб., а въ мѣщанство по *семи* руб. *пятидесяти* коп. сер. за каждую ревизскую душу. Съ перечисляющихся въ другія сельскія сословія означеннаго взноса не взимается.

«8) Удѣльная контора о перечисленіи просите-

лей входитъ неупустительно въ сношеніе съ казенною палатою; но о переходящихъ въ другое сельское состояніе неиначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ тѣмъ вѣдомствомъ, въ которое желаетъ перейти проситель, и если со стороны сего вѣдомства не окажется препятствій. Внесенная же сумма присоединяется къ упомянутому пенсіонному капиталу.

«9) Казенная палата, на основаніи представленныхъ документовъ, перечисляетъ просителей въ избранное сословіе съ 1 января слѣдующаго года, и въ то же время исключаетъ изъ оклада по прежнему состоянію.

«10) До настоящаго утвержденія перечисляющагося удѣльнаго крестьянина, онъ не освобождается ни отъ платежа податей и отправленія всѣхъ повинностей по селенію, ни отъ обязанности, въ случаѣ отлучки изъ селенія, имѣть узаконенный паспортъ на прожитіе.

ПРАВИЛА

О ХОДАТАЙСТВѢ ПО ТЯЖЕБНЫМЪ, ИСКОВЫМЪ И ВООБЩЕ ГРАЖДАНСКИМЪ ДѢЛАМЪ УДѢЛЬНЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ СЪ ЛИЦАМИ ДРУГИХЪ СОСТОЯНІЙ.

«1) Для предупрежденія, по возможности, тяжбы и исковъ удѣльныхъ крестьянъ съ лицами другихъ состояній, удѣльныя конторы и удѣльные стряпчіе должны стараться примирять спорящихъ, не допуская ихъ до производства дѣла въ судебныхъ мѣстахъ; предлагать имъ, между прочимъ,

разбираться и третейскимъ судомъ по совѣсти, или по закону, на основаніи существующихъ правилъ.

«2) Если примиреніемъ искъ не прекратится и на третейское разбирательство спорящіе не изъявятъ согласія, то дѣло поступаетъ, по предъявленному прошенію, въ судебное мѣсто, гдѣ и производится по общимъ правиламъ судопроизводства.

«3) По производству тяжбъ, исковъ и вообще гражданскихъ дѣлъ съ лицами другихъ состояній, удѣльнымъ крестьянамъ дозволяется лично ходатайствовать въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ, съ тѣмъ, что по дѣламъ обществъ могутъ имѣть хожденіе только лица, которыя будутъ для того назначены по мірскимъ приговорамъ, съ разрѣшенія удѣльной конторы.

«4) Удѣльные крестьяне могутъ быть повѣренными, какъ крестьянъ своего вѣдомства, такъ и постороннихъ лицъ, но съ вѣдома удѣльной конторы.

«5) Вмѣстѣ съ правомъ личнаго ходатайства, удѣльнымъ крестьянамъ предоставляется, по производству въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ ихъ собственныхъ исковыхъ, тяжебныхъ и гражданскихъ дѣлъ, прибѣгать подъ защиту и покровительство удѣльныхъ конторъ и удѣльныхъ стряпчихъ, а также департамента удѣловъ.

«6) Стряпчій, распросивъ подробно крестьянъ о существѣ дѣла, обязанъ давать имъ совѣты и наставленія, могущіе служить къ бо̀льшему объясне-

нію правъ ихъ и къ достиженію скорѣйшаго по закону удовлетворенія.

«7) Стряпчій предупреждаетъ крестьянъ о всѣхъ обрядахъ, какіе по производству тяжбъ и исковъ въ судебныхъ мѣстахъ должны быть наблюдаемы, и наставляетъ ихъ о непропущеніи сроковъ для начатія дѣла, для рукоприкладства, подписанія неудовольствія, выслушанія рѣшеній и принесенія частныхъ и апелляціонныхъ жалобъ.

«8) Стряпчему вмѣняется въ обязанность, по просьбѣ удѣльныхъ крестьянъ, просматривать, исправлять и сочинять имъ прошенія и жалобы, но подавать ихъ отъ своего имени воспрещается.

«9) Въ случаяхъ медленности и проволочки дѣла, удѣльный стряпчій, а если встрѣтится надобность и удѣльная контора, настаиваютъ, чрезъ уѣздныхъ стряпчихъ и губернскихъ прокуроровъ, о скорѣйшемъ разрѣшеніи дѣла.

«10) Удѣльная контора строго наблюдаетъ, чтобы удѣльный стряпчій объясненныя выше обязанности исполнялъ съ точностію и неуклонно.

«11) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ удѣльнаго начальства, ходатайство по дѣламъ удѣльныхъ крестьянъ возлагается на уѣздныхъ стряпчихъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для стряпчихъ удѣльныхъ.» *(Сен. Вѣд. № 55.)*

Было бы весьма затруднительно во всей подробности перечислять всѣ благодѣтельныя мѣры, которыми ознаменованы четыре первые года царствованія нынѣшняго Государя. Изъ всемилости-

вѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года, всѣмъ православнымъ стало вѣдомо, что государь императоръ соизволилъ дать свое царское слово четыре года къ ряду не дѣлать новой солдатчины, развѣ Господу Богу угодно будетъ наслать на Россію какое либо новое испытаніе войною съ врагомъ чужеземнымъ. Не будетъ войны—четыре года не будетъ и солдатчины, потому что теперь настаютъ для Россіи дни, когда «Милость и Истина срѣтостася, Правда и Миръ облобызастася». Теперь государь помышляетъ лишь о томъ, какъ бы въ судахъ водворить правду, въ сердцахъ народа—любовь къ Богу и любовь къ ближнему, а въ умахъ нашихъ всѣ наши понятія освѣтить лучомъ науки. Для облегченія всѣхъ нашихъ нуждъ, для усиленія сближеній нашихъ другъ съ другомъ, задумано устранить дороговизну; приняты мѣры какъ бы удешевить всѣ товары, которые идутъ на потребу православному народу; предпринята постройка желѣзныхъ дорогъ *на первый разъ* до *пяти тысячь верстъ;* велѣно улучшить другія дороги и расчистить рѣки; болѣе чѣмъ на *семь тысячь верстъ*, устроены отъ Петербурга во всѣ концы Россіи телеграфы, по которымъ, на случай нужды, можно, по благословенію Божію, въ одну минуту передать вѣсти за тысячу верстъ, чего нельзя достигнуть ни съ какой почтой, ни съ какой чугункой; заведено множество страннопріимныхъ заведеній и богадѣленъ, положено прочное начало къ повсемѣстному водворенію просвѣщенія, и дано множество новыхъ за-

коновъ, благихъ для нашихъ православныхъ братій и для всѣхъ нашихъ согражданъ.

Чтобъ сколько нибудь яснѣе понять, что̀ сдѣлано добраго въ послѣднее время, мы перечислимъ здѣсь тѣ новые царскіе указы и законы, какіе обнародованы въ нынѣшнемъ году со дня рожденія государя и до дня его именинъ, то есть съ 17-го апрѣля по 30-е августа.

Начнемъ съ того, что̀ всему служитъ началомъ, и вспомнимъ слова священнаго писанія: «Страхъ Божій есть начало Премудрости». Ибо кто не боится Бога, то есть, кто не страшится суда своей собственной совѣсти — того не вразумитъ никакая человѣческая премудрость.

Наши православные христіане нерѣдко забываютъ христіанскую обязанность посѣщать храмы Божіи. Многимъ помѣхой тому служатъ немощи и заботы житейскія, а другіе сваливаютъ вину на то, что храмъ Божій отъ деревни далеко. Многіе благочестивые люди подумывали-было о томъ, чтобъ сколотить деньгу̀ всѣмъ міромъ и отъ избытковъ своихъ построить Церковь Христову въ своей деревенькѣ. Но отъ *желанія* и до *исполненія* дорога длинная: о благочестивыхъ помыслахъ доводилось до свѣдѣнія начальства; по этому случаю заводились дѣла, возникала переписка, тянулась она очень долго, тянулась до самаго Петербурга, часто на нѣсколько-тысячь верстъ и на нѣсколько тысячь дней. Больно стало сердцу Цареву, что христіанскія желанія благочестивыхъ жертвователей не скоро выполняются: и вотъ Онъ даетъ

нынѣ указъ, чтобъ въ Питеръ за разрѣшеніемъ не отписываться, а чтобы во всѣхъ епархіяхъ, архіереи, собственною властію и окончательно, разрѣшали дѣла о постройкѣ новыхъ Церквей и объ учрежденіи новыхъ приходовъ.—Объ этомъ полномъ благословеніи и разрѣшеніи своемъ, архіереи обязаны уже послѣ доносить въ Питеръ, Святѣйшему Сѵноду, на тотъ конецъ, чтобы вновь построеннымъ Церквамъ назначить разряды и изыскать способы къ содержанію церковныхъ причтовъ. *(Сен. Вѣд. № 61).*

Послѣ обязанности просвѣщать себя словомъ Божіимъ, на каждомъ православномъ христіанинѣ лежитъ и еще важный долгъ: просвѣщать свой умъ познаніями. Вотъ почему нынѣ губернскимъ комитетамъ, учрежденнымъ, какъ давича уже было сказано, для составленія правилъ объ улучшеніи и устройствѣ быта крестьянъ, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ данъ крѣпкій царскій наказъ: изыскать, опредѣлить и указать мѣры для распространенія между крестьянами грамотности, утвержденія между ними правилъ вѣры и нравственности и изученія разныхъ полезныхъ знаній. Независимо отъ этого, въ промежутокъ времени отъ 17-го апрѣля по 30-е августа сего года, вотъ какія учреждены у насъ въ Россіи заведенія:

— Повелѣно устроить *двадцать-два* новыя училища военнаго вѣдомства, въ разныхъ городахъ Россіи, на *десять тысячь учениковъ*, въ число которыхъ, вмѣстѣ съ дворянами и съ дѣтьми

чиновниковъ, будутъ преимущественно предъ всѣми принимаемы сыновья отставныхъ нижнихъ чиновъ и сыновья, прижитые нижними воинскими чинами во время состоянія на службѣ. Училище кантонистовъ болѣе не существуетъ и самое званіе кантонистовъ почти уже уничтожилось; во вновь же заводимыя училища военнаго вѣдомства набираютъ учениковъ по доброй ихъ волѣ, для того, чтобъ образовать ихъ и приготовить изъ нихъ топографовъ, словорѣзовъ, граверовъ, учителей гимнастики, кондукторовъ и писарей, кто куда будетъ, по годности, назначенъ.

Эти новыя двадцать два училища учреждаются:

Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Псковѣ, въ селѣ Медвѣдѣ новгородской губерніи, въ Ярославлѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Кіевѣ и въ Казани, на *восемь-сотъ учениковъ* каждое, а всего въ восьми училищахъ *шесть тысячь четыреста.*

Въ Воронежѣ и въ Чугуевѣ на *четыреста* учениковъ въ каждое: стало быть, всего *восемь-сотъ человѣкъ.*

Въ десяти городахъ—въ Архангельскѣ, въ Смоленскѣ, въ Вознесенскѣ, въ Перми, въ Вольскѣ, въ Симбирскѣ, въ Оренбургѣ, въ Омскѣ, въ Тобольскѣ и въ Иркутскѣ положено быть въ каждомъ по 250 человѣкъ: стало быть, всего *двѣ тысячи пять-сотъ.*

Въ Астрахани и въ Томскѣ будетъ по *полутораста учениковъ* въ каждомъ, всего *триста.*

Итого для перваго раза десять тысячь учениковъ. Дѣти должны быть не моложе 12-ти и не

старше 16-ти лѣтъ; отъ тѣхъ, кто моложе 14-ти лѣтняго возраста, не требуется никакихъ познаній, а кто старше 14-ти лѣтъ—тотъ долженъ умѣть по-русски читать и писать. Ихъ на казенный счетъ поятъ, кормятъ, обуваютъ, одѣваютъ и разнымъ наукамъ обучаютъ.

Начальство усердно слѣдитъ какъ за успѣхами учениковъ въ наукахъ, такъ и за ихъ нравственностію и поведеніемъ: хорошихъ награждаютъ, дурныхъ, нерадивыхъ и виновныхъ наказываютъ. Въ наказаніяхъ должна быть, какъ и во всемъ, умная сноровка. Жестокосердіемъ и сильными побоями ничего сдѣлать нельзя, во-первыхъ потому, что жестокость противна заповѣди Господней: «блаженъ иже и скоты милуетъ», а во-вторыхъ потому, что жестокостью ничего не возьмешь, — только человѣка озлобишь, а побоями не только ребенку ума не прибавишь, но еще и послѣдніе признаки Божьяго дарованія изъ него выколотишь. Для этого-то и сѣется въ сердцѣ человѣка сѣмя добра, для этого и заставляютъ его работать умомъ и чутко прислушиваться къ голосу совѣсти, чтобъ изъ добраго сѣмени съ юныхъ лѣтъ зародились и вызрѣли добрые плоды; чтобъ человѣкъ самъ понималъ что̀ хорошо, что̀ дурно; чтобъ онъ не дѣлалъ дурнаго не для того, что дурное запрещено, что за дурное наказываютъ, а чтобъ онъ не дѣлалъ дурнаго потому, что онъ самъ, по доброй волѣ, не хочетъ дурнаго дѣлать. Собственная совѣсть должна быть для него превыше всякихъ постороннихъ побужденій, превыше всѣхъ

приказаній, превыше всякаго закона, потому что чистая совѣсть есть голосъ самого Бога. Вотъ почему въ новомъ законѣ объ училищахъ военнаго вѣдомства положено при наградахъ и наказаніяхъ принимать въ уваженіе не только успѣхи въ наукахъ, но и способности ученика, его прилежаніе, нравъ, поведеніе при учителяхъ и безъ учителей, обращеніе съ товарищами, даже опрятность и бережливость. Наказанія виновному идутъ въ слѣдующей постепенности: сначала ограничиваются однимъ устнымъ замѣчаніемъ; на кого слово не дѣйствуетъ, того лишаютъ на одинъ день одного кушанья, одного блюда; кому этого мало, того въ праздники не отпускаютъ къ родственникамъ; кому и это неймется, того записываютъ на черную доску; неисправимаго послѣ этого наказанія сажаютъ подъ арестъ на-хлѣбъ на-воду, а если кого ничто не беретъ, на кого не дѣйствуютъ никакія усовѣщиванія, того подвергаютъ *легкому исправительному наказанію:* это ужь послѣдній предѣлъ наказанія. Побои строжайше запрещены; жестокосердію нѣтъ мѣста: начальство заботится затронуть самолюбіе ученика, развить въ немъ понятіе чести, заставить говорить въ немъ голосъ совѣсти. Разумѣется, это бываетъ въ такомъ уже возрастѣ, когда ученикъ вышелъ изъ ребяческихъ лѣтъ. Поэтому, ученики въ среднихъ и верхнихъ классахъ, неподающіе никакой надежды къ исправленію въ поведеніи, или вовсе неспособные къ наукамъ, исключаются изъ училища и возвращаются родителямъ и родствен-

никамъ; а если ихъ у ученика нѣтъ, то его обращаютъ въ то сословіе, къ которому онъ принадлежитъ по происхожденію. (*Сен. Впд.* № *67*).

При императорскомъ московскомъ воспитательномъ домѣ учреждены:

Во первыхъ. Повивальный институтъ, съ цѣлію образовать знающихъ свое дѣло повивальныхъ бабокъ. Онъ состоитъ: 1) изъ 40 кбазенныхъ воспитанницъ, пользующихся содержаніемъ на счетъ суммъ заведенія; 2) изъ 15 крестьянскихъ учениць, принимаемыхъ за особую плату и 3) изъ приходящихъ ученицъ.

Въ *казенныя воспитанницы* принимаются недостаточныя дѣвицы, жены и вдовы, безъ различія званій, но преимущество предъ всѣми отдается тѣмъ, кто воспитывался въ московскомъ николаевскомъ сиротскомъ институтѣ.

Крестьянскихъ ученицъ положено *пятнадцать*. Онѣ туда поступаютъ по распоряженію казенныхъ мѣстъ и помѣщиковъ и должны быть не моложе 20 и не старѣе 30 лѣтъ, здороваго тѣлосложенія, безъ тѣлесныхъ недостатковъ и понятливы къ дѣлу; грамотныя принимаются предпочтительнѣе неграмотныхъ. Срокъ ихъ ученія продолжается не менѣе двухъ и не болѣе трехъ лѣтъ. За полное содержаніе, то есть за пищу, одежду и обувь и за обученіе крестьянокъ платится по 50 руб. сер. въ годъ. Содержаніе имъ полагается самое простое, чтобы онѣ не отвыкали отъ крестьянскаго быта; въ свободное отъ занятій время, ихъ заставляютъ работать наравнѣ съ нянъками и дру-

гою женскою прислугою. Крестьянки, которыя въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцовъ окажутся неспособными къ обученію, а равно и тѣ, которыя будутъ вести себя порочно, отсылаются обратно на счетъ тѣхъ, кто ихъ въ институтъ представилъ. Прилежно окончившимъ свое ученіе, крестьянкамъ выдается бумага за печатью о томъ, хорошо ли онѣ знаютъ свое дѣло и можно ли на нихъ роженицамъ полагаться. *(Сен. Вѣд. № 32.)*

Во вторыхъ. Фельдшерская школа, съ цѣлію образовать знающихъ свое дѣло фельдшеровъ для казенныхъ имѣній. Въ этой школѣ полагается имѣть двадцать учениковъ изъ крестьянскихъ дѣтей. Пріемъ бываетъ ежегодно 1-го августа. Мальчики должны быть не моложе 14 и не старѣе 17 лѣтъ, понятливы и здороваго сложенія. Плата за нихъ со всѣмъ содержаніемъ, пищей, одеждой и обувью назначена по 60 руб. въ годъ; деньги эти вносятся за каждое полугодіе впередъ; если ученикъ выбудетъ изъ школы ранѣе срока, то внесенныя за ученіе его деньги не возвращаются.

Содержаніе учениковъ въ школѣ примѣняется къ будущимъ ихъ занятіямъ въ деревняхъ; поэтому пища имъ дается простая крестьянская; спятъ они, вмѣсто кроватей, на нарахъ; носятъ платье зимой — чекмени изъ темнозеленаго, а шаровары изъ сѣраго солдатскаго сукна, а лѣтомъ шаровары даются имъ холстинные, а чекмени китайчатые.

Ученики учатся въ школѣ: закону Божію и церковному пѣнію, чтенію, красивому письму и раз-

нымъ счетамъ и вычисленіямъ; ихъ обучаютъ всѣмъ правиламъ нашего роднаго языка и учатъ всему тому, что̀ нужно знать хорошему фельдшеру. Ученіе продолжается четыре года; каждый годъ въ іюнѣ мѣсяцѣ ихъ выспрашиваютъ обо всемъ томъ, что̀ они въ теченіи года выучили; кто дурно учится, или дурно ведетъ себя, тѣ изъ школы исключаются и ужь въ другой разъ въ нее приняты быть не могутъ; а кто хорошо кончитъ свое ученіе, тѣмъ выдается бумага за печатью въ томъ, что они удостоены званія старшаго или младшаго фельдшера: по этой бумагѣ ихъ опредѣляютъ въ казенныя селенія или въ заведенія, подвѣдомственныя опекунскому совѣту, и при этомъ въ награду и на обзаведеніе выдаютъ старшимъ фельдшерамъ по 90 руб., а младшимъ по 50 руб. сер. Кто бывъ опредѣленъ по вѣдомству опекунскаго совѣта и въ другія казенныя заведенія, усердно прослужитъ 15 лѣтъ, тотъ получаетъ званіе лекарскаго помощника, и вмѣстѣ съ тѣмъ чинъ коллежскаго регистратора и дѣлается уже «ваше благородіе». *(Сен. Вѣд. № 63.)*

Государь императоръ 30 мая высочайше повелѣлъ учредить въ городахъ женскія училища, въ которыхъ бы ученицы получали такое религіозное, нравственное и умственное образованіе, какого должно требовать отъ каждой честной женщины, въ особенности же отъ доброй жены и хорошей матери семейства. Въ училищахъ этихъ ученицы жить не будутъ, а только станутъ каждый день приходить туда въ извѣстные часы дня

для уроковъ; въ остальное время онѣ не разлучаются съ семействами и находятся подъ надзоромъ родителей, которымъ и помогаютъ въ ихъ трудахъ и занятіяхъ. Училища эти открываются въ *городахъ*, и будутъ двухъ разрядовъ: въ однихъ станутъ учить вкратцѣ тому, что̀ дѣвицамъ знать нужно, а въ другихъ—попространнѣе; плата въ первыхъ 25, а въ послѣднихъ 35 руб. въ годъ. *(Сен. Вѣд. № 52.)*

Кромѣ училищъ, учреждаемыхъ теперь въ Россіи для образованія нашихъ дѣтей, у насъ начинаютъ усиливаться и развиваться и разныя общества, съ цѣлію распространить науку и знанія между людьми взрослыми, сдѣлать мудрость житейскую доступною для простаго темнаго человѣка, и дать ему средства наглядно понять то великое благо, какое вносятъ въ его бѣдную жизнь лучи просвѣщенія, какой бы простой предметъ они собой ни озаряли.

Таково, напримѣръ, смоленское общество сельскаго хозяйства. Оно составилось для того именно, чтобы распространить и усовершенствовать сельскую промышленность и вообще хозяйство, а въ особенности то, что̀ наиболѣе свойственно смоленской губерніи. Общество это состоитъ изъ членовъ — почетныхъ, дѣйствительныхъ и такъ называемыхъ корреспондентовъ. Въ дѣйствительные члены избираются, по преимуществу, жители смоленской губерніи, извѣстные своими свѣдѣніями въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности: они вносятъ въ годъ по 10 руб. сер., на

общественныя издержки. Въ члены-корреспонденты, то есть въ простые ревнители, не обязанные денежными взносами и трудящіеся изъ усердія, когда имъ самимъ вздумается, избираются люди всѣхъ сословій: они исполняютъ порученія общества по мѣрѣ своихъ силъ и доставляютъ ему разныя свѣдѣнія, относящіяся до сельскаго хозяйства. Общество заботится о собраніи самыхъ подробныхъ свѣдѣній: 1) о земледѣліи, скотоводствѣ, лѣсоводствѣ, садоводствѣ и другихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства; 2) о сдѣланныхъ уже испытаніяхъ къ усовершенствованію отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства и о ихъ послѣдствіяхъ, и 3) о сбытѣ мѣстныхъ произведеній. Оно заботится, между прочимъ, образовать хорошихъ хозяевъ и знатоковъ дѣла, которые бы могли и съумѣли улучшать, совершенствовать и распространять свое хозяйство и давать полезные къ тому совѣты другимъ; оно учреждаетъ выставки сельскихъ произведеній, печатаетъ полезныя сочиненія по разнымъ отраслямъ хозяйства, старается пріобрѣтать улучшенныя сѣмяна, орудія и машины и намѣревается безденежно, или за умѣренную плату раздавать другимъ сѣмяна хлѣбовъ и растеній, орудія, животныхъ и прочее; учреждаетъ образцовыя заведенія, открываетъ публичныя чтенія, то есть такія бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ, на которыя безплатно всякій волент приходить и слушать умныя рѣчи и наставленія, и раздаетъ, за успѣхи, похвальные листы, награды и медали. *(Сел. Вѣд. № 44.)*

— Другое подобное же общество заведено въ Петербургѣ. Оно называется россійское общество садоводства. Цѣль его: развитіе всѣхъ отраслей садоводства, усовершенствованіе способовъ разведенія садовыхъ растеній, содѣйствіе къ высшему образованію садовниковъ и распространеніе полезныхъ для садоводства знаній. Это общество печатаетъ разныя сочиненія по садоводству, устраиваетъ для публики выставки растеній, плодовъ и овощей и выдаетъ награды. *(Сел. Вѣд. № 61.)*

Кромѣ разныхъ ученыхъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, у насъ въ Россіи существуютъ уже общества благотворительныя и нынче учреждаются еще новыя.

Такое общество недавно основано въ городѣ Новогрудкѣ, Минской губерніи. Цѣль его: 1) призрѣніе въ учрежденномъ собственными его средствами заведеніи—престарѣлыхъ и увѣчныхъ бѣдныхъ людей обоего пола, христіанскаго исповѣданія и 2) призрѣніе безпріютныхъ сиротъ мужескаго пола и малолѣтныхъ сыновей бѣдныхъ родителей изъ дворянъ. Число всѣхъ призрѣваемыхъ, *на первый разъ*, ограничивается восьмнадцатью человѣками. Правомъ на призрѣніе пользуются бѣдные люди, въ особенности: 1) дряхлые и увѣчные, неимѣющіе никакого пристанища и 2) увѣчные крестьяне изъ тѣхъ имѣній, изъ которыхъ ежегодно доставляются въ заведеніе хлѣбъ и съѣстные припасы. *(Сел. Вѣд. № 35).*

Въ городѣ Одессѣ съ 1-го февраля 1857 года существуетъ женское благотворительное обще-

ство. Нынѣшнимъ лѣтомъ обнародовано высочайше утвержденное дополненіе къ его уставу. Изъ него видно, что общество это содержитъ на своемъ иждивеніи три заведенія: *одно* для призрѣнія сиротъ, съ особымъ при немъ отдѣленіемъ для сиротъ-младенцевъ; *другое* для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ женщинъ, а *третье* служитъ пріютомъ для иновѣрцовъ, готовящихся къ святому крещенію, и для другихъ лицъ, нуждающихся въ убѣжищѣ. Сверхъ того, оно оказываетъ пособіе бѣднымъ, по мѣрѣ своихъ денежныхъ средствъ и надобности. Въ этомъ же третьемъ заведеніи, въ страннопріимномъ домѣ, дается пріютъ и убѣжище благочестивымъ поклонникамъ Святаго Гроба, задерживаемымъ въ городѣ Одессѣ по какимъ нибудь обстоятельствамъ.

(Сен. Вѣд. № 48).

— Въ Москвѣ, при тамошнемъ воспитательномъ домѣ, учреждены родильные госпитали для пріема беременныхъ женщинъ, ожидающихъ близкаго разрѣшенія и принужденныхъ, въ этомъ положеніи, искать призрѣнія. Здѣсь, по волѣ государя императора Александра Николаевича, доставляется родильницамъ, безъ всякой платы, по одному христіанскому милосердію, полное содержаніе: удобство помѣщенія, бѣлье, пища, прислуга, ухаживанье и возможное пособіе въ родахъ и другихъ болѣзняхъ, впредь до полнаго выздоровленія.

Госпиталей такихъ тутъ два: законно-родильный и секретно-родильный.

Въ законно-родильный госпиталь принимаются

бѣдныя замужнія женщины на девятомъ мѣсяцѣ беременности; послѣ разрѣшенія отъ бремени имъ дозволяется пробыть здѣсь еще двѣ недѣли и укрѣпиться въ силахъ; инымъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, даютъ здѣсь пріютъ и болѣе продолжительный. Если родильница, несмотря на слабость и видимую опасность для здоровья, не слушая увѣщаній главнаго доктора (акушера) и повивальной бабки, захотѣла бы выписаться изъ госпиталя, то ей этого не возбраняютъ, но, для очистки совѣсти, записываютъ въ книгу, что такая-то женщина выпущена противъ увѣщаній начальства, по собственному упорному желанію.

Въ секретно-родильный госпиталь принимается каждая приходящая беременная женщина, въ какое бы время дня или ночи она ни потребовала убѣжища и помощи. Такихъ несчастныхъ женщинъ не распрашиваютъ кто онѣ такія и какъ ихъ зовутъ; паспортовъ вовсе не требуютъ; но если случится, что имя и званіе родильницы какимъ нибудь манеромъ сдѣлались бы извѣстными, то тайну ихъ начальство обязано хранить свято и не выдавать никому. Рожениць, желающихъ сохранить втайнѣ свой грѣхъ, распредѣляютъ по разнымъ комнатамъ, смотря потому, простая ли это женщина, или непростаго рода, безчувственна ли она къ своему проступку, или сердце ея неиспорчено и стыдливость томитъ ее. Имъ всѣмъ одинаково предоставляется право, когда здоровье ихъ находится въ опасномъ положеніи, объявить директору, въ

присутствіи священника, кто онѣ таковы, въ чемъ нуждаются и чего желаютъ на случай, если Господу угодно будетъ призвать ихъ къ себѣ. Родильницамъ дается на волю брать новорожденныхъ дѣтей своихъ на свое попеченіе, или отдать въ воспитательный домъ; но во всякомъ случаѣ, во все пребываніе въ госпиталѣ, родильницы обязаны, при возможности, сами кормить своихъ младенцевъ, а за это имъ производится та же плата, какая положена кормилицамъ воспитательнаго дома. Для крещенія незаконныхъ дѣтей, по желанію матерей, въ заведеніи, приглашается священникъ. На дѣтей, которыхъ матери возьмутъ на свое попеченіе, выдаются свидѣтельства. Въ законно-родильномъ госпиталѣ, матери не имѣютъ права оставлять дѣтей на попеченіе воспитательнаго дома.

(Сен. Вѣд. № 32).

— Въ Москвѣ же, тоже при воспитательномъ домѣ, учреждена богадѣльня на сорокъ человѣкъ мужчинъ и на шестьдесятъ лицъ женскаго пола, не моложе четырнадцати-лѣтняго возраста. Въ нее принимаются: 1) увѣчные, или одержимые неизлечимыми болѣзнями питомцы и питомицы московскаго воспитательнаго дома, какъ въ вѣдѣніи его состоящіе, такъ и получившіе уже увольнительныя свидѣтельства; равно глухонѣмые, если они, по выпускѣ изъ училища глухонѣмыхъ, будутъ имѣть нужду въ призрѣніи; и 2) престарѣлые служители и служительницы заведеній, подвѣдомственныхъ опекунскому совѣту. Призрѣваемые въ богадѣльнѣ пользуются отъ нея полнымъ со-

держаніемъ. Богадѣленные, согласно ихъ желанію, могутъ быть увольняемы въ отпускъ; но еслибы кто нибудь изъ нихъ былъ уволенъ на продолжительный срокъ, то на его мѣсто поступаетъ другой, кто изъ желавшихъ поступить въ богадѣльню числился первымъ на очереди; уволенный въ продолжительный отпускъ можетъ снова поступить въ богадѣльню только тогда, когда до него дойдетъ новая очередь. *(Сен. Вѣд. № 63).*

Для удобства переселенія лицъ *свободнаго состоянія* изъ одного края Россіи въ другой, съ цѣлію не временной только перемѣны жительства, а постояннаго водворенія на новомъ мѣстѣ, состоялись слѣдующія высочайшія государя императора повелѣнія:

— Въ Закавказскомъ краѣ разрѣшено впредь допускать на земляхъ владѣльческихъ, по взаимнымъ условіямъ, не однихъ только нѣмецкихъ колонистовъ, но и всѣхъ другихъ переселенцовъ, какого бы вѣроисповѣданія они ни были, какъ находящихся уже въ краѣ и еще не причисленныхъ, такъ и вновь туда прибывающихъ.

(Сен. Вѣд. № 46).

— Всѣхъ лицъ податнаго состоянія, поступающихъ въ казачьи войска Восточной Сибири, и умершихъ членовъ семействъ ихъ повелѣно исключать изъ оклада податей и повинностей по тѣмъ обществамъ, въ которыхъ они до того состояли, распространивъ это правило и на тѣ лица, которыя уже зачислены въ казачье сословіе.—Этимъ правомъ давно уже пользовались однодворцы, мѣ-

щане и государственные крестьяне, по желанію своему поступавшіе въ астраханское казачье войско и въ кавказскіе линѣйные казаки.—Казачьи войска Восточной Сибири суть: енисейскій казачій конный полкъ, иркутскій казачій конный полкъ и забайкальское казачье войско. (*Сен. Вѣд.* № *43*).

— По верхнему теченію рѣки Урала и въ Киргизской степи отведены земли оренбургскому казачьему войску. Въ степи много еще есть мѣстъ незанятыхъ осѣдлымъ русскимъ населеніемъ. Въ нынѣшнемъ году главному начальнику оренбургскаго края высочайше разрѣшено — приселять къ прежнимъ и заводить новыя казачьи станицы изъ казаковъ и изъ тѣхъ казенныхъ крестьянъ, которые, переселясь изъ малоземельныхъ губерній, поступятъ въ казачье сословіе, въ такомъ только случаѣ, если при этомъ не потребуется денежныхъ расходовъ изъ войсковыхъ капиталовъ. (*Сен. Вѣд.* № *50.*)

Коснувшись военнаго званія, перейдемъ отъ казаковъ къ рядовымъ солдатамъ и, прежде всего, скажемъ о новыхъ законахъ касательно найма въ рекруты и выдачи, въ разныхъ случаяхъ, зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій.

Прежде, наемка рекрута сопряжена была со множествомъ хлопотъ, весьма обременительныхъ для крестьянства. Нынѣ государь далъ новый на этотъ счетъ законъ, по которому наниматься въ рекруты разрѣшается всякому, кто того пожелаетъ, лишь бы то былъ не дворянинъ и не лицо, достигшее на службѣ офицерскаго или клас-

снаго чина: всѣмъ прочимъ, имѣющимъ по закону право избирать себѣ родъ жизни, никакого на это запрета нѣтъ.—Тотъ кто нанимается, или и добровольно идетъ за кого нибудь въ рекруты, *не обязывается приписаться къ сословіямъ и обществамъ нанимателей.*

Къ найму въ рекруты не допускаются: 1) всякій, кто по лѣтамъ, росту и здоровью считается, по рекрутскимъ правиламъ, негоднымъ для военной службы; 2) кто состоитъ подъ слѣдствіемъ или судомъ уголовнымъ, 3) кто прежде былъ подъ судомъ по подозрѣнію въ человѣкоубійствѣ или въ участіи съ убійцею и отъ этого подозрѣнія совершенно неочистившіеся; 4) военные бѣглецы, прощенные всемилостивѣйшимъ манифестомъ и 5) иностранцы, принявшіе присягу на подданство, но прочно въ Россіи еще не водворившіеся.

Наниматься можно за всѣхъ, подлежащихъ рекрутской повинности, кромѣ послѣдователей сектъ, признанныхъ особенно вредными, и кромѣ евреевъ.

Условія наемщиковъ съ нанимателями совершаются при посредствѣ *всякой казенной палаты, къ какой бы то губерніи, или области, сами наемщики, или ихъ наниматели, ни принадлежали и безъ всякой приписки ихъ къ сословію и обществу нанимателей.*

Бумага эта пишется и свидѣтельствуется казенною палатою, *безотлагательно*, на гербовомъ листѣ.

Съ принятіемъ наемщика рекрутскимъ присут-

ствіемъ въ службу, эти написанныя условія считаются утвержденными.

По пріемѣ, наемщикъ получаетъ отъ палаты условленную сумму найма съ росписко̀ю въ томъ на договорѣ, за исключеніемъ тѣхъ денегъ, которыя онъ самъ назначилъ въ пользу своего семейства: деньги эти семейство само, или чрезъ довѣреннаго своего, получаетъ изъ палаты, а наниматель беретъ къ себѣ изъ палаты зачетную квитанцію.

Но прежде чѣмъ наниматель получитъ эту квитанцію, онъ обязанъ внесть въ уѣздное казначейство:

Во 1-хъ, если наемщикъ былъ изъ числа людей, обязанныхъ избрать себѣ родъ жизни въ податныхъ сословіяхъ—*пятьдесятъ рублей серебромъ*, въ видѣ возмездія дохода, который государственное казначейство могло бы получать съ наемщика до новой ревизіи, по его приписк̀ѣ; и

Во 2-хъ, на обмундировку, провіантъ и жалованье для наемщика — *пятнадцать рублей серебромъ*.

Если наемщикъ былъ свободенъ отъ тѣлеснаго наказанія, то онъ и во все время службы тѣлесному наказанію не подвергается. А если, кромѣ того, онъ, по своему происхожденію, былъ свободенъ отъ податей, рекрутства и другихъ личныхъ повинностей, и этого права не потеряетъ на службѣ, по судебному приговору, за какое нибудь преступленіе, то и онъ, и всѣ дѣти его на-

всегда сохраняютъ себѣ это право свободы отъ тѣлесныхъ наказаній и личныхъ повинностей. *(Сен. Вѣд. № 42).*

— На счетъ выдачи зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій за убылыхъ ратниковъ 198 дружинъ бывшаго государственнаго подвижнаго ополченія, высочайше повелѣно:

I. Всѣхъ тѣхъ урядниковъ и ратниковъ 198 дружинъ перваго призыва, которые не возвратились еще въ первобытное состояніе, и не возвратятся въ свои домы до окончанія *десятой* народной переписи, и которые, по ревизскимъ сказкамъ, будутъ показаны «сданными въ ополченіе и изъ него невозвратившимися,» считать *убылыми* въ походахъ и выдать за нихъ зачетныя рекрутскія квитанціи.

II. *Десятилѣтній срокъ* на искъ о выдачѣ этихъ квитанцій, *считать*, для подачи о томъ просьбъ, *со времени окончанія десятой народной переписи.*

III. Квитанціи зачетныя выдаются казенными палатами, съ разрѣшенія губернаторовъ, по подачѣ просьбъ о томъ помѣщиковъ или обществъ, со взысканіемъ только гербовыхъ пошлинъ.

IV. Зачетныя квитанціи за людей, сданныхъ изъ помѣщичьихъ имѣній, поступаютъ въ распоряженіе помѣщика, а за людей, поступившихъ въ ополченіе изъ другихъ сословій—онѣ идутъ въ собственность семействъ, къ которымъ убылые люди принадлежали.

V. Если послѣ этого, то есть послѣ подачи ревизскихъ сказокъ, и послѣ выдачи изъ казенной

палаты квитанцій, ратникъ или урядникъ бывшаго ополченія возвратится, то въ помѣщичьихъ имѣніяхъ самъ помѣщикъ, а въ городахъ и селеніяхъ—ихъ непосредственное начальство обязаны въ четырехъ-недѣльный срокъ, послѣ явки сихъ людей, возвратить въ казенную палату зачетную квитанцію и дополнительныя ревизскія сказки.—Если же урядникъ или ратникъ возвратится послѣ зачета квитанціи по набору, или когда квитанція законнымъ порядкомъ передана уже будетъ другому лицу или семейству, то помѣщики, или общества, въ замѣнъ квитанціи, обязаны представить рекрута натурою.—Кто этого не исполнитъ, тотъ подвергается, кромѣ штрафа въ 75 руб. сер., взысканію за необъявленіе о явившихся ратникахъ, какъ за прописныхъ, по уложенію.

VI. Но если урядникъ, или ратникъ возвратится въ первобытное состояніе лишь послѣ истеченія *пяти лѣтъ* со времени выдачи за него рекрутской квитанціи, тогда штрафа не полагается и не требуется ни возврата квитанціи, ни поставки рекрута натурою.

VII. Жены тѣхъ урядниковъ, ратниковъ и казаковъ, которые при расформированіи дружинъ и полковъ, добровольно перешли въ военную службу, слѣдуя за мужьями, становятся солдатскими женами.

VIII. Вдовы тѣхъ убылыхъ урядниковъ и ратниковъ, о смерти коихъ есть положительныя свѣдѣнія, могутъ вступать вновь въ законное супружество.

IX. Женамъ тѣхъ ратниковъ и урядниковъ, ко-

торые отъ командъ своихъ сдѣлали побѣгъ и въ теченіи пяти лѣтъ не пойманы, дозволяется просить о расторженіи брака и о вступленіи въ новое законное супружество и

X. Жены тѣхъ убылыхъ ратниковъ и урядниковъ, относительно коихъ нѣтъ положительныхъ свѣдѣній ни о смерти, ни о побѣгѣ, могутъ просить о расторженіи брака и о разрѣшеніи вступить въ новое супружество не прежде, какъ по прошествіи десяти лѣтъ со времени пропажи безъ вѣсти или взятія въ плѣнъ ихъ мужей.

Правила эти повелѣно распространять и на охотниковъ бывшаго стрѣлковаго полка императорской фамиліи. (*Сен. Вѣд.* № *36*).

За людей ставропольской губерніи, увлеченныхъ въ плѣнъ, убитыхъ, изувѣченныхъ (получившихъ увѣчье, не позволяющее заниматься работами) и смертельно раненыхъ горными инородцами, когда люди сіи по лѣтамъ годны были въ рекруты, зачетныя рекрутскія квитанціи высочайше повелѣно выдавать изъ казенной палаты, съ разрѣшенія главнаго на Кавказѣ и за Кавказомъ начальства. (*Сен. Вѣд.* № *53*).

— Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Оставивъ въ своей силѣ высочайшее повелѣніе, въ ноябрѣ 1857 года состоявшееся — о дозволеніи увольнять изъ военнаго вѣдомства поступившихъ на службу солдатскихъ сыновей, имѣвшихъ до изданія всемилостивѣйшаго манифеста 26-го августа 1856 года возрастъ моложе

двадцати лѣтъ,—опредѣлить для подачи просьбъ отъ родителей и родственниковъ, о возвратѣ означенныхъ солдатскихъ сыновей, срокъ 1-е августа текущаго года, и за симъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, о возвращеніи коихъ просьбы къ означенному сроку не поступятъ, считать оставшимися въ службѣ *добровольно*.

2) Такимъ нижнимъ чинамъ срокъ обязательной службы назначить *двѣнадцать лѣтъ* со дня поступленія на службу, но не ранѣе какъ съ шестнадцатилѣтняго ихъ возраста, если они на службу поступили моложе этого; и

3) Дозволить теперь же принимать въ службу на этихъ правахъ, въ писаря, фельдшера, кондукторы, топографы, граверы, словорѣзы, мастера и подмастерья артиллерійскаго дѣла, музыканты и тому подобныя должности, такихъ солдатскихъ сыновей, исключенныхъ уже изъ военнаго вѣдомства, которые подадутъ о томъ просьбы и окажутся къ продолженію службы въ означенныхъ должностяхъ способными. (*Сен. Вѣд.* № *49*).

— Правила объ увольненіи изъ горнаго вѣдомства дѣтей нижнихъ воинскихъ чиновъ, служащихъ на заводахъ и другихъ учрежденіяхъ горнаго вѣдомства, изъ вѣдомства экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, дѣтей тамошнихъ мастеровыхъ, а изъ адмиралтейскаго вѣдомства всѣхъ охтенскихъ поселянъ, для приписки ихъ въ городскія и сельскія податныя сословія распубликованы въ 32, 35 и 54 №№ сенатскихъ вѣдомостей и служатъ дополненіемъ къ прежнимъ

указамъ, которыми освобождены изъ военнаго сухопутнаго, морскаго и инженернаго вѣдомствъ сыновья тамошнихъ нижнихъ чиновъ.

Высочайше повелѣно:

1) Наблюденіе за своевременною приписью къ свободнымъ податнымъ состояніямъ солдатскихъ и матросскихъ дѣтей, состоящихъ при безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ нижнихъ чинахъ, при матеряхъ, родственникахъ и посторонних лицахъ гражданскаго вѣдомства, а равно и выдача такимъ солдатскимъ и матросскимъ дѣтямъ паспортовъ до приписки, возлагается на городскія и земскія полиціи; наблюденіе же за исполненіемъ сего относительно дѣтей, находящихся при отцахъ, состоящихъ на службѣ, поручается ближайшему ихъ начальству.

2) Въ причисленіи солдатскихъ и матросскихъ дѣтей къ податнымъ сословіямъ, руководствоваться правилами, установленными для вольноотпущенныхъ, то есть, дозволять имъ причисляться къ обществамъ *безъ согласія обществъ, съ двухлѣтнею въ платежѣ податей и повинностей льготою и съ освобожденіемъ отъ рекрутства на пять лѣтъ.*

3) Писать просьбы о причисленіи солдатскихъ и матросскихъ дѣтей въ свободныя податныя сословія и всѣ дѣла о томъ производить не на гербовой, а *на простой бумагѣ, безъ взысканія гербовыхъ пошлинъ.* (*Сен. Вѣд.* № 47.)

4) Всѣхъ отставныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ и семейства ихъ освободить отъ платежа пени за по-

дачу ревизскихъ сказокъ въ теченіи дополнительнаго срока, и самыя дополнительныя сказки, вмѣсто гербовой бумаги, принимать отъ нихъ на установленныхъ для ревизіи бланкахъ. *(Сен. Вѣд. № 68.)*

Теперь мы поведемъ рѣчь о новыхъ указахъ на счетъ торговли и промысловъ.

Въ городѣ Слободскомъ, вятской губерніи, учреждена новая ярмарка и измѣнены сроки существовавшихъ уже тамъ прежде сего трехъ ярмарокъ. Такимъ манеромъ, теперь ярмарки въ Слободскомъ будутъ: новая, или *первая*, четырехъ-дневная, въ великомъ посту; она должна начинаться съ четверга середокрестной недѣли и оканчиваться въ пятое воскресенье великаго поста; *вторая*, бывшая прежде въ десятое воскресенье по пасхѣ, должна начинаться въ четвергъ десятой недѣли по пасхѣ и оканчиваться въ понедѣльникъ слѣдующей недѣли; *третья*, происходившая въ первое воскресенье послѣ Вздвиженья, должна теперь идти съ четверга до понедѣльника, а *четвертая*, Екатерининская, продолжится тоже четыре дня, съ 21-го по 25-е ноября, то есть съ утра дня входа во храмъ Пресвятыя Богородицы до вечера Екатеринина дня. *(Сен. Вѣд. № 33.)*

— На ярмарки, которыя бываютъ въ городахъ Харьковѣ и Сумахъ, высочайше разрѣшено евреямъ, записаннымъ въ купечество по первой и по второй гильдіямъ, привозить иностранные товары, но только для продажи оптомъ. *(Сен. Вѣд. № 49.)*

— Въ приморскихъ нашихъ губерніяхъ, архангельской, астраханской и другихъ, многіе изъ по-

селянъ и особенно изъ мѣщанъ, владѣютъ собственными мореходными судами, кораблями. Прежде былъ такой законъ, что ни одно судно не могло выйдти въ море до тѣхъ поръ, пока особо приставленное начальство его не освидѣтельствуетъ. Теперь государь повелѣлъ этотъ законъ отмѣнить и высочайше соизволилъ, чтобы свидѣтельство корабля, или мореходнаго судна, производилось только тогда, когда пожелаютъ или самъ хозяинъ судна, или управляющій кораблемъ, или тотъ человѣкъ, который корабль или судно нанимаетъ подъ грузъ, или тѣ лица, которыя принимаютъ его на свой страхъ. *(Сен. Вѣд. № 36.)*

— Всѣмъ нашимъ согражданамъ, а особенно мѣщанамъ и крестьянамъ, которые на собственный коштъ снаряжаютъ суда для промысла рыбы и тюленей въ такъ называемыхъ Вольныхъ Водахъ, или въ Эмбенскихъ промыслахъ Каспійскаго моря, вѣроятно, очень любопытно будетъ узнать, что государь повелѣлъ прекратить крейсированіе военныхъ судовъ въ Эмбенскихъ рыболовныхъ водахъ и отмѣнить всѣ законы, въ которыхъ про то говорится. (*Сен. Вѣд. № 44.*)

— Всѣ промышляющіе сплавомъ и торговлею лѣсныхъ матеріаловъ и издѣлій, конечно, весьма порадуются новой царской милости, которою устранены въ нашихъ законахъ неудобоисполнимыя мелочи, обряды и формальности, столь долго стѣснявшіе лѣсопромышленниковъ. Нынѣ государь императоръ, впредь до кореннаго измѣненія законовъ о сплавѣ лѣса, высочайше повелѣлъ, въ

видѣ временной мѣры, допустить чрезъ лѣсныя заставы разновременный пропускъ лѣсовъ и лѣсныхъ издѣлій *по одному и тому же сплавному билету*.—По царскому указу, теперь ужъ не требуется, чтобы въ сплавномъ билетѣ обозначалось: во сколькихъ плотахъ, или судахъ, лѣса отпускаются? а велѣно только прописывать въ билетѣ вообще: число деревъ, родъ ихъ, мѣру и названіе, то есть строеваго лѣса—бревенъ, брусьевъ, кряжей, досокъ — столько-то; или же издѣлій — ободьевъ, полозьевъ, осей, спицъ, ступицъ, обручей—столько-то, или же дровъ столько-то сажень.

(Сен. Вѣд. № 44.)

— Къ слову о сплавѣ лѣсовъ, прибавимъ заодно и новый законъ о замѣнѣ судовыхъ тетрадей расчетными листами. На всѣхъ вообще *свободныхъ водахъ* Имперіи, гдѣ караваны идутъ отъ мѣстъ нагрузки, до мѣстъ перегрузки или выгрузки, условія судохозяевъ съ *поставщиками рабочихъ*, или съ подряжаемыми десятскими, подробно излагаются въ заключенныхъ между ними контрактахъ: слѣдовательно, при контрактѣ судовыя тетради дѣлаются уже совершенно излишни. Теперь онѣ, по царскому указу, вовсе отмѣняются вездѣ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, на шлюзахъ, гдѣ сходочные, или коренные рабочіе берутся безъ контракта. Во всякомъ случаѣ, есть ли контрактъ, нѣтъ ли—хозяева судовъ, или ихъ приказчики, обязаны снабжать судорабочихъ расчетными листами, которые уже давно введены на фабрикахъ, на заводахъ и на золотыхъ промыслахъ, и которые

служатъ безспорнымъ документомъ въ денежныхъ счетахъ хозяевъ съ рабочими. *(Сен. Вѣд. № 52.)*

— Для удобствъ судопромышленниковъ и вѣрнѣйшей охраны судовъ, плавающихъ чрезъ порожистую часть рѣки Шексны, высочайше повелѣно учредить постоянное общество шекснинскихъ лоцмановъ, для провода судовъ чрезъ Ниловецкіе пороги. Въ это общество допускаются жители прибрежныхъ на рѣкѣ Шекснѣ селеній, которые для этого обязаны представить дозволительное свидѣтельство отъ міра и, кромѣ того, удостовѣреніе мѣстнаго водянаго начальства въ знаніи своего дѣла. За проводъ барокъ чрезъ Ниловецкіе пороги, они получаютъ отъ судопромышленниковъ по рублю серебромъ съ каждаго судна. Плата эта утверждена на три года, а послѣ того, глядя по надобности, можетъ быть увеличена, или уменьшена. Шекснинскіе лоцмана, виновные въ нарушеніи своихъ обязанностей, подлежатъ той же отвѣтственности, какъ и члены всѣхъ другихъ лоцманскихъ обществъ, съ давнихъ поръ учрежденныхъ по другимъ рѣкамъ въ Россіи. Законы о взысканіяхъ съ такихъ лоцмановъ изложены въ статьяхъ 1,551—1,557 уложенія о наказаніяхъ, съ которыми мы господъ читателей нашихъ, современемъ, и познакомимъ. *(Сен. Вѣд. № 33.)*

— Высочайше повелѣно пустопорожнія городскія мѣста въ городѣ Саратовѣ отдавать подъ торговыя помѣщенія не иначе, какъ съ торговъ, на точномъ основаніи законовъ; съ городскихъ же мѣстъ, занятыхъ уже частными помѣщеніями,

взимать, въ пользу города, отъ 60 копеекъ до 4 рублей 35 копеекъ за каждую квадратную сажень, сообразно выгодамъ, сими мѣстами приносимымъ. Правильное и уравнительное распредѣленіе этого сбора возложено на ближайшую отвѣтственность мѣстной городской думы.

(Сен. Вѣд. № 55.)

— Сборы въ пользу городовъ, по высочайшему государя императора повелѣнію, учреждены въ послѣднее время:

Во *Владимірѣ*—каждый содержатель постоялаго двора и подворья обязанъ вносить, въ срокъ съ новаго-года до Евдокеина-дня, по 3^0_0 (процента), то есть по три копейки съ рубля суммы, которую онъ платитъ за наемъ дома, гдѣ помѣщается его заведеніе; а если домъ этотъ у него свой, то три копѣйки съ рубля онъ вноситъ съ того капитала, въ какой помѣщеніе это будетъ оцѣнено законнымъ порядкомъ. Кто просрочитъ съ Евдокеина дня до Семенова-дня, тотъ платитъ пеню, по одному проценту въ мѣсяцъ, то есть по копейкѣ съ рубля полнаго сбора въ мѣсяцъ; а кто и Семеновъ день пропуститъ, съ того взыскивается уже не одиночный, а двойной сборъ. *(Сен. Вѣд. № 33.)*

Въ *Петрозаводскѣ*—каждый проживающій здѣсь иногородный мастеровой и ремесленникъ ежегодно вноситъ въ пользу города 2 рубля; мелочной торговецъ по 1 рублю 20 копеекъ, а извощики по рублю серебра въ годъ съ каждой лошади. Кто не заплатитъ этихъ денегъ, тотъ лишается права заниматься своимъ ремесломъ. *(Сен. Вѣд. № 33.)*

Въ городѣ *Вышнемъ-Волочкѣ*, на этомъ же основаніи, легковые извощики обложены сборомъ по три цѣлковыхъ въ годъ или по полутора рубля въ зиму, а ломовые по два съ полтиной въ годъ, а въ зиму тоже по полутора рубля за каждую лошадь.

Въ *Воронежѣ* и во всѣхъ городахъ Воронежской губерніи тоже установлены сборы съ постоялыхъ дворовъ и подворьевъ.

Въ *Псковѣ* равномѣрно велѣно производить сборы съ постоялыхъ дворовъ и съ подворьевъ по три процента, а съ ренсковыхъ погребовъ и съ портерныхъ лавочекъ по десяти процентовъ, то есть по десяти копеекъ съ рубля платы за помѣщеніе. *(Сен. Вѣд. № 45.)*

Въ *Перми*—съ судовъ и пароходовъ, нагружаемыхъ и разгружаемыхъ на тамошней пристани и вообще въ чертѣ города, исключая казенныя суда и суда съ хлѣбомъ и солью, взыскивается десятая часть процента, то есть по копейкѣ не съ рубля, а съ десяти рублей цѣнности груза, показанной въ накладной. *(Сен. Вѣд. № 52.)*

«Въ городѣ *Семипалатинскѣ* повелѣно производить сборы: 1) съ заѣзжихъ иногородныхъ купцовъ, продающихъ свои товары съ судовъ, или съ биржевыхъ складовъ по четверти процента, то есть по двадцати пяти копеекъ со ста рублей торговаго капитала, и 2) съ частныхъ имуществъ, разыгрываемыхъ, съ дозволенія правительства, въ лоттерею—по десяти процентовъ, то есть по гривнѣ съ рубля лоттерейной суммы. *(Сен. Вѣд. № 41.)*

*

— Впредь до преобразованія городскихъ словесныхъ судовъ, государь императоръ, въ видѣ временной мѣры, высочайше повелѣть соизволилъ: учредить въ С. Петербургѣ временную коммиссію для быстраго разбора дѣлъ, возникающихъ въ С. Петербургѣ, Царскомъ-Селѣ и Петергофѣ между рабочими и ихъ нанимателями, или рядчиками, когда предметъ спора составляетъ *не менѣе ста рублей* серебромъ, или когда искъ на рядчика или нанимателя предъявленъ *не менѣе какъ десятью рабочими*. Когда число рабочихъ, жалующихся на рядчика, простирается отъ десяти и до ста человѣкъ, тогда они, для производства своего дѣла, избираютъ изъ среды себя одного или двухъ повѣренныхъ, а когда ихъ больше ста человѣкъ, то имъ дозволяется выбрать и трехъ повѣренныхъ. При разборѣ споровъ, коммиссія можетъ призывать, для разъясненія дѣла, кромѣ повѣренныхъ, и самихъ рабочихъ. Все производство дѣла должно быть изустное: записываются только, въ особую судебную книгу, вкратцѣ, жалоба истца, возраженія отвѣтчика и представляемыя ими доказательства. Кто, на вызовъ коммиссіи, не явится въ нее подъ пустымъ предлогомъ, съ того берутъ штрафъ отъ полтины до пятидесяти рублей серебромъ.

Если отвѣтчикъ, по тремъ повѣсткамъ отъ коммиссіи, самъ не явится въ нее къ назначенному сроку и не пришлетъ повѣреннаго, то дѣло рѣшается безъ дальнѣйшей проволочки и прожданья. Коммиссія изыскиваетъ средства прими-

рить обѣ стороны къ обоюдной ихъ пользѣ и съ соблюденіемъ строгой справедливости, или предоставляетъ имъ разобраться между собою третейскимъ судомъ. Если же ни въ томъ, ни въ другомъ коммиссія не успѣетъ, то уже сама производитъ судъ по наличнымъ доказательствамъ, постановляетъ рѣшеніе и объявляетъ его обѣимъ сторонамъ письменно, но не на гербовой, а на простой бумагѣ. Если обвиненная сторона не исполнитъ приговора немедленно, въ такомъ случаѣ поручается полиціи привести его въ исполненіе не дальше какъ въ трое сутокъ.—Если жалоба была несправедлива, то виновныхъ штрафуютъ такимъ манеромъ: если это былъ рядчикъ, то за первую неправильную жалобу на рабочаго съ него берутъ на больницу чернорабочихъ десять цѣлковыхъ, за вторую—отъ десяти до пятидесяти цѣлковыхъ, за третью—отъ пятидесяти до ста цѣлковыхъ и, кромѣ того, публикуютъ его дурное дѣло въ вѣдомостяхъ. А если на хозяина или рядчика неосновательно пожаловался рабочій, или мастеровой человѣкъ, то его на первый разъ присуждаютъ къ работѣ за половинную цѣну отъ одного дня до одной недѣли; за вторую невѣрную жалобу его заставляютъ отъ одной до двухъ недѣль работать за полцѣны, а за третью присуждаютъ къ работѣ за полцѣны и до шести недѣль. Недовольные рѣшеніемъ коммиссіи имѣютъ право жаловаться правительствующему сенату, но только не позже какъ въ мѣсячный срокъ. Гербовой бумаги и тутъ не нужно; государь повелѣлъ сенату при-

нимать по этимъ дѣламъ прошенія на простой бумагѣ. *(Сен. Вѣд. № 54.)*

Это говорено было про тотъ случай, когда споръ идетъ больше чѣмъ о ста рубляхъ или когда жалуются на рядчика десять и болѣе человѣкъ рабочихъ. Если же ихъ *меньше десяти человѣкъ*, или когда споръ *меньше чѣмъ о ста рубляхъ*, то такія дѣла вѣдаются въ Петербургѣ при всѣхъ полицейскихъ частяхъ города въ словесныхъ судахъ. Порядокъ весь тотъ же: гербовой бумаги не нужно, письменное производство дѣлъ не допускается; та или другая сторона оправдывается или обвиняется живымъ словомъ.

Точь-въ-точь такъ же повелѣлъ государь производить дѣла между рабочими и рядчиками, или нанимателями ихъ и мастеровыми и внѣ Петербурга: тамъ этого рода дѣла должны разсматриваться въ уѣздныхъ судахъ: царскосельскомъ и петергофскомъ.

Жалобы на рѣшенія словесныхъ и уѣздныхъ судовъ приносятся, на простой же бумагѣ, въ гражданскую палату: срокъ на подачу жалобы положенъ здѣсь только двухъ-недѣльный. Если жалоба рабочаго или мастероваго окажется неосновательною, то палата присуждаетъ его къ работѣ въ продолженіе одного и до семи дней за половину условной платы; а если неосновательна жалоба рядчика, то его штрафуютъ, въ пользу больницы чернорабочихъ, отъ одного и до десяти рублей серебромъ. *(Сен. Вѣд. № 54.)*

— Государь повелѣлъ, чтобы въ городовомъ

сиротскомъ судѣ, при каждомъ городовомъ магистратѣ, кромѣ предсѣдательствующаго градскаго головы и двухъ членовъ городоваго магистрата, былъ еще третій членъ изъ городовыхъ старостъ, купеческаго или мѣщанскаго, какъ назначитъ городская дума. *(Сен. Вѣд. № 57.)*

— По судебной части замѣчательны еще слѣдующіе указы:

— Въ видахъ быстрѣйшаго размежеванія дачъ, состоящихъ въ общемъ и чрезполосномъ владѣніи казны и частныхъ лицъ, повелѣно:

«1) Дѣла полюбовнаго спеціальнаго межеванія, по которымъ государственные крестьяне не изъявятъ согласія на полюбовные разводы, а палата государственныхъ имуществъ признаетъ оные для казны и крестьянъ выгодными, въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ дѣйствительнаго наличнаго владѣнія казны нисколько зем и въ частное владѣніе не отходитъ, разрѣшать властію палаты, безъ представленія дѣлъ въ министерство государственныхъ имуществъ, но съ утвержденія начальника губерніи. 2) Сему же порядку слѣдовать и въ тѣхъ дѣлахъ полюбовнаго спеціальнаго межеванія, по которымъ палата государственныхъ имуществъ признаетъ возможнымъ и выгоднымъ для казны, не смотря на несогласіе государственныхъ крестьянъ, допустить даже обмѣны и уступки, не свыше 5% изъ наличнаго владѣнія казны. 3) Палата государственныхъ имуществъ, получивъ разрѣшеніе губернатора и не останавливаясь исполненіемъ, доноситъ министер-

ству только для свѣдѣнія о рѣшенныхъ ею, съ согласія начальника губерніи, дѣлахъ, съ объясненіемъ допущенныхъ обмѣновъ или уступокъ; и 4) Правило это распространить на всѣ губерніи, гдѣ полюбовное спеціальное межеваніе производится, не исключая курской и воронежской, для которыхъ въ 1853 г. постановлено было въ означенныхъ случаяхъ дѣла представлять въ министерство государственныхъ имуществъ, чрезъ начальниковъ губерній, съ ихъ заключеніями.»

(Сен. Вѣд. № 58.)

— Въ поясненіе законовъ о поручительствѣ постановлено закономъ:

«1) При простомъ (не на срокъ) поручительствѣ въ платежѣ суммы, поручитель отвѣтствуетъ за долгъ только тогда, когда все имущество признаннаго несостоятельнымъ должника будетъ подвергнуто продажѣ, вырученныя за оное деньги распредѣлены между заимодавцами по установленному въ законѣ порядку и за тѣмъ окажется, что суммы сихъ денегъ не довольно для удовлетворенія того долга, по коему дано поручительство. 2) Когда наступитъ срокъ платежу долговаго обязательства, въ коемъ дано поручительство не на срокъ, заимодавецъ, буде онъ не получитъ тогда же удовлетворенія отъ должника своего, сообщаетъ о томъ поручителю, спрашивая: не согласенъ ли онъ учинить немедленно сей платежъ вмѣсто должника; если поручитель не изъявитъ на сіе готовности, то заимодавецъ имѣетъ право просить о наложеніи запрещенія

на имѣніе поручителя для обеспеченія своего иска на случай несостоятельности должника. Заимодавцу предоставляется также право требовать отъ поручителя вознагражденія за всѣ убытки и расходы, которые будутъ понесены имъ при взысканіи съ должника по обязательству, въ коемъ онъ былъ порукою. 3) Поручитель не на срокъ можетъ, если признаетъ за благо, по наступленіи срока исполненія обязательства, заплатить заимодавцу сумму долга, въ коемъ онъ поручился, и за тѣмъ, на общемъ основаніи, взыскивать оную съ должника и участвовать въ могущемъ быть по долгамъ его конкурсѣ, наравнѣ съ другими кредиторами. 4) Поручитель, удовлетворившій кредитора, имѣетъ право требовать отъ должника вознагражденія за понесенные имъ отъ того убытки, а равно и слѣдующіе ему съ заплаченной за него суммы денегъ проценты. 5) Если заимодавецъ отсрочитъ, по желанію должника, исполненіе обязательства, по коему было поручительство, безъ согласія на то поручителя, или же въ продолженіе шести мѣсяцевъ со дня наступленія срока платежу, не начнетъ взысканія по сему обязательству, то поручитель освобождается отъ всякой по оному отвѣтственности. и 6) Когда въ исполненіи одного и того же обязательства поручились не одно, а нѣсколько лицъ въ совокупности, и должникъ окажется несостоятельнымъ, то взыскивается съ каждаго поручителя только та часть долга, которая по числу поручившихся лицъ причтется на долю

его: въ случаѣ же несостоятельности одного или нѣсколькихъ изъ поручителей, часть долга, по расчету на несостоятельнаго поручителя упадающая, распредѣляется между прочими.»

(Сен. Вѣд. № 56).

— Относительно выморочныхъ имѣній малороссійскихъ казаковъ состоялся слѣдующій новый царскій указъ.

«Имущество умершихъ малороссійскихъ казаковъ, неоставившихъ послѣ себя наслѣдниковъ, распредѣляется на слѣдующемъ основаніи: 1) Потомственныя казачьи земли обращаются въ общественную принадлежность того казачьяго общества, въ которомъ состояли умершіе; вмѣстѣ съ тѣмъ на общество сіе переходитъ обязанность платежа числящихся на умершихъ недоимокъ, а равно податей и повинностей, впредь до исключенія ихъ по ревизіи. 2) Земли, лежащія внутри дачъ того общества, къ которому приписанъ былъ умершій, но пріобрѣтенныя отъ лицъ другаго званія, а равно движимое имущество и капиталы умершихъ поступаютъ въ пользу казачьяго общества въ томъ лишь случаѣ, если оно само пожелаетъ оставить ихъ за собою; въ противномъ случаѣ съ землями сими и съ движимымъ имуществомъ и капиталами должно быть поступаемо на основаніи общихъ законовъ о выморочныхъ имуществахъ, и 3) Земли, пріобрѣтенныя въ частную собственность отъ лицъ не-казачьяго сословія и внѣ дачъ того общества, къ которому приписанъ былъ умершій, обращают-

ся въ казну на общихъ правилахъ о выморочныхъ имуществахъ. *(Сен. Вѣд. № 57.)*

— Чтобъ показать, какъ важенъ и достоинъ всякаго почтенія крестъ, носимый людьми, бывшими въ государственномъ ополченіи, упомянемъ о новомъ указѣ, по которому кресты эти можно снимать съ ратниковъ за разныя провинности и преступленія, не иначе какъ по суду, тѣмъ же порядкомъ, какимъ нижніе воинскіе чины лишаются медалей и крестовъ, жалуемыхъ за участіе въ войнахъ и походахъ. *(Сен. Вѣд. № 69.)*

— О волостныхъ писаряхъ у насъ въ народѣ издавна идетъ недобрая слава. Въ недавнее время ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ВЫСОЧАЙШЕ повелѣлъ: «волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ, равно и сельскихъ писарей, если они изъ питомцевъ воспитательныхъ домовъ, и вообще получившихъ образованіе на счетъ общественнаго сбора,—за нерадѣніе и дурное поведеніе, отдавать не въ лѣсную стражу, а прямо въ военную службу; если же кто изъ нихъ къ военной службѣ негоденъ, то такихъ предавать въ распоряженіе губернскаго правленія, для отсылки въ Сибирь на поселеніе. *(Сен. Вѣд. № 70.)*

— Было бы грѣшно передъ Богомъ и стыдно передъ людьми, еслибъ мы, подъ конецъ нашего перечня новыхъ царскихъ указовъ, не порадовали православныхъ новою милостивою царскою волею. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ повелѣлъ написать въ законахъ и наказалъ всѣмъ твердо помнить слѣдующее правосудное слово:

«Люди, состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ, по тѣхъ поръ пока они судомъ еще не обвинены, не преступники: посему они могутъ быть лишены свободы только для необходимой предосторожности. Во всякомъ случаѣ, обращеніе съ ними должно быть согласно съ справедливостью и человѣколюбіемъ. *(Сен. Вѣд. № 44.)*

— Нынѣшнимъ лѣтомъ, высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату, возвѣщено новое изданіе общаго свода законовъ имперіи. Это такія книги, въ которыя съ-изнова сведены вмѣстѣ и размѣщены въ порядкѣ всѣ постановленія и законы, какъ прежде въ Россіи существовавшіе, такъ и вновь въ теченіе послѣднихъ 16-ти лѣтъ изданные въ дополненіе къ прежнему своду законовъ, который былъ напечатанъ въ 1842 году. *(Сен. Вѣд. № 42.)*

Извѣстно, что ни одинъ гражданинъ, генералъ ли, солдатъ ли, помѣщикъ ли, или крестьянинъ, не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона: поэтому на всякомъ благоразумномъ человѣкѣ лежитъ долгъ ознакомиться съ законоположеніями своего отечества и имѣть ихъ у себя подъ рукою, на всякій случай, въ науку и въ охрану отъ лихой бѣды.

Книги эти легко купить цѣлымъ міромъ, а если міру будетъ то не въ моготу, такъ можно сдѣлать складчину цѣлымъ приходомъ; новый сводъ законовъ состоитъ изъ пятнадцати томовъ, составляющихъ двадцать одну книгу, и стоитъ, безъ пересылки, тридцать шесть рублей серебромъ. За эти

деньги можно достать его только въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Казани, Кіевѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Тифлисѣ, въ Ревелѣ, и въ Дерптѣ (*); а кто живетъ не въ этихъ городахъ, тотъ долженъ книги выписывая платить за нихъ, кромѣ тридцати шести цѣлковыхъ, еще и вѣсовыя за пересылку, сколько ихъ причтется.

Для облегченія бѣдныхъ людей, нынче придумано продавать эти двадцать одну книгу не всѣ разомъ, а по мелочи, по тетрадкамъ, глядя по тому, кому въ какихъ законахъ встрѣтилась надобность. Такимъ манеромъ, напримѣръ, уставъ о народномъ продовольствіи стоитъ въ лавкѣ 45 копѣекъ серебромъ; уставъ о паспортахъ и бѣглыхъ 60 копѣекъ; уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій стоитъ четвертакъ; уставъ о казенныхъ селеніяхъ тоже четвертакъ; уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ 30 копѣекъ, а уставъ о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, полтинникъ; рекрутскій уставъ стоитъ рубль съ четвертью, уставъ о земскихъ повинностяхъ 65 копеекъ, уставъ о податяхъ семь гривенъ.

(*) Книги эти продаются у книгопродавцевъ: въ *С. Петербургѣ* у почетнаго гражданина Лоскутова, въ Садовой улицѣ, противъ гостинаго двора, въ домѣ Балабина; въ *Москвѣ* у почетнаго гражданина Лоскутова, на Никольской улицѣ, въ домѣ Заиконоспасскаго монастыря; въ *Казани* у купца Мясникова; въ *Кіевѣ* у отставнаго капитана, временнаго купца Должикова; въ *Саратовѣ* у купца Попова; въ *Харьковѣ* у купца Апарина; въ *Одессѣ* у книгопродавца Бѣлаго; въ *Ригѣ* у книгопродавца Клуге.

Цѣлая книга законовъ о состояніяхъ, то есть о сословіяхъ и ихъ правахъ и обязанностяхъ—это выйдетъ весь девятый томъ свода законовъ—продается за рубль съ четвертью; часть десятаго тома, гдѣ говорится о союзѣ брачномъ и родственномъ, объ опекѣ и попечительств , о правѣ собственности, о правахъ на вознагражденіе, о дареніи, выдѣлѣ, приданномъ, о наслѣдствѣ, о духовныхъ завѣщаніяхъ, о продажѣ и куплѣ, о контрактахъ и договорахъ, о подрядахъ и поставкахъ, о займѣ и ссудѣ, о товариществахъ, компаніяхъ и обществахъ—цѣлая эта часть десятаго тома продается за 1 руб. 35 коп.; а весь десятый томъ, то есть, исчисленные выше законы и гражданское судопроизводство вмѣстѣ, съ прибавкою къ нимъ законовъ межевыхъ, обойдется въ 3 руб. 35 коп.; этотъ десятый томъ самонужнѣйшая книга для всѣхъ у кого есть какія нибудь въ судахъ тяжбы. Очень важная и та книга, по которой судятъ, штрафуютъ и наказываютъ провинившихся людей и настоящихъ преступниковъ: она называется «уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ» и вмѣстѣ съ законами уголовнаго дѣлопроизводства стоитъ 2 руб. 10 коп., а порознь покупать—уложеніе стоитъ 1 руб. 55 коп., а судопроизводство уголовное шесть гривенъ.

Мы живемъ въ такое время, когда строже, чѣмъ когда нибудь, нужно глядѣть за собой и удаляться отъ всего дурнаго и всякаго соблазна; съ сосѣдями и ближними надо жить дружненько и ладненько:

гдѣ тишь да гладь—тамъ и Божья благодать. Намъ надо пріучаться жить своимъ умомъ, не слушать чужихъ пустыхъ вздоровъ и кривыхъ совѣтовъ, а умѣть порядкомъ каждое дѣло разсудить, обдумать его и примѣниться: сообразно ли оно съ духомъ нашихъ законовъ, точно ли оно законно и право? Чтобъ охранить себя отъ отвѣта и не поддаваться обманамъ злыхъ совѣтчиковъ, очень не мѣшало бы всѣмъ однодеревенцамъ купить себѣ весь сводъ законовъ. Расходъ 36 р. не маловаженъ—но вѣдь это расходъ на цѣлыя 10 лѣтъ разомъ. Конечно, у живыхъ людей и законы должны быть живые, не мертвые; когда одни законы отживаютъ свое время и умираютъ, тогда являются въ замѣну ихъ новыя постановленія, а всѣ новыя постановленія печатаются въ Санктпетербургѣ, въ тетрадкахъ же, которыя называются *продолженіями* свода законовъ: онѣ выходятъ каждый годъ и продаются очень дешево, по 5, по 10 копеекъ и рѣдко дороже четвертака.

ПАВЕЛЪ НЕБОЛЬСИНЪ.

СПИСОКЪ

КРЕСТЬЯНЪ и МѢЩАНЪ,

КОТОРЫХЪ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ ПОЖАЛОВАТЬ ИЗВОЛИЛЪ РАЗНЫМИ НАГРАДАМИ.

(Извлечено изъ оффиціальныхъ свѣдѣній, обнародованныхъ съ 17 апрѣля по 30 августа 1858 года.)

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ,

для ношенія на шеѣ, удостоились получить:

на владимірской лентѣ:

1. Московскій мѣщанинъ Николай Борисовъ, за услуги, оказанныя духовному вѣдомству.

Съ надписью «*за усердіе*»,

на анненской лентѣ:

2. Состоящій при олонецкихъ-заводахъ мастеръ пушечнаго цеха, Кириллъ Корныловъ.

Съ надписью «*за полезное*»,

на станиславской лентѣ:

3. Нижегородскій цеховой Тихановскій.

СЕРЕБРЯННЫЯ МЕДАЛИ,

для ношенія на шеѣ, получили:

на станиславской лентѣ:

Съ надписью «*за полезное*:

4. Нижегородскій цеховой Вѣсовщиковъ.

Съ надписью «*за усердіе*»:

5. Мѣщанинъ Александръ Зеленковъ.

6. Вологодской губерніи крестьянинъ Александръ Петровъ.

Состоящіе при олонецкихъ-заводахъ:

7. Мастеръ доменнаго цеха, Алексѣй Козьминъ и

8. Мастеръ кузнечно-слесарнаго цеха, Иванъ Рудневъ.

9. Кондукторы: Михайло Марковъ.

10. —— Алексѣй Шевяковъ.

11. —— Филиппъ Подкопаевъ.

12. —— Ефимъ Косенковъ.

13. —— Александръ Колясниковъ и

14. Пробирщикъ Иванъ Лапшинъ.

За заслуги, оказанныя по духовному вѣдомству, награждены:

15. Московскій мѣщанинъ, временной 3-й гильдіи купецъ **Иванъ Гнусинъ**.

16. Московскій цеховой живописнаго цеха **Павелъ Щепетовъ**.

17. Московскій мѣщанинъ **Андрей Сорокинъ**.

18. Витебскій мѣщанинъ **Емельянъ Синяковъ**.

19. Пензенскій мѣщанинъ **Осипъ Краузе**.

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ,

для ношенія на груди, получили:

Съ надписью *«за спасеніе погибавшихъ»*,

на владимірской лентѣ:

20. Астраханскій мѣщанинъ **Александръ Березинъ** и

21. Старшина селенія Надибанткари, въ Горскомъ округѣ тифлисской губерніи, казенный крестьянинъ **Сосій Надибаидзе**.

За разные человѣколюбивые подвиги награждены

ЗОЛОТЫМИ МЕДАЛЯМИ:

22. Козловскій мѣщанинъ **Семенъ Солинъ** и

23. Велижскій мѣщанинъ **Никита Крупскій**.

СЕРЕБРЯННЫЯ МЕДАЛИ,

для ношенія на груди, получили:

Съ надписью «*за спасеніе погибавшихъ*»,

на владимірской лентѣ:

24. Пермской губерніи, билимбаевскаго, графини Строгоновой завода, крестьянинъ Павелъ Дылдинъ.

25. Житель города Душета, Камалъ Камаловъ.

26. Казенные крестьяне селенія Надибанткари, тифлисской губерніи, Беро Ивановъ Надибаидзе и

27. Сосій Зурабовъ Надибаидзе.

28. Урядникъ С.-Петербургскаго монетнаго двора, Филиппъ Михайловъ.

29. Эриванской губерніи, города Александраполя жители Крикоръ Таіянцовъ и

30. Петросъ Цытощовъ.

31. Тифлисскій гражданинъ Арзуманъ Шахназаровъ.

32. Шемахинской губерніи, селенія Балталы житель Ассадъ Ягубъ-Оглы.

на станиславской лентѣ:

Съ надписью «*за полезное*»:

33. Нижегородской губерніи, графа Шереметева села Павлова, крестьянинъ Варыпаевъ.

Съ надписью «*за усердіе*»:

За усердную службу въ званіи сельскихъ засѣдателей земскихъ судовъ:

34. Мензелинскаго уѣзда однодворецъ Ефимъ Ивановъ.

35. Вяземскаго уѣзда однодворецъ Петръ Ивановъ.

36. Арзамасскій крестьянинъ Александръ Африкантовъ.

37. Устьсысольскій крестьянинъ Григорій Безсоновъ.

38. Вятскій крестьянинъ Егоръ Головенкинъ.

39. Котельническій крестьянинъ Фирстъ Богомоловъ.

40. Сумскій крестьянинъ Ѳеопемптъ Мансѣенковъ.

41. Волчанскій крестьянинъ Иванъ Шелешпановъ.

42. Моршанскій крестьянинъ Никита Дьячковъ.

За усердную службу въ званіи церковныхъ старшинъ въ финскихъ приходахъ:

43. Дудергофскій крестьянинъ Авраамъ Копойна.

44. Кельтоскій крестьянинъ Матеосъ Ронгоне.

45. Сланковскій крестьянинъ Іоганнъ Дуббельманъ.

46. Спанковскій крестьянинъ Самуилъ Лассоненъ.

47. Ингернскій крестьянинъ Гавріилъ Гольтиненъ.

48. Рябовскій крестьянинъ Іоганнъ Хаухіа.

49. Вальніасарскій крестьянинъ Томасъ Кольшезаненъ.

50. Кіевскій мѣщанинъ Марковъ—во уваженіе примѣрной ревности, оказанной имъ въ качествѣ десятника при работахъ по постройкѣ зданій кіевскаго владимірскаго кадетскаго корпуса.

51. Охтенскій поселянинъ Павелъ Алексѣевъ—во вниманіе къ особенному усердію и пожертвованію при отдѣлкѣ церквей.

СЕРЕБРЯННЫМИ МЕДАЛЯМИ,

на станиславской лентѣ,

для ношенія на груди,

всемилостивѣйше награждены:

За заслуги, оказанныя по духовному вѣдомству:

52. Казакъ Иванъ Гунько.

53. Казакъ Ларіонъ Арженовъ.

54. Казакъ Степанъ Ткачевъ.

55. Казакъ Яковъ Фолянковъ.

56. Заводскій мастеровой Ѳерапонтъ Назаровъ.

57. Московскій цеховой Александръ Котельниковъ.

58. Нижегородскій цеховой Степанъ Гаврюшевъ.

59. Золотоношскій мѣщанинъ Михайло Ефимовъ.
60. Могилевскій мѣщанинъ Иванъ Дежкевичъ.
61. Поселянинъ Дмитрій Антырь.
62. Ямщикъ Петръ Ивановъ.
63. Колонистъ Иванъ Папукчіо.
64. Однодворецъ Трофимъ Тернавскій.
65. Однодворецъ Лазарь Анненковъ.

Казенные крестьяне:

66. Адріанъ Шрамъ.
67. Дмитрій Щегловъ.
68. Василій Селивановъ.
69. Тимофей Ермиловъ.
70. Григорій Егоровъ.
71. Кириллъ Васильевъ.
72. Платонъ Ивановъ.
73. Владиміръ Пугачовъ.
74. Степанъ Бѣляевъ.
75. Георгій Кононовъ.
76. Степанъ Бѣлоусовъ.
77. Дмитрій Шуклинъ.
78. Василій Ананьинъ.
79. Ефимъ Васильевъ.
80. Романъ Молчановъ.

Помѣщичьи крестьяне:

81. Иванъ Сафроновъ.
82. Ѳедотъ Шинковъ.
83. Ѳедоръ Ѳедоровъ.

84. Семенъ Арефьевъ.
85. Максимъ Антиповъ.
86. Герасимъ Чубковъ.
87. Данило Казаченскій.
88. Василій Вечкаевъ.
89. Андрей Тимофѣевъ и
90. Никита Хандовъ.

За участіе въ работахъ, по сооруженію, въ военное время, паровой флотиліи:

91. Выборгскій ремесленникъ Николай Веннелингъ.
92. Рижскій мѣщанинъ Карлъ Тонъ.
93. Рижскій мѣщанинъ Финагей Дурново.

За разные человѣколюбивые подвиги, всемилостивѣйше награждены:

СЕРЕБРЯНЫМИ МЕДАЛЯМИ:

94. Мещовскій мѣщанинъ Василій Милованновъ.
95. Данковскій мѣщанинъ Сергѣй Зайцевскій.
96. Новохоперскій мѣщанинъ Герасимъ Сколковъ.
97. Литинскій мѣщанинъ, еврей Мейеръ Кнырельманъ.
98. Отставной фельдфебель Савелій Ивановъ.
99. Вольноотпущенный человѣкъ Андрей Колобаевъ и
100. Помѣщичій крестьянинъ Семенъ Нагорновъ.

СЕРЕБРЯННЫМЪ КОРТИКОМЪ,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ НАГРАЖДЕНЪ ЗА ОТЛИЧНО-УСЕРДНУЮ СЛУЖБУ:

101. Инородческій староста устьянскаго улуса, въ якутской области, Томскій.

ПОЧЕТНЫМЪ КАФТАНОМЪ,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ ПОЖАЛОВАНЪ:

102. Московской губерніи, Рузскаго уѣзда государственный крестьянинъ Тарасъ Егоровъ.

ОБЪЯВЛЕНА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ НАЧАЛЬСТВА

103. Московскому мѣщанину, часовыхъ дѣлъ мастеру въ Нижнемъ-Новгородѣ, Ильѣ Орлову.

II.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

Шли наши предки, Славяне, изъ дальнихъ странъ азіятскихъ, вслѣдъ за другими народами, которые въ то время выселялись оттуда несмѣтными числами; шли они всей громадой своей по степямъ безпривѣтнымъ, гдѣ только и было, что сыпучій песокъ да высокое небо и никакого приволья. Прошли они эти дальнія степи мимо; мимо прошли и приволжскія степи; и вотъ набрели кое какъ на мѣста благодатныя, гдѣ потекли широкія, богатыя рыбой, рѣки: вольной Донъ, тихой Днѣпръ и Дунай-сударь-Ивановичъ, гдѣ произрастаютъ такія высокія травы, что въ нихъ легко можетъ укрыться человѣкъ верьхомъ на лошади. Полюбились эти мѣста нашимъ предкамъ,

полюбились оттого, что обѣщали жизнь богатую и безпечальную; къ тому же на то время мѣстами этими никто не владѣлъ: стояли они своимъ привольнымъ пустыремъ, словно зачурованныя, никто до нихъ не касался, никому до нихъ не было дѣла. Проходило тутъ прежде воинство, разбойный народъ, да народу этому хотѣлось крови и битвъ, а не мирныхъ пажитей. И уходилъ этотъ народъ дальше, и тамъ изнывалъ потомъ до послѣдняго родича въ сраженіяхъ со спопутными врагами. Приходили наши кроткіе нравомъ, миролюбивые Славяне на эти мѣста, обойденныя, гдѣ протянулась теперь вся наша Россія-матушка, богатая хлѣбомъ, населенная добрымъ православнымъ людомъ. Пришли сюда эти Славяне и дальше уже не пошли, а сѣли тутъ всѣмъ своимъ родомъ-племенемъ, сѣли тихо и безъ шуму, безъ драки и войны, а мирно и кротко, и повели свою жизнь по-старому, по-бывалому, можетъ быть такъ-же, какъ вели они эту жизнь и на дальней своей родинѣ. Бога христіанскаго они тогда не знали, а чтили деревянныхъ или каменныхъ идоловъ, болвановъ, придавая имъ разныя кличьки, называя того Перуномъ, того Велесомъ, а инаго другимъ какимъ именемъ (*); богамъ этимъ при-

(*) Всѣхъ боговъ было у нихъ до десяти: Перунъ былъ самый старшій; передъ истуканомъ его безпрестанно курились дубовыя деревья; того, при которомъ погасалъ этотъ огонь, убивали. Велесъ или Волосъ былъ богъ скота. Третій богъ былъ Позвиздъ—богъ погоды; четвертый Ладо—богъ живы

носили они жертвы, сжигая предъ истуканами лѣсныхъ звѣрей и птицъ, деревья, плоды, домашнюю скотину, а иногда и людей, по большей части престарѣлыхъ и міру ненужныхъ. Податей они никому не платили, воли своей не отдавали и не продавали, а старались жить промежъ себя мирно и согласно; каждый зналъ себя и свой участокъ земли. Въ семейномъ быту они были кротки и всѣ домочадцы, цѣлая родня покорно слушалась старшины, большака въ семьѣ. Набольшій промежду ихъ творилъ судъ и расправу; держалъ всю семью въ полномъ повиновеніи и въ должномъ уваженіи, и всѣ ему покорялись, всѣ безропотно, охотно исполняли то, что онъ наказывалъ. А грозила роду какая-нибудь напасть и невзгода, большаки семей, а въ общемъ дѣлѣ и старшины родовъ, собирались сообща въ одинъ кругъ и рѣшали дѣло міромъ, общимъ толкомъ, общимъ приговоромъ: какъ порѣшитъ міръ, такъ цѣлымъ родомъ дѣло и исполнялось.

Но чѣмъ больше плодился народъ и чѣмъ чаще, отъ браковъ, двоились и троились семьи и разростались роды, тѣмъ и неправда разросталась и плодилась глубже и шире; пошла безурядица; старшины не могли улаживать ссоры и распри своимъ домашнимъ толкомъ; начались безпрестанныя междоусобія, драки и битвы; одинъ родъ

и всякаго благополучія; пятый Купало — богъ плодородія; остальные боги были: Хорсъ, Дажбогъ, Стрибогъ, Мокома и проч.

сталъ нападать на другой и колѣна и племена одного и того же божьяго народа враждовали другъ противъ друга какъ противу злыхъ своихъ враговъ и супостатовъ. Настало не житье, а каторга. И собралась вся старшина и стали думать да гадать: чѣмъ пособить горю. Всѣ старшины племени славянъ сѣверныхъ сговорились на одномъ: земля-де наша велика и обильна, да порядка въ ней нѣтъ; пошлемъ за море, позовемъ княжить къ себѣ трехъ именитыхъ витязей, трехъ братьевъ-князей варяжскихъ—Рюрика, Синеуса и Трувора. Вотъ и шлютъ къ нимъ гонцевъ, шлютъ посланниковъ. Вотъ и пришли три витязя въ православную землю съ своими дружинами (съ друзьями, съ воинствомъ), въ тѣ мѣста, гдѣ стоятъ теперь города Новгородъ, Бѣлозерскъ, Ростовъ и Полоцкъ. Какъ съумѣли, установили эти братья миръ; какъ съумѣли, управили народомъ, который съ той поры уже сталъ называться не славянскимъ, а русскимъ (братья Варяги были изъ племени, называвшагося Варяги-Русь).

Умерли два младшіе брата: Синеусъ и Труворъ; правилъ народомъ одинъ Рюрикъ. Но пришелъ и его послѣдній часъ и оставилъ онъ по себѣ наслѣдника малолѣтняго князя Игоря, а пока еще онъ подростетъ, да добра ума наживетъ, Рюрикъ наказывалъ народу повиноваться, и во всемъ слушаться ближняго родственника своего Олега. Обѣщалъ народъ слушаться и, точно, слушался, платилъ ему подать, и жилъ опять по старинѣ и въ тишинѣ. Такъ же какъ Рюрикъ жилъ миролю-

биво и Олегъ съ своими Новгородцами и также умненько да ладненько умѣлъ подчинить себѣ другія сосѣднія славянскія колѣна. «Кому вы платите дань?» спросилъ онъ у однихъ, которые прозывались Радимичами. «Козарамъ» отвѣчали тѣ. «Не давайте Козарамъ: давайте мнѣ.» Радимичи и стали присылать свою дань Олегу ежегодно и безропотно. Олегу, привыкшему на дальней родинѣ своей къ похожденіямъ и битвамъ, не сидѣлось дома и пошелъ онъ на Кіевъ, позвалъ тамошнихъ правителей, двухъ братьевъ-купцовъ, къ себѣ на ладью въ гости, убилъ ихъ и сталъ править Кіевомъ, какъ правилъ до того Новгородомъ.

Страсть воевать и мѣряться со врагами силою водила Олега съ дружиною въ Царьградъ, водила потомъ и Игоря туда-же; заставляла того и другаго биться съ сосѣдними врагами, побѣждать этихъ враговъ, но народъ, по прежнему, за воителями-князьями, продолжалъ жить мирно; воздѣлывалъ свои поля, платилъ князьямъ съ полей этихъ установленную подать, легкую и сподручную; говорилъ своимъ языкомъ, который похожъ на тотъ, который употребляется теперь въ нашей церкви и называется славянскимъ; сходился на игрища; кралъ тутъ себѣ женъ, и жилъ съ ними, браковъ не вѣдая; трупы умершихъ родныхъ онъ не хоронилъ по-нашему, а сжигалъ на кострахъ, справлялъ на ихъ могилахъ тризну, то есть пилъ, ѣлъ и веселился, какъ дѣлается это и до сихъ еще поръ у разныхъ азіятскихъ народовъ:

но уже и тогда зналъ онъ баню, столь любезную всему русскому роду и до настоящаго времени.

Такъ же точно, какъ правили Славянами Рюрикъ, Олегъ и Игорь, правила этимъ кроткимъ, послушнымъ народомъ и Ольга, жена Олега, принявшая потомъ христіанство и сдѣлавшаяся святою равно-апостольною; ей наслѣдовалъ сынъ ея Святославъ. И Ольга и Святославъ тоже воевали съ сосѣдями и побѣждали ихъ, Ольга — хитростью, Святославъ—храбростью.

Послѣ Святослава, русская земля раздѣлилась между тремя братьями. Братья воевали другъ съ другомъ; двое пали въ битвахъ; остался одинъ Владиміръ, который и сталъ по старинѣ править всею русскою землею. При немъ-то и совершилось на Руси великое событіе, за которое великій князь Владиміръ прозванъ святымъ и равно-апостольнымъ. Ольга приняла христіанство съ немногими изъ своихъ приближенныхъ и изъ народа: при Владимірѣ вся Русь крестилась въ вѣру православную.

Вотъ что разсказываетъ объ этомъ событіи преподобный Несторъ, который жилъ не долго спустя послѣ этого времени и которому, стало быть, дѣло это могло быть извѣстнымъ во всей подробности.

Владиміръ воевалъ съ сосѣдями своими Болгарами, но несчастливо: вынужденный смириться, онъ предложилъ врагамъ своимъ миръ вѣчный. Болгаре согласились заключить миръ, но они

вѣчному миру не вѣрили, говоря: «мириться мы рады, да миръ-то съ тобой тогда развѣ прочень будетъ, когда камень начнетъ плавать, а хмѣль будетъ тонуть въ водѣ.» На другой же годъ прислали они своихъ пословъ съ такимъ сказомъ:

— Князь, ты человѣкъ мудрый и смышленный, а вѣры не знаешь и не чтишь никакой. Пріими нашу вѣру, чти вмѣстѣ съ нами нашего пророка Магомета.

— А въ чемъ состоитъ вѣра ваша? спросилъ ихъ Владиміръ.

— Вѣруемъ мы въ Бога, а чтимъ ученіе пророка его Магомета, который обѣщалъ намъ въ будущей жизни, за гробомъ, давать каждому по семидесяти дѣвъ самыхъ красивыхъ, изъ нихъ на одну возложитъ красоту всѣхъ другихъ и эту дастъ намъ въ жену.

Владиміру полюбились эти слова и пришлись ему по сердцу, потому что и самъ онъ имѣлъ много женъ и вообще до женскаго пола былъ повадливъ.

Послы продолжали свое: Пророкъ нашъ велѣлъ намъ соблюдать еврейское обрѣзаніе, не ѣсть свинины и не пить вина.

Владиміру—говоритъ Несторъ—слова эти были не любы.

— Руси есть веселіе пити, не можемъ мы безъ того быти! — отвѣчалъ Владиміръ посламъ болгарскимъ, отослалъ ихъ обратно, и сталъ слу-

шать новыхъ пословъ, пришедшихъ отъ римскаго папы (*).

Римскіе послы говорили ему: Земля твоя такая же какъ и наша земля; но вѣра твоя не наша вѣра. Наша вѣра свѣтъ, мы покланяемся Богу, Творцу, Создателю и неба, и земли, и всѣхъ свѣтилъ небесныхъ, и всякой живой твари; а ваши боги могутъ ли что сотворить, когда они сами изъ древа сдѣланы? Боги ваши—дерево: сегодня—есть, завтра—сгніютъ или сожжены будутъ, а нашъ Богъ—Богъ вѣчный, безначальный, безконечный и нерукотворенный.

— Что-же повелѣваетъ дѣлать вѣра ваша? спросилъ ихъ Владиміръ.

— Воздержаніе въ дурныхъ дѣлахъ и въ дурныхъ помыслахъ, постъ во всемъ по мѣрѣ возможности, и кто что ни съѣстъ, ни выпьетъ—все долженъ дѣлать во славу Божію.....

— Идите назадъ въ свою землю; отцы мои не приняли вашей вѣры, не приму и я!—отвѣчалъ Владиміръ и отпустилъ и этихъ пословъ, точно такъ же, какъ и первыхъ, безъ привѣта.

Пришли Евреи ко Владиміру и говорили: Слы-

(*) Римскій папа живетъ въ Италіи, въ городѣ Римѣ, и есть высшій изъ всѣхъ митрополитовъ и епископовъ католической христіанской вѣры.—Славяне были еще идолопоклонниками, а народы, жившіе въ Италіи, во Франціи, въ Англіи и въ Германіи, уже нѣсколько сотъ лѣтъ до нашего Владиміра вѣровали въ Христа-Спасителя и знали верховную христіанскую заповѣдь: «любите ближняго, яко самого себя.»

шали мы, что приходили къ тебѣ Болгаре и христіане учить тебя своей вѣрѣ, но христіане вѣруютъ въ Того, Кого мы распяли на крестѣ, а мы вѣруемъ Богу Авраама, Исаака и Іакова.

— Въ чемъ же состоитъ законъ вашъ?

— Соблюдать обрѣзаніе, не ѣсть свиней и зайцевъ, хранить субботу и посвящать ее Богу.

— Гдѣ вашъ народъ родился?

— Въ Іерусалимѣ.

— Тамъ-ли теперь онъ живетъ?

— Нѣтъ. Разгнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ, разселилъ всѣхъ насъ по разнымъ странамъ за грѣхи наши, и отдалъ нашу землю христіанамъ.

— Какъ же вы другихъ учите, когда сами отвержены своимъ Богомъ? спросилъ Владиміръ.— Если бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, не скитались бы вы теперь по чужимъ землямъ. Какъ же вы могли думать, что я приму вашу вѣру?

Вскорѣ пришелъ къ Владиміру греческій мудрецъ (философъ), присланный византійскимъ императоромъ и началъ съ нимъ такъ говорить: Вѣра Болгаръ оскверняетъ небо и землю; Болгары прокляты паче всѣхъ человѣкъ; какъ Содомъ и Гоморръ, ждетъ и вѣру ихъ день погибели. Римская-же вѣра не многимъ рознится отъ нашей вѣры; Римляне служатъ на опрѣснокахъ, хотя самъ Господь заповѣдалъ служить на кисломъ хлѣбѣ.

— Приходили ко мнѣ жиды—говорилъ Влади-

міръ—и сказывали, что христіане вѣрятъ въ Того, Кого они на крестѣ распяли.

Философъ подтвердилъ это и обѣщалъ разсказать все свое ученіе, если только князь кіевскій пожелаетъ его выслушать.

— Послушаю, радъ! отвѣчалъ Владиміръ, и философъ началъ разсказъ о сотвореніи міра въ шесть дней, о всемірномъ потопѣ, о судьбахъ родоначальниковъ еврейскаго племени, о судьбахъ этого племени подъ управленіемъ судей, первосвященниковъ и царей; о раздѣленіи еврейскаго царства на іудейское и израильское; о паденіи этихъ царствъ подъ власть сосѣднихъ народовъ и наконецъ подъ власть Рима; о томъ какъ при первомъ римскомъ императорѣ Августѣ родился Іисусъ Христосъ въ бѣдномъ іудейскомъ городкѣ, въ бѣдномъ семействѣ, повитъ былъ въ ясляхъ, гонимъ изъ родины въ другія страны; откуда возвратился въ свою землю пророкомъ и проповѣдникомъ мирнаго, святаго христіанскаго ученія; какъ за это ученіе Онъ былъ распятъ и погребенъ; какъ въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ, а въ сороковой вознесся на небо, обѣщая апостоламъ своимъ явиться снова во второмъ пришествіи, дабы судить живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ его: праведныхъ вселить въ царство небесное и жизнь вѣчную, а грѣшниковъ осудить на муку огненную, червя неусыпающаго вѣчную муку.

— Такимъ образомъ—добавилъ философъ—муки эти достанутся особенно тѣмъ, которые не вѣ-

руютъ въ Іисуса Христа: они будутъ мучимы огнемъ, ежели не крестятся водою.

Сказавши все это, философъ развернулъ передъ Владиміромъ полотно, на которомъ нарисовано было изображеніе страшнаго суда въ лицахъ: направо праведники въ радости шли въ рай, налѣво грѣшники съ печалію направлялись въ адъ.

Вздохнулъ Владиміръ при видѣ этой картины и выслушавъ ея толкованіе:

— Хорошо этимъ праведнымъ, но горе тѣмъ, которые идутъ на лѣво—сказалъ онъ.

— Если хочешь встать на-право съ праведными, то крестись! успокоилъ его проповѣдникъ.

— Пожду и еще мало!—былъ отвѣтъ Владиміра.

Но ждалъ онъ недолго. Въ слѣдующемъ же году собралъ онъ всѣхъ бояръ своихъ и городскихъ старцевъ на совѣтъ и говорилъ имъ:

— Приходили ко мнѣ Болгаре, предлагали свою вѣру, приходили Нѣмцы и тѣ хвалили вѣру свою, приходили Жиды; пришли Греки, хулили всѣ законы, а величали одинъ свой; сказывали много о бытіи міра отъ сотворенія его; сказывали хитро, ихъ любо было слушать, говорили все новое, невѣдомое, говорили, что если кто приметъ ихъ вѣру, тотъ не умретъ вовѣки; а кто пріймetъ другую, тотъ будетъ въ огнѣ горѣть. Что вы на это мнѣ скажете? Какъ посовѣтуете?

— Самъ вѣдаешь, князь, отвѣчали ему бояре и старцы, что своего никто хулить не станетъ; всякій свое только хвалитъ. Если желаешь точно

извѣдать которая вѣра лучше, то выбери толковыхъ людей и разошли въ разныя стороны посмотрѣть—какъ всякій народъ Богу своему молится.

Понравилась эта рѣчь князю и всему народу: и выбралъ онъ десять мужей смышленныхъ и мудрыхъ и послалъ ихъ сначала къ Болгарамъ, потомъ къ Нѣмцамъ, а наконецъ и къ православнымъ Грекамъ. Здѣсь принялъ ихъ съ почестями самъ императоръ греческій и на другой же день повелѣлъ патріарху совершить въ церкви служеніе. Патріархъ сотворилъ праздникъ владиміровымъ посламъ, поставилъ въ храмъ на особомъ мѣстѣ; украсилъ церковь всевозможнымъ благолѣпіемъ; выбралъ лучшій хоръ пѣвчихъ; приказалъ освѣтить весь храмъ и золотые оклады иконъ свѣчами и лампадами; зажегъ лучшія благовонныя куренія и самъ совершилъ литургію.

Послы были поражены богатствомъ и благолѣпіемъ. Императоръ одарилъ ихъ богатыми подарками и съ почестями отпустилъ ихъ ко Владиміру.

Возвратившись во градъ Кіевъ, десять пословъ русскихъ такъ возвѣстили князю Владиміру передъ цѣлымъ народомъ:

— Ходили мы къ Болгарамъ, смотрѣли тамъ все и видѣли, что молятся они съ покрытыми головами и безъ пояса, и что у нихъ нѣтъ веселья: одна печаль и смрадъ невыносимый; не хороша вѣра ихъ. Были мы и у Нѣмцевъ, видѣли много службъ, но красоты не видѣли никакой. Но пришли къ Грекамъ и не знаемъ: на небѣ-ли мы

были, или на землѣ? Но на землѣ нѣтъ такой красоты, нѣтъ такого вида. Не умѣемъ и разсказать вамъ, что довелось испытать намъ на ту пору и не забудемъ всего видѣннаго тамъ до конца нашей жизни. Сказано: всякій человѣкъ, если отвѣдаетъ сладкаго, не захочетъ уже горькаго: не можемъ и мы теперь оставаться здѣсь и жить вмѣстѣ съ вами.

— И въ самомъ дѣлѣ, князь—примолвили бояре и старцы,—если бы законъ греческій былъ не хорошъ, то бабка твоя великая княгиня Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ женъ, никакъ не приняла бы греческой вѣры и не крестилась въ нее.

— Гдѣ-же мы будемъ креститься? могъ только отвѣтить имъ въ то время Владиміръ.

— Гдѣ тебѣ любо, тамъ станемъ и мы креститься—сказали дружинники и бояре.

Прошелъ почти цѣлый годъ; князь Владиміръ собрался войной на Корсунь, городъ греческій (*). Долго онъ осаждалъ его, желая его заполонить, но все безуспѣшно: крѣпко стояли за себя Корсуняне, хотя голодъ началъ одолѣвать ихъ.

— Если не сдадитесь добровольно, я простою здѣсь еще три года—сказалъ имъ Владиміръ и велѣлъ дѣлать насыпь и приготовляться къ приступу. Ночью Корсуняне, чрезъ подкопъ въ стѣнѣ своей, уносили песокъ изъ насыпи въ городъ—и готовились лучше умереть, чѣмъ сдаться.

(*) Городъ Корсунь или Херсонъ находился въ Крыму, близь нынѣшняго города Севастополя.

Владиміръ, взглянувъ на небо, выговорилъ такія слова предъ цѣлымъ войскомъ:

— «Если сбудется такъ, что мы возмемъ этотъ городъ, то я не только окрещу народъ свой, но окрещуся и самъ.»

Между тѣмъ труды воиновъ его оставались попрежнему безъ успѣха. И долго бы, и понапрасну простоялъ бы тутъ кіевскій князь, еслибы одинъ изъ жителей Корсуня, именемъ Анастасій, не послалъ на стрѣлѣ писанья ко Владиміру и не посовѣтывалъ бы ему засыпать трубу, по которой текла въ городъ вода. Послушался этого совѣта Владиміръ. Жители Корсуня стали изнывать отъ жажды и потому вскорѣ сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною и тотчасъ же послалъ къ императорамъ византійскимъ, Василію и Константину, такое предложеніе:

«Вашъ славный городъ Корсунь я взялъ и теперь въ немъ обрѣтаюсь; но слышу, что есть у васъ сестра Анна и незамужняя. Отдайте мнѣ ее въ супружество, а если не отдадите, я сдѣлаю и съ Царьградомъ то же, что сдѣлалъ съ этимъ городомъ, гдѣ теперь сижу.»

Опечалились византійскіе цари послѣ такой вѣсти, но не дались предложенію князя русскаго. Они говорили посламъ княжескимъ:

«Нельзя намъ христіанку за поганаго язычника отдать. Если онъ окрестится въ вѣру христіанскую и сдѣлается нашимъ единовѣрцемъ, тогда мы готовы выдать за него сестру нашу Анну.»

Съ такими рѣчами воротились послы ко Влади-

міру, пересказали ему все отъ слова до слова и повезли отъ него отвѣтъ къ императорамъ, что князь ихъ готовъ креститься, потому что еще прежде этого узналъ вѣру греческую; люба ему и она, любо ему и церковное служеніе, сколько любы онѣ показались и посланнымъ отъ него прежде.

— Пусть прежде крестится—говорили императоры—тогда мы пошлемъ къ нему и сестру свою.

— Пусть прійдутъ они съ сестрою и сами меня крестятъ, отвѣчалъ Владиміръ.

Императоры согласились; уговаривали сестру, уговаривали священниковъ.

— Не хотимъ мы въ плѣнъ идти, возражали священники.

— Лучше мнѣ здѣсь умереть, чѣмъ идти туда, говорила Анна.

— Когда Господь черезъ тебя обратитъ къ покаянію всю русскую землю, Онъ и греческую землю избавитъ отъ давнишнихъ ея враговъ. Видишь ли ты, сколько зла надѣлала Русь Грекамъ: если ты теперь къ нимъ не поѣдешь, зло это будетъ еще лютѣе.

Едва-едва уговорили братья царевну Анну ѣхать на Русь. Съ почестью встрѣтили Корсуняне Владимірову невѣсту, всю дорогу плакавшую и изнывавшую отъ печали.

Владиміръ на то время сильно разболѣлся глазами, такъ что не могъ ничего видѣть.

— Крестись скорѣе — говорила ему греческая царевна—тогда избудешь болѣзнь: не сдѣлаешь этого, будешь слѣпъ вовѣки.

— Если станетъ такъ, какъ ты обѣщаешь, то по-истинѣ великъ будетъ Богъ христіанскій! воскликнулъ Владиміръ.

Епископъ корсунскій съ царевниными попами, огласивъ князя русскаго, крестилъ Владиміра и когда возложилъ на него свою руку, Владиміръ прозрѣлъ.

— Теперь-то я узналъ Бога истиннаго! возгласилъ Владиміръ по крещеніи—и тогда же крестилъ дружину свою и многихъ другихъ, бывшихъ съ нимъ въ Корсунѣ.

Крестился русскій князь въ церкви св. Василія, стоявшей въ то время посреди города на торговой площади и въ этой же церкви вѣнчался онъ съ греческою царевной Анной. Владиміръ взялъ изъ Корсуня мощи св. Климента и ученика его Ѳива, вывезъ церковные сосуды и благословенныя иконы, соорудилъ на горѣ, тоже среди города на новомъ мѣстѣ, церковь и, подаривъ городъ Корсунь, царицѣ, отправился въ Кіевъ.

Возвратившись въ Кіевъ, великій князь велѣлъ каменные идолы изрубить, а деревянные сжечь; самаго же главнаго идола, Перуна, велѣлъ привязать къ конскому хвосту и влачить по городу, а потомъ бросить въ ручей, гдѣ 12 человѣкъ должны были отбивать истукана отъ берега шестами. Народъ, еще некрещенный, бѣжалъ за идоломъ и плакалъ; плакалъ онъ и тогда, какъ Перуна бросили въ Днѣпръ и гнали по рѣкѣ до пороговъ, сквозь пороги и дальше, покамѣсть совсѣмъ не пропалъ. Тогда Владиміръ разослалъ пословъ по

всему городу, созывать всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ, хозяевъ и работниковъ, чтобъ они, на утро, оставивъ всѣ дѣла, собрались на Днѣпрѣ и крестились.

— Вѣрно же это доброе дѣло, что намъ велятъ креститься въ вѣру Христову? иначе зачѣмъ бы нашему князю и боярамъ принуждать насъ къ тому? разсуждалъ народъ кіевскій и охотно и съ радостію, цѣлымъ населеніемъ, со всѣхъ сторонъ сходился къ рѣкѣ.

Взрослые вошли въ рѣку, иные по шею, другіе по груди, а кто стоялъ ближе къ берегу,—одни держали въ рукахъ младенцевъ, другіе бродили по водѣ, корсунскіе попы читали молитвы, въ присутствіи самого князя Владиміра.

Когда весь народъ окрестился, Владиміръ, возрѣвъ на небо, произнесъ такую молитву:

«Боже, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сія и даждь имъ, Господи, также увѣдати Тебя истиннаго Бога, якоже увѣдали Тебя иныя страны христіанскія; утверди Боже въ нихъ правду Твою и помози имъ, Господи, на вся времена.»

Радостный Владиміръ приказалъ немедленно рубить христіанскія церкви и ставить ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли кумирни. Такимъ образомъ соорудилъ онъ церковь во имя св. Василія, на холмѣ, гдѣ стоялъ кумиръ Перунъ и другіе. Въ этой церкви совершалась служба, совершалось и крещеніе остальнаго народа, какъ совершалось

крещеніе это потомъ корсунскими священниками по всѣмъ другимъ кіевскимъ городамъ и селамъ.

Спустя годъ послѣ крещенія народа, замыслилъ Владиміръ создать храмъ въ честь Пресвятой Богородицы; онъ вызвалъ для этого мастеровъ изъ Греціи, украсилъ храмъ этотъ иконами, поручилъ смотрѣніе за нимъ Анастасію (тому самому, который письмомъ на стрѣлѣ предалъ ему городъ Корсунь), отдалъ иконы, сосуды и кресты, привезенные изъ Корсуня, и приставилъ къ храму священниковъ корсунскихъ. На шестой годъ храмъ былъ уже готовъ и освященъ въ присутствіи самого Владиміра, вернувшагося съ битвы съ Печенѣгами. Помолившись въ новосооруженномъ храмѣ, Владиміръ назначилъ на содержаніе его десятую часть отъ имѣнія своего и отъ многихъ городовъ (*), сдѣлалъ пиръ боярамъ и старшинамъ городскимъ, а нищихъ одѣлилъ деньгами изъ собственной своей княжеской казны. Въ томъ же году построилъ онъ новую церковь Спаса-Преображенія, въ память того, что опять побѣдилъ Печенѣговъ, напавшихъ на Кіевъ, и опять сдѣлалъ праздникъ для народа: выставилъ 300 бочекъ варенаго меду, роздалъ нищимъ 300 гривенъ и пировалъ вмѣстѣ съ народомъ своимъ ровно восемь дней.

Однако не въ одномъ строеніи церквей или

(*) По этой причинѣ церковь называлась *десятинною*. Разрушенная временемъ и невниманіемъ, она въ настоящее время возстановлена въ томъ же почти видѣ и на томъ же мѣстѣ; гдѣ была построена при Владимірѣ.

въ пирахъ съ народомъ оказалъ Владиміръ свою ревность и любовь къ новой своей, христовой-вѣрѣ. Онъ помнилъ слова евангельскія: «блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ», «продаждь имѣнія своя и даждь нищимъ», «не скрывай себѣ сокровищъ на землѣ, идѣже тля тлитъ и тать подкапываетъ, но скрывай себѣ сокровищи на небесѣхъ, идѣже ни тля тлитъ, ни татіе крадутъ»; помнилъ Владиміръ и слова пророка Давида: «блаженъ мужъ, милуяй и даяй» и слова Соломона: «даяй нищему—Богу взаимъ даетъ». Владиміръ приказалъ всякому бѣдному приходить на княжескій дворъ и брать все нужное изъ ѣды, питья и одежды. Въ то же время помысливъ, что калеки и больные не могутъ сами безъ помощи прибыть во дворъ его, приказалъ возить на особыхъ телегахъ хлѣбъ, мясо, рыбу, разную овощь, медъ и квасъ въ бочкахъ и спрашивать вездѣ: «гдѣ есть больные и нищіе, которые не могутъ ходить?» Къ здоровымъ же бѣднымъ Князь самъ выходилъ на пиръ и приводилъ съ собою всѣхъ своихъ бояръ и дружину.

Женившись на греческой царевнѣ Аннѣ, Владиміръ желалъ и долженъ былъ разстаться съ прежнею женою своею, Рогнѣдою; онъ говорилъ ей:

— Такъ какъ я крещенъ и принялъ уже вѣру и законъ христіанскій, то мнѣ надлежитъ имѣть одну жену. Ты же выбери себѣ кого-нибудь изъ вельможъ моихъ, котораго захочешь, и я сочетаю васъ.

— Если ты хочешь, отвѣчала ему Рогнѣда, царствія небеснаго, то я его недостойна. И зачѣмъ же я, бывши княгинею, сдѣлаюсь теперь рабою слуги твоего? Прошу тебя объ одномъ: уневѣсти меня своему Христу, чтобы я могла принять святой, ангельскій, иноческій образъ.

Рогнѣда постриглась въ монашество и названа была Анастасіею.

Зналъ князь Владиміръ, что въ писаніи сказано: «Во дніи оны услышатъ глусіи словеса книжная, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ»—и приказалъ брать изъ каждаго семейства дѣтей и отдавать ихъ въ науку. Владиміръ уразумѣлъ, что ученіе христово можетъ быть вполнѣ понятно только обученнымъ книжному знанію, что только по книгамъ можно безошибочно понимать его, а не толковать превратно. Но темнымъ людямъ не въ домекъ тогда было, что ученье свѣтъ, а неученье—тьма: матери отпускали дѣтей со слезами, и рыдали надъ ними, какъ по мертвецамъ, а иныя тайно держали сыновей при себѣ, боясь и учить ихъ уму-разуму, и быть ослушниками воли княжеской. Ученіе шло медленно и не такъ успѣшно какъ того желалось Владиміру; князь печалился, но занятый войнами, не принималъ противъ этого зла рѣшительныхъ мѣръ; а въ 1015-мъ году сильно разболѣлся и скончался на Берестовѣ, іюня 15-го, оставивъ княжескій столъ сыну своему Святополку.

Ученіе народа и послѣ смерти Владиміра шло также медленно, хотя въ книгахъ и не было не-

достатка. Еще при Рюрикѣ, въ 869 году, приняли христіанскую вѣру тѣ изъ единоплеменниковъ нашихъ, славянъ, которые жили по рѣкѣ Дунаю; а когда правилъ Русью Олегъ, то дунайскіе Славяне посылали въ Царьградъ просить себѣ учителя, который бы могъ на ихъ языкѣ истолковывать имъ священныя книги, потому что Славяне ни по-гречески, ни по-латыни не понимали. Императоръ Михаилъ созвалъ философовъ своихъ и совѣтывался съ ними: гдѣ бы взять такихъ мудрецовъ? Они указали ему на Моравовъ, между которыми жили два брата, Меѳодій и Константинъ, оба философа, оба хорошо знающіе тѣ языки, на которыхъ писано св. писаніе (то есть еврейскій и греческій), и тотъ, на которомъ говорили ихъ соотчичи. Поручилъ имъ императоръ это дѣло: братья придумали для своего языка азбуку и переложили на него апостолъ и евангеліе, а потомъ перевели псалтырь и октоихъ. Нѣкоторые книжники стали ихъ хулить за это, говоря, что для священнаго писанія недостоинъ ни одинъ человѣческій языкъ, кромѣ лишь еврейскаго, греческаго и латинскаго, на которыхъ Пилатъ сдѣлалъ написаніе къ кресту Спасителя. Но папа римскій отвѣчалъ на это: «въ псалмахъ царя и пророка Давида сказано: вси языцы восхвалятъ Господа и я предамъ анаѳемѣ всѣхъ тѣхъ, кто похулитъ славянскую грамоту: ти бо суть волци, а не овцы». Вскорѣ послѣ этого Константинъ ушелъ учить Болгаръ, а Меѳодій остался въ Моравѣ, сдѣланъ

былъ епископомъ и, при помощи двухъ священниковъ-скорописцевъ, въ шесть мѣсяцевъ перевелъ всѣ священныя книги съ греческаго языка на славянскій. Книги эти стали употреблять и тѣ Славяне, которыхъ крестилъ Владиміръ и отъ которыхъ пошелъ весь нашъ православный, мирный русскій народъ.

Но долго еще послѣ того святая Русь наша, не смотря на свою православную вѣру, оставалась безграмотною. Наслѣдники Владиміра больше занимались собственными домашними распрями и мало думали о народѣ и его просвѣщеніи. Святополкъ, напримѣръ, не щадилъ никого, онъ даже убилъ двухъ родныхъ своихъ братьевъ Бориса и Глѣба: это былъ такой ужасный человѣкъ, съ такимъ дурнымъ сердцемъ, что весь народъ прозвалъ его окаяннымъ.

На кіевскій престолъ, послѣ многихъ ссоръ и битвъ съ братьями, сѣлъ сынъ святаго Владиміра, Ярославъ, столько же, сколько и отецъ его, если даже не болѣе его, ревностный къ христіанской вѣрѣ. При немъ ученіе Христа стало распространяться повсюду, стали приходить изъ Греціи ученые монахи, — а въ Кіевѣ соорудилась доселѣ существующая Кіево-печерская лавра. Князь Ярославъ сильно жаловалъ знающихъ книжное ученіе поповъ, особенно же ученыхъ монаховъ; самъ читалъ книги, часто по цѣлымъ днямъ и ночамъ, и перелагалъ ихъ съ греческаго языка на славянскій: строилъ церкви по разнымъ, даже самымъ отдаленнымъ, мѣстамъ зем-

ли своей; отрылъ гробы прежнихъ князей некрещеныхъ Ярополка и Олега и окрестилъ кости ихъ. — Любя самъ книжное ученіе, онъ заботился о просвѣщеніи своего народа, узналъ, что книги—рѣки, напояющія всю вселенную, что онѣ узда невоздержанію. «Мудрость «бо велика есть, якоже и Соломонъ хваля гла- «голюще: азъ премудрость вселихъ, свѣтъ, ра- «зумъ и смыслъ; азъ призвахъ страхъ Госпо- «день; мои совѣты, моя мудрость, мое утверж- «деніе, моя крѣпость, мною цареве царству- «ютъ, а сильніи пишутъ правду; мною вельмо- «жи величаются, и властители держатъ землю: «азъ любящіе мя люблю, ищущіе мене обря- «щутъ благодать. Аще бо поищеши въ книгахъ «мудрости прилежно, то обрящеши великую поль- «зу душѣ своей; иже бо книги часто чтетъ, бе- «сѣдуетъ съ Богомъ или со святыми мужи и вос- «пріимлетъ душа пользу велику». Вотъ что писалъ въ то время преподобный Несторъ, бывшій монахомъ въ новосозданномъ кіевопечерскомъ монастырѣ.

Недолго послѣ смерти Ярослава стоялъ миръ въ Кіевѣ, при старшемъ сынѣ его Изяславѣ; недолго держалось согласіе между его братьями; всякій хотѣлъ имѣть областей больше противъ того, чѣмъ надѣлилъ ихъ отецъ. Неправды князей волновали народъ. Изяславъ, вмѣстѣ съ Всеволодомъ и Святославомъ, ходилъ войною на полоцкаго князя Всеслава. Всеславъ бѣжалъ; братья обѣщали ему миръ и зазывали къ себѣ.

— Приди къ намъ: мы не сдѣлаемъ тебѣ никакого зла.

Во утвержденіе правды они цѣловали крестъ, и Всеславъ, довѣрясь обѣщаніямъ, переѣхалъ къ нимъ въ лодкѣ, черезъ Днѣпръ. Но Изяславъ взялъ его съ собою въ Кіевъ и здѣсь заключилъ его въ темницу вмѣстѣ съ двумя его сыновьями.

Въ то же время пришли войною Половцы; братья выступили противъ нихъ, но были побѣждены и бѣжали съ поля битвы. Кіевляне собрали на торгу совѣтъ и рѣшили просить Изяслава дать имъ коней и оружіе, чтобы еще разъ побиться съ Половцами. Князь не послушался. Народъ винилъ во всемъ воеводу Коснячка, прибѣжалъ къ его дому, но не найдя его, рѣшился бѣжать къ Всеславу, запертому въ темницѣ. Князь сидѣлъ въ это время съ дружиною на сѣняхъ. Увидя бѣгущихъ Кіевлянъ, однихъ прямо къ темницѣ, другихъ по берегу Днѣпра, ушелъ въ домъ свой и смотрѣлъ оттуда въ окно.

— Видишь, князь, народъ взволновался, говорили ему тогда приближенные его; пошли сторожить Всеслава.

— Пошли къ Всеславу, говорили другіе, пусть льстивые посланцы твои призовутъ его къ окну и умертвятъ мечемъ.

Но Изяславъ ни на то, ни на другое не согласился.

Народъ продолжалъ кричать и волноваться. Изяславъ бѣжалъ съ Всеволодомъ изъ города.

Кіевляне разбили двери темницы, вывели Всеслава и разграбили дворецъ великокняжеской.

Изяславъ грозилъ Кіеву войной.

— Если придешь войной, мы сожжемъ городъ и уйдемъ въ Грецію, отвѣчали Кіевляне. Но дѣло уладилось мирно; Изяславъ, безъ войны и кровопролитія, вошелъ въ Кіевъ и занялъ престолъ великокняжеской.

Не долго княжилъ по смерти брата Всеволодъ, и велъ тѣ же ссоры съ братьями и родственниками. Народу отъ этого было нелегче: они платили дань то тому, то другому; видѣли на своихъ поляхъ войска то одного, то другаго; начинали разучаться любить своихъ князей; забыли о просвѣщеніи, начатомъ при Владимірѣ, счастливо продолженномъ при Ярославѣ. Прежде князья ходили на войну съ наемными варяжскими дружинами; а теперь народъ самъ долженъ былъ давать воиновъ изъ своихъ семействъ; прежде онъ мирно жилъ за князьями, невѣдая ихъ ссоръ, а теперь волей-неволей обязанъ былъ принимать въ нихъ участіе.

Можетъ быть, такъ длилось бы и долго, нескончаемо долго, если бы Владиміру Мономаху не удалось утишить всѣ крамолы и не сѣсть въ Кіевѣ одному, помимо своихъ братьевъ и родственниковъ. При немъ народъ отдохнулъ, потому что Мономахъ былъ одинъ изъ мудрѣйшихъ князей, онъ любилъ народъ и зналъ всѣ

его нужды. Какъ велика была мудрость и свѣтелъ умъ его, можно видѣть изъ того поученія, которое онъ оставилъ дѣтямъ:

«Прежде всего не забывайте убогихъ, но сколько можете, по силѣ своей, кормите ихъ. Сиротъ призрѣвайте, вдовъ защищайте, и не давайте сильнымъ погубить человѣка. Ни праваго, ни виноватаго не убивайте сами, не приказывайте убивать и другимъ: а если кто и будетъ повиненъ смерти, то не мучьте, не губите въ немъ души его христіанской. Правду-ли, ложь-ли говорить вамъ прійдется, никогда не клянитесь: нѣтъ въ томъ нужды никакой; за данное слово держитесь до конца, и не отступайте отъ обѣщанія: не порочьте тѣмъ души своей. Больше же всего не имѣйте гордости ни въ умѣ ни въ сердцѣ: всѣ мы смертны, сегодня живы, завтра въ гробѣ, все что у насъ—не наше, все послѣ насъ останется, если бы и схоронили даже въ землѣ. Старыхъ людей чтите какъ отцовъ, младшихъ почитайте за братьевъ. Премудрыхъ слушайте; къ равнымъ и младшимъ имѣйте любовь; бесѣдуйте безъ лукавства, а больше смѣкайте; съ блудными женами не сближайтеся: долу очи имѣйте предъ ними, а душу горѣ. Не лѣнитесь въ семействѣ своемъ, за всѣмъ самими надзирайте, чтобы не посмѣялись надъ вами приходящіе къ вамъ, ни надъ домомъ вашимъ, ни надъ обѣдомъ. Остерегайтесь лжи, пьянства и блуда: въ нихъ погибаетъ душа, погибаетъ и тѣло. Не позволяйте ни своимъ, ни чужимъ дѣ-

лать притѣсненія ни въ деревняхъ, ни въ селахъ, чтобы не проклинали васъ потомъ. Куда бы ни пришли вы, гдѣ бы ни остановились, вездѣ напойте и накормите неимущаго. Больше же всего почитайте гостя и пришельца, откуда бы онъ къ вамъ ни пришелъ: простой-ли то человѣкъ, злой, или доброй будетъ—всѣмъ давайте брашно, всѣмъ давайте питье; странники эти пойдутъ дальше и всюду прославятъ доброту вашу и добрымъ и злымъ. Больнаго посѣщайте; мертваго провожайте, помня, что вы сами смертны; успокойте и сиротъ его, почтите ихъ добрымъ словомъ и дѣломъ. Жену свою любите, но не давайте ей надъ собою власти. Что знаете, того не забывайте, чего не знаете—спѣшите узнать, старайтесь научиться. Отецъ мой, сидя дома, узналъ и умѣлъ говорить на пяти языкахъ и оттого былъ чтимъ въ чужихъ земляхъ. Одна лѣность бываетъ причиною всякаго зла; хотите добра и счастья—не лѣнитесь. Да не застанетъ васъ солнце въ постели. Такъ дѣлалъ отецъ мой, такъ дѣлаютъ и всѣ честные, добрые люди.»

— За что мы губимъ русскую землю крамолами и распрями своими?—говорилъ Владиміръ Мономахъ братьямъ своимъ. Половцы опустошаютъ землю нашу и рады тому, что мы деремся между собою. Будемъ же имѣть отнынѣ сердце свое воедино и будемъ блюсти русскую землю.

И цаловалъ на томъ крестъ съ ними, и опять говорилъ:

— Если кто отселѣ возстанетъ на кого, на то-

го возстанемъ и мы всѣ, и будетъ противъ того крестъ честный.

— И будетъ противъ того крестъ честный и вся земля Русская — говорили въ отвѣтъ ему братья; но не сдержали слова. Распри продолжались, войны не переставали, злодѣйства творились: Святополкъ ослѣпилъ князя Василька, вырѣзавъ ему обѣ зѣницы.

— За что ты сотворилъ такое зло въ землѣ русской? — говорилъ Святополку Владиміръ. — За что вонзилъ ты ножъ въ насъ? зачѣмъ ослѣпилъ ты брата своего? если бы провинился онъ чѣмъ-нибудь предъ тобою, то обличилъ бы его передъ нами: мы положили бы свой общій судъ.

— Воистину только отцы наши и дѣды блюли землю русскую, а мы хотимъ погубить ее!—говорилъ со слезами Мономахъ, когда пришли къ нему посланные отъ міра кіевскаго и просили уладить ссоры между братьями, чтобы не радовались ссорѣ этой враги сосѣдніе и не распалась бы земля русская, которую собрали и держали въ правдѣ отцы и дѣды.

Но распри не прекращались и, послѣ его смерти, усилились еще съ большею жестокостію въ послѣдующія времена, на пагубу народа. Некогда было православнымъ людямъ учиться уму-разуму, некогда было даже помышлять о своемъ насущномъ. Братъ княжескій возставалъ на брата, племянникъ шелъ противъ дядей; города переходили изъ хищныхъ рукъ одного въ неменѣе хищныя руки другаго. Народъ выжидалъ съ каж-

дымъ новымъ княземъ мира и спокойствія, но выждалъ новую бѣду, еще горшую прежнихъ. На русскую землю навалила туча злыхъ нехристей, дикихъ татаръ-монголовъ, налегла она на народъ православный и задавила всю Русь святую. Долго тяготѣло надъ нами это татарское иго, о которомъ и до сихъ еще поръ не забыли наши старинныя пѣсни и сказанія. Объ немъ-то мы и думаемъ вспомнить и побесѣдовать на слѣдующій разъ.

С. МАКСИМОВЪ.

III.

КТО ЧЕЛОВѢКЪ, ТОМУ СРОДНО ВСЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ.

Когда Господь Богъ создалъ перваго человѣка Адама, и сотворилъ ему помощницу—Евву, то благословилъ ихъ и сказалъ: «растите́сь и множите́сь, и наполняйте землю, и обладайте ею.»—И стали люди плодиться и множиться, стали наполнять землю и обладаютъ ею, отъ начала вѣковъ и донынѣ.

Отъ сотворенія перваго человѣка до Рождества Христа-Спасителя прошло 5,508 лѣтъ, а отъ

Рождества Христа-Спасителя до нашихъ дней истекаетъ 1858-ой годъ: стало быть, родъ человѣческій разростается, плодится и множится вотъ уже 7,366-ой годъ.

Много въ это время народилось народа; много его перемерло своею смертію, многіе изгибли преждевременно. Припомнимъ ноевъ-потопъ, когда уничтоженъ былъ весь родъ человѣческій, за исключеніемъ лишь одного Ноева семейства; припомнимъ моровыя повѣтрія и лихія болѣзни, и прежде и на нашей памяти похитившія многія тысячи народу; припомнимъ разныя другія бѣдствія, и особенно войны и междоусобія, въ которыхъ льются потоки неповинной крови и прекращается жизнь многаго множества людей. Отъ начала вѣковъ и донынѣ, родъ человѣческій не избѣгалъ этихъ бѣдствій.

Несмотря на эти неестественныя, стало быть насильственныя, опустошенія, порождаемыя либо враждою людей противъ людей, либо враждою противъ людей самой природы — нашъ земной шаръ кишитъ человѣческою дѣятельностію и день-ото-дня все болѣе и болѣе подчиняется обладанію людскаго рода, покоряется волѣ расплодившихся на немъ потомковъ нашихъ праотцевъ.

На земномъ шарѣ считается теперь всѣхъ жителей, круглымъ счетомъ, тысяча мильйоновъ человѣкъ. Народы, самые богатые числомъ душъ, обитаютъ въ разныхъ частяхъ свѣта, но болѣе всего скопилось ихъ въ Европѣ и въ Азіи. Европа — это та сторона, гдѣ лежатъ сосѣднія

съ нами христіанскія государства; Азія—тамъ, гдѣ живутъ менѣе насъ, русскихъ, образованные народы, магометане и язычники. Настоящая грань между Европой и Азіей—горы уральскія и кавказскія и море каспійское: что по-сю-сторону ихъ, на западъ—то Европа; что за ними, по-ту-сторону—то Азія. Наше Царство Россій-ское, наша Русь православная, раскинулась, матушка, и тутъ, и тамъ, съ обоихъ концовъ, широкимъ раздольемъ, но лучшія части свои, цвѣточки, приберегла она для Европы, а гдѣ Сибирь, гдѣ киргизская степь—то Азія.

Самые богатые, по многолюдству своему, народы—это Китайцы въ Азіи: счетомъ ихъ полагается, примѣрно, триста мильйоновъ душъ. Сторона эта лежитъ у насъ сосѣдомъ съ крайняго востока. На полдень отъ насъ, въ Азіи же, хоть и не совсѣмъ нашъ сосѣдъ, а не больно же отъ насъ далеко, другой многолюдный народъ —это Индійцы, или Индусы: ихъ считается тоже близко двухъ сотъ мильйоновъ.

Многолюдный народъ выходитъ и русскіе. Всѣхъ обитателей въ русскомъ царствѣ насчитать можно близко семидесяти мильйоновъ, включая въ это число и татаръ разныхъ, и калмыковъ и другихъ мелкихъ народцевъ. Одного кореннаго, близкаго намъ по крови славянскаго племени съ полсотни мильйоновъ наберется въ одной Россіи, то есть чистыхъ Русскихъ, Малороссовъ, Сербовъ и Поляковъ.

Но кровное наше славянское племя не въ од-

ной Россіи живетъ: много нашихъ соплеменниковъ обитаетъ въ остальной Европѣ, и въ близкомъ и въ неблизкомъ сосѣдствѣ отъ Россіи: есть родныя наши племена во владѣніяхъ турецкаго султана, а то есть нѣсколько мильйоновъ нашихъ братій подъ державой австрійскаго императора. У этого австрійскаго государя въ подданствѣ находятся различные народы, и Славяне, и Русины, и Поляки, и Венгерцы, и Нѣмцы, всего до сорока мильйоновъ душъ. Нѣмецкій народъ не составляетъ сплошнаго единаго государства. Вся сторона, населенная Нѣмцами, называется Германіей и дѣлится на нѣсколько десятковъ государствъ; но и кромѣ Германіи, множество Нѣмцевъ находится въ подданствѣ, часть у Россіи, часть у Австрійца, частичка у Датчанина и малая толика у Француза: всѣхъ же Нѣмцевъ въ Европѣ будетъ навѣрное небольше полусотни мильйоновъ душъ.

Далѣе за Нѣмцами живутъ Французы: ихъ счетомъ всего тридцать шесть мильйоновъ; за французской землей на огромныхъ островахъ обитаетъ англійскій народъ: его всего на все двадцать восемь мильйоновъ. Есть и еще другіе народы—да вѣдь мы здѣсь не всѣхъ ихъ пересчитываемъ.

Но кромѣ Европы просвѣщенной и кромѣ непросвѣщенной Азіи, есть еще части свѣта или обширнѣйшія страны: Африка, со множествомъ христіанскаго, магометанскаго и языческаго населенія, и Америка, теперь почти вся сплошь населенная разнымъ христіанскимъ народомъ. Эта

сторона, Америка, стала населяться ими только въ недавнее время: прежде люди про нее и не слыхивали. Сторона эта лежитъ за далекимъ моремъ-окіаномъ, куда и слѣду никакого не было. Только въ одно время, одинъ ученый человѣкъ, по имени Христофоръ Колумбъ, прикинувъ на планѣ земнаго-шара всю извѣстную тогда землю, то есть Европу, Азію и Африку, замѣтилъ, что если на бѣломъ свѣтѣ существуютъ только эти три страны, то должно по расчету выходить, будто больше половины всего шара земнаго покрыто великимъ моремъ.

Вотъ этотъ Христофоръ Колумбъ и сталъ доходить своимъ умомъ: можетъ ли это такъ быть? можетъ ли статься, чтобы Господь Милосердный больше половины цѣлаго свѣта, отданнаго имъ въ обладаніе человѣку, закрылъ недоступнымъ ему окіаномъ?—Христофоръ Колумбъ и рѣшилъ своимъ человѣческимъ разсудкомъ, что такъ дѣло быть не можетъ, и что непремѣнно должна, гдѣ-нибудь далеко, существовать обширная земля, которая съ той стороны земнаго-шара должна подходить *подъ-пару* тогда извѣстной землѣ по этой сторонѣ окіана, около котораго лежитъ Европа съ Африкой: а дѣло извѣстное было, что и Азія тоже замыкается обширнымъ окіаномъ.—Не день, и не два, а цѣлые годы мучила эта мысль Христофора Колумба. Наконецъ, съ помощію Божіею, удалось ему уговорить короля своей испанской земли, чтобы онъ далъ ему корабль и пустилъ бы развѣдать: точно ли между Европой и Афри-

кой съ одной стороны, и Африкой и Азіей съ другой стороны нѣтъ ничего, кромѣ неизмѣримаго окіана?

Король испанскій сперва на это не соглашался, но послѣ, когда ему толкомъ разъяснили, что Земля—шаръ(чему прежде люди не вѣрили) и самъ поразсудилъ, что извѣдать—нѣтъ ли на свѣтѣ новыхъ землицъ было бы дѣло хорошее: попытка не шутка, да и спросъ не бѣда! Смекнулъ онъ, что если Земля—точно шаръ; если между однимъ краемъ Европы и другимъ краемъ Азіи—морекіанъ лежитъ, такъ Христофоръ Колумбъ, сѣвши на корабль въ Испаніи, долженъ былъ объѣхать Азію и оттуда водой же, на кораблѣ домой воротиться. А если на окіанѣ есть большая земля: то эта земля не дастъ кораблю хода и Колумбъ долженъ будетъ непремѣнно на эту землю наткнуться, если только она дѣйствительно существуетъ.

Порѣшилъ испанскій король дѣло тѣмъ, что далъ Колумбу корабль, далъ ему матросовъ и войска и снабдилъ его на дорогу провизіей вдосталь. Христофоръ Колумбъ, помолился Господу-Богу, простился съ родными и пустился въ невѣдомый путь, въ дальную дорогу, понадѣявшись и твердо вѣруя, что просвѣщенный наукою разумъ, которымъ Господь-Богъ, изъ всѣхъ тварей земныхъ, одѣлилъ единый родъ человѣческій — не обманетъ его въ истинѣ и выведетъ его изъ мрака невѣдѣнія на путь правый.— И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, Христофоръ Колумбъ, на удивленіе всѣхъ, воз-

вращается съ радостною вѣстію: онъ открылъ огромную, новую часть свѣта, которая величиной своей превосходитъ пространство всей Европы. Эту страну прозвали потомъ Америкой, а другую, тоже по слѣдамъ Колумба открытую, пятую часть свѣта—Австраліею, а прилежащіе къ ней въ окіанѣ острова—Океаніею. Поэтому-то Америка и Океанія съ Австраліею зовутся нынѣ Новымъ-Свѣтомъ, а Европа, Азія и Африка, какъ искони извѣстныя людямъ—именуются Старымъ-Свѣтомъ, древнимъ-міромъ.

Открытіе Колумбомъ Америки произошло въ 1492 году по Рождествѣ Христовѣ, то есть черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ того, какъ русскій народъ сверг-нулъ съ себя иго монголо-татаръ, тяготѣвшее надъ бѣдною Русью почти цѣлыя двѣсти сорокъ лѣтъ.

Самое удивительное и самое великое на бѣломъ-свѣтѣ то, что какъ ни разрознены по разнымъ частямъ свѣта, по разнымъ странамъ, по разнымъ государствамъ, и по разнымъ племенамъ эти тысяча мильйоновъ душъ обитателей всего земнаго-шара, но всѣ эти несмѣтные *народы между собой братья, ближніе*, не по одному только названію, не по одной заповѣди Христа-Спасителя, а по самой природѣ человѣческой, по чувствамъ, по нуждамъ и по потребностямъ. Рука Провидѣнія, сотворивъ человѣка, крѣпко, несокрушимо, неразрывно связала все его потомство, скрѣпила вся племена земная разнообразіемъ нуждъ каждаго народа и необходимою помощію и содѣйствіемъ, которыя обоюдно, неза-

вѣдомо самому человѣку, возникаютъ у людей между самыми отдаленными племенами.

Вглядись хорошенько что̀ кругомъ самого тебя дѣлается, да раскинь умомъ-разумомъ пошире —и ты увидишь, что кромѣ единства человѣческой души во всемъ родѣ человѣческомъ, есть еще другая, тоже прямая, связь между народами —единство выгодъ, нуждъ, потребностей.

Привезъ православный крестьянинъ въ Одессу пшеницу. Въ Одессѣ купилъ пшеницу Французъ и увезъ ее за море въ Англію. Англичане пшеницу съѣли и поѣхали моремъ въ Китай чай покупать. Въ Китаѣ расплатились они за чай ситцами, а ситцы выдѣланы были у нихъ изъ хлопчатой бумаги, которую и къ нимъ и къ намъ въ Питеръ доставили Американцы. По пути въ Китай, заѣхали англійскіе купцы въ Индію и съ подвластныхъ себѣ тамошнихъ Индусовъ, или Индѣйцевъ, собрали кубовой краски, надѣясь расчитаться за нее тѣмъ что̀ выручатъ за китайскій чай. Корабль то у Англичанъ сдѣланъ изъ русскаго лѣса, да и ѣдятъ они хлѣбъ, купленный въ Россіи, а за то бабы наши красятъ крашенину кубовой краской, которую вывозятъ изъ Индіи заморскіе купцы. Стало быть, не будь Француза— въ Одессѣ пшеница не была бы продана, а у тетки Матрены холсты не были бы выкрашены, а какъ смѣкнешъ дѣло поближе, то и увидишь, что для послѣдней мѣщанской бабы, привыкшей къ кофеямъ, да къ тому, да къ другому, всѣ народы земные службу свою справляютъ. Чтобъ

ей напиться кофею—для нея тысячи народа работаютъ на засѣянныхъ кофеемъ поляхъ Африки; чтобъ ей прикусить кофей сахаромъ—тысячи народа трудятся, обработывая сахарный тростникъ въ Америкѣ; чтобъ ей голову повязать шелковымъ платочкомъ—тысячи народа въ Азіи прикармливаютъ того червячка, который шелкъ изъ себя испускаетъ, а богородскіе крестьяне ткутъ изъ этого шелка матеріи на фабрикѣ московскаго купца; захочетъ она связать себѣ бумажные чулки—Американцы для нея везутъ въ Питеръ хлопчатую бумагу на корабляхъ, Англичане дѣлаютъ машины, чтобы изъ хлопка пряжу выпрясть, а Швеція приготовляетъ для нея желѣзо, чтобъ бельгійскіе мастера на своихъ заводахъ приготовили ей прочныя вязальныя иголки. Вѣдь мы далеко-не-на-все указали, а ужь успѣли насчитать много чужеземныхъ и дальнихъ народовъ, безъ которыхъ русской женщинѣ въ вѣкъ бы просидѣть безъ кофею, безъ чаю, безъ шолковаго платочка на головѣ, безъ дешевыхъ бумажныхъ чулокъ на ногахъ. То же самое и съ православнымъ крестьяниномъ: Американцы служатъ ему хлопчатою бумагой для ситцевой рубахи; Англичанинъ служитъ своими машинами для ткачества; Нѣмцы даютъ на это мастеровъ; Французы присылаютъ рисунки для ситцевыхъ узоровъ; Турки шолку даютъ для праздничнаго пояса... А для того, чтобъ Американцы, Французы, Англичане, Нѣмцы да Турки потрудились для одной ситцевой рубахи про русскаго мужичка, нужно же

вѣдь, чтобъ и для нихъ кто нибудь тоже потрудился, для какихъ нибудь собственныхъ ихъ надобностей. И выйдетъ круговая порука между всѣми народами, въ какихъ бы дальнихъ краяхъ они ни обитали. Индусъ ли, Ирландецъ ли, Француз, или Итальянецъ, африканской житель, или Китаецъ, обитатель Австраліи или Бедуинъ изъ Алжира—всѣ они связаны общей выгодой. У насъ пенька, у другаго кубовая краска, у третьяго отличныя кожи, у четвертаго сукно, у пятаго бархатъ, у шестаго чай, у седьмаго сталь, у восьмаго квасцы, у девятаго машины, а у десятаго—одинъ царь въ головѣ, вмѣсто всякаго товара: а хорошій складъ ума, просвѣщеннаго познаніями и наукой, дороже самаго многоцѣннаго товара—онъ и этого человѣка кормитъ и обогащаетъ, и другихъ многихъ людей добру поучаетъ, свѣтомъ истины озаряетъ и всякою благодатію душевною и тѣлесною надѣляетъ.

Вотъ теперь, разумная голова, и смѣкай: если я человѣкъ—такъ, стало быть, все человѣческое, все что до человѣка касается, не должно быть мнѣ чуждымъ, а должно быть моимъ роднымъ, сердечнымъ. *Всѣ мы люди—всѣ мы братья*, и не по одной плоти, но и по духу. А чтобъ увѣдать то, что человѣку разумному должно быть близко къ сердцу—нужно знаніе, а познанія даются намъ изъ книжекъ больше, чѣмъ изъ простыхъ расспросовъ. Стало быть, умнаго человѣка, гдѣ можно, пытай-выспрашивай, а, главное дѣло, почаще въ книгу заглядывай, въ книгахъ ищи себѣ

для ума и для сердца пищи духовной и ежечасно помни слова Христа-Спасителя: «не единымъ хлѣбомъ сытъ бываетъ человѣкъ, но и Словомъ Божіимъ.» Слово же Божіе сказывается не въ одномъ Писаніи, а во всякомъ благомъ дѣлѣ, гдѣ премудрый Творецъ взыскалъ человѣка духомъ живымъ, то есть совѣстью и разумомъ, а совѣсть и разумъ просвѣщаются познаніями, наукой—и все это идетъ на службу человѣкамъ, на благо общее, во славу Божію.

Возьми въ примѣръ то, что какой нибудь христолюбивый Англичанинъ произошелъ всю премудрость наукъ, которыя зовутъ математикой и астрономіей. Не благослови Господь человѣка этой премудростію—корабли бы по морямъ не плавали, человѣкъ по звѣздамъ пути бы не нашелъ, а безъ кораблей насидѣлись бы мы не только безъ товаровъ заморскихъ, да и своихъ то домашнихъ излишковъ куда дѣвать, ума бы не приложили. А вотъ теперь, когда корабли есть и когда море дѣлается послушнымъ волѣ человѣка, мы и хлѣбецъ свой веземъ за море, и пеньку отправляемъ, и ленъ въ чужіе края шлемъ, и лѣсомъ торгуемъ: мало-ли чѣмъ мы съ заморскими сторонами не промышляемъ? потому и заработываемъ деньгу и живемъ своими трудами честно и спокойно.

Есть другая наука. зовется механика. Умудрилъ Господь человѣка, Англичанина Ватта, всю эту науку произойти. Ваттъ, какъ добрый христіанинъ, подумалъ о своихъ ближнихъ, всѣмъ сердцемъ и

всѣмъ помышленіемъ своимъ пожелалъ роду человѣческому принести посильную пользу—и Господь взыскалъ его за его молитвы, умудрилъ его изобрѣсти, найдти новую силу въ томъ, что и тысячи лѣтъ было людямъ извѣстно, да чѣмъ они цѣлыя тысячи лѣтъ не умѣли пользоваться вдосталь. Этотъ Ваттъ изобрѣлъ паровую машину, то есть заставилъ паръ отъ кипяченной воды дѣйствовать такъ какъ человѣкъ ему *прикажетъ*, приставивъ къ машинѣ разныя трубки, поршни, колеса и рычаги: и вотъ изнурительный трудъ работящаго бѣдняка теперь облегченъ машиной, которая пить-ѣсть не проситъ, рабочихъ часовъ не просыпаетъ, узенькаго воскресенья не справляетъ, и зеленымъ виномъ себя не отуманиваетъ. А чрезъ это у работящаго человѣка силы не слабѣютъ, здоровье не разрушается, да и дѣло выходитъ споръе и вольготнѣе. Не будь паровой машины—гдѣ бы бѣдному мужику ситцевую рубаху да плисовые шаровары себѣ за-дешево справить? и какъ бы успѣть промышленному крестьянину изъ Питера въ Москву перемахнуть въ однѣ сутки, безъ лошадей въ крытой повозкѣ, по чугункѣ, поспѣть безъ хлопотъ, безъ заботъ? Вѣдь это шесть сотъ верстъ: по полусотнѣ въ сутки пѣшкомъ отмахивать—такъ и то двѣнадцать день ногами безъ устали работать прійдется! А хлѣба то сколько въ двѣнадцать сутокъ за-даромъ проѣшь? а холоду-то, да устали сколько натерпишься? А теперь одиннадцать сутокъ въ карманѣ: знай зарабатывай трудовую копейку. Ну, а не будь Англи-

чанинъ Ваттъ? не заставь онъ паръ слушаться человѣка? пропащее бы дѣло вышло (*)!

Такъ-то и все оно, коли къ примѣру прикинуть.

Есть и еще премудрость—химія зовется. Съ перваго взгляда—не мое, кажись, дѣло: а знаешь химію—и краску всякую составить можешь и деше-

---

(*) Когда Французъ въ Москвѣ былъ, такъ съ того времени, то есть съ 1812 рода, начали строить у насъ шоссейныя дороги. Въ 45 лѣтъ, съ 1812 по 1857 г., ихъ у насъ отстроено пять съ половиной тысячъ верстъ, да сдѣлана чугунка изъ Питера въ Москву. А теперь, какъ нынѣшній государь воцарился, не прошло еще и четырехъ лѣтъ, а ужь однихъ чугунокъ строится больше пяти тысячъ верстъ, чтобъ у рабочаго человѣка времени не пропадало задаромъ, когда онъ самъ на заработки отправиться вздумаетъ, или товаръ въ дальній путь отправить захочетъ. Не успѣешь оглянуться, какъ, въ какія нибудь, восемь лѣтъ, совсѣмъ ужь излажены будутъ къ концу чугунки: 1) изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ, 2) изъ Москвы въ Саратовъ, 3) изъ Москвы въ Курскъ, 4) изъ Курска въ Харьковъ и въ Ѳеодосію, 5) изъ Курска въ Кіевъ и въ Одессу, 6) изъ Курска въ Динабургъ, 7) изъ Динабурга въ Псковъ, 8) изъ Динабурга въ Либаву, 9) изъ Динабурга въ Варшаву, 10) изъ Вильны въ Кёнигсбергъ, 11) съ Волги отъ Царицына до Дона и 12) изъ Питера въ Красное Село.—Да къ тому гото- во ужь 13) изъ Питера въ Москву, 14) изъ Питера въ Царское-Село, въ Павловскъ, 15) изъ Питера въ Петергофъ и 16) изъ Питера въ Псковъ. — Какъ не благодарить за это Господа Бога, какъ не молиться намъ, братцы, за нашего Царя Православнаго, всю душу свою полагающаго на благоденствіе и счастіе своего православнаго христіанства! Вѣдь насъ съ вами, братцы, у него почитай семьдесятъ мильйоновъ!

во, и споро; и мастерству разному скорѣе излов-чишься... да чего ужь проще скотское сало, или взять примѣромъ, бычачья или конская кожа? А химіи не знаешь—и сала порядкомъ, безъ изъяна, вытопить не съумѣешь, пригодной въ дѣло свѣчи не отольешь, да и шкуры скотской впрокъ выдѣлать не сможешь, а только что дѣло испортишь, себя въ бѣду введешь, всю семью объизъянишь.

Не чуждайся познаній, не чуждайся науки: то не колдовство, не нечистый духъ, гдѣ разумъ человѣка умудряется къ благу ближняго; разумъ отъ Господа-Бога—только имъ однимъ Творецъ Всевышній отличилъ насъ отъ прочаго созданья, отъ разной твари, отъ всякой скотины. Не бойся же свѣта, не бѣги его, а помни, что если ты точно человѣкъ, какъ быть должно истинному человѣку, то ничто человѣческое недолжно быть тебѣ чуждымъ: все человѣческое должно быть твое, родное, задушевное, сердечное.

Учиться никогда не грѣхъ и никогда не поздно. Грѣшно одно—не стараться узнавать больше того, что ты на дѣлѣ знаешь. Для этого Господь далъ намъ особенную способность, любопытство и любознаніе. Доходи до всего, старайся узнать все что затрогиваетъ твою душу, чего допытывается умъ, но не останавливайся, не говори: «съ меня довольно! къ чему мнѣ это?»–Это грѣхъ большой. Вся жизнь наша должна проходить въ стараніи сдѣлать себя лучше, честнѣе, правдивѣе, знающѣе, умнѣе. На этой дорогѣ намъ нѣтъ

остановокъ: есть только движеніе впередъ. Но бѣда тому, кто назадъ попятится: онъ рабъ лукавый и лѣнивый, погубляющій данный ему отъ Господа талантъ.

Жизнь нашу ни къ чему ближе и вѣрнѣе нельзя приравнять, какъ къ великой рѣкѣ. Мы, на жизненномъ нашемъ пути, должны умомъ трудиться и день-за-днемъ, шагъ-за-шагомъ, подвигаться все впередъ, да впередъ, подниматься все выше и выше, пробираясь къ началу, къ источнику всякой благодати—къ Создателю нашему, Господу-Богу. Мы плывемъ по жизненной нашей рѣкѣ противъ стремленія потока, противъ волнъ, противъ людскихъ треволненій. На утломъ челнокѣ нашемъ работаемъ мы, словно веслами, трудясь всѣми силами души своей и разсудка. Чтожь выйдетъ, если мы подъ часъ вздумаемъ, не добравшись до пристани,—а пристанище наше у гроба—если мы вздумаемъ на дорогѣ отдохнуть и спокойно опустимъ руки, сложимъ на днище весла наши, силы нашей души и разсудка? двинется ли впередъ, хоть на пядень, нашъ челночекъ? Нѣтъ, онъ не двинется! остановится ли онъ на томъ же мѣстѣ, станетъ ли онъ поджидать, пока мы отдохнемъ, да снова приняться за работу вздумаемъ? Нѣтъ. Суденышко наше не будетъ стоять недвижимо, не станетъ насъ поджидать! —Что же оно? оно поплыветъ назадъ! Волненіемъ ли, или безъ волненія, но его вмѣстѣ съ человѣкомъ непремѣнно, однимъ стремленіемъ струи, однимъ теченіемъ жизненнаго потока, увлечетъ

назадъ да назадъ, понесетъ все ниже и ниже! и погубитъ человѣкъ данный Богомъ талантъ безъ обмѣна съ ближними, безъ обогащенія ея духовною лихвою!.. «Рабъ лукавый и неключимый!» воззоветъ тогда Господь къ совѣсти грѣшника: —«лукавый рабъ и лѣнивый! Возмите убо отъ него талантъ и дадите имущему десять талантъ. Имущему бо вездѣ дано будетъ и преизбудетъ: отъ неимущаго-же и еже мнится имѣя взято будетъ отъ него (Матѳея XXV—26, 28 и 29).

И такъ и совѣсть и разсудокъ повелѣваютъ намъ не гноить своихъ способностей и не заглушать пытливой силы любознанія, а сходиться съ людьми и обмѣниваться съ ними рѣчами и умными совѣтами, и разузнавать все доброе и для насъ полезное изъ книжекъ. Но кромѣ того, и собственныя наши выгоды, собственое наше благосостояніе основаны на сношеніяхъ, на «общеніи» съ людьми.

Вы видѣли, какъ все въ мірѣ колесомъ идетъ, какая сильная связь, словно круговая порука, существуетъ между всѣми народами, даже самыми разнородными и на огромныя пространства одно отъ другаго отдаленными.—Что же служитъ этою связью народовъ? въ чемъ высказывается эта непремѣнная зависимость ихъ одного отъ другаго? въ чемъ яснѣе всего виднѣется общеніе между ними?

Разумный человѣкъ давно и самъ изъ нашихъ словъ догадался, что связей этихъ между людьми двѣ. Одна—какъ-бы сказать, духовная: это наука,

знаніе, познанія, просвѣщеніе, или, что все одно —свѣтъ истины. Русскіе люди, съ незапамятныхъ временъ, давно порѣшили это дѣло, сложивъ пословицу «ученье—свѣтъ, а неученье—тьма», то есть что познанія—благодать, а невѣжество, коснѣніе во мракѣ—грѣхъ, пропащее дѣло. Просвѣщеніе связываетъ всѣ народы въ одну общую семью, и плодами просвѣщеннаго ума наслаждается все человѣчество. Наука, какъ солнышко ясное, льетъ свѣтъ свой на всѣхъ одинаково, никого незабывая; оно равно грѣетъ богача и бѣдняка, счастливца и горемыку: но кому больше дано свѣту отъ собственнаго разсудка—тому и еще приложится, а кто и слабыя способности ума въ себѣ потушаетъ и безобразитъ—у того и послѣднія крохи разсудка отнимутся.

Другая связь между людьми, рядомъ съ духовною связью, есть связь, такъ-сказать, тѣлесная: это торговля. Торговля бываетъ или *внутренняя*, когда и покупщики и продовцы живутъ и торгуютъ въ одномъ и томъ же государствѣ. Напримѣръ, если рязанскій купецъ торгуетъ съ харьковскимъ купцомъ, или лифляндскій торговецъ купитъ что нибудь у казанскаго Татарина, а самъ продастъ товаръ Калмыку, казанскій же Татаринъ перепродастъ тифлисскому Армянину и войдетъ въ новый торгъ съ сибирскимъ Остякомъ,—то весь оборотъ всѣхъ этихъ торговцевъ, совершаемый внутри Россіи, относится ко внутренней торговлѣ. Здѣсь сближаются только жители одного и того же государства.

Та же торговля, гдѣ сближаются жители различныхъ государствъ, гдѣ заводятся невидимыя связи между многими народами земными—та торговля зовется *внѣшнею*.

Азія страна огромная: она по виду больше всей Европы и Африки; но смѣтливый русскій человѣкъ давнымъ давно сложилъ пословицу «велика Ѳедора, да дура». Во сколько кратъ земля Азіи ни превосходитъ величиной своей Европу, однакожъ въ ней ни просвѣщенія нѣтъ такого какъ въ Европѣ, ни торговли внѣшней нѣтъ такой; нѣтъ, разумѣется, и такихъ огромныхъ капиталовъ, какіе есть у жителей Европы. Самыя богатыя части свѣта въ этомъ отношеніи Европа да Америка. Въ Америкѣ промышленный купечествующій людъ населяетъ цѣлое пребольшущее государство, которое называется Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Годовой оборотъ ихъ внѣшней торговли, то есть что изъ-за моря купилъ и что самъ за-море продалъ съ весны до весны, составляетъ почти восемьсотъ мильйоновъ серебрянныхъ рублей.

Въ Европѣ промышленность еще ходчѣй идетъ: тутъ можно приложить старинную русскую пословицу: «и маловата птичка соловушко—да поетъ голосисто»! Одна Англія торгуетъ въ годъ на тысячу мильйоновъ рубликовъ, да Франція на восемьсотъ пятьдесятъ мильйоновъ рублей въ годъ, да въ нѣмецкой сторонѣ нѣсколько небольшихъ государствъ другъ съ дружкой артель такую составили: тѣ въ годъ торгуютъ по внѣшней

торговлѣ на триста шестьдесятъ мильйоновъ цѣлковиковъ. А то есть еще, рядомъ съ Франціей, маленькое государство—королевство Бельгія: штучка не важная! всю земельку этого королевства легко упрятать въ самую малоземельную русскую губернію. На что̀ ужь губернія тульская, или московская? меньше ихъ въ цѣлой Россіи нѣтъ ни одной! такъ если бельгійское королевство пересадить на мѣсто московской губерніи, то оно не только спокойно здѣсь само уляжется, да еще и залишекъ останется для любаго нѣмецкаго владѣньица. И народу въ Бельгіи не Богъ же знаетъ сколько: всего четыре мильйона съ половиной душъ, а торгуютъ они въ годъ на триста тридцать мильйоновъ серебрянныхъ рублей!

Вотъ я насчиталъ вамъ въ Европѣ только четыре страны, въ которыхъ жителей всего на все мильйоновъ сто душъ, а годовой оборотъ ихъ торговли простирается болѣе чѣмъ на двѣ съ половиною тысячи мильйоновъ рублей серебромъ: подумайте только что̀ значитъ *мильйонъ* рубликовъ серебрянныхъ, а здѣсь не о мильйонахъ рѣчь, а о двухъ съ половиною *тысячахъ мильйоновъ!* И это только по внѣшней торговлѣ.

Наша Русь православная, разумѣется, не можетъ услѣдить за всѣми: она, почитай, и помоложе всѣхъ на свѣтѣ, да и не успѣла до всего сама дойдти. Припомните только одно, что въ Европѣ всѣ народы были уже христіанскими государствами, и знали грамоту, а предки наши, Славяне, были еще темные дикари и язычники; потомъ насъ

одолѣла татарская сила: двѣсти сорокъ лѣтъ мы были подъ ихъ гнетомъ, дѣло не шуточное! до передоваго ли движенія тутъ было нашей жизненной ладьѣ. Многое надъ нами сбывалось горькое и непутное, а скороспѣлыми выскочками сдѣлаться мы не могли, дорости до другихъ не умѣли. Ну, конечно, и внѣшняя торговля у насъ пощеголять собою не можетъ, а все-таки мильйончиковъ на двѣсти въ годъ оборотцу имѣемъ.

Подъ-пару намъ, не щеголяетъ своей внѣшней торговлей и сосѣдка наша, австрійская имперія: у ней тамъ тоже свои обстоятельства имѣются, свои извиненія на это найдутся.

Не слишкомъ же важно идутъ дѣлишки и у турецкаго султана: ну, да вѣдь Турція только переднимъ концомъ смотрится въ Европу, а то вѣдь она вся настоящая Азія. Ну, а ужь коли сказано что Азія—такъ ужь пиши пропало. Невѣжество да нищета, прижимки да неправосудіе, изувѣрство и алчность — вотъ чѣмъ въ Азіи все отзывается.

ПАВЕЛЪ НЕБОЛЬСИНЪ.

IV.

НАДЕЖА.

I.

Надёжа по шестому году сиротою осталась... Покорная, тихая была дѣвочка, а ужъ какая сердечная, любящая! ты только призадумайся, запечалься, она не отойдетъ отъ тебя: и поплачетъ вмѣстѣ, и потужитъ; смотришь—тоску твою развѣяла... И гдѣ она словамъ такимъ нѣжнымъ научилась? гдѣ уговорамъ тихимъ да ласковымъ?

Прежде она между людьми маялась: то у того поживетъ, то у другаго побудетъ. Работница она была славная, такъ никто ею не тяготился, всякій еще радъ былъ; потомъ мы ее просили, она къ намъ перешла. Мы съ сестрою старухи одинокія, хворыя,—занеможемъ, некому воды испить подать. А какъ она за покойницей сестрой ухаживала! какъ дочь родная! бывало, ночей не спитъ,

моя голубка бѣлая! скончалась сестра,—меня утѣшала, покоила... Рѣдкое было сердце, доброе, вѣрное!

Время-то какъ бѣжитъ! давно ли, кажись, Надёжа малолѣточекъ была, а вотъ ужъ Надёжа и невѣста. Статная, высокая, легкая, какъ птичка, коса русая, длинная, словно золото блестящая; глаза тихіе, печальные, улыбка ласковая, голосъ задушевный... Приглянулась она Ивану Петрову. Иванъ хозяинъ молодой, зажиточный; послѣ родителей покойныхъ добра не мало наслѣдовалъ... Ни братьевъ, ни сестеръ у него, самъ всему голова, женихъ завидный былъ... а изъ себя красавецъ: цвѣтущій, веселый, ловкій, дѣвушки просто сохли по немъ... Вотъ и приглянись ему Надёжа... Сталъ онъ съ ней заговаривать, сталъ ласкаться.. куда бъ она не пошла, онъ ужъ и подстерегъ; встрѣтитъ ее, подходитъ, рѣчи ласковыя говоритъ, сердечныя....

А ужъ она-то какъ беззавѣтно его полюбила!

Все чаще да чаще они сходятся; стали люди замѣчать, стали поговаривать... Дѣвушки посмѣиваются... Которая, можетъ, сама на Ивана то мѣтила, не удалось, вотъ и сердце беретъ... А я ничего не знаю, не вѣдаю; да и гдѣ старухѣ увидать? отъ кого услыхать? Зима стояла студёная, то я и за порогъ не вышла. Какъ-то ужь весною, выбралась я въ праздникъ на улицу; сижу да грѣюсь на солнышкѣ, и Надёжа около меня, такая задумчивая... Скажетъ слово, да и заду-

мается, а я тоже не говорлива: дѣло мое хворое, дряхлое—сижу да кряхчу.

Идутъ дѣвушки мимо.

— «Здравствуйте», говоритъ имъ Надёжа ласково такъ, привѣтливо,—«куда это вы идете? сѣли бъ съ нами, посидѣли-поговорили».

— А что, видно тебѣ безъ Ивана-то тошно?— затараторила Марѳа Кругликова, такая бойкая, пересмѣшница всесвѣтная была!—Какъ его нѣту, то и насъ зазываешь. Ужъ ты лучше съ нимъ водись-знай, а намъ ты не пара!—

— «Вотъ воротится съ ярмарки, гостинцевъ навезетъ!—» подхватила другая.

Засмѣялися звонко дѣвушки и пошли себѣ.

— «Ахъ вы озорницы!» крикнула я на нихъ,—а Надёжа меня за руку. «Не говори, не говори, родная». Молитъ, побѣлѣла, вотъ что твое полотно бѣлое, «сама я виновата»!

— И, что это ты на себя взводишь, касатка!— говорю ей, да по головкѣ ее глажу:—жаль мнѣ стало бѣдняжечку!

— Виновата, сама виновата! сама я свою славу дѣвичью погубила!

Слезы у ней въ три ручья.

— Вотъ то-то голубушка, говорю, меня, старуху, чуждалась... я бъ тебѣ совѣтъ добрый подала, я бъ тебя поруководила! что ты еще? молодая голова, неразумная! долго-ли, мудрено-ли обмануть-то!—

«Обмануть! вскрикнула. *Онъ* не обманетъ...

*

только, тетушка милая, горько мнѣ, что люди насъ судятъ!.. Что-жъ, надо терпѣть»!

— Перемелется—мука будетъ, Надёжинька! Выйдешь за него замужъ, заживете, припѣваючи, все забудется,—и твоя досада, и людскіе пересуды—все забудется!

— «Охъ, не забуду я, родная! отвѣчаетъ, не забуду: больно ужъ тяжко мнѣ, больно ужъ сердце мое ноетъ!»

II.

Закручинилась она съ той поры, отъ людей бѣгать стала; гдѣ ей смѣхъ, шепотъ послышится, вспыхнетъ вся, слезы навернутся; все, ей мнится, надъ ней смѣются—все, кажется, ее судятъ. Какъ на барщину не выгоняютъ, то ее не уговоришь порога переступить: «Охъ родная, охъ милая! лучше я дома посижу! Не пойду... не пойду!»

Разъ, смотрю, куда-то сбирается вечеркомъ.

— Куда, Надёжа? спрашиваю.

— «Иванъ пріѣхалъ» отвѣтила, а сама вся вспыхнула.

— Ступай, ступай, голубушка! да поразскажи ты ему все... Что вотъ люди судятъ...

Она и побѣжала.

Приходитъ домой такая безпокойная, тревожная.

— Что, Надёжа, спрашиваю, чего такая смущенная?

— «Онъ проситъ, чтобъ я завтра на улицу выш-

ла... все я ему разсказала... что люди смѣются... что корятъ... Разсердился. «Что, говоритъ, тебѣ людей стыдиться? Я твой суженый, ты моя невѣста... Выйди, выйди, все просилъ, утѣшь ты меня!» Охъ, тетушка сударушка! какъ трудно мнѣ выдти-то!

— Э, голубка моя! тебѣ больше мнится, чѣмъ на дѣлѣ оно есть! говорю.

Она только вздохнула.

— «Я пойду, сказала помолчавши, пойду... Онъ просилъ... не ослушаюсь — пойду... Такой *онъ* сердитый былъ, такой гнѣвный... и ласкаетъ меня и сердится... «Нарочно выйди, выйди, коли любишь... Или тебѣ стыдно передъ людьми признаться, что я по сердцу?.. Пускай-ка затронетъ кто мою суженую! посмотримъ!» Тетушка! мнѣ ли считаться? мнѣ ли обижаться? Мнѣ только голову клонить.»

— Полно ужь, Надёжа! полно, дитятко! увѣщаю.

Встала она на другой день блѣдная, истомленная, видно ночью-то и глазъ не свела, бѣдненькая! Вижу, все тревожнѣй она, все тоскливѣй и говорю ей:

— Пойду-ка съ тобою, на старости-то погуляю! —

И пошли мы съ нею вмѣстѣ.

У насъ въ праздникъ какъ высыплетъ бывало молодежь на улицу—словно макъ зацвѣтетъ... дѣвушки одна одной нарядиѣе, одна одной краше... только охаютъ бравые молодцы; — а молодки

жала бъ я! горько слушать, какъ люди смѣхомъ провожаютъ!—А вечеръ тихій, погожій—далеко разносится смѣхъ-говоръ по улицѣ...

III.

Я все наровлю ее разсѣять какъ-нибудь... и заговариваю, и шучу,—и она на мои рѣчи не безотвѣтна; да вижу, не развеселить мнѣ ее!

— Что жъ, говорю, дитятко, когда у тебя на свадьбѣ-то попирую?

— Не знаю, тетушка.

— Э, родненькая! чего ждете-то? Зачѣмъ откладываете? ужъ ты и такъ у меня истаяла вся! Скажи-ка ты ему... а не то я скажу... Еслибъ только попался мнѣ, грѣховодникъ такой, я бъ ему напѣла! да что это его который ужь день не видать?

— Дома нѣту, поѣхалъ.

— Куда? спрашиваю. За чѣмъ?

— Въ Зубково, тетушка.

— Съ тѣмъ броднею-то, гулякою?

— Съ нимъ, тетушка.

А въ Зубковѣ фабрика была, и баринъ нашъ тамъ жилъ. Богатое село, красивое; отъ насъ будетъ верстахъ въ тридцати.

— Что это Иванъ связался съ этимъ беззаконникомъ? Охъ, дитятко! не жди пути отъ этой дружбы! боюся, что обманетъ онъ тебя!

Сгоряча сорвалось у меня это слово, да и сама я испугалась, а Надёжа только усмѣхнулась, яс-

ная такая передо мною стоитъ. «Не обманетъ, тетушка!» промолвила...

А дни-то бѣгутъ... ждемъ-пождемъ—нѣтъ Ивана, не ѣдетъ. А тутъ и заговѣнье на дворѣ... всего три дня мясоѣду осталось, когда жъ тутъ свадьбу играть! «Ну, думаю, перемучишься ты еще, бѣдненькая!» и такъ меня на Ивана досада беретъ. Не стерплю, бывало, корить его стану, браню, а Надёжа заступается, успокоиваетъ меня... и такъ меня, старуху, увѣрила, что я ужъ и каюсь, что обижала его понапрасну... Вдругъ разнесся слухъ: Иванъ въ Зубковѣ женится... Другіе говорятъ, что ужъ и женился...есть же такія души безжалостныя, думаю, что весело имъ смутіянить!

— Надёжинька! скажу, бывало,—хоть бы ужъ онъ ѣхалъ-то скорѣй!

— Сама я, тетушка, не знаю, чего это онъ тамъ замѣшкался. Ужъ я его жду не дождусь!

Заговоритъ про него—глаза у ней засіяютъ.

Ну и дождались мы его, желаннаго... пріѣхалъ съ радостью—съ молодою женою!.. Господи милосердный! какъ горько, какъ обидно-то было! а Надёжа вѣрить не хочетъ—я плачу, я завѣряю —не вѣритъ... Тутъ мимо самыхъ оконъ нашихъ тройки мчатся, звенятъ колокольчики, бубенчики— молодые катаются, за ними поѣзжане, дружки, вся свадьба... поютъ, молодыхъ величаютъ.

— Смотри, дитятко, смотри, Надёжинька... да хоть теперь повѣрь мнѣ!

Увидѣла она ихъ—словно ее громомъ поразило —замерла. А ужъ я то плачу! Я то ласкаю ее!

Вдругъ она будто очнулась, и вздохнула такъ глубоко!...

— Ну, Богъ съ нимъ! тихо проговорила; Богъ съ нимъ!...

IV.

Какъ мое сердце-то почуяло! вѣдь все зло отъ фабричнаго пошло!

Какъ былъ Иванъ въ Зубковѣ на ярмаркѣ, приглянулся онъ тамошней дѣвушкѣ—Варварѣ Карповой, а Варвара фабричному роднею доводилась... вотъ поглядываетъ дѣвушка на Ивана да посматриваетъ, да охорашивается — фабричный сейчасъ дѣло смекнулъ.

— Варвара! говоритъ. Хочешь я тебя за него замужъ отдамъ?

А та дѣвушка хитрая, выклая, ну его поддразнивать: «гдѣ тебѣ! куда тебѣ!» Да еще, будто къ слову, примолвила; «я бъ, говоритъ, сама отблагодарила, не поскупилась,—пятьдесятъ рублей дала-бъ.» Ужъ крѣпко ей Иванъ по сердцу пришелъ, да еще и то, что въ Зубковѣ никто ее брать не хотѣлъ. Покойникъ отецъ ея запивалъ, а мать у ней была бездомовница, вздорная, сварливая такая, потому и дочь женихи обходили; боялись, по родителямъ пойдетъ. Вотъ какъ она посулила деньги-то Мишкѣ (Мишка Гурьевъ онъ прозывался) да еще сама надъ нимъ подсмѣивается; Мишка во что бы ни стало порѣшилъ свадьбу сладить. Увязался за Иваномъ, подбился къ нему, подлестился, въ гости напросился—вотъ

это пріѣзжалъ все повысмотрѣть, все разузнать... Они ужъ провѣдали про иванову сухоту. Мишка давай къ нему приставать: «покажи да покажи мнѣ свою зазнобушку сердечную!» Иванъ обѣщался, и вызвалъ Надёжу на улицу... «Эхъ, братъ Иванъ! говоритъ ему; вотъ у насъ въ Зубковѣ невѣста, такъ невѣста! видѣлъ Варвару?» жужжитъ да жужжитъ ему въ уши: «женись на ней! женись!» Иванъ ни зачто на свѣтѣ! А этотъ ему горы золотыя сулитъ: «она богатая; любя тебя, совѣтую—не упускай своего счастья. Заживешь себѣ бариномъ, работника наймешь, самъ только погуливай знай. А то, такъ и откупиться на волю можно... Еще тебѣ не опостылѣла работа безустанная? Видѣлъ я твою милую—чтожъ! слова сказать не умѣетъ, словно изъ лѣсу пришла... А Варвару не стыдно въ люди показать: разумница, бойкая, говорливая—всѣ тебѣ завидовать станутъ!»

Опуталъ его словами лестными, хитрыми, подпоилъ... пьянаго и женили... подумаешь, дѣла-то какія на бѣломъ свѣтѣ творятся! А какъ хмѣль-то прошелъ, какъ опомнился Иванъ,—горько-горько заплакалъ... Послѣ ужъ мнѣ одна зубковская старушка разсказывала, таки она родня варварина, все на ея глазахъ дѣялось... «Гдѣ у васъ совѣсть-то, добрые люди!» говорю. «Беззаконье такое допустили!»—Да чтожъ, родная, они всѣхъ отуманили... Мы еще жалѣли дѣвушку, что вотъ полюбился ей такой пьяница... Послѣ ужъ дѣло-то выяснилось... крѣпко онъ тужилъ, сердешный, плакалъ какъ горько.... Да ужъ плачь-не плачь,

не развѣнчаешь!—Молодая все видѣла, все чуяла.. Возмутилась душа ея гордая, защемило, заныло сердце... Передъ людьми она виду не подала—гостей къ себѣ зазывала-угощала, сама по гостямъ ходила, и веселая, говорливая; только молодой-то, баили, словно съ креста снятъ. «Мой молодой хвораетъ, жалуется, съ глазу ему, что ли!» Ну да какъ туманъ-то не наводи, люди догадывались.... Ходитъ молодая мимо нашихъ оконъ и все засматриваетъ, еще не случалось ей съ Надёжой встрѣтиться лицемъ къ лицу—и ходитъ, бывало, и засматриваетъ.....

V.

Выгнали насъ на барщину—огородъ барскій пололи—пришла и она, щеголеватая, ловкая, чернобровая, румяная—хороша была, только ужъ бойка то черезъ-чуръ, тихости женской нѣту, ясности... пришла, окинула всѣхъ зоркимъ глазомъ; кому головой кивнула, съ кѣмъ слово перемолвила, и вдругъ къ Надёжѣ подошла.

— Здравствуй, говоритъ, дѣвушка красная! отъ чего мнѣ слова ласковаго-привѣтливаго не скажешь?

А сама насмѣшливо, коварно такъ посматриваетъ, посмѣивается: чорные глаза горятъ, бѣлые зубы блестятъ.

— Богъ помочь! отвѣтила моя Надёжинька. Блѣдная передъ нею стоитъ, покорная.

— Что жъ? только-то? не рѣчиста жъ ты, крас-

ная дѣвица! Или ты меня не знаешь? Или обо мнѣ не слыхала? А я такъ вотъ про тебя много кой-чего слышала!

Тутъ подошли другія молодки, перекинула она съ ними по словечку и опять за свое: стала разсказывать, что вотъ у нихъ въ селѣ дѣвушка молодца полюбила, а онъ ее брэсилъ, а онъ надъ ней насмѣялся... Сама все на Надёжу поглядываетъ... Слушаю я, скрѣпя сердце...

— «Рознеслось», говоритъ, «по деревнямъ, по селамъ, по городамъ; стыдно дѣвушкѣ горемычной въ люди показаться... вездѣ ее ославили... Истинна пословица, что добрая слава лежитъ, а худая слава по дорожкѣ бѣжитъ... правду я что-ли говорю, дѣвушка»? Къ Надёжѣ обернулась вдругъ.

— Правду!—отвѣтила бѣдняжка... а у самой голосъ дрожитъ, слезы льются...

Не стерпѣла я!

— «Что, говорю, что, молодка, ты намъ все про другихъ-то разсказываешь—Богъ съ ними! они далеко, намъ съ ними не жить, ты вотъ лучше разскажи-ка намъ про свое житье-бытье прежнее, про своего отца-матерь родимую... По яблонкѣ мы познаемъ яблочко!» Она, какъ зарево, вспыхнула... да находчива была!

— Что жъ, говоритъ, что̀ дочери про своего отца-мать сказать? спасибо моему батюшкѣ, моей матушкѣ, что вскормили, вспоили меня, сами надомною болѣли-скорбѣли...

И всякій разъ, только бъ встрѣтила, донимала она мою Надёжу; какъ донимала, Господи мило-

сердный! «Чего худѣешь, лебедка»? бывало, пристанетъ. «По комъ, дѣвушка, сохнешь»? Или поглядываетъ на солнышко: «Когда бъ ужъ закатилось солнышко скорѣй, домой бы я полетѣла»! дескать, ждетъ меня дома милой мой...

Охъ, змѣйка была ехидная! чуть меня, старуху, со свѣту не сжила; приду бывало домой, плачу... а горькая-то моя что отъ нея вытерпѣла! да еще меня уговариваетъ:

— Что жъ, тетушка, молвитъ, какъ посѣешь, такъ и пожнешь... не на кого плакаться, кромѣ себя...

Ину пору и теперь представится она мнѣ, словно живая, вотъ такъ и вижу ее: трудящая, тихая, печальная... ину пору голосъ ея слышится душевный... бывало задумается, работаетъ и поетъ... была у ней любимая пѣсня, часто она пѣвала ее:

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣту заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки.
У меня ли, у младешеньки,
Есть великая, не малая,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушка.
Зазнобилъ меня сердечный другъ,
Зазнобилъ, сердце повысушилъ—
Хуже травушки кошеной,
Во чистомъ полѣ сушеной;
Я сама млада на грѣхъ пойду,
Я сама друга повысушу;

Я не зельемъ, не кореньями,
Я не вѣтромъ и не вихоремъ,
Я своей слезой горючею!

VI.

Разъ сижу я подъ окошечкомъ, поджидаю Надёжу съ поля—жали барскую пшеницу—я, по старости, не хожу жать, сижу подъ окошечкомъ, а ужъ смерклось, повѣяла прохлада; изъ-далека шумъ несется, унывная пѣсня звенитъ, смѣхъ-говоръ долетаетъ. Сижу я, задумалась,—вдругъ кто-то вбѣжалъ въ сѣни опрометью и двери захлопнулъ. Поспѣшно такъ вошла въ избу Надёжа. Диву я далася! что съ нею? она бывало войдетъ неслышно, а то стукъ подняла такой.

— Что Надёжинька, чего ты вбѣжала такъ пугливо? подойди-жъ поближе, дитятко!

Притянула ее къ себѣ за руку да какъ гляну-ла—ахнула! на ней лица нѣтъ!

— Что тебѣ, Надёжа? что родненькая? не потаи отъ меня—скажи!

— Иванъ встрѣтился... и голосъ у ней замеръ.

— Ну, Надёжинька?

— За руку меня схватилъ... говорилъ...

— Что жъ онъ говорилъ-то?

— Погоди, постой! упрашивалъ. «Дай мнѣ слово тебѣ сказать»! я вырвалась... я убѣжала...

— И честь тебѣ, дитятко! говорю ей; что онъ путнаго-то скажетъ, безбожникъ!

— Какой же онъ худой сталъ! какой кручинный! промолвила.

— Дитятко мое милое! вотъ ужъ онъ тебя и разжалобилъ! есть по комъ сокрушаться! Подѣломъ ему! не стыда у него, ни совѣсти, не слова вѣрнаго...

«Знаю», перебила меня, «сама все знаю, тетушка, не говори... Богъ съ нимъ!»

— Ты смотри, голубка моя, чтобъ онъ тебя не обморочилъ! въ рѣчи съ нимъ не заходи, встрѣтится—не гляди! Слышишь, Надёжинька? она усмѣхнулась печально-печально: «Не тревожься, тетушка! все прошло неворотится!»

И правда, бѣгала она отъ него, какъ отъ огня, а онъ таки не унимается; стоитъ гдѣ нибудь за угломъ цѣлый день, стережетъ ее... изсохъ, на себя не похожъ сталъ, словно онъ въ тревогѣ непрестанной въ кручинѣ злой... А тутъ дома еще пуще неладица: жена замѣчать начала, что онъ отъ нея, какъ отъ врага лютаго, отстраняется, особняется; дома не сидитъ; тоскуетъ крѣпко, а нравъ-то у нея былъ пылкій, заносчива была, горда, ревнива... и пошелъ дымъ коромысломъ: несогласье, укоры, ссоры... Иванъ, бывало, рукой махнетъ да и уйдетъ на цѣлый день изъ дому: въ будень на работу, а въ праздникъ, куда глаза глядятъ: по полю, по лѣсу пробродитъ... Онъ уйдетъ, а жена къ сосѣдямъ бѣжитъ жаловаться; жена по улицѣ кричитъ, его съ Надёжою проклинаетъ... а Надёжа терпитъ себѣ да страждетъ по своему: тихонько, безотвѣт-

но... Иванъ не отстаетъ, послѣднюю совѣсть потерялъ... скажется она больною, сидитъ дома безвыходно—онъ мимо оконъ дорожку проложитъ... Люди и смѣются и осуждаютъ и жалѣютъ—ему все ни почемъ. Я выйду, корю его, усовѣщиваю, гоню, ему и горя мало!

Сидимъ мы разъ съ Надёжою, работаемъ, лучина трещитъ,—вдругъ въ двери стукъ-стукъ. Кого это принесъ Господь въ такую пору? А вечеръ темный, непогожій, вѣтеръ бушуетъ, дождь льетъ...

— Иди,—говорю,—Надёжа; кто тамъ, отвори.

— «Кто тамъ»? спрашиваетъ она.

— Отворите, пустите! отвѣчаютъ отрывисто такъ, горько, что я ажно вздрогнула... а Надёжа такъ и пошатнулась... «тетушка! *его* голосъ!»

— И что ты, касатка! ну не отворяй ему. Постоитъ-постоитъ, да и пойдетъ, безсовѣстный такой!

— Отворите! пустите! молятъ изъ за двер ей-то.

— «Нѣтъ, тетушка,» молвитъ Надёжа, у самой лице вспыхнуло, глаза заблестѣли, «нѣтъ, я ему отворю,—позволь—я ему скажу... я у него спрошу... за что онъ мучитъ меня, за что онъ губитъ меня!» и распахнула дверь, что я не успѣла сообразиться... Онъ такъ и бросился въ избу.

— Чего это соколъ ясный залетѣлъ къ намъ? Чего надо? спрашиваю у него сурово такъ, сурово, а онъ и не замѣчаетъ, не слышитъ; только на Надёжу смотритъ; она стоитъ передъ нимъ,

дрожитъ... «Надёжа! Надёжа! промолвилъ, изсушила ты меня!»

Не въ моготу ей стало, отвернулась... «Не отворачивайся,» взмолился, «дай мнѣ наглядѣться! сколько я тебя не видалъ-то!»

За руку ее беретъ. Горько заплакала Надёжа.

— Милый мой! сказала, ты меня обезславилъ, ты мое сердце сокрушилъ, будетъ съ тебя!

Во мнѣ то сердце кипитъ-кипитъ. Урекаю его, сѣтую... а ни онъ, ни она не слушаютъ, не видятъ, словно, меня...

— Ты забудь, что я на свѣтѣ живу, не томи, не мучь меня, желанный! упрашиваетъ она.

Онъ ей ни слова, склонилъ голову, разливается— плачетъ...

Какъ застучатъ въ окно! стекло задребежжало.

— А, вотъ гдѣ ты дни-вечера просиживаешь! Теперь я сама поймала! кричитъ иванова жена... Надёжа такъ и обмерла... Иванъ, словно, очнулся... а та кричитъ, а та вопитъ...Вскочила въ избу, прямо къ Надёжѣ: «Разлучница! змѣя!»

— Молчи! крикнулъ Иванъ... Надёжа бросилась изъ избы...

— А! хочешь, чтобъ я молчала? заставь-ка! я буду говорить! я буду кричать!

— Полно,—говорю ей—что крикомъ-то пособишь? Выслушай-ка сперва!..

— «Ахъ ты старушка почтенная!» на меня крикнула, «потакай имъ, потакай! вѣдь ты за это прямо въ рай угораздишь!»

У меня и руки опустились.

— Иди, иди, сказала я Ивану, чтобъ и духу твоего тутъ небыло... Да уведи свою сумасбродку-то!

— Ступай! — приказалъ Иванъ женѣ угрюмо, грозно. Она ослушаться не посмѣла, зарыдала— пошла за нимъ...а онъ словно ночь темная...больно мнѣ было, что меня жена его заподозрила, да вѣдь и не переувѣришь. А больнѣй-то всего, что не совсѣмъ я чиста: было его спровадить въ тотъ же мигъ, а я имъ разговориться дала, сама уши развѣсила... Находитъ же такое на человѣка! куда-то моя горемычная забѣжала! думаю. Кличу ее, не откликается,—ищу, хожу,—а темь, зги не видно... Надёжа! Надёжа! кричу. Тихо откликнулась она; я поскорѣй на ея голосъ побѣжала, нашла.—Стоитъ она недвижимая около плетня въ уголку, похолодѣла вся, дождь ее насквозь пронизалъ... Почти внесла ее въ избу, на печь уложила, пріодѣла тепленько—забудься, горькая! Не время теперь бранить тебя; думаю, послѣ пожурю...

Тихо она лежала, тихо плакала... зябла все... а къ свѣту жаръ, метаться стала, стонать... я все надѣюсь: вотъ ободняется, ей полегчаетъ, а ей хуже стало... днемъ бредить начала... Представится ей, что ловятъ ее—бѣжитъ. Я сдержать не могу, откуда у ней сила берется! А то, словно, съ Иваномъ разговариваетъ, утѣшаетъ—ублажаетъ его, голубитъ: «Сердечный мой! не крушись! я за насъ обоихъ оттоскую, отгорюю!» То прощенья проситъ: «помилуйте, помилуйте меня! простите меня!»

Все хуже ей да тяжеле. На третій день, вижу,

совсѣмъ плохо. Пошла я позвала Антоновну къ ней, а сама людямъ поклонилася; лошадку выпросила, поѣхала за Петровной, за лекаркой... ну, Петровна только на нее глянула, сейчасъ сказала: «Не жилица она на бѣломъ свѣтѣ!»

Разнеслось по селу: «Надёжа умираетъ!» прибѣжалъ Иванъ, я не пускаю—куда! силою ворвался! страшный такой! а Надёжа безъ памяти лежитъ, въ бреду.

— Хоть бы ей спокойно умереть-то далъ! сказала я ему, укорила.

Онъ утихъ и заплакалъ... подошелъ, сталъ около нея, и все смотритъ, глазъ не сведетъ.—Ажно жалко мнѣ его стало!

— Иванушка! говорю, поди-ка ты домой. Не хорошо, ей Богу!

— Не гони меня! — промолвилъ горько.

— Очнется Надёжа, она обидится, запечалится... лучше ты уйди, Иванушка!

Взяла его за руку да и вывела на улицу, а онъ, словно дитя малое, послушное, идетъ куда веду.

Въ тужъ самую ночь онъ и слегъ... Взяли отъ насъ Петровну, другую лекарку изъ Куликова привезли,—никто не пособилъ—не спасъ... Мучился онъ, говорятъ, Господи, какъ ужъ мучился тяжко до самой смерти! Долго томился... а моя Надёжинька тихо отходила, будто засыпала. Передъ смертью въ память пришла, исповѣдовалась, причастилась.

— Надёжинька!—плачу я, на когожъ ты меня покидаешь, дитятко! какая жизнь-то моя безъ тебя

будетъ!—«Не плачь, тетушка, не плачь,» вымолвила. «А вѣдь скоро меня забудутъ, какъ умру?» спросила вдругъ.

— Не забудетъ тебя ни одна душа добрая, дитятко! говорю.

А она: «Лучше, какъ забудутъ... какая послѣ меня память-то остается? обезславленная!»

И умираючи, моя голубочка, печалилась этимъ!

— Дай вамъ Господи талантъ — счастье... спасибо...

Послѣднія слова ея были.

Въ четвергъ ее схоронили, а въ среду на другой недѣлѣ и Ивана на погостъ отнесли... Жена убивалась по немъ, обмирала просто... Да не такая она, чтобъ вѣкъ горевать; черезъ годъ замужъ опять вышла, завѣялась въ свое Зубково... Охъ, Богъ съ нею! Богъ съ нею!

Не забуду я свою Надёжиньку. Есть ли день, есть ли часъ, чтобъ я ее не оплакала, чтобъ не помянула! съ ней я свою радость послѣднюю схоронила... одиноко вѣкъ доживаю...

МАРКО-ВОВЧОКЪ.

V.

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ ЗАХАРОВЪ.

Есть у насъ на Руси пословица: «нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ.» И справедливо говоритъ эта пословица; поневолѣ замечешься, словно угорѣлый, какъ начнетъ подталкивать тебя подъ бока нужда сердитая; а иной разъ бываетъ такъ, что и не въ шутку призадумаешься, особливо, какъ поживешь на свѣтѣ, да узнаешь, что ничѣмъ ты отъ нея не отмолишься, ни честью, ни дубьемъ съ ней не расправишься.

Есть и еще у насъ поговорка: «какъ придетъ бѣда—растворяй ворота», тоже и съ нуждою на бѣломъ свѣтѣ. Привяжется къ какому нибудь бѣднягѣ горемычному, возится, возится съ нимъ, тормошитъ его безъ устали; и радъ бы иной разъ забыть про лихую напасть да размыкать горе въ дѣвичьемъ хороводѣ; поигралъ бы, повеселился бы отъ всей души, такъ, видишь, нельзя: нужда дома сидитъ, хозяина ждетъ; заснулъ бы спокойно позднимъ вечеромъ, забылъ бы и труды и заботы тяжелыя—да нужда бокъ-о-бокъ лежитъ, сонъ

отъ глазъ отгоняетъ. А иной разъ, подъ-утро, и хочется всхрапнуть лишній часочекъ, да будитъ тебя, какъ на зло, та же нужда сердитая. «Вставай,» говоритъ; «ужъ и солнышко взошло высоко, да и роса на травѣ почитай давно вся высохла; пора за работу!»—Ну, и вскочишь, какъ встрепанный, и бѣжишь скорѣй на поле выводить борозды, сѣять, или тамъ жать, что ли.

Вотъ должно быть такая же нужда спозаранку толкнула подъ бокъ и отставнаго солдата Захарова, что живетъ у насъ на селѣ въ работникахъ у одного богатаго мужика. Проснулся этотъ самый Захаровъ съ восходомъ солнышка, пошелъ къ колодцу всплеснуть себѣ лице студёной водицей и только что помолился Богу, готовясь идти домой, да приниматься за работу, какъ вдругъ выходитъ на дорогу прохожій: сѣрый армякъ накинутъ у него на плечо, сапоги висятъ за поясомъ, борода обритая, лице, нельзя сказать, чтобы было какое нибудь замысловатое, а смотритъ что то не крестьяниномъ—не то бодрѣе, не то бойчѣе, видно только, что самъ себѣ господинъ. Захаровъ съ разу догадался какого прохожаго послалъ къ нему Господь, мигомъ смекнулъ онъ, что это должно быть тоже какой нибудь отставной служивый.

— «Богъ въ помощь, дядюшка!» проговорилъ, снявъ шапку прохожій.

— «Доброе здоровье, служба. Куда, товарищъ, путь-дорогу держишь»? сказалъ Захаровъ.

— «А ты почемъ меня узналъ?» спросилъ, удивившись, прохожій.

— «Э, братецъ ты мой, рыбакъ рыбака далеко въ плёсѣ видитъ. Я вѣдь и самъ двадцать пять годковъ лямку-то теръ; на военную-косточку, слава Богу, вдоволь насмотрѣлся. Куда это ты теперь пробираешься?»

— «Да хотѣлось бы мнѣ доплестись какъ нибудь до Саратова; только вотъ не знаю, приведетъ ли Богъ исполнить мое желаніе.»

— «А, что?»

— «Да нездоровится что-то; усталъ я очень-что ли, али такъ просто, старость приходитъ, только ноги, братецъ ты мой, словно какъ деревянныя стали. Далъ бы Богъ только силушки: дойду, какъ нибудь до дому, а тамъ и на покой, на печку.»

— «Вишь ты нѣженка какая! Да ты изъ каковскихъ? До рекрутчины-то работалъ ли ты, али только все время на печи орѣхи щелкалъ?» возразилъ Захаровъ. Должно быть прохожему не по сердцу пришлись Захарова рѣчи. «Да, говоритъ онъ, тебѣ тутъ хорошо толковать, сидя на мѣстѣ. А ты попробуй-ка по моему отмахать триста верстъ слишкомъ, такъ небось запоешь другую пѣсню!»

— «Экую невидаль нашелъ: триста верстъ! хаживали мы и больше: иной разъ случалось возмешь себѣ палку въ руки, да котомку за плечи, да и шагаешь безъ отдыха, почитай что день и ночь. Спросятъ бывало люди: а что-молъ, Захаровъ, ноги-то у тебя чай тово... намаялись? — ничего говорю, взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ.

Коли собрался въ дорогу, такъ нечего раздумывать, да съ полпути на домъ оглядываться. Такъ-то, братикъ мой! А ты изъ какихъ? Господскій былъ, али казенный?»

— «Я изъ господскихъ.»

— «Что-жъ у тебя тамъ, на родинѣ, живы отецъ, либо мать?»

— «Отецъ померъ, вотъ ужъ никакъ скоро будетъ шестой годъ, а мать ничего, здравствуетъ; да и сестры должно быть живы; обѣихъ вѣдь малютками оставилъ, какъ на службу пошелъ.»

— «Ну, вотъ и свидишься съ ними, а чего добраго и зазнобушку свою прежнюю повстрѣчаешь. Чай вѣдь была зазнобушка-то на родинѣ?»

— «Была, какъ не быть! да только у зазнобушки-то теперь пожалуй и зубы всѣ повывалились отъ старости.»

— «Ужъ и повывалились! поди-ка еще такая румяная ходитъ, что твой маковъ цвѣтъ! а какъ увидитъ тебя, такъ даже взреветъ отъ радости. Горько было прощаться, за то весело будетъ снова свидѣться!»

Призадумался прохожій.—«Да, говоритъ, правду ты дядя сказалъ; куда какъ горько было разставаться. Я допрежъ того и не думалъ и не гадалъ о разлукѣ; на умъ даже никогда не приходило, что вотъ, дескать, скоро придетъ пора рекрутчину справлять. Семьѣ то нашей до очереди было еще далеко, да вдругъ, какъ на грѣхъ случись холерный годъ, выморило у насъ этой холерой почитай что пол-волости. А тутъ какъ разъ наборъ,

бурмистръ и приходитъ къ отцу: такъ и такъ, говоритъ, очередь за твоимъ Васильемъ. Подкосились у меня ноги; ну, думаю, видно доля моя такая безталанная!»

«Мать воетъ, голоситъ причитанья, отецъ ходитъ насупившись, глазъ отъ земли не поднимаетъ, и такая тутъ, братецъ ты мой, тоска на меня напала, что, просто, на свѣтъ бы Божій не глядѣлъ. Сѣлъ я за щи, а у самого на сердцѣ точно кошки скребутъ; кусокъ хлѣба въ горло нейдетъ.»

«Думаю:—вотъ молъ, Степанидушка, голубка моя ненаглядная, цѣловалъ я тебя, миловалъ, пѣлъ тебѣ пѣсенки удалыя, ночью темною сторожилъ тебя подъ оконцемъ, да видно ужъ всему конецъ пришелъ, напѣлся я, наигрался видно съ тобою вдоволь; приходится намъ должно быть навѣкъ разлучиться, а ты, голубка моя, и не знаешь про мою бѣду неминучую!»

«Всталъ я на другой день утромъ ранымъ-ранешенько; мать опять принялась выть, а я сижу, да думаю про себя:—«что ужъ убиваться-то попусту:—плетью обуха не перешибешь; по крайности хоть бы душу-то мнѣ плачемъ не надрывали; и безъ того грустно. Сижу я это и думаю, а тутъ, какъ на счастье и входитъ въ избу священникъ нашъ, отецъ Онисимъ. Шелъ-это онъ по улицѣ, да слышитъ, что у насъ такое сокрушеніе, и зашелъ—спасибо ему—зашелъ утѣшитъ.»

— «Что это у васъ? спрашиваетъ.»

«Такъ и такъ говорятъ ему; въ солдаты берутъ Василія.»

— «Такъ что-жъ вы воете-то по немъ, какъ по покойникѣ; а ты, парень, говоритъ онъ мнѣ, чѣмъ бы умнѣе быть, да образумить неразумныхъ, насупился, какъ сычъ, да и сидишь пригорюнившись. Эхъ! стыдно, стыдно!»

— «Да чему-жъ тутъ, батюшка, радоваться-то?»

— «А тому долженъ ты радоваться, говоритъ, что пришла наконецъ и твоя очередь послужить вѣрой и правдой матушкѣ Россіи. Пойми ты это, говоритъ, что не на казнь тебя ведутъ, а на честную службу воинскую. Нѣтъ такой службы, которая была бы почетнѣе солдатской. А почему она почетна? потому что солдатъ всѣхъ бережетъ, всѣхъ охраняетъ. Изъ-за него и мужикъ спитъ спокойно, знаетъ онъ, что не придутъ враги иноземные, не пожгутъ, не покосятъ его посѣвы, не наругаются надъ Божьей церковью, не изобидятъ, не продадутъ въ полонъ ребятишекъ. Стоитъ надъ тобой, надъ твоимъ богатствомъ солдатъ съ ружьемъ, да со штыкомъ отточеннымъ. Вотъ отчего и почетно солдатское званіе. Вѣдь, говоритъ, если разсудить, всѣ мы равно любимъ свою родину, животовъ своихъ не пожалѣемъ, коли придется защищать ее; всякій изъ насъ готовъ хоть съ голыми кулаками идти на битву, а того никто не разсудитъ, что врагъ-то не съ одними кулаками придетъ къ намъ, а съ пушками, да съ ружьями, да съ разными другими заморскими хитростями, чтобы вѣрнѣе, да удобнѣе было ему изводить своихъ недруговъ. Съ одними кулаками, да съ топорами, али тамъ съ дубинами какими-

нибудь супротивъ его немного подѣлаешь. А нужно сначала знать какъ распорядиться, да какъ подойти, когда выпалить, да когда и въ штыки принять. Нужно всему этому выучиться. А иначе, коли безъ всякихъ хитростей, одной силой можно бы было сломить врага, не заводили-бы тогда и рекрутчины. Кликни кличъ—такъ міромъ подымется вся русская земля.»

— «А что, вѣдь правъ отецъ Онисимъ;» сказалъ Захаровъ.

— «Вѣстимо правъ; вы вотъ, говоритъ, готовы сейчасъ же идти на басурмана, приди только онъ на нашу землю, головъ не пожалѣете, лоскомъ ляжете на полѣ ратномъ, а какъ придетъ рекрутская очередь, такъ глядишь-каждый и наровитъ на попятную. А почему? потому что не-знаете вы, что̀ такое солдатъ и зачѣмъ онъ есть во всякомъ государствѣ.»

«И долго еще говорилъ отецъ Онисимъ, все увѣщевалъ отца безъ ропота покориться волѣ Божіей; теперь-то я всего не упомню, а тогда отъ его словъ меня, братецъ ты мой, точно свѣтомъ озарило и опять стало у меня на душѣ любо и спокойно.»

«Пришелъ я къ Степанидѣ;—прощай, говорю, Степанида Ивановна; не поминай меня лихомъ!»

— «Куда это ты, свѣтикъ мой, собрался? спрашиваетъ она.»

— «Иду я, говорю, кровь проливать за родину, иду, Степанидушка, далеко, можетъ быть и не вернусь никогда, вѣдь въ животѣ и смерти Богъ

воленъ. А ты, говорю, голубка моя, не сохни, не крушись; супротивъ воли Божіей не пойдешь, не воспротивишься.»

«Закрылась моя любушка рукавомъ, а сама такъ и плачетъ, надрывается. Эхъ! да что тутъ разсказывать! Много горя было тогда!»

«Повезли меня въ городъ, въ присутствіе, подвели подъ мѣрку... «лобъ!» кричатъ; «годится.»

— «Такъ съ тѣхъ поръ ты и не видалъ своей родины?»

— «Не видалъ; вотъ теперь собрался въ путь; хочется, коли сподобитъ Господь, добрести домой.»

Призадумался Захаровъ. — «Да, говоритъ, тебѣ еще, товарищъ, супротивъ моего хорошо. Ты хоть покрайности знаешь, что встрѣтятъ тебя родные, да горшекъ щей припасутъ для дорогаго гостя; а вотъ я приплелся въ свою деревню тоже почитай, что изъ-за тысячи верстъ; думалъ тоже сначала, что на покой, да на теплую печку приберегу, анъ глядь, не только моя изба, да и деревня то вся повыгорѣла. Спрашиваю про мать:- говорятъ, давно ужъ лежитъ на погостѣ. Пошелъ я на могилку, посидѣлъ немного... что думаю нѣжиться-то, да на чужія руки надѣяться; давай-ка лучше примусь я за работу, вѣдь не привыкать стать. А тутъ, какъ нарочно, у одного нашего мужика работникъ утонулъ — весной на льду провалился. «Дай-ка, думаю я, наймусь замѣсто потонувшаго; что тутъ долго раздумывать. Такъ и сдѣлалъ, да и слава Богу, что скоро за умъ хватился! Вотъ ужъ десятый годъ пой-

детъ, какъ получилъ я отставку, а голоднымъ спать ложиться еще ни разу не приходилось. Вѣдь хочешь-не хочешь, а работать-то надобно; самъ Господь сказалъ: «въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой;» разсуждать то тутъ ужъ и не приходится.»

— «Такъ-то оно такъ», замѣтилъ прохожій, словно какъ бы въ раздумьѣ; «работать всегда хорошо, только кажется мнѣ, что отставному солдату иныя работы какъ-то и не по рукѣ приходятся. Иной и ундеромъ въ полку былъ, и начальство то его знало, да и товарищи то не просто Ванькой, али тамъ Васюткой звали, а завсегда величали и по имени и по отчеству. Такому человѣку и не приходится сохой-то заправлять; ему и неприлично, наравнѣ съ другими, черной работой заниматься.»

Покачалъ головой Захаровъ; видно было, что проняла досада старика.

— «Эхъ, говоритъ, неразумная ты голова, право неразумная! Сначала думалъ я, что ты и взаправду человѣкъ дѣловой, толковый, а онъ чушь какую-то городить началъ: неприлично ему землю пахать! Да ты забудь, чѣмъ ты тамъ въ солдатахъ былъ, какія тамъ начальство награды давало, забудь ты все это, да и вернись къ себѣ въ деревню не ундеромъ, не кавалеромъ, а просто такимъ же мужикомъ, какимъ сданъ былъ въ рекруты. Вѣдь вотъ самъ же ты разсказывалъ, что для того и берутся въ солдаты очередные, чтобы не всему міру идти противъ басурмана, а чтобы было кому и поля обработать и всякую

другую работу отбыть. Стало быть, коли получилъ отставку, да вернулся къ себѣ на родимый край, такъ ему нечего ужъ и хвалиться, что вотъ молъ я солдатомъ былъ, всѣ страны свѣта исходилъ; кормите теперь меня, а я буду только лежать, да съ боку на бокъ переваливаться. Не приходится ему такъ думать. А почему не приходится? Потому что исполнилъ онъ только должное. Не подвигъ совершилъ онъ, не услугу оказалъ какую-нибудь великую, а сдѣлалъ только то, что̀ ему слѣдовало сдѣлать. Онъ работалъ, да и другіе тоже не сложа руки сидѣли; у всякаго было свое дѣло. Пока другіе пахали, жали, молотили,—пока они тамъ свои крестьянскія работы справляли, и въ казну подати, да повинности разныя вносили, ты съ ружьемъ возился, да врага не подпускалъ, разнымъ артикуламъ воинскимъ выучивался. А теперь, какъ выслужилъ ты свой срокъ, тебя и отпустили на всѣ четыре стороны: хочешь ты вернуться на свою родину—ступай, начальство не задерживаетъ, только ужъ коли вернулся ты къ своимъ братьямъ-крестьянамъ, такъ не полѣнись справлять и работу ихъ крестьянскую. И она почетна; крестьяне честнымъ трудомъ хлѣбушекъ добываютъ, а тѣмъ себя и другихъ питаютъ. За-то и долженъ уважать хлѣбопашца каждый разумный и честный человѣкъ.»

Захаровъ снялъ шапку и отеръ потъ съ своей лысой головы.

— «И вотъ, братецъ ты мой, скажу я тебѣ пос-

лѣднее мое слово: какъ придешь ты на свою сторону, не лѣнись. А въ нуждѣ ступай хоть въ работники, да докажи, что солдатъ отставной не пропащій человѣкъ и что пока есть у него руки, онъ отъ честнаго труда отлынивать не станетъ. Пословица правду говоритъ: «работой, да заботой все на свѣтѣ краситсѧ;» это ты помни, братецъ мой!»

«А я вотъ благодарю Бога, что сподобилъ меня хоть одного неразумнаго наставить на путь истинный. Вѣдь, братъ, не даромъ я седьмой десятокъ на свѣтѣ доживаю. Вѣкъ то прожить—не поле перейти. Хочешь-не хочешь, а поневолѣ кое-чему научишься.»

«Вотъ недавно тоже случай былъ: сдали мы въ солдаты Петруху, Ермолаева сына, да и подѣломъ, такой лядащій, необузданный былъ человѣкъ—Христосъ съ нимъ!—Бился, бился отецъ, все хотѣлъ усмирить его, однихъ волосъ-то почитай что полъ-головы вытрепалъ—нѣтъ, братецъ ты мой, не беретъ ничто, да и только! Міръ и порѣшилъ наконецъ: отдать его, дескать, въ солдаты, авось хоть тамъ образумится—оченно ужъ, значитъ, надоѣлъ онъ всѣмъ, своими пакостями. Повезли его, дружка сердечнаго; бабы въ слезы, имъ то Петруха по нраву пришелся—вопятъ, голосятъ... просто стонъ по землѣ ходитъ. Я и давай унимать ихъ, вотъ ровно какъ тебя уговаривалъ отецъ Онисимъ. — Что, говорю, рюмите-то вы понапрасну, вѣдь ужъ что сдѣлано, того не воротишь; да вы бы, говорю, еще радоваться должны были, что

съ нимъ такъ милосердно поступаютъ. Не въ солдаты, а въ острогъ бы ему угодить слѣдовало. Солдатское званіе, говорю, почетное; его такими людьми, какъ Петруха, и марать-то не слѣдовало бы.»

«А одна изъ бабъ-воструха такая—должно быть съ-сердцовъ, что охаялъ я ея Петруху—и спрашиваетъ меня: — а отчего же, говоритъ, коли по твоему солдатское званіе такое почетное, отчего же, говоритъ, всѣхъ негодяевъ сдаютъ въ солдаты, словно какъ въ какую нибудь яму помойную. Чуть заведется на селѣ непотребный человѣкъ—глядишь—и забрили ему лобъ?»

«И другія бабы тоже пристали ко мнѣ:—отчего, да отчего? ты, говорятъ, все такъ красно расписываешь; такъ растолкуй же это намъ.»

«А оттого, говорю я, что худой человѣкъ, обживясь въ своемъ селѣ, легко можетъ схоронить концы, что и ввѣкъ ихъ не отыщешь. Ну, а въ солдатахъ другое дѣло: тамъ все на виду, за всѣмъ надзоръ есть. Да къ тому-же еще заведенъ у насъ въ солдатахъ такой порядокъ: прибудетъ въ полкъ новый рекрутъ, сейчасъ же сдаютъ его на руки старому, надежному солдату; и считаются они промежъ себя одинъ дядей, а другой племяшемъ. Ты когда-нибудь слыхала ли объ этомъ? а какъ сдали новичка на руки старому, опытному солдату, такъ ужъ небось не дастъ онъ ему баловаться, да срамить солдатское званіе, съумѣетъ управиться, да вышколить его хорошенько. Оттого и выходитъ, что иной на селѣ просто былъ про-

нащій человѣкъ, а какъ угодилъ въ солдаты, такъ, глядишь, мигомъ вся дурь изъ головы вылетѣла. Ну, конечно и побьютъ иной разъ—не по головкѣ же гладить парня за то, что отъ рукъ отбивается — и больно побьютъ иной разъ, да вѣдь сама ты разсуди: все это дѣлаютъ не ради звѣрства какого-нибудь; вѣдь думаютъ все: авось исправится, авось малый образумится. Вотъ оно какъ бываетъ въ нашей солдатской жизни! а вы что— говорю я бабамъ — пристали ко мнѣ, трещите, какъ сороки: «отчего, да отчего?» Ужъ не словить ли на словахъ стараго дѣда захотѣлось? Вотъ вамъ и росписалъ—отчего!»

«Ну и прикусили всѣ язычекъ; правда-то, что солнце: все разомъ освѣтитъ.»

«Однако мы тутъ съ тобой переливаемъ изъ пустаго въ порожнее, а работа-то вѣдь не ждетъ; если голоденъ ты, зайди ко мнѣ въ избу, поѣшь что Богъ послалъ.»

— «Нѣтъ, дядюшка, не голоденъ я.»

— «Ну, какъ знаешь!»

И поплелся опять отставной, прохожій солдатикъ по дорогѣ пыльной, на свою дальнюю сторонушку, а Захаровъ поглядѣлъ еще въ слѣдъ, пригорюнившись, словно какъ провожалъ глазами сына, али брата родимаго. Поневолѣ взгрустнулось старику; «вотъ», думалъ онъ, «идетъ малый на родину, знаетъ, что повстрѣчаютъ его тамъ родные, знаетъ онъ, что не будетъ по крайней мѣрѣ на бѣломъ свѣтѣ одинокимъ, словно перстъ какой, а нашъ братъ... Эхма!...»

Да не долго и погрустилъ старикъ; зналъ онъ, что грѣшно роптать на Бога; поднялъ свою сѣдую голову, перекрестился, чтобы легче было отогнать лукавыя мысли, да и принялся опять за свою обычную работу.

Долго послѣ того слышалась въ полѣ его лихая солдатская пѣсня.

МАЕВЪ.

VI.

РАЗСКАЗЪ ЗА ЧАЕМЪ.

(Комната въ трактирѣ. За столомъ сидитъ крестьянинъ, а напротивъ него купецъ. Служитель, забросивъ бѣлый фартукъ черезъ плечо, ставитъ передъ ними чайникъ съ чашками. Изъ сосѣдней комнаты несется протяжная пѣсня):

Ясну соколу быть пойману,
Обезкрылену,
Во неволѣ...

Купецъ *(разливая чай)*. Я, братецъ ты мой, нарочно хочу угостить тебя чайкомъ-то. Спасибо за товаръ, право спасибо.

Мужикъ. Не стоитъ благодарности, Иванъ Лукичъ (*кланяется и встряхиваетъ волосами*).

Купецъ. Свой у васъ горохъ-то?

Мужикъ. Свой, Иванъ Лукичъ, сами сѣемъ: нонѣ, слава Богу, его уродилось. Напрасно только вы безпокоитесь на счетъ угощенія.

Купецъ (*пододвигая мужику чашку*). Что за безпокойство? Мнѣ, значитъ, грѣхъ тебя не поподчивать. Но вотъ, примѣрно, скажу тебѣ: ежели ты зайдешь куда попьянствовать, погулять— ну, это нехорошо: ужь хуже быть не надо, потому что, гульба эта, сирѣчь пьянство, человѣка въ конецъ разоряетъ, портитъ его... Къ тому же ты человѣкъ, не бойсь, семейный?..

Мужикъ. Семейный...

Купецъ. Ну вотъ видишь?

Мужикъ. Я все это, Иванъ Лукичъ, знаю оченно твердо.

Купецъ (*откусывая сахаръ*). Ну, а знаешь— и ладно: за то и хвала тебѣ. Пей чай-то.

(*Наступаетъ молчаніе*).

Купецъ. Слыхалъ я, будто у васъ въ деревняхъ знахари отъ запоевъ лечатъ. Правда ль это, али нѣтъ?

Мужикъ. И-и-и, батюшка, пустое дѣло: бредни одни. Знахари ровно ничего не смыслятъ.

Купецъ. Не смыслятъ?

Мужикъ. Не смыслятъ!

Купецъ. Я самъ то же думаю. А не знаешь ли ты про нихъ какую нибудь исторію?

Мужикъ (*обтирая губы рукавомъ*). Какъ не знать: въ нашей деревнѣ свой былъ знахарь.

Купецъ. Такъ что же?

Мужикъ. Да изволите видѣть: по моему, тепереча, разумѣнію, знахарь есть плутъ.

Купецъ (*вытирая платкомъ лицо*). Я тебѣ скажу, братецъ мой, то же: знахарь есть плутъ. Такъ ли?

Мужикъ. Такъ, такъ, Иванъ Лукичъ.

Купецъ. Примѣрно, то есть, что такое знахарь означаетъ? А то и означаетъ, что онъ есть плутъ. Правду ли я говорю?

Мужикъ. Истинную правду.

Купецъ. Пей чай-то.

Мужикъ. Покорно благодаримъ, много довольны... У насъ, Иванъ Лукичъ, доложу вамъ, шесть лѣтъ тому назадъ, жилъ мельникъ Антипка. Слылъ онъ, значитъ, за знахаря и всякія штуки дѣлалъ.

Купецъ. Небойсь, все плутни чинилъ?

Мужикъ. Вѣстимо плутни. Окромя того, что-жъ онъ можетъ дѣлать?

Купецъ. Семейный былъ человѣкъ, али холостой?

Мужикъ. Какъ есть одинъ-одинёхонекъ.

Купецъ. Какую же онъ оказію произвелъ?

Мужикъ. Такую оказію сотворилъ, что вся деревня всполошилась, всѣ наповалъ сочли его за необыкновеннаго человѣка. Сами вы знаете, что нѣтъ человѣку такого почета, значитъ уваженія, какъ ежели онъ знахарь. Ужь смотрятъ

на него другимъ родомъ, только и видятъ въ его дѣяніяхъ однѣ чудеса.

Купецъ. Это точно.

Мужикъ. Извольте-ка прислушать. Разъ на его мельницѣ сбилось множество народа: муку мололи. Самого же, значитъ, Антипки тамъ не было. Вотъ мужики промежъ себя и калякали,— кто сидя на порогѣ, кто на полу, кто на лѣсенкѣ. О знахарѣ они ни-гу-гу... боялись поминать даже; потому: вѣрили больно, что знахарь всякую тебѣ малость угадаетъ. Да вотъ еще что, Иванъ Лукичъ, они на мельницу-то по неволѣ ѣздили: дескать, чего добраго, за ослушаніе бѣду какую сдѣлаетъ, мигомъ укокошитъ. Вотъ передъ обѣдомъ этакъ, глядятъ мужики—идетъ на мельницу Антипка. Всѣ такъ и сробѣли, вскочили, сняли шапки и полегоньку шепчутъ про себя: «идетъ, ребята, идетъ!» а сами стоятъ въ струнку, словно солдаты. Входитъ Антипка (я его зналъ хорошо). Входитъ, будто о чемъ разсуждаетъ, голову держитъ внизъ; борода у него черная-пречерная, широкая. Осмотрѣвшись, послѣ этого, кругомъ, онъ перва помялся, потомъ вдругъ и полѣзъ по лѣстницѣ къ жерновамъ. Дальше, не спѣша, занесъ ногу и плюхнулъ на жерновъ, значитъ, сѣлъ на него: жерновъ и остановился. Истинно, такъ-таки и остановился.

Купецъ. Остановился?

Мужикъ. Остановился, Иванъ Лукичъ.

Купецъ. Что жъ такое значитъ?

Мужикъ. Да, вотъ сей часъ вамъ скажу. Ну,

сидитъ знахарь, коситсѧ по сторонамъ, а потомъ и уперъ свои бѣльмы, прости меня Господи, въ уголъ и зачалъ съ кѣмъ-то разговаривать: «Ну что, а? смотрите въ оба! у меня работать: такъ работать!...» Какъ сказалъ это, такъна мельницѣ все затихло.

Мужики, словно вкопанные, стоятъ себѣ: ни гу-гу, ворохнуться не смѣютъ; только такъ, про себя смекаютъ: что, молъ, прикажешь дѣлать? Вотъ бѣда-то! Да тутъ, чего добраго, на мѣстѣ пропадешь. Подойдетъ онъ къ тебѣ, самого какъ разъ въ жерновъ оборотитъ. Антипка, посидѣвши кое-время на жерновѣ, наконецъ всталъ, сошелъ съ лѣстницы, покопался надъ чѣмъ-то, плюнулъ, дунулъ, махнулъ рукой и крикнулъ: «пошелъ!» жерновъ опять пустился бѣгать, и-и-и застукалъ, загрохоталъ, будто встрепанный.

Купецъ. Это что-то чудно, а? Да какъ же онъ это сдѣлалъ?

Мужикъ. Здѣсь, Иванъ Лукичъ, чудна̀го покедова нисколько нѣтъ. А онъ вотъ какимъ манеромъ устроилъ свою комѐдь,—мы послѣ узнали. Передъ тѣмъ какъ лѣзть къ жернову, взялъ онъ да отвернулъ у лѣстницѣ крячекъ, который внизъ опускаетъ жернова: жерновъ опустился, знахарь и сѣлъ на него, и вѣстимо, жерновъ остановился.

Купецъ. Ну а послѣ?

Мужикъ. Ну, а когда слѣзъ, то снова подошелъ къ винту, сирѣчь къ крячеку, завинтилъ его, жерновъ и поднялся, а поднявшись и по-

шелъ пощелкивать по прежнему. Вся тутъ и задача.

Купецъ. Ай, ай, ай, вишь, разбойникъ! да какъ аккуратно сработалъ.

Мужикъ. Искустникъ, одно слово.

Купецъ. Да-а-а, вѣдь я тебѣ говорилъ, что такіе люди плуты.

Мужикъ (*смѣясь*). Истинно-правда, Иванъ Лукичъ.

Купецъ. Ей Богу, плуты. Вишь какая каналья! ну что же, братецъ ты мой, дальше?

Мужикъ. А дальше, извольте вникать, Иванъ Лукичъ. Да ужь я вамъ не прискучилъ-ли?

Купецъ. Нѣтъ, нѣтъ пожалуйста, разсказывай.

Мужикъ (*вздохнувъ*). По всему, батюшка мой, округу разнеслась вѣсть, что Антипка чудо сотворилъ: только и толку было, что про жерновъ, да про знахаря. Вездѣ распрашиваютъ, разсказываютъ: «вотъ, молъ, до чего дошелъ! жерновами командуетъ, скоро всю деревню преобразитъ въ ничтожество.» Со всѣхъ концовъ къ Антипкѣ поѣхали телѣги съ больными, съ испорченными, да съ подарками всякими. Знахарь раскуражился; шибко раскуражился. Такимъ манеромъ прошло ужь и довольно времени. Вотъ, разъ, не помню, сударь мой, въ какой день, Антипкѣ захотѣлось посильнѣй попьянствовать. Для этого онъ и объяви міру такія новости: «ребята! такъ и такъ въ скорости наша деревня до чиста огнемъ сгоритъ; съ неба, тепереча, сойдетъ огненный столбъ и

въ прахъ все обратитъ, такъ и обратитъ!» Мужики, словно полоумные, выслушали эти рѣчи, одначе изо всей мочи принялись просить Антипку: нельзя-ли похлопотать, дескать, чтобы этого пожара не случилось. Антипка подумавши и говоритъ: «для-чего не такъ? я молъ пожалуй, постараюсь. Не знаю только, православные, будетъ ли прокъ?»

Мужики пуще стали упрашивать. Ну, видятъ, что окромѣ угощенія ничѣмъ его не сломаешь, подвезли его къ кабаку и давай ублаготворять. Ублаготворяли, ублаготворяли — бѣда какъ! Извѣстно, жаль всякому своего добра; что ежели и въ заправду огонь съ неба слетитъ? Знахарь за чарками расчувствовался, разговорился: «Ребята! прійдется вамъ заняться дѣломъ: выбирайтесь-ка по-добру, по-здорову подальше отъ деревни; загребайте съ собой добришко, да спасайтесь. Огнемъ не шутятъ, ой, не шутятъ!» самъ трясетъ головой. На другой же день почитай вся деревня выбралась въ поле, версты за три. Время стояло рабочее. Вмѣсто того, Иванъ Лукичъ, чтобы косить, либо тамъ жать, мужики сидятъ да караулятъ свое добро. А Антипка заперся въ своей хатѣ, что-то ворожитъ. А міру и сказалъ: «я, говоритъ, похлопочу; у меня есть зелье такое, былiе травное отъ нашествія огненныхъ столбовъ.»

По вечерамъ онъ выходилъ изъ избы. Его встрѣчалъ народъ. Вѣдь какъ робѣли-то, если бы вы знали!

— «Ну, что, какъ? — спрашивалъ каждый.— Будетъ-ли пожаръ?

— «Не знаю, ребята, хлопочу, здорово хлопочу! только произойдетъ ли отъ этого польза?

— «Антипъ Антипычъ! родной! разстарайся!

— «Не знаю, молодцы.

Снова мужики зазовутъ знахаря въ кабакъ, опять пойдетъ угощеніе. Продолжалось этакъ мѣсяцъ цѣлый. Въ полѣ мужицкая рухлядь до ниточки вся отъ дождей перемокла. Скотина реветъ по ночамъ; собаки воютъ, или брехъ неожиданный поднимутъ, а мужики, глядя какъ собаки запрокидываютъ головы, толкуютъ:

— «А что, малый, ей же ей, къ пожару псы ревутъ.

— «Знамо, къ пожару. Вишь заливаются, пропасти на нихъ нѣтъ.

Въ одинъ день Антипка, налопавшись, прости меня Господи, вина, объявилъ:

— Православные!

— Чего?

— Пожара не будетъ!

— Не будетъ?

— Не будетъ.

Ухъ, бросились всѣ съ поля въ деревню. Крикъ, шумъ, гамъ, точно свѣтлый день встрѣтили. Раздались пѣсни! Боже ты мой!.. Скотина и та обрадовалась, летитъ себѣ, сломя голову, подбрыкивая... Смышленная!

Купецъ. Вонъ какъ!

Мужикъ. Да, Иванъ Лукичъ, чудеса были.

Купецъ. Что же знахарь?

Мужикъ. А благодѣтеля—знахаря тотчасъ подхватили на руки, да въ кабакъ, такъ его туда и втиснули! Ну, гулялъ нашъ Антипка важно. Что, бывало, не случится, лошадь ли пропадетъ, корова ли издохнетъ: все къ нему за совѣтомъ.

Купецъ. Разбойникъ, вотъ разбойникъ!

Мужикъ. Да лошади-то пропадали, надо вамъ сказать, Иванъ Лукичъ, по его-же милости. Въ частую, онъ возьметъ подпуститъ воровъ—и, гдѣ ни случись, лошади ужь нѣтъ, какъ нѣтъ. А мужикамъ скажетъ: «вотъ то и то, ребята, давайте могарычей, скажу, гдѣ ваша лошадь обрѣтается: она тепереча щеголяетъ около Мценска.»

Узнаютъ мужики, что лошадь дѣйствительно въ Мценскѣ продана—и ума не приложатъ, какъ это знахарь ловко отгадываетъ? А напоить его-таки напоятъ.

Купецъ. Ахъ, разбойникъ!

Мужикъ. Да, Иванъ Лукичъ, штуки творилъ онъ важныя.

Купецъ (*помолчавъ*). Разскажи-ко еще что нибудь про знахаря.

Мужикъ. Извольте, извольте (*вытираетъ на лбу потъ*). Случись, батюшка мой, Иванъ Лукичъ, что недалеко отъ насъ, въ селѣ Жевалове, у вдовой барыни, пропали столовые припасы: серебряныя ложки, ножи тамъ, скатерти. Послала она за Антипкой. Я вамъ докладывалъ, что въ нуждѣ, примѣрно, всякой безпремѣнно къ нему обращался; явился онъ къ барынѣ.

— Здравствуй милый человѣкъ.

— Здорово, сударыня. Какъ вы себѣ поживаете?

— «Вотъ, любезный, несчастіе надо мной, оглашенной, стряслось: серебра на столько-то пропало, да ножей съ скатертьми такое-то количество. Какъ-бы помочь горю? «Почему не помочь? отвѣчаетъ знахарь, самъ ломается.—Это, скажу вамъ, Иванъ Лукичъ, первая его замашка, поломаться, сирѣчь, крутъ былъ.

— «Ну, такъ какъ же? спрашиваетъ барыня.»

— «А такъ, ваше сіятельство: осмѣлюсь утруждать вашу милость: соблаговолите для меня особливую комнату отпустить; да касательно, стало быть, продовольствія того... въ волю всего пожаловать извольте: сивушка чтобы здѣсь находилась, и другое прочее. Я буду гадать, сударыня.»

— «Надъ сивушкой?»

— «Оно, видите, происходить будетъ дѣло не надъ сивушкой, а около того. За то, ваше сіятельство, все честнымъ путемъ-дороженькой развѣдаю.»

Барыня отвела ему комнату, снабдила цѣлой бутылью вина, а объ ѣдѣ толковать нечего: ѣлъ знахарь въ четыре горла, пуще лошади. Сама барыня, бѣдная, молиться принялась. Началось угадываніе. Антипка устроилъ такъ, что днемъ опочивалъ, а ночью бодрствовалъ, съ бутылью на колѣнахъ. Одначе онъ то и дѣло прислушивался къ стѣнамъ и къ окнамъ и что-то про себя бормоталъ; а воръ-то, Иванъ Лукичъ, былъ никто другой, какъ барынинъ холопъ. Онъ, слышите, такъ оробѣлъ, когда знахарь поселился у нихъ въ

домѣ, что какъ только наступила ночь подкрался къ комнатѣ знахаря и ну подслушивать, а самъ такъ и юлитъ, думаетъ: «угадаетъ! упекутъ меня въ Сибирь.»

Знахарь слышитъ, что кто-то шелеститъ у дверей, живо ихъ распахнулъ — анъ, холопъ тутъ и есть: такъ весь и трясется.

— «Ты за чѣмъ здѣсь? спросилъ Антипка.»

У холопа языкъ, почесть, совсѣмъ отнялся; незнаетъ, что ему дѣлать. Знахарь ввелъ его подъ руку къ себѣ въ комнату и началъ:

— «Спасибо, что пришелъ; я тебя давно жду...»

—« Отецъ родной, закричалъ холопъ, пощади!»

— «Экой ты, братъ, пугливый. Ты не робь, одна дробь. Главное, отмѣнно ты сдѣлалъ, что самъ пожаловалъ. А то я ужъ хотѣлъ за тобой посылать... Ты не бойся, говори мнѣ все откровенно: я тебѣ зла не сдѣлаю.»

Холопъ наладилъ одно:

— «Господинъ знахарь, пощади! барыня меня въ Сибирь запятитъ!»

Вскорѣ положили на томъ, что ежели холопъ раскается во всемъ, то знахарь про него не скажетъ барынѣ, но про то, гдѣ лежатъ вещи, скажетъ. Холопъ признался, что покража лежала подъ амбаромъ.

Какъ вы, Иванъ Лукичъ, думаете; вѣдь знахарь-то по утру ни словечка не молвилъ барынѣ, — нѣтъ! онъ сперва недѣльку попьянствовалъ въ свое удовольствіе, а потомъ ужъ и объявилъ. Барыня изумилась, обрадовалась такъ, что не знала какимъ

способомъ наградить Антипку. Она, видите, дала ему денегъ, сверхъ того накормила съ своего собственнаго стола и накормила, говорятъ, вотъ какъ: будто съ собой рядомъ посадила его и поила на пропалую всякими заморскими винами. Антипка лишь бороду поглаживалъ, да кушакъ на брюхѣ отпускалъ: дескать, знай нашихъ.

Купецъ. Такъ, такъ, значитъ; возмечталъ о себѣ.

Мужикъ. Исторія, Иванъ Лукичъ, тѣмъ, сударь, и покончилась: Лакей остался цѣлъ, покража отыскалась, барыня обрадовалась, а Антипка погулялъ молодецки и за работу деньги получилъ.

Купецъ. Вотъ плутъ-то.

Мужикъ. Бѣдовый, Иванъ Лукичъ. Онъ превознесся шибко: весь уѣздъ къ нему обращался. А почетъ-то какой! Идетъ когда по деревнѣ, всѣ бабы, дѣвки, ребятишки прячутся по застрехамъ: въ такомъ уваженіи находился!

Купецъ. А долго-ли онъ такъ проживалъ?

Мужикъ. Да долгонько-съ, годковъ съ десятокъ погулялъ, а на одинадцатомъ споткнулся,— Богъ покаралъ.

Купецъ. Какимъ это манеромъ?

Мужикъ. А вотъ какимъ: дѣло, батюшка мой, было несовсѣмъ, чтобы мудреное. Въ деревнѣ Силкàхъ, у мужика, въ избѣ, пропала синяя ассигнація. Онъ, вишь, вздумалъ перепоясаться, положилъ ассигнацію на столъ, да за чѣмъ-то понадобилось выдти въ сѣни: воротился, хвать, анъ ассигнація улетѣла.

Въ избѣ же, позвольте вамъ сказать, окромѣ

теленка никого не было. Метался, метался мужикъ туда, сюда — нѣтъ денегъ. Что̀ дѣлать? Запечалился малый. Нельзя и не запечалиться: сердечный послѣднюю гречиху продалъ за эти деньги, чего нибудь да стоитъ. Обыкновенно напередъ всего обратился онъ къ нашему знахарю. Антипка пріѣхалъ, потребовалъ, какъ слѣдуетъ, угощенія, угостился и пошелъ свое говорить: «Я молъ знаю, кто поддѣлъ!» Такъ же, какъ и у барыни, занялъ у мужика особую себѣ клѣть, запасся водкой, и принялся думать да гадать. Въ клѣти онъ сидѣлъ оченно долго: сидѣлъ день, два, три, кажись пора-бы надуматься,—анъ проку-никакого. Мужикъ не утерпѣлъ, сталъ говорить ему: «Антипъ Антипычъ, позволь рѣчь держать: ты у меня пожралъ чертову пропасть, когда же всему этому будетъ конецъ?»—Да ты что же обо мнѣ думаешь? крикнулъ знахарь.—Не знаю развѣ я, кто укралъ твою ассигнацію? «Говори, Антипычъ, говори.» «То-то. Солдатъ укралъ.» Въ деревнѣ Силка̀хъ, Иванъ Лукичъ, на ту пору стояли солдаты, кажись полкъ, можетъ и меньше, не знаю. Конечно, мужикъ съ поклономъ къ начальнику—офицеру: «ваше благородіе! знахарь доказываетъ на вашего солдата, якобы деньги поддѣлъ.» Офицеръ выслушалъ мужика и въ ту жъ минуту приказалъ собраться всѣмъ солдатамъ на лугу близь рѣчки. Что хлопотъ-то было! Призвали туда знахаря. Онъ пришелъ, не могъ ослушаться.

Солдаты стали рядомъ, офицеръ обернулся къ нему и сказалъ: «вотъ они всѣ передъ тобой; указывай: кто виноватый.»

Знахарь почесалъ въ бородѣ, покосился на солдатъ и началъ вокругъ нихъ ходить, словно обнюхивать. Съ полчаса ходьба продолжалась. Офицеръ крикнулъ: «ну, что же?» Знахарь молчалъ. Офицеръ опять крикнулъ: «ну, чтожъ, указывай!» Антипка подумалъ и ткнулъ пальцемъ на одного солдата. «Этотъ? спросилъ офицеръ. Знахарь качнулъ головою.»

«На лѣво-кругомъ, маршъ!» скомандовалъ офицеръ. Солдаты повернулись и вдругъ смѣшались такъ, что тепереча передняя линія стала середнею, середняя заднею.»

«Указывай вора опять!» говоритъ офицеръ.

Знахарь задрожалъ; однакожъ пошелъ отыскивать. Отыскивалъ долго. Офицеръ снова крикнулъ. Знахарь остановился и указалъ пальцемъ надругаго солдата.

«Аа-а-а-а!» сказалъ офицеръ:—«такъ вотъ кто ты таковъ!»

Ну, много тутъ толковать не стали. На другой же день Антипку отправили въ острогъ. Бѣдняга плакалъ, заливался передъ отъѣздомъ, кричалъ: «православные, православные, я пропалъ!.. Мужички,—друзья мои, милые мои!..»

Купецъ. Ай, ай, ай... И погибъ знахарь?

Мужикъ. Погибъ совсѣмъ.

(Купецъ съ мужикомъ призадумались. Не смотря на шумъ посѣтителей заведенія, слышалась съ отличнымъ звонкимъ подголоскомъ грустная пѣсня:

Во неволю жить попалъ.
Ужъ какъ эта ли неволя,—
Большой каменный острогъ...)

Н. УСПЕНСКІЙ.

VII.

ѲЕДОРЪ НИКИФОРОВИЧЪ

СЛѢПУШКИНЪ.

—

Кто бывалъ въ Рыбацкой слободѣ, около Петербурга, тотъ могъ замѣтить тамъ, близь устья р. Славянки, большой двухъ-этажный домъ, лучшій во всей слободѣ, не отличающейся красивыми строеніями. Домъ этотъ принадлежалъ человѣку, пользовавшемуся въ свое время довольно значительной извѣстностью въ Россіи, крестьянину Слѣпушкину.

Слѣпушкинъ былъ крѣпостной г-жи Новосильцовой, приписавшійся, по выходѣ на волю, въ купцы 3-й гильдіи. Извѣстность эту доставила ему склонность къ умственнымъ занятіямъ и способность писать стихи. Онъ не получилъ никакого образованія: и если ему хоть сколько нибудь удалось усовершенствовать свой даръ—то этимъ онъ былъ обязанъ единственно самому себѣ;—своей любознательности и трудолюбію. Жизнь его стоитъ того, чтобы остановиться надъ ней.

Дѣдъ Слѣпушкина былъ помѣщичій крестьянинъ, ярославской губерніи, деревни Мочиной, Семенъ Скударный; прозваніе это получили его предки по причинѣ скуднаго состоянія. Семенъ Скударный жилъ по оброку въ Москвѣ и занимался торговлей. Подъ старость онъ ослѣпъ, почему сына его Никифора прозвали Слѣпушкинымъ. Никифоръ Семеновъ составилъ себѣ торговлей порядочное состояніе, но по-смерти сыну его, Ѳедору Никифоровичу, нашему писателю, по милости опекуна ничего не досталось. Оставшись послѣ отца бѣднымъ сиротой, онъ былъ отвезенъ еще мальчикомъ въ деревню, гдѣ жилъ простымъ работникомъ. Одно наслѣдство, доставшееся ему послѣ отца, было грамотность. Еще въ дѣтствѣ онъ отличался острымъ умомъ. Сверстники Слѣпушкина, знавшіе его ребенкомъ, разсказываютъ, что его шутки и прибаутки забавляли и большихъ и малыхъ.

Съ раннихъ поръ развилась въ немъ страсть къ чтенію и рисованію. Еще по шестому году онъ рисовалъ избушки, мельницы и птичекъ. Краски его были приготовляемы изъ черники и малины.

Достигнувъ совершеннолѣтія онъ женился. Бѣдность продолжала тяготѣть надъ нимъ. Господскіе оброки и мірскія подати, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ запискахъ, не оставляли въ засѣкѣ ни одного зерна. Онъ рѣшился покинуть родину, думая не посчастливится ли гдѣ, въ другомъ мѣстѣ, и отправился въ Петербургъ, куда и прибылъ въ

1803 году. На оставшіяся отъ дороги деньги онъ купилъ себѣ на Мытномъ дворѣ грушъ; на покупку лотка денегъ у него недостало, такъ что онъ принужденъ былъ выпросить его у земляка; и вотъ онъ пошолъ продавать свой товаръ по-улицамъ и переулкамъ. Расторопный и бережливый Слѣпушкинъ успѣлъ вскорѣ скопить небольшія деньжонки, на которыя могъ уже открыть лавочку. Лавочная торговля его началась у Невскаго монастыря, но впослѣдствіи онъ нашелъ для торга другое, болѣе удобное мѣсто въ колонистской слободѣ, противъ Рыбацкой.

Колонисты, среди которыхъ онъ поселился, были всѣ народъ достаточный и трудолюбивый. Наружный видъ ихъ селенія служитъ тому доказательствомъ. Дома ихъ поражаютъ своей чистотой; чего, напротивъ, вовсе не замѣчается въ Рыбацкой слободѣ. Между тѣмъ какъ рыбацкіе жители имѣютъ тѣ же самыя средства что и колонисты, будучи надѣлены въ достаткѣ землей. Причина этому конечно та, что рыбацкіе жители земледѣліемъ занимаются мало, а больше бурлачатъ или работаютъ на фабрикахъ. А такіе люди всегда плохіе домохозяева.

Колонисты же всѣ усердные земледѣльцы; а земледѣліе, особенно подъ столицей, при высокой цѣнѣ на хлѣбъ, весьма выгодно. Среди достаточнаго населенія, торговля Слѣпушкина естественно должна была идти хорошо. Онъ въ своихъ запискахъ, какъ человѣкъ наблюдательный, разсматривая бытъ колонистовъ, хвалитъ ихъ за ихъ забот-

ливость объ общемъ благосостояніи. «Случится «кому нибудь изъ этого общества, говоритъ Слѣ- «пушкинъ, по какимъ нибудь несчастнымъ обстоя- «тельствамъ обѣднѣть, родственники и сосѣди помо- «гаютъ ему, вновь распахиваютъ и засѣваютъ сво- «ими сѣменами его порожнія полосы, не требуя отъ «него за то никакой платы. Бѣднякъ поправляетъ «свои дѣла».

При такой круговой помощи нищета не закра- дется въ селеніе, а это всего важнѣе. Обѣднѣніе одного нерѣдко влечетъ за собою и обѣднѣніе другаго. Пособіе же общества, спасая человѣка, спасаетъ и тѣхъ, дѣла которыхъ съ нимъ свя- заны.

«Но бывали и такіе, говоритъ Слѣпушкинъ, кото- «рые дурнымъ поведеніемъ разстроивали свои дѣла. «Тогда общество принимало другія мѣры. Сначала «родственники ихъ усовѣщивали, представляя весь «вредъ, который они дѣлаютъ себѣ и своему семей- «ству, уговаривали ихъ оставить свою постыдную «жизнь; но если увѣщанія были напрасны, тогда «такихъ мотовъ призывали въ полное мірское соб- «раніе, судили ихъ какъ нарушителей сельскаго «порядка, отнимали у нихъ дома и землю и все хо- «зяйство и потомъ исключали изъ своего общества; «имѣніе ихъ продавалось съ аукціона, а земля «отдавалась въ аренду жителямъ селенія. Къ мало- «лѣтнимъ дѣтямъ людей наказанныхъ обществомъ «выбирались попечители, отдававшіе этихъ дѣтей, «до совершеннолѣтія, въ работу трудолюбивымъ ко- «лонистамъ, у которыхъ они могли бы научиться

«хорошему порядку. Изъ вырученныхъ денегъ «опекуны исправляли обветшалое строеніе и когда «наслѣдники достигали совершеннаго возраста, то- «гда по совѣту попечителей и родственниковъ вы- «бирали себѣ невѣстъ и послѣ свадьбы молодые «люди вступали въ полное распоряженіе своимъ «имуществомъ, а опекуны отдавали имъ отчетъ. «Если бы наши крестьяне послѣдовали этому при- «мѣру, говоритъ Слѣпушкинъ, то у насъ не было «бы столько нищихъ съ сумою».

Торговыя дѣла Слѣпушкина между колонистами пошли хорошо, тѣмъ болѣе, что лавка его была единственною во всей слободѣ. Будучи торговцемъ высокой честности, онъ всегда продавалъ хорошій товаръ и по сходной цѣнѣ. Этимъ онъ выигралъ въ глазахъ покупателей. Жители рыбацкой сло- боды стали ѣздить къ нему черезъ Неву за то- варомъ, а своихъ лавочниковъ оставили.

Лѣто 1806 года было ненастное. Хлѣбъ у коло- нистовъ не родился, почему долговъ, которые на нихъ были, они Слѣпушкину уплатить не могли. Торговля его пошла хуже. Не начто было купить товару. Слѣпушкинъ пріунылъ. Въ эту пору хо- дилъ къ нему въ лавку какой-то незнакомецъ въ старой сермягѣ, то закусить, то квасу напиться и между тѣмъ все пристально поглядывалъ на Слѣпушкина. Однажды утромъ только что Слѣпуш- кинъ отперъ лавку, незнакомецъ является къ нему, вынимаетъ изъ-за пазухи бумажникъ, отсчиты- ваетъ 700 рублей и отдаетъ Слѣпушкину на сбе- реженье, при чемъ позволяетъ тратить ихъ для себя,

въ случаѣ надобности. Удивленный такой неожиданной помощію, нашъ торговецъ спрашиваетъ посѣтителя объ его имени. «На что тебѣ меня знать, отвѣчаетъ тотъ, довольно, что я тебя знаю». На другой день Слѣпушкинъ поѣхалъ въ городъ и накупилъ товару. Наступила осень, колонисты поправились и расплатились съ нимъ и онъ самъ могъ уплатить свой долгъ.

Устроившись здѣсь какъ слѣдуетъ, Слѣпушкинъ перевелъ сюда и свою семью. Около этого времени совершился въ жизни его весьма важный переворотъ.

Жена и тесть его были раскольники и принадлежали къ перекрещенской сектѣ. Слѣпушкинъ, женившись, самъ поддался расколу. Здѣсь онъ познакомился со священникомъ Рыбацкой слободы, который въ бесѣдѣ съ нимъ старался обратить его къ православію. Свѣтлый умъ Слѣпушкина не могъ долго оставаться въ заблужденіи; и онъ вскорѣ бросилъ расколъ. Примѣру его послѣдовали жена и тесть и болѣе 60-ти человѣкъ другихъ раскольниковъ. Въ 1820 году Слѣпушкина постигло несчастіе: онъ лишился жены, послѣ которой осталось у него семеро малолѣтнихъ дѣтей. Онъ женился въ другой разъ, и взялъ за себя дочь крестьянина Рыбацкой слободы, куда и перешелъ жить. Колонисты съ горестію разстались съ нимъ и на прощаньи дали ему аттестатъ за общимъ подписомъ и свидѣтельствомъ пастора, объ его честности и безкорыстіи. Они и теперь помнятъ его.

Но посреди своихъ обыденныхъ занятій Слѣ-

пушкинъ находилъ время и для чтенія; а вскорѣ началъ и самъ писать стихи, къ чему побуждала его потребность высказывать свои чувства и мысли. Писатель того времени Свиньинъ, будучи знакомъ съ Слѣпушкинымъ, ободрялъ его въ этихъ трудахъ.

Съ такою же охотою онъ занялся и живописью и написалъ портреты, отличавшіеся большимъ сходствомъ, съ себя, жены, дѣтей, тестя, тещи, съ родныхъ и пріятелей, и съ двухъ своихъ прикащиковъ. Многіе сами стали потомъ просить его, снять съ нихъ портреты и онъ исполнялъ эти просьбы безъ всякой платы. Искусству своему въ живописи Слѣпушкинъ былъ обязанъ спасеніемъ части своего капитала. Онъ далъ купцу Брюхову въ долгъ на честное слово значительную сумму денегъ. Тотъ умеръ неуплативши ихъ, а вдова Брюхова, только тогда согласилась отдать Слѣпушкину долгъ, когда онъ написалъ на память портретъ ея мужа

Многіе изъ сосѣдей Слѣпушкина по невѣжеству упрекали его въ томъ, что онъ пишетъ стихи, называя его пустомелей. Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній *«Отвѣтъ моимъ землякамъ»*.

По селу меня ругаютъ
Одноземцы за стихи,
Пустомелей называютъ;
Вотъ пустился на грѣхи!

* *
*

Зналъ бы торгъ, вѣсы и мѣры,
Да о полѣ бъ не забылъ;
Чѣмъ выдумывать химеры!
Мнѣ знакомецъ говорилъ.

* *
*

Не въ свое не суйся дѣло;
Были рѣчи земляка,
И скажу, голубчикъ, смѣло:
Стоитъ бить бы дурака!

* *
*

Но позвольте сваты, други!
Вамъ причину объяснить,
Вѣдь пишу я на досугѣ;
Такъ за чтожъ меня винить?

* *
*

Разсудите вы родные,
Лучше ль по-пусту гулять?—
Намъ минуты дорогія
Не велѣлъ Господь терять!

* *
*

Утромъ въ лавкѣ я бываю,
До обѣда все тружусь,—
Въ полдень щеты разбираю;
Въ вечеръ поздно спать ложусь.

* *
*

Но урву какой часочикъ
Отъ безсонницы своей,
Взявъ бумажки лоскуточикъ
За стихи я поскорѣй.

* *
*

И въ моемъ воображеньи,
Жизни сельской красоты,
Какъ въ веселомъ сновидѣньи—
Представляются цвѣты.

* *
*

И съ бумагой раздѣляю
Я мечту тогда мою,
И что въ сердцѣ ощущаю,
Я въ стихахъ передаю.

* *
*

Иногда пишу портреты
Я съ родни, съ дѣтей, друзей,
Ставлю вѣрно ихъ примѣты—
Въ память радости своей!

* *
*

Я искуства не имѣю,
Предъ судьями вкуса нѣмъ.
Хвалятъ?—веселюсь душею,
Хулятъ? не печалюсь тѣмъ.

* *
*

Веселюся за трудами,
Какъ съ палитрою сижу;—
Съ доброй женкой, и съ дѣтями
Часъ безцѣнный провожу.

*
*

Чѣмъ знакомымъ я мѣшаю?
Видитъ Богъ! не знаю самъ.
Но на волю оставляю—
Пересуды землякамъ.

Но за то труды его были оцѣнены людьми образованными и литераторами. На него обратилъ вниманіе знаменитый русскій поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, задавшій ему между прочимъ однажды тему для стихотворенія, которое мы и приводимъ здѣсь: «*Конь и Домовой*».

Съ зарёю конюхъ посѣдѣлый,
Всегда ходилъ къ своимъ конямъ;
Бросалъ на нихъ свой взоръ веселый—
И называлъ по имянамъ.
Какъ другъ у всѣхъ онъ побываетъ,
Глядитъ, спокойно ль конь стоитъ,
Погладитъ, гриву расплетаетъ,
Водою свѣжею поитъ.
Опять вечернею порою,
Къ конямъ любимымъ онъ ходилъ,
И радуясь на нихъ душою,
Судьбу свою благодарилъ!
Однажды скученъ пробудился,
Быть можетъ видѣлъ сонъ худой,
Къ своимъ ретивымъ торопился...
Тамъ смотритъ, конь его гнѣдой
Стоитъ невесело при сѣнѣ,
И паръ клубился изъ ноздрей
И гривой встряхивалъ своей,
Весь былъ въ поту, въ кровавой пѣнѣ!
И примѣчаетъ каждымъ днёмъ,
Его конь день отъ дня худѣетъ:
Ночной лежалъ нетронутъ кормъ,
Старикъ душой коня жалѣетъ!

А молодецъ, сынокъ родной,
Сказалъ: нашло ночной порой,
Конь сталъ перебирать ногами,
Понуро въ сторону глядѣлъ,
Взвивался на дыбы, храпѣлъ,
Тянулъ, и рвалъ оркань зубами.
Вздыхая конюхъ говорилъ:
Съ чего такъ навелось гнѣдому?
— Знать не взглянулось домовому,
Гнѣдую шерсть не залюбилъ!
Отягощала сердце дума,
Не зналъ, чѣмъ горю пособить,
Тутъ мысль пришла ему сходить,—
Въ селенье ближнее до кума,
А кумъ ворожеею слылъ,
Лѣчилъ, гадалъ, судилъ, мирилъ;
Къ нему-то шелъ просить совѣта
И все, какъ другу разсказалъ:
И дѣдъ на рѣчи отвѣчалъ:
Напрасно кумъ твоя примѣта!
Коня не портитъ домовой,
Виною конюхъ молодой,
Который на гнѣдкѣ летаетъ
Къ красоткамъ сельскимъ по ночамъ!
На посидѣлкахъ распѣваетъ,
Вернется къ утреннимъ часамъ.
По сказамъ кума дорогова,
Одну онъ ночку не поспалъ,
Тогда-то конюхъ все узналъ,
Кто мучилъ добраго гнѣдова.
Къ коню и въ ночь онъ приходилъ,

Съ тѣхъ поръ какъ бы рукою сняло:
Гнѣдко игривъ и гладокъ былъ,
И духъ недобрый залюбилъ,
И горе въ добрый часъ пропало.
Понынѣ тоже говорятъ,
Случится ль гдѣ такое чудо,
Коню отъ домовова худо,
А смотришь — конюхъ виноватъ.

Императорская Россійская Академія въ 1826-мъ году наградила Слѣпушкина золотою въ 50 червонцевъ медалью, съ надписью: «приносящему пользу русскому слову,» и въ избѣ его можно было видѣть вставленное въ рамку письмо къ нему по этому поводу, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова.

Но здѣсь нужно упомянуть какимъ образомъ Слѣпушкинъ освободился изъ крѣпостнаго состоянія. Въ этомъ содѣйствовала ему одна русская помѣщица, княгиня Т. В. Юсупова, собравшая въ пользу Слѣпушкина 3000 р., и чрезъ это доставившая ему средства откупиться отъ прежней барыни г-жи Новосильцевой.

А. С. Шишковъ представилъ также стихотворенія Слѣпушкина Государю Императору Николаю Павловичу и августѣйшей фамиліи; крестьянинъ-поэтъ удостоился получить за свои произведенія шитый золотомъ кафтанъ и золотые часы.—Его призывали ко двору—и онъ съ сердечной благодарностью разсказывалъ о ласковомъ пріемѣ, сдѣланномъ ему тамъ, и о томъ какъ Императрица

Марія Ѳеодоровна изволила разспрашивать его о различныхъ подробностяхъ его быта.

Послѣ этого избу Слѣпушкина стали посѣщать многія значительныя лица того времени.

Но счастіе не измѣнило его характера. Онъ остался по прежнему прямодушнымъ и честнымъ человѣкомъ, готовымъ на помощь ближнему. Нерѣдко у него пропадали за другими долги, что конечно разстроивало его дѣла, но онъ совѣстился вынуждать своихъ должниковъ къ уплатѣ и неразъ, встрѣтивъ кого нибудь изъ нихъ, показывалъ видъ, какъ будто ихъ не замѣтилъ, не желая привести въ смущеніе. Онъ зналъ по опыту, какъ тяжело бываетъ бѣдняку при встрѣчѣ съ тѣмъ, кому онъ долженъ, но съ кѣмъ не успѣлъ еще расплатиться.

Одинъ крестьянинъ, Богъ знаетъ изъ какихъ причинъ, питавшій къ Слѣпушкину ненависть и искавшій случая сдѣлать ему какую нибудь обиду, попалъ невзначай подъ мірской судъ, по навѣту. Слѣпушкинъ былъ въ числѣ разбирателей. Онъ нашелъ врага своего невиннымъ и оправдалъ его. Это такъ подѣйствовало на крестьянина, что тотъ бросился Слѣпушкину въ ноги, раскаялся въ своей злобѣ, и сдѣлался искреннѣйшимъ его другомъ.

Къ сожалѣнію, Слѣпушкинъ былъ рано похищенъ смертью, хотя богатырское сложеніе его обѣщало ему долгую жизнь. Онъ скончался 64-хъ лѣтъ отъ роду отъ холеры, въ 1848 году.

Въ сочиненіяхъ своихъ Слѣпушкинъ является

такимъ же какимъ былъ въ жизни... Главное ихъ достоинство состоитъ въ искренней, неподдѣльной любви къ сельскому быту, которая просвѣчиваетъ въ каждомъ его стихотвореніи; и также въ чувствѣ справедливости и христіанскаго милосердія. Въ доказательство этого мы приведемъ здѣсь стихотвореніе *Мірская сходка*, которое, между прочимъ, мы считаемъ лучшимъ изъ его произведеній:

МІРСКАЯ СХОДКА.

Сидѣлъ въ избѣ бурмистръ, и вкругъ его крестьяне.
Сидѣлъ онъ за столомъ и въ смуромъ былъ кафтанѣ;
Поближе тѣ къ столу, богатъ кто, и умнѣй; —
А бѣдные всегда сидѣли близь дверей.
Взялъ староста приказъ господской изъ кармана,
Далъ земскому читать,—притихли поселяна.—
И слову барскому готовились внимать,
Которое могло ихъ жизнь перемѣнять.
Тутъ до рекрутскаго касалося набора;
Худыхъ крестьянъ велѣлъ здать баринъ съ приговора.
Приказъ сей напугалъ зажиточныхъ крестьянъ,
Затѣмъ, что дѣтки ихъ гнѣвили всѣхъ мірянъ.
И день и ночь они въ порокахъ утопали;
Бѣда летитъ въ глаза, отцы сидятъ въ печали;
Не знаютъ дѣлать что при горести такой!
И въ скорби погрузясь смущаются тоской.
Кѣмъ горе замѣнить—отдачею въ солдаты?—
Придумали они—сиротъ свалить безъ платы;
Которымъ безъ того судьба строга и зла,

И горькая слеза не высохла съ чела.
Вдругъ, началъ говорить одинъ изъ міроѣдовъ:
Послушайте друзья! къ чему беречь сосѣдовъ?
Степана Карпова, и Сидора съ Кузьмой!
Имъ должно лобъ забрить, по истинѣ прямой:
Ихъ домы хуже всѣхъ, скота при домѣ мало,
Подъ красную бы ихъ, какъ встарь у насъ бывало!
За нимъ тогда другой, заводитъ туже рѣчь:
Къ чему намъ бѣдняковъ при вотчинѣ беречь?
Щадятъ ихъ господа, оброками прощаютъ,
Они хлопотъ мірскихъ и податей не знаютъ.
Такъ съ Богомъ! пусть они идутъ служить за насъ.
Тутъ староста сказалъ: родились не для васъ,
Не для распутныхъ тѣхъ которые съѣдаютъ—
Сиротской даромъ хлѣбъ и бѣдныхъ обижаютъ,
Богатствомъ думаютъ безчинство прикрывать,
Васъ, первыхъ должно васъ, подъ красную отдать!
Чтобъ за дѣтьми присмотръ всегда отцовъ былъ
долгомъ,
И отдадутъ еще они отчетъ предъ Богомъ.
А бѣдной сирота—ничемъ не виноватъ!
И это не порокъ, что домъ ихъ не богатъ!
Но вѣрно наградитъ ихъ свыше Провидѣнье,
За доброе житье, и въ горести терпѣнье;
Мой долгъ судить равно, безъ понаровки тутъ.
Накажется судья за нерадивый судъ!
Тотъ часъ велѣлъ сковать онъ сыновей развратных.
Поднялся крикъ и плачь о дѣткахъ ненаглядныхъ.
Не пожалѣли ихъ.—Кто Бога не забылъ,
Тотъ ближнихъ никогда безвинно не тѣснилъ.

По одному оглавленію Слѣпушкина стихотвореній можно видѣть, что почти каждое изъ нихъ имѣетъ предметомъ сельскую жизнь. То онъ описываетъ сѣнокосъ, то жатву, то сельскія игры дѣтей, то сельскую свадьбу и проч. Есть у него и такія стихотворенія, въ которыхъ онъ поучаетъ. Эти стихотворенія, по большей части заключаютъ въ себѣ справедливую мысль–что трудъ есть главная основа благосостоянія крестьянина и что безъ труда для него не возможно ни счастіе, ни спокойствіе.

Оканчиваемъ нашу статью нѣсколькими строками изъ стихотвореній Слѣпушкина, *умирающій старикъ*, въ которыхъ вполнѣ выражается честная душа его, полная любви къ ближнему и къ правдѣ.

Съ сосѣдомъ мирно вы живите,
Какъ съ братомъ милымъ и роднымъ;
Послѣдній хлѣбъ съ нимъ раздѣлите,
Не скупы будьте и къ чужимъ.
Зерна безъ спросу не берите,
Всякъ будь своимъ доволенъ самъ:
Загонъ сосѣдній не орите,
Обидъ не дѣлай—и врагамъ.
На помощь ближнему поспѣйте,
Почтенно—ближнимъ помогать!—
За правду жизни не жалѣйте,
Блаженство добрымъ умирать!

Прибавимъ въ заключеніе, что хотя Слѣпушкина по дарованію нельзя поставить на равнѣ съ лучшими русскими писателями, какъ напримѣръ Кольцовъ (также вышедшій изъ народа

и о которомъ мы надѣемся поговорить съ читателями нашими въ слѣдующихъ книжкахъ Народнаго Чтенія), или Крыловъ, Пушкинъ и другіе, но имя Слѣпушкина все таки заслуживаетъ уваженія, какъ имя человѣка—умѣвшаго образовать себя не смотря на обстоятельства, вовсе неблагопріятствовавшія этому.—Наконецъ къ чести его нужно отнести и то-что похвалы, расточаемыя его дарованію не вскружили ему голову и не отвлекли его отъ занятій, свойственныхъ его сословію и всегда почтенныхъ.

ИВАНЪ МИХАЙЛОВЪ.

VIII.

РАДОСТЬ и КРУЧИНА.

Ахъ, у радости быстрыя крылья,
Золотыя да яркія перья!
Навѣститъ—вся душа встрепенется,
Передъ смертью больной улыбнется.

* *
*

Ужь зазвать бы мнѣ радость обманомъ,
Задержать и мольбою и лаской,—
Отъ тумана глаза-бъ прояснились,
На веселый ладъ пѣсни сложились.

* *
*

Ты кручинушка, ночь безъ разсвѣта,
Безъ разсвѣта да съ холодомъ-вѣтромъ;

При тебѣ—вся краса изсушится,
При тебѣ—въ головѣ помутится.

* *
*

Ужь и будь ты кручинушка пепломъ,
Весь-бы по-полю, въ бурю развѣялъ,
Пусть-бы въ полѣ трава погорѣла,
Да на сердцѣ смола не кипѣла!

И. НИКИТИНЪ.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ Н. ЦЫГАНОВА.

I.

Ахъ, не пташечка,
Не ясенъ соколъ
Со тепла гнѣзда солетаетъ!
Въ путь дороженьку
Добрый молодецъ
Со подворьеца соѣзжаетъ!
Не отецъ, не мать
Добра молодца
Съ широка двора отпускаютъ...
Не лебедушка,
Молода жена
На разстаньюшкахъ горько плачетъ.
Все на проводахъ
У молодчика
Посторонніе да чужіе!
На растаньюшкахъ
Ретиву сердцу
Не больны они да не тяжки.

И прощается
Съ ними молодецъ
Не грустя по нихъ, не кручинясь.
Ни слезинушки
Изъ ясныхъ очей
На бѣлую грудь не скатилось.
Веселехонько
Добрый молодецъ
На коня садясь запѣваетъ:
Ахъ, прости, прощай
Мой родимый край,
Сторона моя дорогая:
«Никóли съ тобой,
Со сторочушкой,
Добру молодцу не видаться;
«Ничему въ тебѣ
Ненаглядному,
Сердцу милому не остаться:
«Отецъ съ матерью
Спятъ въ сырой землѣ,
Роду, плѣмени не имѣю;
«Лишь одна была
Душа дѣвица,
Да и съ той меня разлучили.
Ахъ, вечеръ ее
Мою любушку
За немилаго обручили;
«Лишь объ ней вздохну
Тяжелехонько,
Лишь объ ней одной пожалѣю.»

III.

Ахти! бѣда неволюшка —
Погибельная долюшка!
Сама хожу по камешку,
Коня вожу по травушкѣ...
По травушкѣ муравушкѣ —
Кусты ростутъ, цвѣты цвѣтутъ, —
Въ кустахъ, въ цвѣтахъ пѣвцы поютъ:
Ахъ вьюнчики—пѣвунчики —
Залетные игрунчики!
Вы спойте мнѣ, скажите мнѣ:
Въ чемъ волюшка, въ чемъ воли нѣтъ.
Гдѣ волюшка, гдѣ воли нѣтъ?
У дѣвушекъ — голубушекъ,
Повольничать, позбойничать, —
Ни прясть, ни ткать, въ тонокъ играть
Въ пору взойти, замужъ пойти! —
У молодцовъ, соколовъ
Повольничать, позбойничать,
Коней сѣдлать, бѣдой играть!
Невѣстъ любить, да женъ губить!..
Молодушкамъ, лебедушкамъ —
Нѣтъ волюшки, свободушки!
То въ зыбочкѣ ува кричитъ;
То у печи свекровь ворчитъ;
То мужъ объ столъ ножомъ стучитъ:
На столъ сбирай, вина давай,
Коня сѣдлай, съ двора спущай —
«Да кланяйся въ слѣдъ до земли..,.
«Да жди назадъ къ бѣлой зари.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Правительственныя распоряженія,—составлены П. Небольсинымъ:

а) О Высочайшихъ рескриптахъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ . . . . . 3.

б) О циркулярѣ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ - . . . . . 9.

в) Объ улушеніи быта крестьянъ въ заповѣдныхъ имѣніяхъ . . . . . 18.

г) О дворовыхъ людяхъ . . . . . 19.

д) Объ учрежденіи Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу . . . . . 20.

е) Указъ объ удѣльныхъ крестьянахъ . . . . . 36.

ж) Правила о переходѣ удѣльныхъ крестьяъ въ городскія и другія свободныя сельскія состоянія . . . . . 40.

з) Правила о ходатайствѣ по тяжебнымъ, исковымъ и вообще гражданскимъ дѣламъ удѣльныхъ крестьянъ съ лицами другихъ состояній . . . . . 43.

и) О Всемилостивѣйшемъ Манифестѣ Государя Императора, 26-го Августа 1856 года, орекрутскомъ наборѣ. 46.

і) О дозволеніи Архіереямъ разрѣшать сооруженіе новыхъ церквей . . . . . 48.

к) Объ устройствѣ училищъ военнаго вѣдомства . . . 48.

л) Объ учрежденіи Повивальнаго Института при Императорскомъ московскомъ воспитательномъ домѣ . . 52.

стр.

м) Объ учрежденіи фельдшерской школы при Императорскомъ московскомъ воспитательномъ домѣ . . . 53.
н) Объ учрежденіи женскихъ училищъ . . . . . 54.
о) Объ учрежденіи смоленскаго общества сельскаго хозяйства . . . . . 55.
п) Объ учрежденіи россійскаго общества садоводства . 57.
р) Объ учрежденіи благотворительныхъ обществъ въ Новогрудкѣ и Одессѣ . . . . . 57.
с) Объ учрежденіи родильныхъ госпиталей, при Императорскомъ московскомъ воспитательномъ домѣ . . 58.
т) Объ учрежденіи богадѣльни, при Императорскомъ московскомъ воспитательномъ домѣ . . . . . 60.
у) Положенія о переселенцахъ въ Закавказкомъ краѣ . 61.
ф) Объ устройствѣ казачьихъ станицъ по теченію рѣки Урала и въ Киргизской степи . . . . . 62.
х) Новые законы о наймѣ рекрутъ и о выдачѣ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій . . . . . 62.
ц) О выдачѣ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій за убылыхъ ратниковъ . . . . . 65.
ч) О выдачѣ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій за людей Ставропольской губ., увлеченныхъ въ плѣнъ, убитыхъ или изувѣченныхъ . . . . . 67.
ш) Положенія объ увольненіи изъ военнаго вѣдомства солдатскихъ сыновей и о подачѣ ревизскмхъ сказокъ отставными нижними чинами . . . . . 67.
щ) Указы относительно промысловъ и торговли . . 70.
ъ) Объ учрежденіи временной коммисіи для разбора дѣлъ между рядчиками и нанимателями . . . . . 76.
ы) Положеніе о размежеваніи чрезполосныхъ дачъ . . 79.
ь) Поясненіе законовъ о поручительствѣ . . . . . 80.
ѣ) Указъ о наслѣдствѣ выморочныхъ имѣній Малороссійскихъ казаковъ . . . . . 82.
э) Указъ о снятіи крестовъ съ ратниковъ за преступленія и провинности . . . . . 83.
ю) Положеніе о наказаніяхъ волостныхъ писарей . . . 83.
я) Законъ относительно людей, находящихся подъ слѣдствіемъ и судомъ . . . . . .
ѳ) Объ изданіи новаго Свода Законовъ . . . . . 84.
v) Списокъ крестьянъ и мѣщанъ, которыхъ Государь

СТР.

Императоръ всемилостивѣйше пожаловать изволилъ разнѣми наградами . . . . . 88.

II. Разсказы изъ Русской Исторіи. Разскасъ С. Максимова . . . . . 97.

III. Кто человѣкъ, тому сродно все человѣческое П. Небольсина . . . . . 125.

IV. Надёжа Марко-Вовчка . . . . . 145.

V. Отставной солдатъ Захаровъ Маева . . . . . 166.

VI. Разсказъ за чаемъ Н. Успенскаго. . . . . 179.

VII. Ѳедоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ Н. Михайлова. 193.

VIII. Радость и Кручина И. Никитина. . . . . 209.

Два стихотворенія Н. Цыганова. . . . . 210.

ОПЕЧАТКА.

Стран.	Строка.	Напечатано.	должно быть.
102	6	«и Ольга, жена Олега.»	«и Ольга, жена Игоря.»

НАРОДЫ, НАСЕЛЯЮЩІЕ РОССІЮ.

НАРОДНОЕ

ЧТЕНІЕ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОСТАВЛЕННАЯ

А. ОБОЛОНСКИМЪ И Г. ЩЕРБАЧЕВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1859.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 15 Февраля 1859 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

Печатано въ типографіи П. А. Кулиша,
на углу Вознесенск. и Екатерингофск. проспектовъ, въ домѣ Лея.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Каждый народъ долженъ стремиться къ справедливому устройству и разумному улучшенію своего быта. Каждое устройство народа русскаго опредѣляется закономъ или правительственнымъ распоряженіемъ, а всѣ законы русскіе утверждаются Высочайшею волею Государя Императора; потому-то, прежде изложенія правительственныхъ распоряженій, относящихся до крестьянскаго и мѣщанскаго сословій, необходимо обратить взоры на Всемилостивѣйшаго Царя всего народа русскаго.

Государь Императоръ, непрестанно думая и отечески заботясь о благоденствіи Царства Русскаго, совершилъ, въ прошломъ 1858 году, путешествіе по различнымъ губерніямъ, чтобы ближе узнать потребности своего народа и чтобы повѣрить на мѣстѣ исполненіе своихъ благихъ начинаній. Государь Императоръ посѣтилъ губерніи: тверскую, вологодскую, архангельскую, ярославскую, кост-

ромскую, нижегородскую, смоленскую, виленскую, минскую и ковенскую; дни своей коронаціи и своего тезоименитства провелъ Онъ въ Москвѣ, побывалъ потомъ въ Варшавѣ и оттуда возвратился въ Петербургъ. Повсюду, гдѣ ни проѣзжалъ Государь Императоръ, повсюду Онъ выражалъ твердое желаніе общаго блага, а дворянъ, призванныхъ Имъ на великое дѣло устройства и улучшенія крестьянскаго житья-бытья, соизволилъ Онъ удостоить слѣдующими рѣчами:

Тверскому дворянству Государь Императоръ изволилъ сказать:

«Господа! Я очень счастливъ, что имѣю случай выразить Мою благодарность тверскому дворянству, которое уже неоднократно доказало Мнѣ свою преданность и готовность, вмѣстѣ съ другими губерніями, всегда содѣйствовать общему благу. Вы это доказали во время послѣдней войны, при составленіи ополченія, и Мнѣ памятны жертвы дворянъ. Теперь Я вамъ поручилъ дѣло, важное для Меня и для васъ — дѣло крестьянъ. Надѣюсь, что вы оправдаете Мое довѣріе. Лицамъ, изъ вашей среды избраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ: обсудите его, обдумайте зрѣло, изыщите средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ, устройте, примѣняясь къ мѣстности, такъ, чтобъ было безобидно для нихъ и для васъ, на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя указаны въ Моихъ рескриптахъ.

Вы знаете, какъ ваше благосостояніе Мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы вашихъ крестьянъ: поэтому Я увѣренъ, что вы будете стараться устроить такъ, чтобъ было безобидно для васъ и для нихъ. Я увѣренъ, что могу быть покоенъ: вы Меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ. Когда ваши занятія кончатся, тогда положеніе комитета поступитъ чрезъ министерство на Мое утвержденіе. Я ужь приказалъ: отдать распоряженіе, чтобъ изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній, въ главномъ комитетѣ. Въ дѣйствіяхъ намъ разойдтись нельзя, наша цѣль одна — общая польза Россіи. Я оставляю васъ въ полной увѣренности, что вы оправдаете Мои ожиданія и Мое къ вамъ довѣріе, убѣжденъ, что вы Мнѣ будете содѣйствовать, но не препятствовать.»

Вологодскому дворянству Государь Императоръ изволилъ сказать слѣдующее:

«Я исполнилъ Свое обѣщаніе быть у васъ. Вологодское дворянство всегда отличалось своею преданностью къ престолу, а потому Я вполнѣ увѣренъ, что и въ настоящее время, въ общемъ дѣлѣ, оно, по мѣрѣ силъ, будетъ споспѣшествовать исполненію Моихъ предначертаній. Я надѣюсь, что вы совершенно сочувствуете Моимъ желаніямъ и будете способствовать общей поль-

зѣ по крестьянскому дѣлу, и затѣмъ улучшите бытъ крестьянъ вашихъ, нераздѣльно съ общею выгодою.»

Костромскому дворянству Государь Императоръ изволилъ сказать:

«Господа! Костромская губернія, по историческимъ воспоминаніямъ, близка Семьѣ Моей, и Мы считаемъ ее родною; поэтому-то Мнѣ особенно пріятно находиться среди васъ, послѣ прошествія двадцати лѣтъ. Вчерашній пріемъ тронулъ Меня. Благодарю васъ за готовность, съ какою встрѣтили вы желаніе Мое улучшить бытъ крестьянъ. Этотъ близкій сердцу Моему вопросъ слишкомъ важенъ для будущности Россіи. Надѣюсь, что вы въ этомъ, такъ сказать, жизненномъ вопросѣ, оправдаете вполнѣ Мои ожиданія, примѣненіемъ главныхъ началъ, выраженныхъ въ моихъ рескриптахъ, къ мѣстнымъ удобствамъ и окончите его, ирипомощи Божіей, безъ обиды, какъдля себя, такъ и для крестьянъ. Для объясненія вашихъ выводовъ, Я позволяю вамъ избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ, которые должны будутъ, по окончаніи работъ комитета здѣсь на мѣстѣ, прибыть въ Петербургъ, для окончательнаго пересмотра предположеній вашихъ. Надѣюсь, что вы оправдаете Мое къ вамъ довѣріе. Еще благодарю васъ, господа, за оказанное вами усердіе въ прошедшую войну, за службу вашу и за всѣ пожертвованія.»

Депутатамъ смоленскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу и предводителямъ смоленскаго дворянства, Государемъ Императоромъ сказаны слѣдующія слова:

«Мнѣ пріятно, господа, находиться среди васъ и лично благодарить дворянство смоленское за преданность престолу и отечеству, которую оно неоднократно доказывало, какъ прежде, такъ и въ 1812 г., и въ послѣднюю войну. Мнѣ пріятно благодарить васъ и за готовность, выраженную вами въ крестьянскомъ дѣлѣ. Мои предмѣстники и въ особенности покойный родитель Мой всегда оказывали вниманіе смоленскому дворянству: вы имѣете документъ Его благоволенія къ вамъ, который былъ писанъ за нѣсколько дней Его смерти; можно сказать, Онъ и на смертномъ одрѣ думалъ о васъ. Я также люблю васъ. Одна изъ вашихъ дамъ поднесла матери Моей образъ (1) для благословенія Меня въ то время, когда Я имѣлъ честь командовать войсками, защищавшими столицу. Этотъ образъ всегда при Мнѣ и служитъ, такъ сказать, новою связью, которая еще крѣпче соединяетъ Меня съ вами. Теперь вы собраны по

---

(1) Государь Императоръ упоминалъ объ образѣ, Имъ принятомъ отъ жительницъ города Смоленска, въ 1854 году, во время послѣдней нашей войны съ Французами и Англичанами. Поднесенный Царю образъ, былъ списанъ со Святой иконы Смоленской Божіей Матери Одигитріи, сопровождавшей наши войска въ великую отечественную войну 1812 года, когда были изгнаны изъ Россіи Французы и съ ними двадесять языкъ.

крестьянскому дѣлу. Это необходимо для благосостоянія вашего, крестьянъ вашихъ и всей Россіи. Займитесь имъ дѣльно и на указанныхъ въ Моемъ рескриптѣ началахъ, обдѣлайте это дѣло такъ, чтобъ оно было безобидно для васъ и для крестьянъ вашихъ. Этимъ вы доставите Мнѣ утѣшеніе. Я увѣренъ, вы не обманете Моихъ ожиданій и оправдаете Мою къ вамъ довѣренность.»

Виленскому дворянству Государь Императоръ изволилъ сказать:

«Господа, очень радъ, что лично могу благодарить васъ, за живое участіе, которое вы принимали во время послѣдней войны, а равно и за радушіе, оказанное вами Моей гвардіи. Но это для васъ не ново. Я самъ былъ свидѣтелемъ въ 1849 году, какъ вы принимали гвардію. Благодарю васъ за сердечный, радушный пріемъ. Весьма радъ видѣть васъ, собравшихся здѣсь, и быть между вами. Благодарю васъ за участіе, принятое вами въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ. Вы первые показали собою примѣръ и вся Имперія за вами послѣдовала. Я увѣренъ, что вы отвѣтите ожиданіямъ правительства и будете всегда и во всемъ помогать Мнѣ. Еще разъ благодарю васъ за пріемъ и повторяю, что мнѣ пріятно видѣть Себя окруженнымъ вами. Я надѣюсь на васъ.»

На Всемилостивѣйшее желаніе Государя Императора улучшить бытъ помѣщичьихъ крестьянъ, отозвались еще три губерніи: олонецкая, вятская

и пермская. Всѣмъ тремъ губернаторамъ посланы царскія грамоты; всѣ три грамоты между собою совершенно одинаковы; одна изъ нихъ выписывается здѣсь на образецъ:

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

Начальнику пермской губерніи.

«Дворянство пермской губерніи изъявило желаніе открыть въ этой губерніи особый комитетъ для составленія проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ оной.»

«Принимая съ удовольствіемъ это доказательство стремленія пермскаго дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, соотвѣтственно Моимъ видамъ и намѣреніямъ, Я предоставляю сему дворянству приступить къ составленію проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ пермской губерніи, на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже Мною дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде подобное желаніе, съ тѣмъ, чтобы предположенія по сему предмету были приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.»

«Вслѣдствіе сего повелѣваю:»

«I. Открыть нынѣ же въ Перми особый комитетъ изъ слѣдующихъ членовъ: 1) отъ трехъ до пяти, выбранныхъ изъ среды своей дворянами всей губерніи, владѣющими въ ней населенными

имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ губерніи, а если не будетъ ихъ въ виду, то двухъ потомственныхъ дворянъ, по непосредственному назначенію вашему. Всѣ сіи члены, по избраніи ихъ, должны выбрать изъ среды себя предсѣдателя комитета.»

«II. Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проэкта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ пермской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:»

«1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.»

«2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

«3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.»

«III. Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ

къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія (1), могущія служить комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ.»

«Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по пермской губерніи, Я предоставляю вамъ дать комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ проэктъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ пермской губерніи изъятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія на Мое усмотрѣніе.»

«Открывая такимъ образомъ дворянству пермской губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что оно вполнѣ оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участію въ столь важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаемымъ всѣми успѣхомъ.»

«Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи своимъ по-

---

(1) *Соображенія* министра внутреннихъ дѣлъ помѣщены въ первой книжкѣ *Народнаго Чтенія*, а также помѣщена тамъ и полная программа для занятій губернскихъ комитетовъ, составленная въ С. Петербургѣ главнымъ комитетомъ по крестьянскому дѣлу.

мѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.»

Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинныхъ грамотахъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «АЛЕКСАНДРЪ.»

Заботы Государя Императора распространяются не на однихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Въ августѣ мѣсяцѣ, охтянскіе поселяне были призваны въ с. петербургскую городскую думу, для выслушанія царской грамоты о присоединеніи ихъ къ с.-петербургскому городскому обществу. Царскою грамотою освободились охтянскіе поселяне отъ зависимости, въ которой они до тѣхъ поръ находились подъ вѣдѣніемъ морскаго министерства. Селенія: Большая и Малая Охта основаны при Императорѣ Петрѣ 1-мъ; онѣ прилегаютъ къ самому Петербургу и составляютъ часть города. Желая создать флотъ и нуждаясь для постройки кораблей въ работникахъ, Царь Петръ Алексѣевичъ повелѣлъ переселить изъ разныхъ мѣстъ Россіи вольныхъ плотниковъ, привычныхъ къ судовымъ работамъ. Эти переселенцы были обязаны исполнять лично разныя корабельныя работы. Плата за плотничью работу была назначена отъ казны; охтянскіе поселяне находили, что казенная плата была недостаточна и занимались на сторонѣ столярною, позолотною и другими работами. Охтянцамъ было запрещено перечисляться въ другія званія и сословія, а не желавшимъ ходить на казенныя работы, дозволялось ставить вмѣсто

себя постороннихъ работниковъ, но за каждаго охтянца требовалось два хорошихъ плотника. Само собою разумѣется, что такіе порядки не только стѣсняли охтянцевъ, но и самой казнѣ приносили мало пользы. Морское министерство высчитало, что оно будетъ исполнять корабельныя работы выгоднѣе, если будетъ производить ихъ наймомъ, управляя же охтянскими поселянами на прежнихъ порядкахъ, стало морское министерство походить на помѣщика, а охтянскіе поселяне на крѣпостныхъ крестьянъ. По указу Царскому, всѣ поселяне Большой и Малой Охты, въ числѣ 3,435 крестьянъ обоего пола, присоединены къ городскому обществу; а 19 августа 1858 года, охтянцы были призваны въ санктпетербургскую городскую думу, чтобы самимъ избрать изъ среды себя выборныхъ, для сужденія общественныхъ дѣлъ. Санктпетербургскій голова Алферовскій обратился къ Охтенцамъ съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

«Благополучно царствующій Государь Императоръ Александръ II, въ высокой благости о вѣрноподданныхъ своихъ, даровалъ и вамъ нынѣ всѣ права, присвоенныя свободнымъ городскимъ сословіямъ. Вамъ же отнынѣ принадлежитъ право свободно располагать недвижимою собственностью; имѣть посредствомъ уполномоченныхъ изъ среды вашей лицъ, правильныя собранія для совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ и представлять правительству о пользахъ и нуждахъ вашихъ, — словомъ, вамъ дарованы всѣ права гражданства.

«Поздравляя васъ съ сею высокою Царскою милостію именемъ санктпетербургскаго городскаго общества, съ которымъ вы по дарованнымъ вамъ правамъ вступаете въ близкое соотношеніе, я убѣжденъ, что и вы съ своей стороны употребите всѣ старанія къ тому, чтобы поддержать съ достоинствомъ эти новыя права ваши и чтобы заслужить названіе добрыхъ и полезныхъ гражданъ.

«Сегодня предстоитъ вамъ выборъ изъ среды вашей тѣхъ людей, на которыхъ отнынѣ лежать будетъ попеченіе о благосостояніи вашемъ, и отъ добросовѣстности и трудовъ ихъ зависѣть будетъ водвореніе и упроченіе общественнаго порядка. Надѣюсь, что сознавая всю важность предстоящаго дѣла, вы совершите выборъ сей съ тѣмъ безпристрастіемъ и тою правильностію, которыхъ требуетъ долгъ, присяга и собственная ваша польза.»

Хорошо работается работа добровольная, не съ малолѣтства человѣку предназначенная, а имъ самимъ для себя избранная, по своему разумѣнію да по желанію. Пойдетъ таковая работа у человѣка успѣшно, онъ будетъ трудиться надъ нею съ охотою, и доставитъ тогда, и себѣ и всему обществу пользу видимую. По волѣ Всемилостивѣйшаго Царя нашего, число людей, съ малолѣтства назначенныхъ на всегдашнюю служебную повинность еще уменьшилось.

26 сентября 1858 года Высочайше утверждено: 1) Дѣтей инвалидовъ, аптекарскихъ учениковъ,

мастеровыхъ на заводахъ и въ типографіи, и другихъ нижнихъ служителей департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій исключить изъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ и обратить въ свободныя сельскія и городскія податныя сословія. 2) Правило это распространить и на тѣхъ сыновей нижнихъ служителей, которые поступили на службу до Всемилостивѣйшаго манифеста 26-го августа 1856 года, моложе 20 лѣтъ отъ роду. 3) Родителямъ, родственникамъ и воспитателямъ, на попеченіи которыхъ состоятъ нынѣ и впредь будутъ находиться законнорожденные сыновья, прижитые нижними служителями, во время нахожденія ихъ на службѣ, предоставляется, за службу отцевъ, право пользоваться отъ правительства тѣмъ содержаніемъ, какое доселѣ, по существующимъ постановленіямъ на нихъ отпускалось. 4) Равнымъ образомъ родителямъ, родственникамъ и воспитателямъ сыновей, прижитыхъ нижними служителями во время нахожденія на службѣ, предоставляется право по добровольному ихъ желанію, отдавать сихъ сыновей въ учебныя заведенія, для дѣтей нижнихъ чиновъ учрежденныя. 5) Исключенныя изъ вѣдомства департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій дѣти нижнихъ служителей, а равно и тѣ, которые родятся со дня изданія настоящихъ правилъ до послѣдней ревизіи, обязаны быть зачислены въ 10-ю ревизію. 6) Родители, родственники и воспитатели, на попеченіи коихъ состоятъ и будутъ находиться за-

коннорожденные сыновья инвалидовъ и нижнихъ служителей вѣдомства департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій, прижитые во время нахожденія въ дѣйствительной службѣ, получаютъ на содержаніе сихъ сыновей денежное пособіе изъ суммъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Пособіе это производится:

	на каждаго въ годъ
а) Сыновьямъ до 9-ти лѣтняго возраста по	10 р. 80 к. с.
б) Сыновьямъ отъ 9-ти до 14 лѣтъ	18 р. сер.

Примѣчаніе. При увольненіи нижнихъ служителей въ отставку, денежное пособіе на сыновей ихъ, достигшихъ 7-ми лѣтняго возраста, прекращается; на тѣхъ же изъ сыновей, которые не достигли еще такого возраста, пособіе это производится и по выходѣ нижнихъ служителей въ отставку, но только до 7-ми лѣтъ.

7) Родители, родственники и воспитатели, находящіеся на службѣ, если пожелаютъ пользоваться денежнымъ пособіемъ, на состоящихъ при нихъ сыновей нижнихъ служителей, должны подавать о томъ просьбы своему начальству, съ представленіемъ метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи и крещеніи сыновей.

8) Сыновья нижнихъ служителей, рожденные по увольненіи отцовъ ихъ въ отставку и состоявшіе, до изданія настоящихъ правилъ, на счету департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій, так-

же могутъ пользоваться денежнымъ пособіемъ; рожденные же послѣ изданія настоящихъ правилъ, на пособіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ права не имѣютъ. Родители, родственники и воспитатели, *которые не явятся за полученіемъ пособія болье двухъ лѣтъ, теряютъ право на это пособіе за все пропущенное время.*

(Сенат. Вѣд. 1858 № 87).

Старые люди давно сказали: ученье свѣтъ, а неученье тьма; и ни одинъ благоразумный человѣкъ не будетъ спорить о необходимости для народа грамотности да науки. Всякому извѣстно, что лучшее время для ученья есть молодость; извѣстно, что съ молода привыкнувъ учиться, можетъ человѣкъ скорѣе полюбить науку, обогатить свой умъ познаніями и доставить своими свѣдѣніями, и себѣ, и своему отечеству пользу не малую. Пріохотить дѣтей къ ученью легче всего родителямъ; важенъ для ребенка примѣръ отца, но не менѣе сильно дѣйствуетъ на дитя и примѣръ матери. Мать, разумно обученная и понимающая благодѣтельность науки, съ малолѣтства укоренитъ въ своихъ дѣтяхъ чувство добра и справедливости, и разовьетъ въ нихъ охоту къ ученью; а потому-то, для распространенія въ народѣ науки да знанія, также необходимы школы женскія, какъ и школы мужскія, и оттого, каждое открытіе женскаго училища не менѣе радостно, какъ и открытіе училища мужскаго.

Чтобы доставить *всѣмъ сословіямъ* какъ можно

больше средствъ къ лучшему воспитанію и образованію дѣтей, открыты въ Петербургѣ три новыхъ училища для приходящихъ дѣвицъ. Помѣщены эти женскія школы въ Коломнѣ (1), на Васильевскомъ островѣ и на Петербургской сторонѣ. На первоначальное устройство новыхъ женскихъ училищъ назначено единовременно по 2,000 р. сер. на каждое училище, а сверхъ того, ежегодно на каждое училище будетъ отпускаться по 3,000 р. с. Въ этихъ школахъ ученицы жить не будутъ, а только должны онѣ приходить туда для уроковъ въ извѣстные часы дня, остальное же время онѣ находятся подъ присмотромъ родителей.

Повсюду число женскихъ училищъ ежегодно увеличивается. Въ Сибири, въ уѣздныхъ городахъ Тобольской губерніи: Курганѣ, Тюмени, Ишимѣ и крѣпости Омскѣ, тоже открыты новыя женскія школы, на деньги, пожертвованныя разными доброхотными лицами.

Въ губернскомъ городѣ Самарѣ открыто при тюремномъ замкѣ училище на 20 человѣкъ, для обученія дѣтей арестантовъ. Взрослымъ арестантамъ тоже разрѣшено посѣщать это училище. И такъ нынѣ, въ самомъ заточеніи доставляются человѣку средства обогащать свой умъ познаніями и услаждать наукою горечь тюремной жизни. Развѣ мало между узниками бываетъ людей неграмотныхъ?...

---

(1) Такъ называется одна часть города Петербурга.

Ничто не должно препятствовать человѣку, свободное отъ другихъ занятій время употребить на свое образованіе. Въ самарскомъ тюремномъ училищѣ преподаются: законъБожій, русская грамота и другія начальныя науки. Чѣмъ другимъ, кромѣ вѣры и науки можетъ человѣкъ утвердиться въ добрыхъ намѣреніяхъ и дѣлахъ? Только вѣра и наука могутъ указать человѣку истинный путь въ жизни. Только вѣрующій въ Бога и уважающій науку человѣкъ можетъ сдѣлаться справедливымъ и полезнымъ гражданиномъ, полюбить трудъ для блага общаго и тѣмъ оставить послѣ себя честную и долгую память.

Разумное улучшеніе народнаго быта совершается трудами всѣхъ согражданъ на пользу общую. Когда одинъ или нѣсколько человѣкъ задумаютъ какое нибудь общеполезное дѣло, но оно имъ бываетъ не подъ силу или не по карману, тогда они приглашаютъ къ себѣ многихъ товарищей и составляютъ такимъ порядкомъ общество. Общество собираетъ по добровольной подпискѣ деньги, и на собранный капиталъ работаетъ соединенными силами. Что было для немногихъ трудно и даже невозможно, то, общество можетъ исполнить успѣшно. Капиталъ общества раздѣляется на части, называемыя паями или акціями, каждый товарищъ или вкладчикъ называется акціонеромъ, а все товарищество—акціонернымъ обществомъ Много у насъ теперь устроивается полезныхъ предпріятій, съ цѣлью доставить народу больше

удобствъ и средствъ къ жизни, съ цѣлію улучшить сухопутныя и водяныя сообщенія, оживить промышленность и усилить торговлю. Для исполненія этихъ полезныхъ предпріятій, составились новыя акціонерныя общества, такъ напримѣръ:

Для доставленія совершенно удобныхъ и дешевыхъ квартиръ рабочему населенію и вообще людямъ недостаточнаго состоянія, учреждено акціонерное общество, подъ названіемъ: *общество для улучшенія въ С.-Петербургѣ помѣщеній рабочаго и нуждающагося населенія.*

Общество обязуется устроить въ С.-Петербургѣ дома̀, приспособленные къ потребностямъ рабочихъ и другихъ недостаточныхъ обывателей. Доходъ отъ домовъ общества будетъ ограниченъ умѣренною платою. Покупка мѣстъ и строеній, для устройства домовъ подъ дешевыя квартиры, разрѣшается правительствомъ безъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ; а сверхъ того, дома́ отстроенные обществомъ, избавляются въ теченіи пяти лѣтъ отъ денежныхъ городскихъ повинностей. Для приведенія этого предпріятія въ исполненіе, обществу предоставляется собрать капиталъ въ двѣсти тысячъ (200,000) р. сер., посредствомъ выпуска восьми тысячъ (8,000) акцій, каждой въ двадцать пять руб. сер.»

Всѣ скажутъ большое спасибо обществу, устраивающему для бѣдныхъ людей удобныя и дешевыя квартиры, когда это общество, пользуясь многими льготами, удовольствуется небольшими

выгодами и по мѣрѣ своихъ средствъ, доставитъ петербургскимъ чернорабочимъ сухія, теплыя и недорогія помѣщенія. Государь Императоръ, Государыни Императрицы и почти всѣ члены Императорской фамиліи, милостиво обѣщались принять участіе въ денежной подпискѣ на акціи, а потому должно надѣяться, что первый опытъ такого благодѣтельнаго предпріятія, вызоветъ новыя заботы о нуждающемся петербургскомъ населеніи. Сколько тогда сохранится у бѣдныхъ людей силы и здоровья, и отъ сколькихъ нуждъ и болѣзней, избавятся тѣ чернорабочіе, которые по недостатку и дороговизнѣ удобныхъ квартиръ, часто теперь бываютъ принуждены помѣщаться въ тѣсныхъ, грязныхъ, темныхъ, сырыхъ и холодныхъ подвалахъ и углахъ. Число рабочихъ, постоянно живущихъ въ Петербургѣ, простирается до 150 тысячъ человѣкъ, а въ 1855 году, однихъ временно приходившихъ на заработки казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, считалось тамъ 167,000 человѣкъ.

Но кромѣ удобной и теплой квартиры необходимо имѣть человѣку, во всякое время, чистой и свѣжей воды достаточное количество. Для питья, для пищи, для всякой домашней чистоты, вездѣ нужна вода и вода хорошая. Вотъ объ изобиліи-то хорошей воды и подумали въ Москвѣ и Петербургѣ.

Въ Москвѣ, вода изъ фонтановъ (водоемовъ) и водопроводовъ московскихъ, отпускается теперь

всѣмъ желающимъ домохозяевамъ. Каждый домохозяинъ, или можетъ обозначить сколько ведеръ воды ежедневно для его дома требуется, или не обозначая ея количества, можетъ получать воду по мѣрѣ надобности. Водою, получаемою изъ водопроводовъ могутъ снабжаться: прачешныя, бани, ванны, постоялые, извощичьи и скотные дворы, а также: пивоварни, харчевни, трактиры, гостинницы и другія промышленныя и торговыя заведенія.

Годовая плата за ежедневно получаемое ведро воды назначается 20 коп. сер. Меньше 25 ведеръ воды на одинъ домъ не отпускается; и за ежедневно получаемыя 25 ведеръ воды, платится въ годъ 5 руб. сер.; когда же хозяинъ потребуетъ воды, не обозначая ея количества, тогда плата производится по городской оцѣнкѣ дома. Примѣрно, если домъ оцѣненъ въ 3,000 руб., то годовая плата назначается 5 руб.; если же домъ оцѣненъ въ 6,000 руб., то слѣдуетъ платить 10 руб., и такъ далѣе.

Получать воду изъ фонтановъ и проводить къ своему дому трубы, никто не приневоливается. Кому выгодно брать воду изъ водопроводовъ, — тотъ можетъ брать; кому не выгодно, — тотъ можетъ возить или таскать ее по прежнему.

(Сенат. Вѣд. № 81.)

Въ Петербургѣ, для доставленія жителямъ средства пользоваться во всякое время года свѣжею и

чистою водою, составилось акціонерное общество с.-петербургскихъ водопроводовъ.

Общество принимаетъ на себя обязанность устроить проводы невской воды въ девяти частяхъ города, между рѣкою Большою Невою, Обводнымъ каналомъ и рѣкою Пряжкою.

Въ частяхъ города, заселенныхъ недостаточными жителями, именно: въ рожественской, каретной, 4-й адмиралтейской и нарвской, общество обязывается устроить, по указанію городскаго начальства, десять водоемовъ, для безплатнаго пользованія жителей невскою водою: ведрами, ушатами и ручными боченками.

Невская вода будетъ проведена посредствомъ чугунныхъ трубъ, а снабженіе ихъ водою будетъ производиться паровыми машинами.

Плата за 100 ведеръ воды назначается не свыше 12 к. сер.

Что же скажутъ о такой дешевизнѣ московскіе и петербургскіе водовозы? А что сказать-то? — благоразумному водовозу сказать тутъ нечего. Извѣстное дѣло, что человѣку съ машинами тягаться не слѣдуетъ. Человѣкъ сооружаетъ машины, но не для того, чтобы работать съ ними на выгонки, а сооружаетъ ихъ на пользу общественную и для облегченія своихъ трудовъ. Слава Богу, наша матушка Россія не клиномъ сошлась, всякаго угодья въ ней много, и трудолюбивыя да здоровыя руки всегда потребуются. Вѣдь воду возить дѣло не легкое, да и водовозы народъ-то все

больше здоровый да трудовой, а такимъ людямъ всегда работа найдется и работа выгодная. Въ хорошихъ работникахъ нужда всегда будетъ великая, а вдобавокъ, никакое новое общество безъ работниковъ не обойдется. Чуть открылось сегодня какое нибудь новое предпріятіе, составилось новое акціонерное общество, глядь, — завтра же для новой работы руки да работники и потребуются. Въ томъ-то и состоитъ заслуга нынѣшняго человѣка, что онъ сооружая машины, подчиняетъ себѣ разумомъ да знаніемъ огонь, воду, воздухъ, и другія силы природы. Вѣдь ѣздятъ же нынче по сухопутью безъ лошадей, а по водамъ ходятъ суда безъ бичевы, безъ веселъ и парусовъ; да кромѣ того, сколько трудныхъ работъ исполняется нынче не самимъ человѣкомъ, но посредствомъ разныхъ машинъ, которыми онъ управляетъ на свою пользу. Не знали прежде и на Волгѣ, что такое пароходы, а сколько теперь по широкой да раздольной Волгѣ ходитъ пароходовъ и сколько еще новыхъ строится, — не вдругъ и сосчитаешь. Да и по другимъ русскимъ рѣкамъ число паровыхъ судовъ, быстро увеличивается. Вотъ какія въ послѣднее время, для облегченія водяныхъ сообщеній, составились новыя акціонерныя общества:

1) Сѣверо-двинское пароходное общество учреждается, для перевозки товаровъ и пассажировъ, отъ Соловецкаго острова по Бѣлому морю, и по рѣ-

камъ: сѣверной Двинѣ (1), Сухонѣ, Вологдѣ, по Кубенскому озеру (2), а также по рѣкамъ: Порозовицѣ (3), Шекснѣ (4), Волгѣ (5), Камѣ (6) и Вяткѣ (7).

2) Для облегченія способовъ сообщенія по рѣкамъ Днѣпру (8) и Бугу (9) и для содѣйствія къ выгоднѣйшему сбыту произведеній южной Россіи, учреждается *южно-россійское общество пароходства, коммиссіонерства и торговли*. Пароходство учреждается, какъ для буксированія клади, такъ и для перевозки пассажировъ по рѣкамъ Днѣпру и Бугу до черноморскихъ прибрежныхъ городовъ.

3) Акціонерное общество «Вулканъ» учреждается для перевозки товаровъ и людей по рѣкамъ:

---

(1) Сѣверная Двина протекаетъ по вологодской и архангельской губерніямъ.

(2) Кубенское озеро, рѣки: Сухона и Вологда находятся въ вологодской губерніи.

(3) Рѣка Порозовица течетъ въ новгородской губерніи.

(4) Рѣка Шексна протекаетъ по двумъ губерніямъ: новгородской и ярославской.

(5) Волга протекаетъ по девяти губерніямъ: тверской, ярославской, костромской, нижегородской, казанской, симбирской, самарской, саратовской и астраханской.

(6) Кама течетъ по губерніямъ: вятской, пермской, оренбургской и казанской.

(7) Рѣка Вятка течетъ въ вятской губерніи.

(8) Днѣпръ, выходя изъ смоленской губерніи течетъ по губерніямъ: могилевской, минской, черниговской, кіевской, полтавской, екатеринославской и херсонской.

(9) Рѣка Бугъ протекаетъ по подольской и херсонской губерніямъ.

Волгѣ, Камѣ, Окѣ (1), Костромѣ (2) и Шекснѣ съ ихъ притоками.

4) Въ Сибири увеличивается пароходство. Екатеринбургскому купцу Ивану Рязанову, въ теченіи 10 лѣтъ предоставляется исключительное право на учрежденіе пароходнаго сообщенія между городами: Тобольскомъ, Березовымъ и селеніемъ Обдорскомъ; съ тѣмъ, чтобы плаваніе пароходовъ началось не позже, какъ черезъ три года; и съ тѣмъ еще, чтобы пароходство, учреждаемое Рязановымъ не стѣсняло пароходства, нынѣ существующаго между губернскими городами: Тобольскомъ и Томскомъ и уѣзднымъ городомъ Тюменью.

(*Сенат. Вѣд. 1858. № 73*).

Коснувшись увеличенія, по многимъ рѣкамъ, пароходства, слѣдуетъ сказать и о новыхъ правилахъ, опредѣляющихъ, какимъ порядкомъ должно обозначать осадку *всѣхъ рѣчныхъ судовъ*:

1) По всѣмъ вообще водянымъ сообщеніямъ и по всѣмъ судоходнымъ рѣкамъ, каждое судно должно имѣть, на кормѣ и на бокахъ, означеніе мѣры осадки, съ раздѣленіемъ на четверти и вершки. 2) Линіи осадки должны быть обозначаемы не только краскою, но и *выжиганіемъ* на суднѣ. 3) Этому способу повѣрки, называемому *рѣй-*

---

(1) Ока протекаетъ по 8-ми губерніямъ: орловской, тульской, калужской, московской, владимірской, рязанской, тамбовской и нижегородской.

(2) Рѣка Кострома течетъ по Костромской губерніи и по границѣ ярославской.

кою подчиняются, при самой постройкѣ, всѣ суда и лодки разныхъ наименованій, назначаемыя собственно для перевозки тяжестей и имѣющія съ грузомъ осадку не менѣе *десяти* вершковъ. 4) Суда и лодки легкія, которыя никогда не сидятъ въ водѣ глубже десяти вершковъ и которыя не назначены для перевозки клади, могутъ плавать безъ обозначенія осадки. 5) За неимѣніе на рѣчныхъ судахъ рѣйки, или за неправильное обозначеніе осадки, виновные подвергаются штрафу.

(*Сенат. Вѣд. 1858. № 100*).

Долгъ красенъ платежемъ, говоритъ старая русская пословица. Всякій человѣкъ, какого бы онъ званія не былъ, будучи чьимъ нибудь должникомъ обязанъ, и по своей совѣсти и по закону, уплатить свой долгъ въ назначенный срокъ. Кто не дѣлаетъ своевременной уплаты, тотъ подвергается разнымъ взысканіямъ, а имущество его описывается, оцѣнивается и продается съ публичнаго торга. Нынѣ постановлены новыя правила о порядкѣ публичной продажи движимыхъ имуществъ (1) въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ.

1) Въ губернскихъ присутствіяхъ, будутъ продаваться движимыя имущества, находящіяся въ

---

(1) Движимыя имущества суть: мореходныя и рѣчныя суда, книги, рукописи, картины, всякаго рода инструменты и матеріалы, всякая домашняя утварь, земледѣльческія орудія, лошади, скотъ, хлѣбъ сжатый и молоченный, всякіе припасы и все то, что̀ изъ земли извлечено.

Недвижимыми имуществами по закону признаются: земли и всякія угодія, деревни, домы, заводы, фабрики, лавки, всякія строенія, поддворныя и пустыя мѣста.

уѣздахъ и городахъ, только въ такомъ случаѣ, когда оцѣнка этихъ имуществъ превышаетъ 1000 руб. сер., и когда доставка этихъ имуществъ въ губернскій городъ окажется удобною.

2) Въ уѣздныхъ присутствіяхъ, будутъ продаваться движимыя имущества, оцѣненныя менѣе 1000 руб. сер.; а также и тѣ движимости, которыя оцѣнены дороже, но доставка которыхъ въ губернскій городъ окажется, по ихъ тяжести и огромности, неудобною и невыгодною. Продажа таковыхъ имуществъ производится въ уѣздахъ на мѣстѣ, при членѣ городоваго суда, смотря по сословію, къ которому принадлежитъ владѣлецъ имущества, при уѣздномъ стряпчемъ и при двухъ свидѣтеляхъ. *Земскимъ судамъ предоставлена продажа однихъ только крестьянскихъ движимостей, оцѣненныхъ не выше* 1000 руб. сер.

(Сенат. Вѣд. 1858 № 95.)

1-го ноября 1858 года Высочайше утверждены новыя правила о рекрутскихъ участкахъ *сибирскихъ* государственныхъ крестьянъ.

1) Смотря по близости разстояній между селеніями, и по числу въ нихъ душъ, учредить въ каждой волости одинъ, два или болѣе рекрутскихъ участковъ такъ, чтобы каждый участокъ содержалъ въ себѣ около тысячи душъ, подлежащихъ рекрутству. 2) Участки, однажды учрежденные, въ послѣдствіи не передѣлывать. 3) При составленіи постоянныхъ участковъ должно соблюдать: а) чтобы каждое селеніе входило въ участокъ безъ вся-

каго раздробленія, хотя бы въ этомъ селеніи и было гораздо болѣе тысячи душъ; б) чтобы селенія одной волости не были вводимы въ составъ участковъ другой волости и в) гдѣ по отдаленности и трудности сообщеній или по другимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, нельзя будетъ соединить одно селеніе съ другими, тамъ оставлять это селеніе особымъ рекрутскимъ участкомъ, хотя бы въ немъ число крестьянъ далеко не достигало до тысячи ревизскихъ душъ мужескаго пола. 4) Если крестьяне, переселяясь въ Сибирь изъ внутреннихъ губерній, или въ Сибири изъ одной губерніи или области въ другую, водворятся особыми деревнями, то, по окончаніи льготнаго времени, составляютъ они, или новые участки, или по малолюдству своему, вводятся въ составъ ближайшихъ рекрутскихъ участковъ. 5) Если крестьяне, при переселеніи своемъ, причислятся къ деревнямъ старожиловъ, то они входятъ въ составъ однихъ со старожилами рекрутскихъ участковъ. 6) Въ каждомъ рекрутскомъ участкѣ избирается обществомъ всѣхъ крестьянъ рекрутскій староста, на неопредѣленное время, по желанію избирателей и самаго избираемаго. 7) Послѣ учрежденія постоянныхъ рекрутскихъ участковъ, *сибирскіе* государственные крестьяне, отправляютъ рекрутскую повинность *по долговой системѣ*.

(*Сенат. Вѣд. 1858 г. № 98.*)

25 ноября 1858 года, утверждены новыя правила о льготахъ тѣмъ лицамъ, которыя будутъ пе-

реселяться въ западную Сибирь, въ города семипалатинской области: Аяузъ, Кокбекты и Копалъ: 1) Всѣ вообще лица *свободнаго состоянія*, могутъ приписываться къ городамъ Аяузу, Кокбекты и Копалу, въ купцы, мѣщане и ремесленники. 2) Просьбы о причисленіи къ этимъ городамъ поступаютъ къ забайкальскому военному губернатору. При просьбахъ, сверхъ узаконеннаго вида, должно быть приложено удостовѣреніе отъ прежняго мѣстнаго начальства въ томъ, что законныхъ препятствій къ переселенію не имѣется. 3) Законными препятствіями должно считать только: а) если перечисляющійся не уплатилъ всѣхъ податныхъ и другихъ недоимокъ, б) если онъ состоитъ на первой или на второй рекрутской очереди, в) если ему особенно не запрещено жительство въ киргизской степи. 4) Всѣ лица, перечисленныя къ городамъ: Аяузу, Кокбекту и Копалу, обязываются, не далѣе трехъ лѣтъ со дня приписки, завести тамъ прочную осѣдлость. 5) Лицамъ, перечисленнымъ въ означенные города, отводится для постройки домовъ, для огородовъ и заведеній, свободная отъ казенныхъ построекъ городская земля. 6) Плата за отводимую землю будетъ назначаться съ возможною умѣренностью семипалатинскимъ военнымъ губернаторомъ. 7) Лица, вновь приписавшіеся въ купцы, въ мѣщане и цеховые, въ городахъ: Аяузѣ, Кокбекты и Копалѣ, получаютъ льготу отъ платежа гильдейскихъ пошлинъ и государственныхъ повинностей, поставки рек-

рутъ и военнаго постоя въ теченіи десяти лѣтъ, со дня утвержденія сихъ правилъ; но на городскіе сборы льгота не распространяется.

(Сенат. Вѣд. 1858 № 97.)

Говоря о Сибири, слѣдуетъ еще упомянуть, что 12-го ноября 1858 года Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: на мысѣ Джаѣ, находящемся на правомъ берегу рѣки Амура, учредить новый городъ и наименовать его «*Софійскъ*.»

29-го октября 1858 года Высочайше повелѣно: 1) Пермскую удѣльную контору упразднить. 2) Находящіяся въ яранскомъ, нолинскомъ, малмыжскомъ, уржумскомъ, котельническомъ и орловскомъ уѣздахъ вятской губерніи семь приказовъ: Петропавловскій, Кукарскій, Лебяжскій, Водозерскій, Пиштанскій, Ильинской и Большепольскій, оставить въ завѣдываніи вятской удѣльной конторы. 3) Находящіеся въ сарапульскомъ и елабужскомъ уѣздахъ вятской губерніи шесть приказовъ вятскаго удѣльнаго имѣнія, а именно: Качкинскій, Каракулинскій, Галановскій, Мостовинскій, Козловскій и Нечкинскій, исключить изъ управленія вятской удѣльной конторы, и присоединивъ къ нимъ находящіеся въ осинскомъ и и оханскомъ уѣздахъ пермской губерніи три приказа: Частинскій, Устиновскій и Ершовскій, учредить, для управленія всѣми девятью приказами, новую удѣльную контору въ городѣ Сарапулѣ,

и всѣ соединенные приказы наименовать сарапульскимъ удѣльнымъ имѣніемъ.

(Сенат. Вѣд. 1858. № 100).

Высочайшимъ указомъ 20 іюня 1858 года (1), дарованы удѣльнымъ крестьянамъ такія личныя и по имуществу права, какія предоставлены прочимъ свободнымъ сельскимъ сословіямъ, а также, съ разрѣшенія мѣстнаго начальства и по исполненіи установленныхъ мірскихъ обязанностей, дозволено удѣльнымъ крестьянамъ, какъ семействами, такъ и отдѣльными лицами, переходить въ другія свободныя сельскія состоянія; нынѣ же, дозволено и государственнымъ крестьянамъ перечисляться въ удѣльное вѣдомство.

(Сенат. Вѣд. 1858. № 102).

Министръ государственныхъ имуществъ, предполагая увеличить государственные доходы, всеподданнѣйше доложилъ и Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Въ тѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ, въ которыхъ переложеніе податей уже окончено, равно и въ тѣхъ, въ которыхъ это переложеніе производится или производиться будетъ, лѣсной налогъ не засчитывать въ число податей, платимыхъ государственными крестьянами, а обращать въ добавочный платежъ, зачисляя его также какъ и въ западныхъ губерніяхъ въ государственный лѣсной доходъ. 2) Отпускать государственнымъ крестьянамъ лѣсъ, для

---

(1) Указъ объ удѣльныхъ крестьянахъ помѣщенъ въ 1-ой книжкѣ «Народнаго чтенія» стр. 36.

домашнихъ ихъ надобностей, и изъ принадлежащихъ къ ихъ селеніямъ дачъ, съ платою, какъ въ окадастрованныхъ (1), такъ и въ неокадастрованныхъ губерніяхъ по половинной противъ таксъ цѣнѣ. 3) Предположенія эти привести въ исполненіе съ 1 января 1859 года, въ видѣ опыта на три года; съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ двухъ сѣверныхъ, лѣсистыхъ губерніяхъ: архангельской и олонецкой, брать съ государственныхъ крестьянъ плату за лѣсъ, не въ половину, а только въ четверть цѣны противъ таксы. Впрочемъ, если окажется нужнымъ, предоставляется министру государственныхъ имуществъ уменьшать эти платежи и въ другихъ губерніяхъ.

(*Сенат. Вѣд. 1858. № 72*).

По представленію министра финансовъ Высочайше утверждено: 1) Въ видѣ опыта на пять лѣтъ, *всѣмъ желающимъ*, дозволяется добывать соль въ Крыму, изъ тамошнихъ казенныхъ озеръ, а также складывать соль въ бугры и продавать ее изъ этихъ складовъ, уплачивая въ казну по одной копѣйкѣ съ пуда; но при вывозѣ соли изъ Крыма, она оплачивается особенною, ежегодно установляемою пошлиною.

(*Сенат. Вѣд. 1858. № 102*).

2) Съ приходящихъ къ архангельскому порту

---

(1) *Окадастрованною губерніею* называется та губернія, гдѣ опись и оцѣнка земли сдѣланы и гдѣ подати съ душъ на землю переложены. *Кадастромъ* называется опись и оцѣнка земли, на основаніи которыхъ облагается земля податями. *Неокадастрованная губернія* есть та губернія, въ которой кадастра еще не сдѣлано.

купеческихъ судовъ, въ добавокъ къ нынѣ взимаемому на работы, по устройству соломбальской купеческой гавани (1), сбору по 2 коп. сер. съ каждаго ласта (2), собирать еще по 3 коп., что составитъ по 5 коп. сер. съ каждаго ласта приходящихъ купеческихъ судовъ. По взаимному соглашенію министра финансовъ съ главнымъ архангельскимъ начальствомъ, пятикопѣечный сборъ будетъ уменьшенъ при первой возможности, и будетъ вовсе уничтоженъ, по минованіи въ немъ надобности.

(Сенат. Вѣд. 1858. № 93).

Составъ торговаго общества въ кавказскомъ линейномъ козачьемъ войскѣ увеличенъ, вмѣсто прежде бывшихъ 200 человѣкъ, до 400 человѣкъ; причемъ постановлено: 1) дозволить козакамъ кавказскаго линейнаго войска вступать въ торговое общество не только по-одиначкѣ, но и цѣлыми семьями, (сколько бы служилыхъ казаковъ въ семействѣ не состояло), съ тѣмъ, чтобы въ такихъ семействахъ, каждый совершеннолѣтній козакъ платилъ въ доходъ войска, за освобожденіе отъ службы, по 60 руб. сер. въ годъ, отдѣльно отъ братьевъ и другихъ родственниковъ. 2) предоставляется торговымъ козакамъ, и по истеченіи служебнаго срока, оставаться въ торговомъ обществѣ, со взносомъ въ доходъ войска, ежегодно по 60 руб. сер.

(Сенат. Вѣд. 1858. № 101).

---

(1) Селеніе Соломбала лежитъ въ одной верстѣ отъ губернскаго города Архангельска.

(2) Въ каждомъ *ластѣ* считается 120 пудовъ.

Ратушѣ посада Сольцы, псковской губерніи, порховскаго уѣзда, а также и думѣ парфентьевскаго посада (костромской губерніи), разрѣшено выдавать мѣстнымъ купцамъ и мѣщанамъ, торговыя свидѣтельства и другіе торговые документы.

(Сенат. Вѣд. 1858. № 96).

Въ губернскомъ городѣ Орлѣ было до сихъ поръ три ярмарки: *первая* на курской площади для торговли хлѣбомъ, съ 8 сентября по 1 октября, (съ Рождества Богородицы до Покрова); *вторая* на полѣсской площади, для торговли лѣсомъ, въ продолженіи 2-й и 3-й недѣли великаго поста; *третья*, на кромской площади, для торга пенькою, съ 5-ой до 7-й недѣли послѣ Пасхи; на первыхъ двухъ ярмаркахъ дозволялось торговать лошадьми, а на послѣдней и краснымъ товаромъ. Нынѣ, на *первой* и на *третьей* орловскихъ ярмаркахъ, дозволено производить торговлю красными и другими товарами (независимо отъ тѣхъ предметовъ, на которые уже прежде было дано разрѣшеніе); *вторую же* орловскую ярмарку, бывшую на полѣсской площади, повелѣно закрыть.

(Сенат. Вѣд. 1858. № 81).

Для осуществующей въ губернскомъ городѣ Черниговѣ ежегодной евстафьевской ярмарки, вмѣсто прежде бывшаго срока, съ 23 сентября по 7 октября, назначается новый срокъ, съ 1 по 15 октября.

(Сенат. Вѣд. 1858. № 102).

Рязанской губерніи въ уѣздномъ городѣ Сапожкѣ, разрѣшено ежегодное открытіе двухнедѣльной ярмарки съ 15 сентября до 1 октября (до Покрова).

Владимірской губерніи, въ вознесенскомъ посадѣ, тоже дозволено открыть ежегодную ярмарку, съ 8 сентября, въ продолженіе семи дней, подъ названіемъ Михайловской.

(Сенат. Вѣд. 1858. № 81).

Псковской губерніи, въ городахъ: Холму и Порховѣ измѣнены сроки ярмарокъ. Въ Холму, вмѣсто нынѣшней семидневной съ 6 декабря ярмарки, назначается срокъ съ 12 по 18 января.

Псковской губерніи, въ городѣ Порховѣ, вмѣсто ярмарокъ, бывшихъ съ 15 по 20 мая и съ 1 по 8 сентября, назначаются ярмарки съ 20 по 28 января и съ 15 по 23 мая. Для третьей ярмарки въ Порховѣ остается прежній срокъ ея существованія, съ 15 по 25 октября.

Вологодской губерніи, въ городѣ Устьсысольскѣ для существующей тамъ георгіевской ярмарки назначается новый срокъ, съ 16 ноября по 2 декабря, вмѣсто прежде бывшаго срока, съ 26 ноября по 2 декабря; а Васильевская въ городѣ Устьсысольскѣ ярмарка по несъѣзду на нее торговцевъ закрывается.

(Сенат. Вѣд, 1858 № 102).

Часто по невѣдѣнію законовъ, много можетъ человѣкъ перетерпѣть горя; можетъ легко онъ подвергнуться суду и потерять все свое имѣніе, а сверхъ того, нерѣдко ему приходится поклониться такому грамотѣю, который, видя кругомъ себя малую грамотность да невѣдѣніе, наблюдаетъ одну свою корысть, не жалѣетъ ни кармана, ни

добраго имени своего ближняго и безъ зазрѣнія совѣсти ловитъ въ мутной водѣ рыбу; а потому-то, и надлежитъ каждому человѣку, перво-на-перво, какъ можно больше обучаться грамотѣ, и обучившись грамотѣ, слѣдуетъ изучать и законы, а особливо тѣ законы, которые прямо относятся до своего сословія, до общественнаго порядка, до гражданскаго и уголовнаго судопроизводства.

Новый сводъ законовъ изданъ въ 1857 году; нынѣ-же вышло первое продолженіе ко всѣмъ пятнадцати томамъ, составляющимъ полный сводъ. Въ продолженіяхъ помѣщены законы, обнародованные съ 1856 года по 12 мая 1858 года.

Полный сводъ законовъ и первое продолженіе продаются или вмѣстѣ, или каждая книжка законовъ и каждое продолженіе порознь. Цѣна полному Своду законовъ тридцать шесть рублей серебромъ, а цѣна каждому продолженію отъ пятачка до двугривеннаго. (1)

И. Троицкій.

---

(1) Книги эти продаются у книгопродавцевъ: въ *С.-Петербургѣ* у почетнаго гражданина Лоскутова, въ Садовой улицѣ, противъ гостинаго двора, въ домѣ Балабина; въ *Москвѣ* у почетнаго гражданина Лоскутова, на Никольской улицѣ, въ домѣ Заиконоспасскаго монастыря; въ *Казани* у купца Мясникова; въ *Кіевѣ* у отставнаго капитана, временнаго купца Должикова; въ *Саратовѣ* у купца Попова; въ *Харьковѣ* у купца Апарина; въ *Одессѣ* у книгопродавца; Бѣлаго: въ *Ригѣ* у книгопродавца Клуге.

СПИСОКЪ

КРЕСТЬЯНЪ и МѢЩАНЪ,

КОТОРЫХЪ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ ПОЖАЛОВАТЬ ИЗВОЛИЛЪ РАЗНЫМИ НАГРАДАМИ.

(Извлечено изъ оффиціальныхъ свѣдѣній, обнародованныхъ съ 1-го сентября 1858 по 1-е января 1859 года.)

1. Владимірской губерніи, Шуйскаго уѣзда мѣщанинъ Василій Борисовъ, за постоянные труды въ наукахъ всемилостивѣйше возводится въ званіе личнаго потомственнаго гражданина.

2. Состоящій въ технической артиллерійской школѣ, столярный мастеръ Генрихъ Гебергъ, всемилостивѣйше возводится въ званіе личнаго потомственнаго гражданина.

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ,

для ношенія на груди на зеленой лентѣ, за распространеніе предохранительнаго оспопрививанія, оспопрививателямъ:

3. Вологодской губерніи, кадниковскаго уѣзда удѣльному крестьянину Фалелею Лукошкину.

4. Екатеринославской губерніи, Павлоградскаго уѣзда, лекарскому ученику Ѳедору Калибаеву.

5. Московской губ., рузскаго уѣзда, старшему лекарскому ученику Ивану Чистякову.

Для ношенія на шеѣ, удостоились получить:

НА СТАНИСЛАВСКОЙ ЛЕНТѢ:

6. Государственный крестьянинъ владимірской губерніи, Ѳедоръ Треумовъ, за построеніе церкви въ селѣ Цацахъ, астраханской губерніи, черноярскаго уѣзда.

За человѣколюбивые подвиги удостоились получить:

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ,

7. Помѣщичій крестьянинъ гдовскаго уѣзда, петербургской губерніи, Матвѣй Дмитріевъ.

8. Раммосарскій крестьянинъ Клаусъ Кламасъ.

9. Приписанный къ помѣстью Кенда, вольный рыбакъ Германъ Мартинсонъ.

10. Корчмарь помѣстья Колькъ, — Іоганнъ Кламасъ.

Золотую медаль, съ надписью:

«*за спасеніе погибавшихъ*», для ношенія въ петлицѣ, на Владимірской лентѣ удостоился получить:

11. Армянинъ Сергѣй Пилипосовъ.

СЕРЕБРЯННЫЯ МЕДАЛИ,

для ношенія на груди, за распространеніе предохранительнаго оспопрививанія, оспопрививателямъ:

12. Владимірской губерніи, муромскаго уѣзда, крестьянину графа Уварова, Филиппу Долгорукову.

13. Симбирской губерніи, удѣльнаго имѣнія, Новодѣвиченскаго приказа, крестьянину Андрею Макарову.

14. Тамбовской губерніи, крестьянину графа Кушелева-Безбородко, Андріяну Аристову.

15. Тамбовской губерніи, Горѣльской волости, государственному крестьянину Варѳоломею Щетинину.

16. Тамбовской губерніи, Бѣломѣстно-Куртинской волости, крестьянину Арсентію Кареву.

17. Тамбовской губерніи, Бѣломѣстно-Куртинской волости, крестьянину Егору Угольскову.

18. Харьковской губерніи, слободы Старовѣровки, государственному крестьянину Петру Лыченко.

19. Харьковской губерніи, слободы Петропавловски, государственному крестьянину Павлу Ситникову.

20. Харьковской губерніи. Славянской волости, государственному крестьянину Павлу Погорѣлому.

на станиславской лентѣ,

съ надписью: «*за усердіе*»,

для ношенія на шеѣ, удостоились получить:

21. Помѣщичій крестьянинъ, калужской губерніи, козельскаго уѣзда, деревни Горбатки Никита Нефедовъ, за поставку рабочихъ по выгоднымъ для казны цѣнамъ и за пожертвованіе въ пользу церкви въ Алагирской станицѣ.

22. Рижскій мѣщанинъ Роппенбергъ, оберъ-машинистъ Николаевской желѣзной дороги, за отлично-усердную, полезную службу и примѣрную распорядительность, оказанную при пожарѣ, по-

стигшемъ въ августѣ мѣсяцѣ 1858 года, часть желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою.

на анненской лентѣ,

съ надписью: «*за усердіе*»,

для ношенія на шеѣ:

23. Государственный крестьянинъ, голова Читканской волости, Меньщиковъ.

24. Государственный крестьянинъ, Мухоршибирской волости голова, Братеньковъ.

на станиславской лентѣ,

для ношенія на шеѣ,

съ надписью: «*за усердную службу*»

25. Вологодской грб., Грязовецкаго уѣзда, государственный крестьянинъ Костицынъ.

на станиславской лентѣ,

для ношенія на шеѣ

26. Московскій мѣщанинъ Василій Егоровъ Кашинцовъ.

27. Московскій мѣщанинъ Николай Терентьевъ Сивцовъ.

СЕРЕБРЯННЫЯ МЕДАЛИ,

для ношенія на груди, получили:

Съ надписью: «*за усердную службу*»:

на станнславской лентѣ,

28. Государственный крестьянинъ московской губерніи, волоколамскаго уѣзда, Ивановъ.

29. Удѣльный крестьянинъ симбирской губерніи сенгилеевскаго уѣзда, Киселевъ.

30. Казанскаго уѣзда, государственный крестьянинъ—Халитовъ.

31. Московской губерніи Серпуховскаго уѣзда, крестьянинъ Масловъ.

Съ надписью «*за усердіе*»:

32. Тобольской губерніи, березовскаго округа, старшина Сосвинской инородной управы Василій Тасмановъ.

33. Якутской области, олекминскаго округа голова, Ефремъ Мальшевъ.

34. Якутской области, верхоянскаго округа, Эльзетскаго улуса, Василій Ефимовъ.

на станнславской лентѣ,

для ношенія на груди.

35. Ярославскій мѣщанинъ, лоцманъ Семенъ Шапошниковъ.

36. Крестьянинъ костромской губерніи, кинешемскаго уѣзда, деревни Огарихи, лоцманъ Алексѣй Рагушинъ.

37. Той же деревни, крестьянинъ лоцманъ Иванъ Рагушинъ.

38. Той же деревни крестьянинъ лоцманъ Гефилъ Осокинъ.

39. Нижегородской губерніи, балахнинскаго уѣзда, села Городца, лоцманъ Василій Сивковъ.

СЕРЕБРЯННЫЯ МЕДАЛИ,

за человѣколюбивые подвиги удостоились получить:

40. Дворовый человѣкъ помѣщика Перфильева, костромской губерніи, кологривскаго уѣзда Алексѣй Лебедевъ.

41. Крестьянинъ помѣщика графа Шереметева, села Павлова, Семенъ Шигаевъ.

Съ надписью: «*за спасеніе погибавшихъ*,»

для ношенія въ петлицѣ,

на владимірской лентѣ.

42. Ставропольской губерніи, Моздокскій армянинъ Акимъ Алтутовъ.

Съ надписью: «*за усердіе*»,

для ношенія въ петлицѣ,

на станиславской лентѣ:

43. Бурмистръ помѣщика Бибикова, Сергѣй Бабарыкинъ.

44. Дворовый человѣкъ помѣщика Волкова, владимірской губерніи, Иванъ Голованов.

45. Ставропольской губерніи, ногаецъ Отевали Карталіевъ, и

46. Той же губерніи, нагаецъ Отей Ибрагимовъ, оба за распространеніеніе посадки фруктовыхъ деревъ и виноградныхъ лозъ и посѣва табаку,

47. Крестьянинъ ярославской губерніи, ростовскаго уѣзда, села Порѣчья, Николай Алексѣевъ Сироткинъ.

Серебрянными кортиками

всемилостивѣйше награждены,

за усердіе по службѣ:

48. Якутскаго округа, Борогонскаго улуса, голова Аммосъ Аммосовъ.

49. Олекминскаго округа и улуса, староста Иванъ Идельгинъ.

50. Якутскаго округа, староста Ефимъ Конюховъ.

51. Верхневилюйскаго округа староста Иванъ Артемьевъ.

52. Вилюйскаго округа старосты: Савва Винокуровъ и

53. Семенъ Савинъ.

почетный кафтанъ,

всемилостивѣйше пожалованъ:

54. Крестьянину государственныхъ имуществъ, калужской губерніи, тарусскаго уѣзда, деревни Кобелевой, Ивану Максимову Филипову.

кафтанъ съ украшеніями,

всемилостивѣйше пожалованъ:

55. Якутской области, якутскаго округа, старостѣ Ильѣ Попову.

благословеніе святѣйшаго сунода

объявляется:

1. Крестьянину тверской губерніи, калязин-

скаго уѣзда, Василію Маркову, за сдѣланное имъ пожертвованіе въ приходскую церковь села Лучинниковъ: иконы въ серебряной ризѣ и новаго колокола вѣсомъ въ 119 пудовъ 23 фунта; всего на сумму 1,938 руб. 85 копѣекъ.

2. Владимірскаго уѣзда, села Порѣцкаго, крестьянину Михаилу Грязнову, за усердную его службу въ званіи церковнаго старосты и за пожертвованіе на исправленіе и украшеніе Преображенской церкви села Порѣцкаго, 1,650 руб. серебромъ.

II.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

РАЗСКАЗЪ ВТОРОЙ.

Слишкомъ четыреста лѣтъ жилъ кроткій, миролюбивый русской народъ послѣ своего крещенія, не испытывая особыхъ несчастій, не вѣдая лютаго горя. Были, правда, мелкія горести, каковы, напримѣръ, нападенія строптивыхъ сосѣдей, но противъ сосѣдей выходила княжеская дружина подъ предводительствомъ бояръ; самъ же народъ страдалъ отъ этого горя немного. Горе это избывалось легко и скоро: провѣдывали князья, что тамъ-то какіе-нибудь Печенѣги увели скотъ, что въ другомъ мѣстѣ сожгли они два-три селенія — князья собирали войско, встрѣчались съ врагами; начинали биться на бердышахъ и копьяхъ, пороху тогда еще не знали, о ружьяхъ не было и помину. Рѣдко князья наши были биты; большею частію они побѣждали полудикихъ враговъ своихъ и такимъ образомъ на долгое время усмиряли ихъ. Плохо обучены были войска князей русскихъ, не стройны были ряды ихъ, но зато и войско враговъ ихъ особенно дикихъ, сосѣднихъ народовъ были далеко не стройнѣе, на побѣду у-

ступчивѣе. Но не столько зла приносили народу эти войны стороннія отъ враждебныхъ народовъ, сколь много причиняли зла внутреннія войны между самими князьями. Хорошо жилось народу, когда одного князя приводилось вѣдать ему, когда одинъ только князь управлялъ имъ; не дурно было жить ему и тогда, какъ два-три брата дѣлили между собою на равныя части отцово наслѣдство, слушались потомъ совѣтовъ старшаго и жили между собою въ мирѣ и согласіи. — Но зато немного добра и счастливыхъ дней привелось извѣдать народу, когда размножилось племя князей, когда уже внуки и дѣды, дяди и племянники, дѣлили между собою землю, межевали владѣнія на мелкія участки и заводили по этому случаю сначала мелкія ссоры и споры, а потомъ и крупные бои, вели наконецъ долгія и ожесточенныя войны. Братъ шелъ противъ роднаго брата, племянники на дядей; забыто было родство, кровныя связи, старая дружба, крѣпкія клятвы, нарушена была святость крестнаго цѣлованія. Нѣсколько князей соединялись противъ одного, часто побѣждали его и заставляли убѣгать въ чужія, дальныя земли, или просить помощи у тѣхъ народовъ, съ которыми въ счастливое время побѣжденный князь и за столъ бы сѣсть погнушался. — Иногда испытавшему нападеніе удавалось въ свою очередь умирволить другихъ ближнихъ своихъ родичей и идти стѣна на стѣну, силой на силу. Дѣло рѣшалось тогда не столько хитростью,

сколько храбростью; сила ломила силу: и города русскіе сегодня платили дань и повиновались одному, завтра цѣловали крестъ другому. Умѣлъ держаться на новомъ мѣстѣ новый князь, не зѣвалъ много, не дремалъ долго — сидѣлъ онъ на княженіи годъ, сидѣлъ два и три; безъ того — ему не миновать было ежегодныхъ нападеній. Проводилъ ли побѣдитель время въ пирахъ, или крайныхъ заботахъ о счастіи народа — на него уже вѣрно гдѣ-нибудь точился ножъ: собирались князья, снаряжали дружины, выводили дружины въ поле, приводили къ городу и опять требовали силы противъ силы, и опять вызывали на очную ставку помѣряться силами, извѣдать умѣнія и храбрости. Испытывала родная земля наша это зло — и печалилась; народъ видѣлъ немного радостей, зналъ — конечно — мало покоя: съ радостью отворялъ онъ городскія ворота и принималъ того князя, въ которомъ видѣлъ больше правоты и миролюбія и горестно стоналъ и плакалъ, провожая гробъ умершаго добраго князя въ могилу. Молчалъ народъ, мало печалился, небольшой толпой сходился надъ трупами тѣхъ изъ князей, которые дѣлали больше зла, чѣмъ добра, больше любили кровь и ссоры, чѣмъ благо подданныхъ, всегда терпѣливыхъ, всегда кроткихъ и миролюбивыхъ. Не стоналъ и не плакалъ народъ по смерти самыхъ строптивыхъ князей и выгонялъ ихъ изъ городовъ своихъ, когда приносимыя ими невзгодѣ и злоключенія переходили всякую границу

терпѣнія и какъ сдѣлалъ это Великій Новгородъ и неоднократно дѣлывали Псковъ и Кіевъ. Было ли отъ этого народу легче и лучше — скажемъ потомъ, но знаемъ, что ссоры князей никогда не доходили до того плачевнаго состоянія, никогда не приносили и не принесли столько зла русской землѣ, какъ въ первые десятки лѣтъ тринадцатаго столѣтія Рождества Христова.

Князья ссорились и вели войны за Кіевъ; ссорились другіе за Галичъ (который теперь отошелъ отъ Россіи и принадлежитъ австрійскимъ нѣмцамъ); воевали они и подъ Суздалемъ, затѣвали бои и кровопролитныя драки и подъ Новгородомъ. Лѣтописцы сказываютъ про многіе мятежи, хвалятъ одного только галицкаго князя Даніила, съ грустію и сѣтованіемъ отзываются обо всѣхъ остальныхъ князьяхъ — его родичахъ и чужихъ и дальныхъ. Народъ видѣлъ все зло; желалъ лучшей участи для князей, хотѣлъ помочь и не могъ и не смѣлъ этого сдѣлать; съ терпѣніемъ и кротостію выжидалъ лучшей доли, чѣмъ та, которую несъ онъ до того времени — и выждалъ горьшее горе, лютую долю. Около 1223-хъ годовъ стали доходить до народа зловѣщіе слухи, что валитъ на Русь несмѣтная сила враговъ, дотолѣ невѣдомыхъ никому, что идутъ они давно уже и откуда-то изъ крайняго далека, что отъ конскаго топоту земля стонетъ, что отъ стрѣлъ ихъ и копій свѣтъ дневной затемняется и стоитъ ночной мракъ по землѣ, что отъ враговъ этихъ

нѣтъ никому пощады, что нѣтъ у нихъ никакой жалости, никакого закона. Вскорѣ потомъ, дошли до народа болѣе вѣрные слухи, что новые враги его зовутся татарами, что вѣрятъ они въ своего Бога, что начальника ихъ зовутъ Батыемъ, что одинъ видъ враговъ: скуластыя, загорѣлыя лица, черные, торчащіе копной волоса, широкія плечи, приземистыя крѣпкія фигуры, странное одѣяніе — одни способны навести страхъ и ужасъ. Говорили потомъ, что князья русскіе собрались во едино, забывши на время свои домашнія ссоры и дрязги, бились съ татарами крѣпко и долго на рѣкѣ Калкѣ (близь нынѣшняго Маріуполя, екатеринославской губерніи), но были побѣждены; изъ всего войска спасся десятой. Говорили, что татары или лучше Монголы, обрадовавшись побѣдѣ своей, разорили Пронскъ и прошли въ рязанскую землю; взяли городъ Рязань, убили тутъ рязанскаго князя Юрья и жену его, и не пощадили даже младенцевъ, сосущихъ молоко. Изъ Рязани шли Монголы на Владиміръ и Суздаль. Граждане Владиміра крѣпко боролись и долго боролись, и долго стояли за родной городъ противъ Батыя. Князь ихъ Всеволодъ, по убіеніи отца своего, самъ добровольно (*бѣ бо младъ* говоритъ лѣтописецъ) вышелъ изъ города съ небольшимъ числомъ дружины и принесъ Батыю дары, думая, что онъ пощадитъ его жизнь. Но Батый, принявши дары, не посмотрѣлъ и на юность князя и велѣлъ зарѣзать его тутъ же, предъ своими глаза-

ми, затѣмъ онъ вошелъ въ городъ, велѣлъ сжечь соборный храмъ, гдѣ спрятались въ то время епископъ, съ княгинею и дѣтьми ея; велѣлъ умерщвлять и стараго и малаго; тоже сдѣлалъ и еще скорѣе и легче и во всѣхъ другихъ городахъ суздальскихъ. Меньше посчастливилось Батыю въ Козельскѣ, хотя и былъ тамъ князь молодой; народъ стоялъ за него и себя семь недѣль, и когда пришелъ послѣдній часъ и татары вошли на городской валъ — народъ бился съ ними на ножахъ, отбилъ, напалъ потомъ всѣми силами своими на полки ихъ и, убивши четыре тысячи, самъ избитъ былъ до послѣдняго человѣка. Батый, взявши городъ, добилъ остальныхъ немощныхъ и младенцевъ; князь козельскій, говорятъ, утонулъ въ крови. Городъ Козельскъ съ той поры прозвался *злымъ городомъ*. За Козельскомъ покорилъ Батый Переяславль, за Переяславлемъ Черниговъ и наконецъ подступилъ къ Кіеву въ 1240 году.

«Ничего не было слышно отъ скрипѣнья телѣгъ татарскихъ — говорятъ лѣтописцы — ничего нельзя было слышать отъ рева верблюдовъ и ржанья коней ихъ; стрѣлы мрачили свѣтъ; враги бились день и ночь; послѣдняя брань была на стѣнахъ города: Кіевляне не устояли противъ несмѣтной силы враговъ, бѣжали на церковь и въ такомъ количествѣ, что церковь рухнула отъ множества народа. Кіевъ былъ взятъ: князь Даніилъ кіевской бѣжалъ къ Уграмъ, Батый послѣдовалъ за нимъ; по пути взялъ города: Каменецъ, Га-

личь и другіе многіе, но не нашелъ Даніила и возвратился въ свою землю, за Волгу.

Такъ плѣнена была вся русская земля Монголами; спасся одинъ только Новгородъ и то оттого, что лежалъ за густыми лѣсами и большими болотами и оттого, что Батыю нахвалено было приволье и богатство полуночныхъ городовъ въ особенности Кіева. Ста верстъ не дошелъ Батый до Новгорода. Вездѣ, гдѣ ни прошелъ съ полчищами своими Батыя, вездѣ легли послѣ того опустѣлые города: на половину выжженные, на половину закиданные гніющими трупами. Во Владиміръ нельзя было войти оттого, что смрадъ отъ валявшихся труповъ былъ невыносимъ, онъ захватывалъ дыханіе и былъ заразителенъ. Народъ на половину избитъ былъ, и только меньшая половина успѣла убѣжать изъ городовъ и селъ въ лѣса и дебри, но и изъ этихъ часть спаслась, часть погибла отъ болѣзней и различныхъ лишеній: многіе просто съ голоду, за неимѣніемъ пищи, за неимѣніемъ крова. Страхъ обуялъ всѣ сердца до того, что и послѣ, когда Монголы ушли въ свою землю — народъ боялся выходить изъ своихъ дальныхъ убѣжищъ. Города стояли впустѣ; медленно населялись отдѣльныя, особыя селенія. Огромныхъ трудовъ и многихъ усилій стоило Даніилу князю Галицкому созвать около себя бѣжавшій, напуганный народъ и успокоить его и предоставить ему прежнее мирное житіе. Но едва народъ собиралъ духъ, едва начиналъ отдыхать и прихо-

дить въ негодованіе на свою злую трудно-выносимую участь — татары опять являлись съ полчищами, опять жгли города и разгоняли народъ, и опять, какъ лютые звѣри, убивали все то, что начинало только жить, что приходило только въ силу и обѣщало надежду. Не даромъ это тяжелое время памятно русской землѣ и до сихъ поръ, не даромъ прозвалось оно татарскимъ игомъ, татарщиной. До сихъ поръ ходятъ поговорки того времени какъ эта: «погоди татаринъ, дай ножъ выточить»; не даромъ Мамай и побоища его до сихъ поръ слывутъ браннымъ словомъ. Не даромъ мы до настоящей поры такъ далеки отъ всего образованнаго свѣта и много въ насъ того, что совсѣмъ не нашей натуры и не намъ принадлежитъ какъ чужое и постыдное; не даромъ у насъ все, что служитъ человѣку на погибель, на муку, на срамъ, на униженіе и уничтоженіе заклеймлено татарскимъ именемъ, а не нашимъ русскимъ. Мало намъ дали татары хорошаго, а дали почти все худое; волей-ли, или неволей брали мы у нихъ все это худое и злое, но все таки брали оттого, что долго хозяйничали они въ нашей землѣ, долго мы съ ними имѣли ближнее, хоть и невольное общеніе. Время татарскаго ига до сихъ еще поръ отдается (не сказать бы другаго нехорошаго слова) и на нашемъ характерѣ и во многомъ нашемъ. Начать съ того, что армякъ бы и совсѣмъ наше платье, а заведенъ и оставленъ онъ на плечахъ рус-

скаго народа татарами; безмѣнъ—кажется нашими бы торговцами придуманъ, а на правду выйдетъ, что и безмѣнъ указанъ намъ татарами. Кнутъ (будь ему пусто!) оставленъ намъ тоже татарами: мы отъ него отказываемся и *зачуровываемся*. Много и другаго самаго непутнаго забралось къ намъ отъ этого дикаго, злаго народа. Своего у насъ осталось только миролюбіе да кротость—небесныя посланцы; осталась дружба и вѣра въ своего брата, осталось умѣнье жить дружно общимъ толкомъ и согласіемъ, остался міръ и мірскія сходки. Безъ этого мы были бы пропащіе люди, безъ этого едва ли бы устояла на землѣ наша родина, отъ которой ждутъ теперь всѣ народы много новаго и много лучшаго противъ того, что есть у нихъ теперь. Но обо всемъ этомъ мы будемъ говорить постепенно. Бѣда только началась въ русской землѣ и все росла и ширилась, одна другую подгоняя. Въ началѣ ей и конца не видать было: двѣсти тридцать семь лѣтъ тяготѣла она надъ рускимъ народомъ, какъ смертная язва, какъ холера какая, какъ смертной грѣхъ неумолимой.

Мы будемъ говорить обо всемъ этомъ короче, чтобы не возмущать душу страшными, раздирающими сердце описаніями. Лѣтописцы сохранили въ писаніяхъ своихъ много такихъ случаевъ, которымъ съ трудомъ вѣрится, которыхъ на себѣ никакому другому народу не дай Богъ испытывать.

Въ 1254 году новый царь монгольскій, по смер-

ти Батыя, прислалъ на Русь своихъ численниковъ, которые сдѣлали ревизію или перепись всѣмъ жителямъ для того, чтобы вѣрнѣе и вся сполна оплачивалась ими дань. Для лучшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ поставлены были повсюду татарскіе тысячники, сотники и десятники. Всѣ они угнетали народъ, движимые своекорыстіемъ, брали всегда лишнее противъ того, что назначено было самимъ ханомъ (такъ назывались татарскіе вожди или цари). Князья наши для того, чтобы воспользоваться отцовскимъ наслѣдствомъ, должны были ходить въ орду и здѣсь стоять на колѣнахъ передъ ханомъ, пить кобылье молоко или кумысъ, прыгать черезъ два огня, поклоняться кусту и чествовать татарскую вѣру. Тѣ, которые повиновались и исполняли всѣ татарскіе обычаи, получали наслѣдство, были счастливы тѣмъ, что ханъ бралъ отъ нихъ подарки и дозволялъ кланяться женѣ свой. — Другіе князья русскіе, не хотѣвшіе измѣнить своей вѣрѣ и чтить чужую, монгольскую, были не только лишаемы наслѣдства, но и лишаемы жизни: князя Суздальскаго Ярослава Великаго татары за непослушаніе отравили зельемъ; князя Черниговскаго Михаила съ бояриномъ его Ѳедоромъ, полѣ многихъ адскихъ мученій, зарѣзали ножемъ; точно такимъ же порядкомъ избито было въ татарской ордѣ много князей и приближенныхъ бояръ.

Князья наши и въ орду перенесли свои домашнія ссоры; одинъ клеветалъ на другаго, одинъ

другому рылъ яму, — и все для того, чтобы стать княземъ и побѣдителемъ. Самый льстивый и низкопоклонный дѣлался любимцемъ хана и получалъ чужой удѣлъ; непокорные и честные предаваемы были лютымъ мученіямъ и даже смерти. Народъ, видя всюду неправду, привыкалъ ко всѣмъ злоключеніямъ и становился равнодушнымъ ко всему, что дѣлалось съ его князьями. Зная объ ихъ козняхъ, ссорахъ и пронырствахъ, онъ переставалъ ихъ любить, переставалъ жалѣть объ нихъ и кручиниться. Равнодушно, безъ слезъ и душевныхъ терзаній, смотрѣлъ народъ на униженіе владѣтелей своихъ. Ему какъ будто и дѣла не было до того, что послы татарскіе, баскаки ежегодно пріѣзжавшіе изъ орды за сборомъ тяжелой, облитой потомъ и кровью дани, заставляли князей выходить къ нимъ навстрѣчу, за городъ, пѣшкомъ, въ сопровожденіи лучшихъ бояръ и людей городскихъ, заставляли становиться на колѣна и въ этомъ униженномъ положеніи выслушивать чтеніе ханской грамоты. Такъ разсказываютъ наши лѣтописцы, и мы должны утвердиться въ томъ убѣжденіи, что русская земля подпада великому злу; надъ народомъ тяготѣли неслыханныя, едва выносимыя, бѣдствія; счастливые дни закрылись, народъ упалъ духомъ; уныло, плачевно запѣлъ свои пѣсни, едва не забылъ богатырскихъ временъ Владиміра, краснаго солнышка и его могучихъ богатырей, и уже не помнилъ у себя ни одного свѣтлаго, радостнаго дня; каждый не могъ ручаться за жизнь свою

на слѣдующій день; каждый не могъ понадѣятся на своего сына, на своего брата, родныхъ: все зависѣло отъ случая и отъ воли татарскаго хана, всегда безжалостнаго, всегда звѣря лютаго.

Счастіе покинуло русскую землю и русской народъ, счастіе улетѣло въ Новгородъ и не было надежды на возвращеніе его. Въ началѣ четырцатаго вѣка по Рождествѣ Христовѣ зачинался въ лѣсахъ и глубокихъ дебряхъ владимірскаго княжества новый городъ Москва. Съ городомъ этимъ начиналось тогда же и новое московское княжество. Изъ этогото княжества и пошло спасеніе на всю землю русскую; изъ этого-то княжества и пришли счастливые дни для народа русскаго.

Но начнемъ разсказывать въ томъ порядкѣ, какъ творилось это на самомъ дѣлѣ, какъ исподоволь и постепенно собиралась гроза на татаръ.

Великая тишина стояла по всей землѣ русской, когда сѣлъ на Владимірское княженіе великій князь Іоаннъ Даниловичъ, прозваный Калитою за то, что онъ носилъ на боку мѣшокъ — калиту, наполненную деньгами, деньгами этими онъ одѣлялъ бѣдныхъ. Іоанну Калитѣ полюбилось то мѣсто, гдѣ стоитъ теперь городъ Москва, полюбилось оно ему пуще города Владиміра, гдѣ стоялъ до того времени престолъ великаго князя. Владиміръ-городъ не могъ оправиться послѣ татарскаго опустошенія; городъ Москва только что застраивался, начатый

передъ тѣмъ не дальше тридцати лѣтъ. Приволье его манило къ себѣ Іоанна не удержимо: Іоаннъ перевезъ сюда престолъ и столицу свою, уговорилъ сдѣлать тоже и съ митрополичьимъ престоломъ Св. Петра митрополита всей Россіи. Сынъ и наслѣдникъ Іоанна — Симеонъ не выѣзжалъ уже изъ Москвы, не выѣзжали изъ нея и послѣдующіе князья. Москва обстраивалась и усиливалась; на Москву начали и татары смотрѣть съ завистью и опасеніемъ; но князья Московскіе успѣли въ самомъ началѣ утишить подозрѣнія татаръ: въ Ордѣ былъ Св. Петръ митрополитъ, побѣдилъ всѣхъ своею кротостію и выпросилъ даже многія льготы; Іоаннъ Калита самъ три раза ѣздилъ туда и сверхъ того имѣлъ тамъ многихъ друзей, а когда Іоаннъ умеръ, ханъ обѣщалъ сыновьямъ его не принимать никакихъ доносовъ и поклялся, что московское княженіе всегда будетъ принадлежать ихъ роду. При княженіи Іоаннова сына, Симеона Гордаго, Св. митрополитъ Алексій ходилъ въ орду, исцѣлилъ тамъ супругу хана и принесъ въ Москву много льготъ и милостей, между прочими, по грамотамъ ханскимъ, духовенство освобождено было отъ дани. При наслѣдникѣ Симеона Іоаннѣ Іоанновичѣ, татары, по прежнему не безпокоили особенно Московское царство, давая ему полную возможность мужать и крѣпиться до той степени, въ какой находилось оно при сынѣ Іоанна, Димитріѣ Іоанновичѣ. Въ 1368 году городъ Москва обведенъ былъ каменными стѣнами; Димит-

рій Іоанновичъ чувствовалъ уже достаточно силъ на борьбу съ Монголами.

Когда Мамай, убивъ хана, назвался царемъ и когда Димитрій Іоанновичъ требовалъ уменьшенія дани и получилъ отказъ, — время испытанія для русской земли наступало. Великій князь чувствовалъ близость грозы и хотѣлъ покончить все это мирными договорами; для этого послалъ онъ въ орду своего боярина; но Мамай, на мирные переговоры, отвѣтилъ: «Злато и сребро князя Димитрія будетъ въ рукахъ моихъ; землю его я раздѣлю служащимъ мнѣ, а самаго приставлю пасти стадо верблюжее». Бояринъ отвѣчалъ дерзко; воины Мамаевы хотѣли убить его за то, но Мамай простилъ ему дерзость и написалъ къ князю грамоту. Въ ней было сказано: «извѣстно тебѣ, что владѣешь нашими улусами, и если ты очень молодъ, то приди ко мнѣ и я помилую тебя». Бояринъ повезъ эту грамоту съ пятью татарами, изъ которыхъ четырехъ убилъ на Окѣ, по встрѣчѣ съ русскимъ отрядомъ; изорвалъ грамоту, а пятаго ханскаго посла отправилъ къ его государю.

Мамай изготовился къвойнѣ; не мѣдлилъ на то время и великій князь московскій. 2 іюля 1379 г. пировалъ Димитрій въ своемъ набережномъ теремѣ и слушалъ отъ гонца такую вѣсть: «Мамай со всѣми силами кочуетъ въ Воронежѣ, и мы его силу объѣхали въ 11 дней, а въ 12-й день стражи татарскіе меня поймали и поставили предъ ханомъ и

онъ меня спрашивалъ: и вѣдомоль моему слугѣ, Митѣ Московскому, что азъ иду къ нему въ гости? а силы со мною 12 ордъ и 3 царства, а князей со мною 33, а моей силы 703 тысячи, и послѣ того числа пришли комнѣ великія орды и тѣмъ числа не вѣдаю. Можетъ ли слуга мой всѣхъ насъ употчивать?»

— Попробуемъ говорилъ Димитрій своимъ вождямъ и боярамъ, и пошелъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ въ церковь Архангела Михаила. Здѣсь они цѣловали иконы, и оба приступили къ гробамъ прародителей съ молитвою.

За тѣмъ простился Димитрій съ супругою своею; принялъ благословеніе отъ святаго Сергія Радонежскаго, тогда уже славнаго своею постническою жизнью въ дебряхъ, гдѣ теперь стоитъ знаменитая Троицко-Сергіевская лавра; князь взялъ отъ него двухъ иноковъ въ сподвижники, Александра Пересвѣта и Ослабю (1) и сначала, впередъ себя, отправилъ съ войскомъ брата своего Владиміра, а потомъ отправился и самъ на Коломну. Въ Коломнѣ онъ собралъ войска свои до 150-ти тысячь, кромѣ князей русскихъ и воеводъ мѣстныхъ. Отъ начала не было такой силы у князей русскихъ,—прибавляетъ лѣтописецъ.

На другой день великій князь велѣлъ всѣмъ во-

---

(1) Кости Пересвѣта и Ослаби покоятся донынѣ близь Симонова монастыря.

еводамъ и всему войску выѣхать на поле дѣвичье: и стали трубить ратныя трубы и стали развѣваться дружинныя знамена. Возрадовался великій князь этому зрѣлищу и тогда же отрядилъ на каждый полкъ воеводу. Себѣ взялъ князей бѣлозерскихъ (за то, что были самые храбрые); брату своему далъ князей ярославскихъ. Правую руку войска взялъ себѣ; лѣвую поручилъ брату Владиміру. За тѣмъ отрядилъ передовой полкъ и вскорѣ велѣлъ всѣмъ переправляться черезъ рѣку Оку, съ строгимъ наказомъ всѣмъ тѣмъ, которые пойдутъ по землѣ рязанской не прикасаться ни къ единому волосу. Князь рязанскій, Олегъ, измѣнилъ, соединился съ Мамаемъ; узнавши объ этомъ, великій князь воздохнулъ изъ глубины сердца, примолвивъ:

«Господи! совѣты неправедныхъ разори. Не азъ почалъ.... но онъ, окаянный, новый Святополкъ.» И вотъ теперь, при легкомъ случаѣ, не хотѣлъ даже мстить.

Князь отправился въ церковь и затѣмъ, изъ Коломны въ походъ, нринявъ благословеніе отъ епископа.

Мамай стоялъ уже на Дону и слыша о походѣ Московскаго князя, велѣлъ своимъ полкамъ, двинуться къ рѣкѣ этой. Узнавши все это, Димитрій говорилъ:

— Господи! не повелѣлъ еси въ чуждые предѣлы преступати; азъ же не преступихъ: сіи же приходяще аки зміи ко знѣзду.

И двинувъ войска свои, сошелся съ Мамаемъ

на рѣкѣ Непрядвѣ, впадающей въ Донъ (въ Тульской губерніи, Епифановскаго уѣзда). Здѣсь залегло огромное поле Куликово.

Въ самый день битвы, Димитрій расположилъ войска свои, приготовилъ ихъ къ нападенію, а самъ сошелъ съ коня, прямо противъ великаго полка палъ на колѣна передъ образомъ Спаса, нарисованномъ на черномъ знамени; долго молился; потомъ обратился къ войскамъ, называя ихъ: «братія моя милая, сынове русскіе!!...

Великій князь взялъ брата своего Владиміра, выѣхалъ на поле Куликово; сталъ посреди обоихъ полковъ, и обратился на сторону полковъ татарскихъ: страшный стукъ и крикъ неслись оттуда, какъ будто торги снимаются, какъ будто города строятся, какъ будто трубы гремятъ. Позади полковъ грозно выли волки, на право кричали вороны и во роны купались въ рѣкѣ Непрядвѣ; гуси и лебеди непрестанно плескали крыльями; все предвѣщало необычайную грозу.

— Слышишъ ли все это?—говорилъ Волынецъ Димитрію — посмотри теперь на полки русскіе!

Но тамъ была тишина невозмутимая; видѣлись только огни и догорала вечерняя заря.

Сошелъ Волынецъ съ коня, приникъ своимъ ухомъ къ землѣ, лежалъ долго, всталъ и опять приникъ.

— Что есть брате? — спросилъ его Димитрій.

Волынецъ ничего не отвѣчалъ. Князь умолялъ его, настаивалъ.

— Едина ти есть на пользу, а другая не на

пользу, отвѣчалъ Волынецъ. Слышалъ земля плачется на двое: одна сторона, какъ вдовица какая, другая какъ дѣвица, какъ свиряль. Я надѣюсь на побѣду, но нашихъ много падетъ.

Великій князь прослезился.

— Не надо говорить объ этомъ въ полкахъ, — совѣтовалъ ему Волынецъ.

Часу во второмъ ночи начали трубить въ трубы съ обѣихъ сторонъ, но татарскія трубы какъ будто онѣмѣли. Великій князь сѣлъ на борзаго коня и объѣхалъ полки свои; потомъ сошелъ съ коня своего, пересѣлъ на другаго, снялъ съ себя княжеское одѣяніе, одѣлся въ простое воинское и поднявъ руки свои къ небу, молился и горько плакалъ. Затѣмъ надѣлъ на шею свою живоносный крестъ съ изображеніемъ на немъ Господнихъ страстей....

И вотъ вдругъ вся несмѣтная сила татарская двинулась съ высотъ, сдвинувши копья, стали татары подступать. Князь повелъ русскія войска съ своихъ высотъ прямо противъ татаръ,—и страшно было видѣть все то, что происходило потомъ....

Мамай смотрѣлъ съ приближенными своимы на битву съ самаго высокаго мѣста на полѣ:

Изъ полковъ татарсихъ выходилъ богатырь Печенѣгъ огромнаго роста, съ которымъ никто и никогда не смѣлъ бороться. Видя это, изъ полкахъ московскихъ выступилъ инокъ Пересвѣтъ, данный Димитрію преподобнымъ Сергіемъ.

«Азъ хощу съ нимъ видѣться», говорилъ онъ князю.

«Отцы и братія! простите мя грѣшнаго!» обратился онъ къ воинамъ русскимъ.

«Игуменъ Сергій помози молитвою своею!» вскричалъ Пересвѣтъ.

«Господи, помози рабу своему!» воскликнули всѣ Христіане, — и Пересвѣтъ рынулся на Печенѣга, смялъ его, но и самъ вмѣстѣ съ нимъ упалъ съ коня и умеръ.

Димитрій обратился снова къ войскамъ своимъ, хотѣлъ самъ удариться въ битву.

«Мы всѣ готовы головы свои положить за тебя, — за ласковаго государя», отвѣчали воины. — «Но тебѣ подобаетъ память объ насъ творить и въ книгахъ писать на поученіе сыновъ русскихъ, а не сражаться....»

«Какъ же я могу сказать вамъ: «братіе! по-«тягнемъ вкупѣ», а самъ лицо свое почну крыти!» отвѣчалъ имъ Димитрій. «Не хочу помогать вамъ однимъ только словомъ, хочу помогать вамъ и дѣломъ, хочу впереди всѣхъ положить свою голову, чтобы и прочіе имѣли больше храбрости и смѣлости.

И устремился на конѣ своемъ въ самый разгаръ битвы, громогласно читая псаломъ: «Богъ намъ прибѣжище и сила.»

Долго бились наши съ татарами, много лилось крови съ обѣихъ сторонъ; враги собирали послѣднія силы; требовался рѣшительный ударъ; силь-

ный вѣтеръ дулъ нашимъ прямо въ лицо, — и вдругъ повѣялъ сзади. Долго боролись враги грудь съ грудью, плечо о плечо; настала конечная минута; русскіе сломили татаръ и погнали; гнавши ихъ, наши били татаръ въ несмѣтномъ числѣ и всѣ станы ихъ взяли въ добычу себѣ.

Это было въ субботу; и съ тѣхъ поръ суббота эта зовется Дмитровскою, и съ тѣхъ поръ въ субботу эту, церковь наша поминаетъ убіенныхъ вмѣстѣ со всѣми прежде и послѣ умершими Христіанами.

Побѣда была наша, но не было видно виновника этой побѣды, не было видно великаго князя Димитрія Іоанновича. Стали искать его. Одни говорили, что онъ живъ, но раненъ; другіе, что видѣли въ пятомъ часу, какъ онъ бился съ четырьмя татарами; третьи видѣли его идущаго пѣшимъ съ побоища, но раненнаго и не дали ему коня; затѣмъ, что гнались за нимъ три татарина. Нашли его два костромича - воина: князь былъ сбитъ татарами съ коня и лежалъ въ дубравѣ подъ деревомъ: воинскіе доспѣхи его были всѣ избиты и поломаны, но на тѣлѣ князя не было раны; онъ былъ утомленъ до изнеможенія. Когда князь пришелъ въ себя и сталъ считать полки свои, то далеко больше половины не нашелъ въ нихъ живыми. На 40 верстъ, говорятъ, усѣяно было все Куликово поле умершими и умирающими русскими и татарами. Великій князь Димитрій прибывъ въ Коломну, отдыхалъ тамъ четыре дни; въ

Москвѣ, около Андроніева монастыря, былъ встрѣченъ митрополитомъ, во Флоровскихъ воротахъ— великою княгинею, молился съ нею въ соборахъ и вошелъ наконецъ въ палаты свои *въ бережныя сѣни;* ѣздилъ изъ Москвы въ Троицкую Лавру; велѣлъ Св. Сергію отслужить панихиду за убіенныхъ на берегу Дона и получилъ отъ благодарнаго народа прозваніе *Донскаго*. Это прозваніе перешло вмѣстѣ съ памятью объ немъ и въ наши позднія годы, пойдетъ и дальше.

Сила и вліяніе татаръ на русскую землю съ Куликовской битвы ослабѣли; народъ уже меньше сталъ угнетаемъ татарами: онъ началъ отдыхать и если терпѣлъ зло, то зло это было временное. Мамая уже не существовало: онъ выгнанъ былъ изъ орды новымъ и сильнымъ ханомъ Тохтамышемъ и убитъ далеко отъ родины. Этотъ-то самый Тохтамышъ мстилъ Димитрію за обиды татарскія, приступалъ къ Москвѣ, взялъ ее: князь бѣжалъ въ Кострому. — Москва испытала новое зло; Димитрій снова долженъ былъ платить дань татарамъ, и умеръ, оплаканный всѣмъ народомъ. Татары при наслѣдникахъ его уже менѣе своевольствовали, боялись силы русской, извѣдавъ ее на дѣлѣ и стали уважать русскихъ князей, которые уже не низкопоклонствовали, рѣже ѣздили въ орду, не хотѣли исполнять татарскихъ обычаевъ.

Русскіе стали учиться дѣлать порохъ, заводились пушками и пищалями, о чемъ особенно радѣлъ сынъ и наслѣдникъ Донскаго, Василій Димитріе-

вичъ. Онъ разъ только съѣздилъ въ орду, гдѣ по смерти Тохтамыша, правилъ народомъ новый ханъ, Тамерланъ. Этотъ снова повелъ войска на Москву, но бѣжалъ съ пути, не причинивъ никакого зла. Князья наши, особенно мелкіе и несильные, все еще ѣздили въ орду, но только ради обычая и личнаго спокойствія: ханы утверждали только тѣхъ изъ нихъ на княженіяхъ, которые были правѣе и не дѣлали того самопроизвольно, какъ было это за-частую до Донскаго. Собиралъ потомъ рать на Россію ханъ Едигей и водилъ ее, но также безуспѣшно. Въ ордѣ начались свои раздоры и споры о ханствѣ между многими лицами; одинъ ханъ шелъ противъ другаго войною; военныя неудачи одного служили гибелью ему и его роду. Орда истощилась силами; все это видѣли и знали русскіе князья и обнадеженные успѣхомъ Донскаго, уже не побоялись сами вмѣшиваться въ чужіе споры. Дошло наконецъ дѣло до того, что наши князья назначали хановъ; признавали одного, не хотѣли знать другаго. Орда ве могла прямо дѣйствовать силою; собиралась долго, но рѣшительныхъ мѣръне смѣла предпринимать. Нападали больше на несильные города но и тутъ не всегда удачно. Наконецъ и наши рати ходили на татарскія владѣнія и вымѣщали на нихъ прежнія обиды свои; доходили наши и до Казани, гдѣ тогда укрѣпилась и основалась самая сильнаяи страшная для Россіи орда — большое царство Казанское. Цари казанскіе, утверждая русскихъ на престолѣ, стали

уже просить только временнаго окупа и притомъ столько, сколько князь можетъ дать. Такъ было при князѣ Московскомъ Василіѣ, прозванномъ Темнымъ (за то, что онъ былъ ослѣпленъ княземъ Шемякою) Князья Московскіе успѣвали снова заводить между собою споры и вели войны за удѣлы, какъ бывало это и прежде нашествія таταръ на Россію, но народу далеко было легче; теперь по крайней мѣрѣ онъ уже спокойнѣе и безбоязненнѣе жилъ на своихъ родныхъ пепелищахъ. Первый царь Русскій Іоаннъ Васильевичъ, въ 1473 году, заключилъ уже съ татарами договоръ, въ которомъ ханъ Менгли-Гирей назвалъ царя Московскаго братомъ своимъ, клялся вести любовь, братство и вѣчный міръ; быть вездѣ за-одно, другу быть другомъ, а недругу — недругомъ. «Кто будетъ другъ мнѣ, Менгли-Гирею», сказано въ договорной грамотѣ между ними, тотъ и тебѣ другъ, великому князю Ивану. А мнѣ, Менгли-Гирею, твоей земли и твоихъ князей не воевать, и кто безъ нашего вѣдома нарушитъ договоръ этотъ, тѣхъ казнить, и взятое отдать и головы людскія безъ окупа намъ тебѣ отдать.» Называясь братомъ, Іоаннъ всегда писалъ Менгли-Гирею челобитье, а Менгли-Гирей къ нему поклонъ, или въ знакъ особенной ласки: *много-много поклонъ*. Но все это были только однѣ вѣжливости, на самомъ же дѣлѣ Іоаннъ не боялся уже татаръ и со времени его царствованія начинается конечное освобожденіе народа русскаго

отъ ига татарскаго. — Московское царство славилось уже тогда богатствомъ; великій князь славился Христіанскою правотою, а народъ богочестіемъ. И тотъ и другой строго слѣдовали Евангельскому ученію. — Великій князь Василій, отецъ Грознаго, величіемъ души, воинскою славою, любовію и благосклонностію къ подданнымъ превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Послѣ куликовскаго сраженія восходило солнце спасенія, при этомъ Василіѣ и при его наслѣдникахъ. При сынѣ его, Іоаннѣ Грозномъ, сталось конечное спасеніе народа; послѣ чего и самый слухъ объ игѣ и плѣненіи началъ мало по малу изглаживаться и пропадать изъ народной памяти.

Разскажемъ это такъ, какъ оно было разсказано современниками, лѣтописцами.

Царь Иванъ Васильевичъ, когда еще не былъ грознымъ царемъ, ходилъ на Казань войною самъ; самъ лично надзиралъ за всѣми битвами, которыя начались тогда между русскими и татарами и происходили, какъ говорятъ, на 150 верстахъ въ окружности. Самый городъ Казань взять было трудно: онъ весь срубленъ былъ изъ дубоваго дерева, стѣны были очень широки; въ городняхъ между стѣнъ набито было множество илу и камней. Съ одной стороны крѣпости текла Казань-рѣка; съ другой Булакъ — рѣчка, тиноватая и непроходимая. Отъ Казани-рѣки шла гора высокая; на ней была выстроена крѣпость и стояли палаты царскія и пять высокихъ муравленыхъ мечетей, въ

которыхъ клались умершіе цари; татары заперлись здѣсь и рѣшились лучше умереть, чѣмъ сдаться; лучше по частямъ весь народъ потерять, чѣмъ впустить русскихъ въ городъ, съ паденіемъ котораго должно было пасть и все царство казанское. Долго стояли наши подъ городомъ, долго громили стѣны и отбивали летучіе отряды татарскихъ удальцовъ, на ратныхъ коняхъ вылетавшихъ изъ города; громили ворота, подступали къ самымъ стѣнамъ — ничто не помогало. Были у нашихъ и пушки, было въ запасѣ и пороховаго зелья много. не упрекаютъ нашихъ воиновъ въ храбрости, не хулятъ и упорства татаръ. Русскіе придумывали разныя хитрости; дѣлали изъ досокъ щиты на каткахъ и колесахъ; зарывали подземной ходъ, черезъ который татары носили въ городъ воду; строили подкопы и производили взрывы все не помогало. Татары крѣпко утвердились въ башнѣ и на городскихъ стѣнахъ, и сидѣли въ крѣпостяхъ этихъ два дня и двѣ ночи, выжидая приступа. Царь русскій все еще не рѣшался на приступъ и вотъ наконецъ говоритъ своимъ ближнимъ:

«Звонъ слышу, какъ бы Симонова монастыря!» и велѣлъ воинамъ вооружиться, надѣвать латы, которыми закрывалось туловище и идти на приступъ. Самъ же въ своей походной церкви слушалъ литургію и — молился.

Уже давно сильно и крѣпко наши бьются съ татарами; уже много пролито крови и пало уби-

тыхъ. И вотъ приходитъ одинъ изъ ближнихъ царевыхъ и говоритъ:

— Государь! время тебѣ ѣхать, наши уже бьются съ невѣрными, и многіе полки тебя ожидаютъ.

— Подождемъ до конца пѣнія, да совершенную милость отъ Христа получимъ, — отвѣчалъ царь.

Великое время царю ѣхать да укрѣпятся воины! говорили новыя вѣстники.

Царь поѣхалъ въ полкъ свой; ѣздилъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ происходили сѣчи, утверждалъ воиновъ, самъ хотѣлъ устремиться въ битву, но бояре взяли за узду коня его и поставили близь хоругви. Увидѣвъ царя вблизи себя, на возвышенномъ мѣстѣ, воины со всѣхъ сторонъ, какъ бы на крыльяхъ взлетѣли на городскія стѣны; вскочили въ самый городъ; свирѣпо убивали татаръ, а живыхъ брали въ плѣнъ: одни хотѣли убить Едигера, не зная его, но татары закричали: не убивайте: это царь! Онъ тогда же изъявилъ желаніе принять христіанскую вѣру и требовалъ крещенія.

Іоаннъ, ратныхъ людей велѣлъ избивать всѣхъ, и увидѣвъ потомъ великое множество убитыхъ, заплакалъ и говорилъ:

— Хотя и нечестивые, но все таки Богомъ сотворенные люди!

Когда уже все было кончено, къ царскому стану собрались военноначальники и все воинство, обогренное кровью. Царь вышелъ къ нимъ съ веселымъ лицемъ и съ кроткимъ милостивымъ любовнымъ взоромъ, онъ говорилъ громкимъ голосомъ!

— Мужественные мои воины, бояре и воеводы и всѣ прочіе знаменитые страдальцы за Бога, за свое отечество и за насъ! Никто въ нынѣшнее время не показалъ такой храбрости и не получилъ такой побѣды, какъ вы, любимые мною. За такое ваше мужество вы достойны не только моей благодарности, но воздоянія отъ Божіей десницы. Испившіе смертную чашу сопричтутся первымъ святымъ мученикамъ; объ нихъ и мы будемъ вспоминать и запишемъ имена ихъ на вѣчное поминовеніе; пролившихъ кровь свою и оставшихся въ живыхъ обѣщаемся пожаловать по достоинству стократно.

И послалъ потомъ по всѣмъ татарскимъ землямъ свои жалованныя грамоты и велѣлъ всѣхъ и каждаго приводить къ присягѣ. При себѣ Іоаннъ освятилъ двѣ церкви и вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ пошелъ въ обратный путь на Москву.

Вккорѣ за тѣмъ покорилось ему послѣднее царство Астраханское, съ меньшими потерями, съ большею легкостью! Бунтовались татары потомъ не одипъ разъ, но уже отошла татарамъ *пора на Русь ходить*.

С. Максимовъ.

АТАМАНЪ КНЯЗЬ ЕРМАКЪ ТИМОѲЕЕВИЧЪ.

Лѣтъ сотни три тому назадъ, было наше русское царство гораздо меньше нынѣшняго. Въ то время царствовалъ у насъ на Руси Царь и великій князь, Иванъ Васильевичъ по прозванью Грозный. Въ началѣ царствованія Царя Грознаго, царство казанское, царство астраханское и всѣ земли въ низовьяхъ рѣки Волги и рѣки Дона, находились подъ властью татарскою. Вѣра у всѣхъ татаръ была магометанская и всѣ эти земли считались подъ покровительствомъ султана турецкаго.

Въ то время, войны московскихъ государей съ царями татарскими были частыя, и земли наши русскія жестоко были разоряемы хищными татарами, а пограничныя селенія и города наши чаще другихъ, опустошались и сожигались басурманами, и христіане, попадавшіе въ плѣнъ къ татарамъ, или бывали убиваемы, или обращались въ тяжелую, вѣчную неволю, и выставлялись для продажи на базарахъ турецкихъ.

Частыя нашествія и грабежи татарскіе были

причиною, что близкія къ границамъ татарскимъ плодоносныя русскія земли мало населялись мирными хлѣбопашцами, а жили въ то время по берегамъ Волги и Дона, въ сосѣдствѣ съ татарами, только одни отважные, неутомимые въ бояхъ выходцы русскіе, презиравшіе опасности военныя и нестрашившіеся набѣговъ татарскихъ. Эти выходцы, собиравшіеся съ разныхъ концевъ земли русской, назывались козаками.

Козаки строили на границахъ татарскихъ укрѣпленія, защищали земли русскія, и служили для Россіи первою обороною и вѣрнѣйшимъ оплотомъ противъ враговъ Христіанства. Козаки исповѣдывали вѣру православную и говорили языкомъ русскимъ. Жили тогда козаки, на берегахъ Волги и Дона, по своимъ старымъ правиламъ, широко и привольно. Козаки сами для себя избирали главныхъ начальниковъ или атамановъ; слушались атамановъ своихъ, но всѣ большія дѣла, касавшіяся до всего войска козацкаго, рѣшали козаки міромъ, на общемъ сходбищѣ; и какъ что́ рѣшатъ, бывало, козаки на мірской сходкѣ, такъ то́ и исполнялось всѣмъ козачествомъ и самими атаманами безпрекословно. Не знали козаки, въ тѣ старые годы, что такое — пашпортъ, и у храбраго молодца, приходившаго на Донъ и желавшаго пристать къ славному товариществу козацкому, никто, никогда не допрашивалъ: «кто онъ? и откуда?» а говаривали Донцы новому товарищу просто: «будь вѣренъ, соблюдай крѣпко наши

уставы козацкіе, и будешь нашимъ братомъ и будетъ твоя доля со всѣми равная.»

Любовь Донцовъ къ заведеннымъ своимъ порядкамъ была великая и дружество между ими было большое, а удальство и молодечество козацкія были такія, что не только сосѣдніе татары, но и самъ Турецкій Султанъ изрядно ихъ побаивался, даромъ, что тогдашній турецкій султанъ былъ и войскомъ и казною не въ примѣръ богаче нынѣшняго.

Съ сосѣдями своими, татарами казанскими и астраханскими, воевали донскіе козаки часто, и за всякое нападеніе на землю русскую, отплачивали татарамъ съ лихвою. Много разъ, для острастки нехристямъ, спускались смѣлые Донцы въ малыхъ лодочкахъ, внизъ по рѣкѣ Дону въ море Азовское, разбивали жгли и топили корабли турецкіе, разоряли селенія и города татарскіе. Страшное своими бурями Черное море, не всегда могло остановить удалыхъ донскихъ козаковъ. Часто, на тѣхъ же малыхъ лодочкахъ, безстрашно выплывали Донцы изъ моря Азовскаго, на середину моря Чернаго, подходили къ берегамъ кавказкимъ и турецкимъ, опустошали прибрежныя мѣстечки и города турецкіе, наводили ужасъ на гордаго султана турецкаго, на столицу его, городъ Константинополь, и нерѣдко, съ богатою добычею и съ великою воинскою славою, благополучно возвращались въ свои вольныя станицы, на берега роднаго Дона.

Въ началѣ своего царствованія, царь Иванъ Васильевичъ Грозный задумалъ разомъ наказать татаръ, за ихъ грабежи и за частое опустошеніе земли русской, задумалъ царь Грозный навсегда покорить подъ свою державу царство казанское и царство астраханское. Съ большою ратною силою вышелъ Грозный изъ Москвы и подступилъ къ стѣнамъ столицы казанскаго царства, къ городу Казани.

Храбро бились татары, защищая свою столицу, но еще храбрѣе нападали русскіе на враговъ своихъ; много было пролито христіанской крови, подъ стѣнами казанскими, много тамъ легло православныхъ воиновъ, но не смотря на отчаянную защиту татаръ, сильная крѣпость Казань была взята приступомъ, въ воскресенье, октября 2-го дня 1552 года.

Вслѣдъ за покореніемъ царства казанскаго, присоединилъ царь Иванъ Грозный къ державѣ русской и царство астраханское (1556 г.) Въ оба города: Казань и Астрахань, были посланы изъ Москвы воеводы царскіе, и завелись на мѣсто татарскихъ царствъ, вплоть до горъ Уральскихъ и моря Каспійскаго, порядки московскіе.

Много принесло славы царю Ивану Грозному, покореніе Казани и Астрахани, много выгодъ получилъ народъ русскій, открывъ себѣ свободный, торговый путь по рѣкѣ Волгѣ и по морю Каспійскому; но не меньше того славы, не меньше того выгоды, принесло Россіи покореніе царства

сибирскаго. Присоединеніемъ царства сибирскаго, раздвинулась держава русская за горы Уральскія до моря Камчатскаго и до границъ китайскихъ. Пріобрѣлъ русскій народъ въ Сибири: земли обширныя, воды обильныя рыбою, лѣса вѣковые и въ нихъ пушные звѣри безчисленные; горы богатыя мѣдью, серебромъ, золотомъ и каменьями драгоцѣнными. Свершилось покореніе царства сибирскаго безъ вѣдома (1) царя Грознаго, самодержавнаго, и не стоило оно государю Ивану Васильевичу, ни убытковъ въ казнѣ, ни потери въ людяхъ ратныхъ, а поклонился народу русскому царствомъ сибирскимъ, не боярскаго какого нибудь знатнаго рода воинъ, а отъ простыхъ людей родомъ, ремесломъ донской козакъ, Ермакъ Тимоѳеевичъ.

Всякій бывалый русскій человѣкъ, не разъ слыхивалъ, про славнаго витязя Ермака Тимоѳеевича и про храбрую его дружину, а въ Сибири, каждый поселянинъ твердо знаетъ имя храбраго атамана донскихъ козаковъ Ермака Тимоѳеевича, и передаетъ, изъ рода въ родъ, разсказы о славныхъ подвигахъ отважнаго покорителя царства сибирскаго.

О родителяхъ Ермака Тимоѳеевича разсказывали старики слѣдующее: дѣдъ Ермака Тимоѳееви-ча —Аѳанасій занимался извозомъ въ лѣсахъ му-

---

(1) Карамзинъ т. IX глава VI стр. 226, 5-ое изданіе Эйнерлинга.

ромскихъ, и потомъ за какую-то вину былъ Аѳанасій посаженъ въ тюрьму (въ городѣ Владимірѣ); сидѣлъ онъ въ той тюрьмѣ долго ли, коротко ли, — неизвѣстно; потомъ ушелъ изъ тюрьмы и, взявъ съ собою жену и дѣтей, бѣжалъ изъ Владиміра въ костромскую губернію, въ уѣздъ юрьевецъ-поволъской. Отецъ же Ермака Тимоѳеевича, Тимоѳей Аѳанасьевичъ отъ скудости своей, переѣхалъ на житье въ пермскую губернію, на рѣку Чусовую, гдѣ занимался хлѣбопашествомъ, и по мѣсту своего прежняго жительства получилъ прозванье — Повольскій.

У Тимоѳея Повольскаго, говорятъ, было три сына: Гаврила, Фролъ да Василій.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилось и по-нынѣ, а въ то время, повсемѣстно на Руси было обыкновеніе такое, чтобы всякому человѣку, вмѣсто имени даннаго при святомъ крещеніи, давать еще особое прозвище, которое отличало бы его отъ другихъ тёсокъ и приходилось къ нему ловко.

Разсказываютъ, что младшій сынъ Тимоѳея Повольскаго, — Василій, началъ ходить на баркахъ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ. Товарищи Василія, жалѣя его молодость, не заставляли его тянуть лямку или работать веслами, а пріискали ему службу полегче и назначили его кашеваромъ. Молодой Василій варилъ для товарищей пищу и, по должности своей, цѣлый день возился около тагана. Таганъ, на которомъ готовилось кушанье, назывался у барочниковъ ермакомъ, а потому то-

варищи и дали молодому Василію прозваніе Ермакъ.

Ермакъ Тимоѳеевичъ былъ роста высокаго, въ плечахъ широкъ; лицо имѣлъ благообразное; волосы темные, кудрявые; бороду черную; глаза свѣтлые и быстрые; на словахъ былъ рѣчистъ; ума былъ великаго, а смѣтливость и отвагу имѣлъ всѣмъ на диковину. Короче сказать, Ермакъ Тимоѳеевичъ былъ молодецъ-молодцомъ; красавецъ, что называется писанный и силу имѣлъ богатырскую.

Неизвѣстно въ точности, когда Ермакъ Тимоѳеевичъ бросилъ свое ремесло барочное и пристalъ къ войску козацкому, но послѣ покоренія царства астраханскаго, имена ермаковыхъ товарищей уже встрѣчаются въ числѣ храбрыхъ атамановъ козацкихъ; въ то же время и земли донскихъ казаковъ, бывшія прежде на границахъ русскихъ, вошли въ середину предѣловъ царства русскаго. Жизнь козацкая, привольная да разгульная, не подъ стать пришлась порядкамъ строгимъ Царя Грознаго. Переставалъ Царь Иванъ Грозный козаковъ своею прежнею милостью жаловать, а когда дошло до него, въ Москву, извѣстіе, что остановили козаки и захватили въ полонъ посла персидскаго со свитою, разсердился тогда Царь Иванъ Васильевичъ не на шутку. Не даромъ прозывался Иванъ Васильевичъ царемъ Грознымъ, гнѣвъ его былъ страшенъ, и отъ мести его мало кто отвертывался.

Какъ только услыхалъ Царь Иванъ Васильевичъ про своевольство козацкое, такъ тотчасъ же и послалъ изъ Москвы воеводъ съ сильнымъ войскомъ, и отдалъ воеводамъ приказы строгіе, чтобъ унять, усмирить вольницу донскую, а атамановъ козацкихъ перевѣшать всѣхъ до единаго.

Трудно было устоять козакамъ противъ силы царя московскаго, но и разстаться со своею жизнью свободною имъ не хотѣлось; не хотѣлось козакамъ выдать воеводамъ на казнь постыдную и своихъ атамановъ любезныхъ, козацкимъ міромъ избранныхъ и служившихъ своимъ товарищамъ вѣрой и правдой, по всѣмъ старымъ обычаямъ козацкимъ. Долго укрывались козаки отъ войскъ Царя Грознаго, много потеряли народу въ битвахъ неравныхъ; пріуныли веселыя станицы козацкія и не придумаютъ козаки ничего, что имъ въ такой бѣдѣ и въ такомъ горѣ, дѣлать надобно. Пришлось козакамъ отъ московскихъ воеводъ круто. Узнается душа человѣка при несчастьи. Не велика штука быть человѣку смѣлымъ да находчивымъ, когда все ему везетъ и все ему удается. Нѣтъ, когда пристигнетъ человѣка горе, когда всевозможныя напасти вдругъ обрушатся надъ его головою, когда вотъ всѣмъ такъ и кажется, что нѣтъ тому человѣку нигдѣ ни выхода, ни спасенія; вотъ въ этомъ-то горѣ, вотъ въ этомъ несчастіи и можно узнать силу души человѣческой.

Окружили воеводы московскіе донскихъ козаковъ, угрожала козакамъ и атаманамъ грозная

опала царская, неминучая; призадумались и опечалились козаки самые храбрые, одинъ только атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ умомъ не потерялся, и одинъ, своею догадкою, выручилъ изъ бѣды всѣхъ своихъ товарищей вѣрныхъ.

Разсудилъ о той бѣдѣ Ермакъ Тимоѳеевичъ толкомъ, что жить козакамъ среди московскимъ земель, по старымъ вольнымъ правиламъ больше не приходится; не приходится также — козакамъ воевать и со своими братьями, русскими, единовѣрными; вотъ и придумалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ удалиться со своими товарищами, въ сторону новую, отдаленную, гдѣ бы снова можно было свою удаль козацкую употребить на пользу козаковъ — товарищей и во славу всего народа русскаго.

Слыхалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ про страну дальнюю сибирскую, про народы въ ней тогда жившіе, необразованные. Онъ слыхалъ, что не знаютъ народы сибирскіе ни пороха, ни снаряда ружейнаго; что ведутъ они жизнь бродячую, дикую; что нѣтъ между ними, ни дружества, ни согласія. Разсчиталъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, что управиться съ такими народами дѣло нетрудное, и задумалъ онъ идти съ козаками въ походъ за горы Уральскія, покорить подъ власть царя Грознаго царство сибирское, поклониться Царю Грозному новымъ царствомъ, обратить страшный гнѣвъ царя самодержавнаго на милость великую, и заслужить, вмѣсто казни и суда, — слово похвальное.

Созвалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ козаковъ-това-

рищей и сказалъ имъ просто-на-просто, что надо козакамъ или разстаться со своею жизнью привольною, или удалиться въ мѣста отдаленныя. Разобралъ Ермакъ Тимоѳееевичъ все дѣло до тонкости и предложилъ козакамъ идти войной на султана сибирскаго, покорить его царство богатое, заслужить милость Царя Грознаго, и прославить имя русское.

Согласились на умныя рѣчи Ермака Тимоѳеевича, сперва атаманы козацкіе: Иванъ Кольцо, Иванъ Гроза, Никита Панъ, Яковъ Михайловъ и Матвей Мещерякъ; а вслѣдъ за атаманами согласились идти въ походъ на Сибирь и всѣ козаки. Главнымъ своимъ начальникамъ, на весь походъ старшимъ козачьимъ атаманомъ, избрали казаки, всему дѣлу зачинщика, самого Ермака Тимоѳеевича.

А было всѣхъ козаковъ, рѣшившихся идти войной на Сибирь пять сотъ сорокъ человѣкъ, и рѣшенъ этотъ походъ въ станицѣ ермаковой, а была въ то время станица Ермака Тимоѳеевича, на небольшой рѣчкѣ Камышенкѣ, впадающей въ Волгу, между городами Царицынома и Саратовомъ.

О началѣ того дѣла, какъ задумали козаки идти войной на далекую Сибирь, сложена была козаками и до сихъ поръ поется въ народѣ русскомъ вотъ какая пѣсенка.

Какъ на Волгѣ да на Камышенкѣ,
Козаки живутъ люди вольные,
Былъ у козаковъ атаманушка,
Ермакомъ звали Тимоѳеевичемъ.

Не злата труба вострубила имъ,
Не она звонко взговорила рѣчь.
Взговорилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
«Казаки, братцы, вы послушайте,
«Да мнѣ думушку попридумайте,
«Какъ проходитъ ужь лѣто теплое,
«Наступаетъ зима холодная, —
«Куда-жь, братцы, мы зимовать пойдемъ?
«Въ Астрахани жить нельзя,
«Намъ на Волгѣ жить, все ворами слыть!
«На Яикъ идти?—переходъ великъ!
«На Казань идти?—Грозенъ Царь стоитъ,
«Грозенъ Царь, Государь Иванъ Васильевичъ!
«Онъ на насъ послалъ рать великую,
«Рать великую въ сорокъ тысячей!
«Такъ пойдемте-жь мы да возьмемъ Сибирь!
«Покоримся мы Царю Бѣлому,
«Царю Бѣлому, Православному,
«Мы снесемъ къ нему свои головы,
«Свои головы, — все повинныя.

Пять сотъ сорокъ человѣкъ удальцовъ, рѣшаются идти въ сторону дальнюю, мало извѣстную, на покореніе обширнаго царства сибирскаго. Надо теперь поприпомнить, чѣмъ была Сибирь триста лѣтъ тому назадъ, какіе народы въ ней жили, и почему Ермакъ Тимоѳеевичъ, могъ расчитывать на успѣхъ своихъ смѣлыхъ замысловъ.

Слово Сибирь или по старинному Ибиссибуръ,

означало страну, въ которой запрягаютъ въ сани собакъ. Триста лѣтъ тому назадъ, страна, называвшаяся Сибирью была русскому народу весьма мало знакома. Въ то время, когда Царь Иванъ Васильевичъ Грозный покорилъ царство казанское, въ то время княжилъ въ сторонѣ сибирской и проживалъ въ городѣ Сибири князь Едигеръ. Подданные князя Едигера назывались Остяками и Вогуличами; они жили по берегамъ рѣкъ: Иртыша и Тобола, занимались хлѣбопашествомъ и держали много домашняго скота. Для прокормленія своихъ стадъ, Остяки и Вогуличи часто переходили съ мѣста на мѣсто, имѣя однакожь и постоянныя становища или городки, возлѣ которыхъ Остяки и Вогуличи пахали и засѣвали землю, и въ которые они каждую осень возвращались, для уборки съ полей, созрѣвшаго хлѣба. Земля у Вогуличей и Остяковъ, жившихъ по рѣкамъ Иртышу и Тоболу, была плодородная и доставляла ежегодно богатую жатву.

Къ сѣверу отъ Остяковъ и Вогуличей едигеровыхъ, жили въ лѣсахъ отдѣльными семействами, тоже Остяки и Вогуличи, а также Югричи, Тахчеи и другіе разрозненные народы сибирскіе. Земли у этихъ сѣверныхъ азіатскихъ жителей были мало плодородны, а потому всѣ эти народы, занимались въ лѣсахъ звѣринымъ промысломъ, а въ рѣкахъ рыболовствомъ; жили они въ дрянныхъ шалашахъ, о городахъ и о хлѣбопашествѣ не имѣли никакого понятія; ружей и пороха не знали, а

били звѣрей на охотѣ и сражались на войнѣ стрѣлами, да копьями.

На самомъ сѣверѣ страны сибирской, около береговъ Ледовитаго океана, обитали Самоѣды, народъ еще болѣе грубый и необразованный, чѣмъ Остяки и Вогуличи. Самоѣды держали большіе стада оленей, одѣвались въ звѣриныя шкуры; ѣздили на собакахъ и на оленяхъ; вели жизнь бродячую; жили бѣдно и неопрятно; ни дружества между собою, ни общаго начальства не имѣли.

Всѣ эти сибирскіе народы, Остяки, Вогуличи и Самоѣды, были язычники, не вѣровали въ Единаго Истиннаго Бога, а поклонялись различнымъ идоламъ, сами выдѣлывая себѣ божковъ, или изъ дерева, или изъ камня. Понятія сибирскихъ язычниковъ о Божествѣ были самыя несообразныя и глупыя. Когда язычникъ хотѣлъ умилостивить своего идола, тогда, въ знакъ особеннаго къ нему уваженія, намазывалъ деревянному или каменному божку, губы сметаной или говяжьимъ жиромъ; когда же идолопоклонникъ гнѣвался за что нибудь на своего божка, тогда безъ дальнѣйшихъ околичностей, бросалъ идола наземь и полосовалъ его плетью.

На югъ отъ города Сибири жили Ногайцы и Киргизъ-Кайсаки, раздѣлявшіеся на нѣсколько различныхъ племенъ, изъ коихъ каждое управлялось своимъ особымъ начальникомъ или князькомъ. Ногайскіе татары и Киргизы, не поклонялись идоламъ, они признавали Единаго Бога и едина-

го пророка Магомета, значитъ, имѣли вѣру магометанскую. Ногайцы и Киргизы занимались скотоводствомъ, домовъ не строили, а проживали въ кибиткахъ и бродили по степямъ и лугамъ вмѣстѣ со своими стадами и табунами.

Вотъ какіе народы обитали въ Сибири триста лѣтъ тому назадъ.

Слухъ о покоренiи царства казанскаго и царства астраханскаго дошелъ и до сибирскаго князя Едигера. Услыхавъ про силу Царя Ивана Грознаго, Едигеръ отправилъ въ Москву пословъ съ дарами, просилъ покровительства русскаго и обѣщался платить Царю Грозному ежегодную дань звѣриными шкурами; а именно: по одному соболю и по одной бѣлкѣ съ человѣка. Всѣхъ своихъ подданныхъ Едигеръ обозначилъ числомъ тридцать тысячъ семь сотъ человѣкъ, но сколько ихъ было доподлинно, опредѣлить трудно. Желая платить меньше дани, Едигеръ навѣрное уменьшилъ число своихъ подданныхъ, а повѣрять его было некому. Едигеръ боялся нападенiй Ногайцевъ и Киргизъ-Кайсаковъ и боялся не напрасно.

Въ бытность Едигера княземъ сибирскимъ, воцарился надъ Ногайцами новый султанъ татарской, по имени Кучумъ, сынъ бывшаго султана Муртазы. Кучумъ Муртазеичъ, подвигаясь съ кибитками своими и съ народомъ своимъ, вдоль по берегу рѣки Иртыша (тобольской губернiи), немного не доходя до устья рѣки Тобола, встрѣтилъ столицу Едигерова царства, городъ Сибирь. Ку-

чумъ Муртазеичъ напалъ на Едигера, побѣдилъ его, и взялъ столицу его, городъ Сибирь. Сдѣлавшись султаномъ сибирскимъ, Кучумъ началъ приводить въ свое подданство всѣхъ жителей сибирскихъ и распространять въ Сибири вѣру магометанскую. Кучумъ строго запретилъ своимъ подданнымъ платить дань Царю Ивану Грозному, не посылалъ въ Москву ни пословъ, ни даровъ, и сверхъ того, самъ со своими татарами, много разъ тревожилъ наши границы русскія, и разорялъ наши селенія и города пограничные.

Вотъ противъ какого султана сердитаго собирался идти войной атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ съ товарищами.

Козаки не любили мѣшкать и откладывать задуманное дѣло со дня на день. Рѣшившись разъ идти войной на Сибирь, они живо стали собираться въ походъ,

Въ то старое время, часто случались въ русскомъ царствѣ большія неурядицы, а потому между козаками было много людей бывалыхъ, мыкавшихъ свое горе по бѣлому свѣту и искавшихъ въ жизни козацкой, спасенія отъ неправды земской. Между козаками были и молодцы, побывавшіе въ разныхъ земляхъ, а также и въ странахъ сибирскихъ; стало быть, козаки лучше другихъ людей московскихъ могли узнать, что за царство было сибирское и что за народы жили въ Сибири. О томъ,

что сибирскіе народы въ военной наукѣ были плохи, козаки знали, а сколько было сибирскаго народа счетомъ, о томъ козаки знать не могли, да и правду сказать, не очень безпокоились и знать. Ермакъ Тимоѳеевичъ, зная, что ловчѣе всего было отправиться въ походъ водою, приказалъ козакамъ заготовить большія лодки. Атаманъ хорошо понималъ, что козакамъ предстоитъ пути и работы не на одинъ мѣсяцъ, а потому старательно приготовлялъ на походъ продовольствіе и разные дорожные запасы. Дружно работали козаки, работа у нихъ кипѣла. Сработавши и спустивши лодки на воду, козаки нагрузили на нихъ походный провіантъ, размѣстили на лодки порохъ, свинецъ, и взявъ съ собою все свое оружіе, сабли и ружья, простились козаки со своими станицами привольными, сѣли въ лодки и, помолясь Богу, отправились изъ рѣчки Камышенки вверхъ по Волгѣ. Лодки шли вверхъ по рѣкѣ бичевою, а бичеву тянули взятыя нарочно для того лошади.

Всѣ свои приготовленія и самый отъѣздъ козаки, по приказанію Ермака Тимоѳеевича, сохраняли въ большой тайнѣ; опасался атаманъ, чтобы не провѣдали воеводы московскіе козацкаго замысла и не пустились за козаками въ погоню, для исполненія строгихъ приказовъ государевыхъ. Козаки были не бабы, на языкъ были крѣпки, ни одинъ изъ нихъ не проболтался, и воеводы московскіе, караулившіе Ермака не узнали ничего.

Поднявшись вверхъ по Волгѣ, козаки по-

воротили въ рѣку Каму (пермской губерніи) и поплыли по ней вверхъ до устья рѣки Чусовой (той же губерніи). Козакамъ можно было выбрать путь въ Сибирь и по рѣкѣ Камѣ и по рѣкѣ Чусовой. Вверхъ по Камѣ, находился городъ Чердынь (пермской губерніи), и въ немъ сидѣлъ воевода московскій, а вверхъ по Чусовой жили братья Строгановы. Ермакъ Тимоѳеевичъ поворотилъ въ рѣку Чусовую.

На рѣкѣ Чусовой было въ то время много деревень, слободъ, соляныхъ и желѣзныхъ заводовъ, а также городовъ и крѣпостей, принадлежавшихъ именитымъ людямъ, двоюроднымъ братьямъ Максиму и Никитѣ Строгановымъ. Именитые люди Строгановы, со старины получили отъ московскихъ государей грамоты на владѣніе всѣми землями по рѣкѣ Чусовой. Царскими грамотами разрѣшено было Строгановымъ, заводить слободы, плавить желѣзную руду, варить соль, строить крѣпости, содержать пушкарей и весь снарядъ огненный (артиллерію); а также принимать къ себѣ на службу всѣхъ людей вольныхъ; отражать нападенія татаръ сибирскихъ, облагать данью народы сибирскіе и защищать исправныхъ плательщиковъ отъ нападеній вражескихъ.

По богатству своему были братья Строгановы, въ то время, что ни на есть первые люди по всему государству русскому; только и не доставало у нихъ иногда народу ратнаго, чтобы обезопасить свои заводы и города отъ нападеній

князьковъ сибирскихъ; а потому и писали не разъ братья Строгановы на Волгу и Донъ, въ вольныя станицы козацкія, и призывали храбрыхъ витязей донскихъ и волжскихъ, на подвиги бранные, на защиту восточнаго края христіанства.

Приходили иногда къ Строгановымъ, по ихъ просьбамъ, люди вольные и козаки, но никогда еще не приходило на рѣку Чусовую такой отборной и многочисленной дружины, какую привелъ съ собою атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, и никогда не видывали у себя въ гостяхъ Строгановы такого молодца — атамана, каковъ былъ храбрый витязь Ермакъ Тимоѳеевичъ.

Строгановы встрѣтили козаковъ честно и радостно. На рѣкѣ Чусовой козаки отдохнули, и въ благодарность за ласку Строгановыхъ, помогли имъ отразить нападеніе народовъ сибирскихъ; а Ермакъ Тимоѳеевичъ усердно приготовлялся къ дальнѣйшимъ подвигамъ и старательно устроивалъ свою дружину. Братья Строгановы хорошо знали всю прибыль покоренія царства сибирскаго, они скоро отличили разумъ и храбрость Ермака Тимоѳеевича, взялись охотно и любовно помогать козакамъ въ ихъ смѣломъ подвигѣ. Братья Строгановы снабдили козаковъ всѣмъ, чѣмъ могли для похода дальняго; отыскали между бѣглыми сибирскими жителями надежныхъ провожатыхъ, знавшихъ сибирскій путь и толмачей, говорившихъ по басурмански, а сверхъ того, присоединили къ дружинѣ козацкой и своихъ людей, человѣкъ около трехъ

сотъ и отдали ихъ подъ крѣпкое начальство Ермака Тимоѳеевича.

Когда всѣ приготовленія походныя были окончены, козаки помолились Богу, взяли провожатыхъ, толмачей, и при звукѣ трубъ воинскихъ, съ пѣснями прощальными, отплыли рѣкою Чусою къ горамъ уральскимъ, на покореніе царства сибирскаго и на изгнаніе съ престола сибирскаго, непріязненнаго султана Кучума.

Всѣхъ воиновъ отплывшихъ съ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ было человѣкъ 840, а совершилось это отплытіе въ 1581 году 1-го сентября, въ день преподобнаго Симеона Столпника.

Съ твердою рѣшимостью прославить имя русское, отправилась малая ватага воинская, на покореніе царства обширнаго и малоизвѣстнаго. Отправились козаки безъ всякаго содѣйствія, и даже безъ вѣдома государева надѣясь только на свое дружество, да на разумъ и на мужество своего атамана любезнаго; не страшились козаки ни трудовъ боевыхъ, ни силы враговъ своихъ, татаръ многочисленныхъ. Отплывши благополучно изъ рѣки Чусовой, козаки вступили въ рѣку Серебрянку (пермской губерніи). Въ это время какой-то князекъ сибирскій, напалъ на пограничныя русскія земли, выжегъ и разорилъ многія поселенія и города русскіе, избилъ много людей православныхъ и захватилъ въ слободахъ строгановскихъ множество плѣнниковъ.

Слухъ о новомъ разореніи границъ русскихъ, скоро дошелъ въ Москву до Царя Ивана Василье-

вича Грознаго. Царь Иванъ Грозный сильно прогнѣвался, и прислалъ своимъ воеводамъ и братьямъ Строгановымъ, сердитыя грамоты съ крѣпкимъ царскимъ выговоромъ. Въ грамотахъ своихъ гнѣвныхъ, выговаривалъ царь Грозный братьямъ Строгановымъ за нашествіе князька сибирскаго, обвинялъ Строгановыхъ въ томъ, что они разсорили его, Государя, съ султаномъ Кучумомъ, что они безъ указа царскаго, принимали въ своихъ земляхъ атамановъ донскихъ и козаковъ, промышлявшихъ разбоями. Писалъ Царь Грозный также о томъ, что козакамъ надлежало бы покрыть свою вину, защищая земли русскія, а не слѣдъ имъ идти воевать Сибирь, когда нападаютъ народы сибирскія на земли русскія. Сердитую свою грамоту оканчивалъ Царь Грозный тѣмъ, что повелѣвалъ Строгановымъ возвратить козаковъ изъ Сибири назадъ. Приказывалъ Царь Грозный своимъ воеводамъ и братьямъ Строгановымъ такъ: «Если не исполните указа нашего и не вышлете Ермака Тимоѳеева съ товарищами изъ Сибири назадъ, и случится чрезъ то нашимъ землямъ отъ сибирскихъ народовъ какой нибудь убытокъ, то возложимъ на всѣхъ васъ большую опалу, а козаковъ измѣнниковъ, вмѣстѣ съ ихъ атаманомъ велимъ перевѣшать.» (1)

Получили братья Строгановы и воеводы цар-

---

(1) Ист. Гос. Росс. Т. IX глава VI. стр. 226. Примѣч. 672. Изданіе 5-ое Эйнерлинга.

скіе грамоты государевы, но исполнить повелѣнія Царя Грознаго, воротить Ермака Тимоѳеевича съ товарищами не могли. Покамѣстъ грамоты писались да пересылались, храбрые козаки были ужь далеко.

Шла дружина Ермака Тимоѳеевича вверхъ по рѣкѣ Серебрянкѣ бичевою. Уральскія горы были въ виду. Рѣка Серебрянка, часъ отъ часу становилась мельче и тяжело нагруженныя козацкія лодки, поминутно останавливались, то попадали на песчаныя мели, то на острые камни.

Плыть дальше на лодкахъ сдѣлалось невозможно. Говорятъ, что тутъ придумалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ новую штуку. Онъ приказалъ своимъ козакамъ, запрудить рѣку Серебрянку позади своихъ лодокъ и растянуть паруса поперегъ рѣки, на подобіе плотины. Козаки мигомъ сдѣлали изъ парусовъ запруду. Вода вверхъ по Серебрянкѣ поднялась, и лодки козацкія подвинулись впередъ еще на нѣсколько десятковъ верстъ; но тутъ опять повстрѣчались козакамъ сильные пороги, воды въ Серебрянкѣ стало совсѣмъ мало и голые камни высоко торчали изъ воды вверхъ по рѣкѣ. Ермакъ Тимоѳеевичъ отдалъ тогда приказаніе такое: лодки разгрузить и бросить, а взятой на лодкахъ походный провіантъ и военные снаряды, частью навьючить на лошадей, тянувшихъ бичеву, а частью раздѣлить между козаками. Козаки оставили лодки, забрали всѣ запасы и отправились пѣшкомъ, выбравъ дорогу прямо наперевалъ чрезъ

горы уральскія. Дорогу указывали взятые Ермакомъ Тимоѳеевичемъ у Строгановыхъ проводники, бѣглые сибирскіе жители.

Съ большими трудами перебирались козаки съ горы на гору; бодро шли впередъ, несмотря на тяжести походныя; останавливались отдыхать, то около рѣчекъ горныхъ, быстрыхъ, то около ключей студеныхъ, свѣжихъ; и день за день, все больше и больше подвигаясь къ границѣ сибирской, вышли наконецъ безпрепятственно на маленькую рѣчку Тагилъ. Проводники объявили козакамъ, что переходъ чрезъ уральскія горы конченъ и что рѣка Тагилъ течетъ въ страну сибирскую.

Ермакъ Тимоѳеевичъ приказалъ своей дружинѣ остановиться и далъ козакамъ время отдохнуть и поправиться. Въ то время росъ на берегу Тагила богатѣйшій строевой лѣсъ. Ермакъ Тимоѳеевичъ зналъ, что весь козацкій путь, вплоть до столицы царства сибирскаго, можетъ быть сдѣланъ водою, а потому и приказалъ: рубить лѣсъ и строить новыя лодки. Охотно и дружно взялись козаки за знакомую работу, скоро срубили лодокъ достаточное количество, спустили ихъ на воду, оснастили ихъ, поставили на нихъ мачты, привязали паруса и надѣлали веселъ. Ермакъ Тимоѳеевичъ самъ, своими глазами прилежно наблюдалъ за всѣми работами. Когда лодки были совсѣмъ окончены, козаки положили въ нихъ всѣ свои запасы, снаряды и оружіе, и снова выправились въ путь водою внизъ по рѣкѣ Тагилу.

Долго плыли козаки по Тагилу и, не встрѣтивши ни одного сибирскаго жителя, выплыли изъ него по добру по здорову въ рѣку Туру (въ нынѣшней тобольской губерніи). Проводники объявили козакамъ, что рѣка Тура протекаетъ по царству сибирскому, и составляетъ границу владѣній султана Кучума.

Козаки поворотили въ рѣку Туру и на мѣстѣ нынѣшняго уѣзднаго города Туринска (тобольской губерніи) встрѣтили на берегу Туры татарскій городъ, принадлежавшій сибирскому князьку Епанчѣ. Князекъ Епанча вышелъ со своими татарами на берегъ и желая остановить лодки козацкія, пускалъ въ козаковъ цѣлыя тучи стрѣлъ. Татарскія стрѣлы плохо долетали до козаковъ и дѣлали козакамъ мало вреда. Козаки выстрѣлили по татарамъ изъ ружей, татары испугались ружейной пальбы, не выдержали первыхъ выстрѣловъ и бѣжали безъ оглядки. Прогнавши татаръ, козаки разорили городокъ князька Епанчи, а также и другія ближайшія селенія татарскія.

На рѣкѣ Турѣ была, значитъ, первая боевая встрѣча козаковъ съ сибирскими татарами. Здѣсь козаки имѣли урону мало; они пополнили свои запасы и получили первую изрядную добычу.

Спускаясь дальше въ низъ по рѣкѣ Турѣ, Ермякъ Тимоѳеевичъ увидѣлъ на берегу Туры при устьи рѣки Тавды (тобольской губерніи) сборище татаръ. Ермакъ Тимофеевичъ тотчасъ высадилъ на берегъ отрядъ козаковъ и приказалъ своимъ

молодцамъ, захватить этихъ татаръ и привести къ нему. Высаженные на берегъ козаки, проворно бросились въ погоню за бѣжавшими со страха татарами, догнали нѣкоторыхъ изъ нихъ и привели ихъ связанныхъ предъ лицо своего атамана.

Ермакъ Тимоѳеевичъ, принялъ плѣнниковъ милостиво, велѣлъ козакамъ ихъ развязать и вступилъ съ татарами въ разговоръ.

Между взятыми въ полонъ татарами, находился одинъ татарскій мурза (по русскому — боярин), и было имя этому мурзѣ — Таузакъ. Распросивши хорошенько Таузака, Ермакъ Тимоѳеевичъ узналъ отъ него все, что было надобно; а именно: гдѣ находится самъ султанъ сибирскій Кучумъ, сколько у султана народа ратнаго, сколько у него дорогихъ мѣховъ и золотой казны и гдѣ всѣ его богатства припрятаны. Узнавши отъ Таузака всѣ подробности, Ермакъ Тимоѳеевичъ отпустилъ плѣннаго мурзу татарскаго и приказалъ ему крѣпко на крѣпко, передать отъ атамана козацкаго сибирскому султану Кучуму поклонъ и приказалъ сказать Кучуму просто на просто, что идетъ на Сибирь войной русскій козакъ Ермакъ, что есть у него товарищи добрые, и что желаетъ козакъ Ермакъ у Кучума царство сибирское отнять; а потому и увѣдомляетъ о томъ султана сибирскаго заранѣе, чтобы онъ Кучумъ приготовился встрѣчать дорогихъ гостей, какъ его султанскому величеству вздумается; или съ хлѣбомъ-солью, или съ саблей вострою.

Обѣщался Таузакъ передать слова Ермака Тимоѳеевича въ точности, распростился съ козаками наскоро, и отправился увѣдомлять своего султана о нашествіи новыхъ и страшныхъ враговъ.

До сихъ поръ шли козаки мѣстами малонаселенными и встрѣчали отъ татаръ сопротивленіе слабое. Непривычные къ ружейной пальбѣ жители сибирскіе разбѣгались при первыхъ козацкихъ выстрѣлахъ, но выйдя изъ рѣки Туры въ рѣку Тоболъ (тобольской губерніи), и спускаясь все дальше внизъ по рѣкѣ Тоболу, въ самую сердцевину царства сибирскаго, предстояло козакамъ много сраженій кровопролитныхъ, и тяжело испыталась храбрость козацкая, прежде чѣмъ достигли козаки обладанія надъ страною сибирскою.

Сибирскій султанъ Кучумъ, узнавъ отъ мурзы Таузака о нашествіи врага страшнаго, неожиданнаго, приготовился храбро встрѣтить гостей незванныхъ-непрошенныхъ; отправилъ Кучумъ на встрѣчу Ермаку Тимоѳеевичу, своего сына царевича Маметкула съ многочисленною конницею и приказалъ царевичу прогнать дружину козацкую. Встрѣтился царевичъ Маметкулъ съ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ на берегу рѣки Тобола и смѣло понесся конными татарами на пѣшую дружину козацкую. Козаки укрылись отъ

конницы за окопами, на скорую руку, незадолго передъ тѣмъ, сдѣланными, и подпустивши татаръ на близкое разстояніе, открыли по конницѣ маметкуловой частую и мѣткую ружейную пальбу. Не выдержали татары губительной стрѣльбы козацкой, поворотили назадъ и убѣжали съ поля сраженія, оставивъ нѣсколько сотъ тѣлъ, впереди окоповъ козацкихъ.

Побѣдивъ татаръ маметкуловыхъ, располагали козаки безопасно проплыть по рѣкѣ Тоболу и безъ помѣхи вступить въ рѣку Иртышъ; но различные народы сибирскіе собрались на берегу Тобола большими кучами и осыпáли стрѣлами лодки козацкія, плывшія по серединѣ рѣки. Стрѣлы непріятельскія падали близь лодокъ во множествѣ, и стали беспокоить дружину козацкую. Ермакъ Тимоѳеевичъ, желая проучить хорошенько непріятеля, придумалъ, говорятъ, такую хитрость. Онъ приказалъ козакамъ поставить на лодки чучелы, одѣтыя въ платья козацкія, оставилъ на лодкахъ только кормщиковъ (рулевыхъ), а самъ, пока недогадливые татары усердно стрѣляли въ чучелы, вышелъ съ своими молодцами на берегъ, напалъ съ тылу на скопища вражескія, разбилъ и разогналъ непріятеля.

Въ шестнадцати верстахъ отъ рѣки Иртыша (тобольской губерніи), на берегахъ озера, называемаго и до сихъ поръ Карачинскимъ, стояло во время похода козацкаго большое селеніе, принадлежавшее сибирскому вельможѣ Карачѣ,

близкому совѣтнику султана Кучума. Ермакъ Тимоѳеевичъ, съ малою для себя потерею, прогналъ татаръ изъ селенія, захватилъ въ немъ знатную добычу и снова пополнилъ свои запасы походные.

Но это еще были цвѣточки, ягодки ожидали козаковъ впереди.

Султанъ сибирскій Кучумъ не унывалъ и никакъ не думалъ отдавать безъ боя своей столицы. Съ большимъ воинствомъ, онъ вышелъ самъ на встрѣчу Ермаку Тимоѳеевичу и 22 октября 1581 года, въ день Казанской Пресвятой Богородицы, козаки имѣли съ татарами битву упорную. Убитыхъ между козаками было мало, но за то перераненныхъ множество. Татары, мало по малу стали привыкать къ ружейной пальбѣ, бились цѣлый день, и только къ вечеру уступили русскимъ побѣду. Ермакъ Тимоѳеевичъ, занялъ на ночь татарскій городокъ Атикъ-Мурзы и расположился въ немъ ночевать. Когда стемнѣло, козаки увидѣли вокругъ себя многочисленные огни непріятельскіе. Впереди козаковъ, устроили татары засѣку, и въ ней, съ отборнымъ своимъ воинствомъ, засѣлъ самъ султанъ Кучумъ; а кругомъ всего городка, расположились татары подъ начальствомъ царевича Маметкула. Окружившии войско русское со всѣхъ сторонъ, татары спозаранку разчитывали на полную, вѣрную побѣду, и изъявляли свою радость громкими криками. Козаки слышали вокругъ себя радостные, неистовые крики непріятеля, и видѣли блескъ его оружія.

Между козаками было много раненыхъ, многіе были изнурены трудами непрестанными, иные ослабѣли отъ ранъ, иные отъ усталости, — и всѣхъ то козаковъ оставалось человѣкъ восемь сотъ, не болѣе; а непріятелей надо было считать десятками тысячъ. Отдаленность отъ отечестсва, утомленіе послѣ битвы и трудовъ походныхъ, несмѣтныя полчища вражескія, — все это смутило и поколебало козаковъ.

Пріуныли храбрыя сердца козацкія и явились козаки на совѣтъ къ атаману своему Ермаку Тимоѳеевичу.

Объявили козаки атаману, что грозитъ имъ бѣда неминучая, и сказали ему, что не видятъ они себѣ другаго спасенія, а должно имъ, тою же ночью, сѣсть на лодки и поплыть на возвратный путь, въ земли русскія.

Не изъ робкаго десятка былъ атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, не любилъ онъ отказываться отъ своихъ замысловъ, не испугался онъ грозныхъ полчищъ татарскихъ, не хотѣлъ осрамить бѣгствомъ постыднымъ имени русскаго. Не растерялся Ермакъ Тимѳеевичъ передъ бѣдою; разсудилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ толкомъ, что идти козакамъ назадъ стыдно, да и опасно, что побѣгомъ не спасетъ онъ козаковъ, а можетъ спасти ихъ одна храбрость, только дружество, да битва безстрашная.

Заговорилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ козакамъ-товарищамъ такъ: «Нѣтъ, братцы, намъ идти назадъ

не приходится. Неужто побѣжимъ мы назадъ, дѣла не сдѣлавши? Да и куда мы теперь пойдемъ? Зима уже начинается; рѣки скоро льдомъ покроются, замерзнемъ мы въ снѣгахъ глубокихъ, умремъ мы безъ доброй славы и креста могильнаго, наругаются надъ нашими тѣлами татары некрещенные. А буде, паче чаянія, и отобьемся мы отъ погони татарской, и пройдемъ зимой по холодной странѣ сибирской; то съ чѣмъ же мы, товарищи любезные, возвратимся въ свое отечество? Похвалились мы покорить царство сибирское, похвалились поклониться новымъ царствомъ, своимъ братьямъ—народу русскому, пожелали мы обратить худую славу на добрую. Развѣ козакамъ считать враговъ своихъ передъ битвою? Нѣтъ, не ударитъ лицомъ въ грязь товарищество козацкое предъ татарами погаными! Не отъ многаго воинства побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога безстрашнымъ дается. Сразимтесь, братья, дружно и храбро. Дадимъ зарóкъ стоять твердо, хотя до единаго всѣмъ умереть придется. Не выдержатъ татары нашего дружества, разобьемъ мы бусурмановъ на голову, и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ и слава наша вѣчная будетъ.»

Согласилась дружина козацкая съ отважными рѣчами своего атамана любимаго и повеселѣло у козаковъ на душѣ.

Такъ-то единый человѣкъ, съ душою великою, можетъ придать мужества цѣлымъ тысячамъ.

Всю ночь козаки готовились къ бою и не ду-

малъ изъ нихъ никто о пораженіи, а всѣ стали надѣяться на побѣду вѣрную. Памятна была ночь на 22-е октября дружинѣ Ермака Тимоѳеевича. Никто изъ козаковъ спать не ложился. Кто осматривалъ ружье, кто точилъ саблю, кто надѣвалъ чистую рубашку. Всѣ козаки готовились на битву и на смерть, какъ на праздникъ великій.

На утренней зарѣ, 23 октября, построилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ свою дружину въ воинскій порядокъ, указалъ товарищамъ на засѣку вражескую, и съ громкимъ крикомъ: съ нами Богъ! устремился съ козаками на воинство кучумово. Цѣлая туча стрѣлъ осыпала наступающую дружину козацкую, и многочисленные татары, не дождавшись нападенія, сами вышли на встрѣчу Ермаку Тимоѳеевичу и храбро схватились съ козаками въ рукопашную. Козаки близко сомкнулись другъ къ другу, стали передъ татарами стѣною твердою, непоколебимою, отбивались саблями и копьями; успѣвали заряжать ружья и частыми ружейными выстрѣлами, безъ промаху разили густыя толпы непріятельскія. Татары разсвирѣпѣли, отчаянно хватались за ружья козацкія и вырывали ихъ у козаковъ. Побѣда колебалась, люди падали съ обѣихъ сторонъ. Старый Кучумъ стоялъ на горѣ, не подалеку отъ мѣста битвы, громко взывалъ съ муллами (1) своими къ пророку Магомету и усерд-

---

(1) По татарски мулла означаетъ тоже самое, что по русски священникъ.

но молилъ его даровать побѣду войску бусурманскому. Ермакъ Тимоѳеевичъ все время бился впереди дружины, тяжелымъ мечомъ своимъ неустанно поражалъ непріятеля, и громкими криками: съ нами Богъ! ободрялъ своихъ товарищей. Козаки утомлялись бить врага упорнаго и многочисленнаго; на каждаго воина русскаго приходилось по тридцати бусурмановъ; битва ожесточалась, но безстрашіе и дружество козацкое одержали верхъ. Мѣткая козацкая пуля ранила царевича Маметкула и принудила его покинуть битву. Татары, не видя главнаго вождя своего, пришли въ замѣшательство, а Ермакъ Тимоѳеевичъ смѣло двинулъ свою дружину впередъ, и сильнымъ натискомъ смялъ непріятеля. — Татары не выдержали и побѣжали. Преданные царевичу Маметкулу воины увезли его на другой берегъ Иртыша, а самъ Кучумъ поспѣшно далъ тягу. Полная побѣда осталась за козаками; но Ермакъ Тимоѳеевичъ не досчитался многихъ вѣрныхъ товарищей. Сто семь козаковъ сложили свои головушки, но сложили ихъ съ доброю славою. Въ тобольской соборной церкви и донынѣ поминаются имена христолюбивыхъ воиновъ, павшихъ въ битвѣ 23 октября.

Одержавъ надъ татарами такую знатную побѣду и прогнавъ далеко всѣ толпы непріятельскія, занялъ Ермакъ Тимоѳеевичъ съ дружиною ту самую засѣку, въ которой, еще наканунѣ, гордый Кучумъ располагалъ погубить малочисленную

рать козацкую. Разбитый на голову Кучумъ понялъ послѣ битвы хорошо, что бороться ему съ козаками не подъ силу, и что волей или неволей, а приходится ему уступить царство сибирское простому козаку Ермаку Тимоѳеевичу. Отступивъ въ столицу свою городъ Сибирь, собралъ Кучумъ на скорую руку свое имущество, уложилъ что успѣлъ захватить въ кибитки и, съ малымъ числомъ оставшихся около него татаръ, поспѣшно выѣхалъ изъ столицы, — искать въ бѣгствѣ спасенія отъ оружія козацкаго. За Кучумомъ выѣхали изъ города и всѣ жители. Городъ Сибирь опустѣлъ, но Ермакъ Тимоѳеевичъ не зналъ объ этомъ ничего. Козаки снова приготовлялись къ битвѣ и думали, что вотъ тутъ-то, подъ самыми стѣнами сибирскими, и будетъ у нихъ съ татарами новое кровопролитное сраженіе. Козаки отдохнули послѣ славной, но тяжелой побѣды два дни, потомъ осторожно двинулись впередъ и подступили къ стѣнамъ города Сибири. Сопротивленія отъ враговъ не было: городъ былъ пустъ, перепуганные татары бѣжали всѣ до единаго человѣка 26-го октября 1581 года, ровно черезъ семь недѣль послѣ выхода своего изъ рѣки Чусовой, вступилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ съ храброю дружиною своею въ столицу сибирскаго царства, городъ Сибирь, а находилась въ то время столица кучумова, на крутомъ берегу рѣки Иртыша, всего только въ 16 верстахъ отъ нынѣшняго губернскаго города Тобольска.

Козаки нашли въ городѣ Сибири великія богатства: мѣха, парчи, серебро, золото, драгоцѣнные каменья, и всю свою добычу раздѣлили между собою по-братски, поровну. Овладѣвши богатою, но пустою столицею, козаки имѣли золото, имѣли соболей, но съѣстныхъ припасовъ не имѣли. Три дни продовольствовалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ своихъ воиновъ малыми остатками походныхъ запасовъ, на четвертый день явились въ городъ нѣсколько человѣкъ Остяковъ, съ князькомъ своимъ Боаромъ, поднесли Ермаку Тимоѳеевичу дары, предложили припасы, клялися въ вѣрности и униженно просили милости и покровительства. Ермакъ Тимоѳеевичъ принялъ Остяковъ ласково, принялъ отъ нихъ подарки и запасы, обложилъ князька легкою податью привелъ Остяковъ въ подданство русское, и отпустилъ ихъ безобидно на мѣсто ихъ жительства. Вслѣдъ за этими Остяками приходили въ городъ Сибирь, съ повинною, и другіе жители сибирскія, и со всѣми поступалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ милостиво.

Свершивъ знаменитый подвигъ, покоривъ обширное царство, находясь на верху счастія и славы, не возгордился Ермакъ Тимоѳеевичъ своими блестящими успѣхами. Какъ прежде бывало въ бѣдѣ, такъ и теперь при удачѣ, сохранилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ все спокойствіе своего разума и всегдашнюю свою разсудительность. О томъ, какія достоиства имѣлъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, и какую справедливость наблюдалъ онъ послѣ покоренія

Сибири, краснорѣчивый русскій писатель Карамзинъ, написавшій 12 томовъ исторіи государства россійскаго, разсказываетъ слѣдующее:

«Ермакъ оказалъ себя героемъ неустрашимымъ, «вождемъ искуснымъ, оказалъ необыкновенный «разумъ и въ земскихъ учрежденіяхъ и въ соб- «люденіи воинской подчиненности, вселивъ въ лю- «дей грубыхъ, дикихъ, довѣренность къ новой вла- «сти, и строгостью усмиряя своихъ буйныхъ спод- «вижниковъ, которые, преодолѣвъ столько опасно- «стей въ землѣ, захваченной ими на краю свѣта, «не смѣли тронуть ни волоса у мирныхъ жите- «лей. Пишутъ, что грозный, неумолимый Ермакъ, «жалѣя воиновъ христіанскихъ въ битвѣ, не жа- «лѣлъ ихъ въ случаѣ преступленія и казнилъ ихъ «за всякое ослушаніе, за всякое дѣло студное, ибо «требовалъ отъ дружины не только повиновенія, «но и чистоты душевной, чтобы угодить вмѣстѣ «и царю земному и Царю небесному; онъ ду- «малъ, что Богъ дастъ ему побѣду скорѣе «съ малымъ числомъ добродѣтельныхъ воиновъ, «нежели съ большимъ закоснѣлыхъ грѣшни- «ковъ; и козаки его, по сказанію лѣтописцовъ, «и въ пути и въ столицѣ сибирской, вели жизнь «цѣломудренную, сражались и молились.»

Оставшись зимовать въ городѣ Сибири, и видя къ себѣ покорность ото всѣхъ окрестныхъ жите-

лей, козаки безъ опасенія начали отлучаться изъ города и часто ловили рыбу въ рѣкѣ Иртышѣ. Но татары были разбиты, а злоба ихъ не была уничтожена. Раненый Маметкулъ, оправясь отъ раны своей, не прекращалъ ненависти къ русскимъ и, во что бы то ни стало, хотѣлъ отомстить козакамъ. Улучивъ удобную минуту, онъ подстерегъ 20 человѣкъ козаковъ, далеко отошедшихъ отъ города и ловившихъ рыбу въ Иртышѣ, безо всякой воинской предосторожности. Царевичъ Маметкулъ, напалъ со своими татарами на безоружныхъ козаковъ и безжалостно умертвилъ ихъ всѣхъ до послѣдняго.

Узнавши объ убійствѣ козаковъ, Ермакъ Тимоѳеевичъ крѣпко разгнѣвался. Онъ наскоро собралъ дружину и бросился въ погоню за татарами, догналъ ихъ, разбилъ, и съ лихвою отплатилъ имъ за смерть своихъ несчастныхъ товарищей; но главнаго виновника, царевича Маметкула, Ермакъ Тимоѳеевичъ отыскать не могъ. Татары были наказаны, но царевичъ Маметкулъ скрылся. Ермаку Тимоѳеевичу этого было мало, онъ непремѣнно желалъ наказать царевича, какъ самаго опаснаго и самаго непримиримаго врага русскихъ. Возвратясь изъ погони, началъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, у покорившихся татаръ распрашивать о томъ, не знаютъ ли они, гдѣ кочуетъ царевичъ Маметкулъ и далеко ли онъ бродитъ отъ столицы? Одинъ усердный къ Ермаку Тимоѳееевичу татаринъ, увѣдомилъ атамана, что царевичъ

Маметкулъ находится около рѣчки Вагай (тобольской губерніи) и снова замышляетъ съ толпами татарскими жестокія нападенія на козаковъ.

Ермакъ Тимоѳеевичъ вздумалъ предупредить Маметкула. Отобравъ самыхъ лучшихъ шестьдесятъ удальцовъ, Ермакъ Тимоѳеевичъ назначилъ надъ ними начальника, вѣрнаго своего сподвижника, отважнаго атамана Ивана Кольца, и приказалъ Ивану Кольцу: отыскать царевича Маметкула, схватить его и привезти въ городъ Сибирь, живаго или мертваго.

Атаманъ Иванъ Кольцо, съ храбрыми товарищами, осторожно подкрался къ становищу маметкулову, терпѣливо выждалъ ночи и напалъ на сонныхъ татаръ въ-расплохъ. Татары защищались храбро, но удаль казацкая взяла свое. Козаки убили многихъ татаръ, а царевича Маметкула взяли въ плѣнъ и представили его живьемъ къ атаману своему главному, Ермаку Тимоѳеевичу.

Обошелся Ермакъ Тимоѳеевичъ съ царевичемъ Маметкуломъ ласково и оставилъ его у себя заложникомъ. Въ старое время, сибирскіе татары, по звѣрскимъ своимъ обычаямъ, постоянно убивали своихъ плѣнниковъ; а потому, удивились тогда татары немало, когда узнали, что Ермакъ Тимоѳеевичъ пощадилъ своего жестокаго врага, царевича Маметкула. Козаки были не татары; по русской пословицѣ: *лежачаго не бьютъ*, козаки никогда не убивали своихъ безоружныхъ плѣнниковъ. А сверхъ того, Ермакъ Тимоѳеевичъ лучше

татаръ понималъ, что плѣнный царевичъ Маметкулъ будетъ для дѣла козацкаго не въ примѣръ полезнѣе живой, нежели мертвый.

Послѣдствія покажутъ, что Ермакъ Тимоѳеевичъ не ошибся.

Старый сибирскій султанъ Кучумъ весьма сожалѣлъ о своемъ сынѣ, царевичѣ Маметкулѣ, боялся прогнѣвить Ермака Тимоѳеевича, и опасаясь за участь царевича, долгое время оставлялъ козаковъ въ покоѣ.

Сдѣлавшись полнымъ обладателемъ Сибири, Ермакъ Тимоѳеевичъ не посылалъ еще вѣсти въ Москву къ Государю Ивану Грозному о знатныхъ побѣдахъ своихъ надъ султаномъ Кучумомъ и о покоренiи подъ державу русскую новаго царства. Ермакъ Тимоѳеевичъ не любилъ хвастаться преждевременно; онъ хотѣлъ сперва утвердить прочно русское владычество въ Сибири, а также собрать для Царя Русскаго дань приличную, — и для того-то предпринялъ Ермакъ Тимоѳеевичъ походы дальнiе, осмотрѣлъ новое царство, доходилъ до рѣки Оби (1); прошелъ странами, до той поры неизвѣстными, обложилъ народы сибирскiе царскою податью, привелъ ихъ въ подданство русское, принялъ отъ нихъ клятвы въ вѣрности Царю Русскому и собралъ для Государя Ивана Грознаго дань немаловажную.

---

(1) Рѣка Обь — одна изъ главныхъ сибирскихъ рѣкъ, впадающая въ Ледовитый Океанъ

Когда Ермакъ Тимоѳеевичъ разсчиталъ, что царство сибирское покорено имъ твердо и нерушимо, тогда онъ назначилъ отъ себя пословъ въ Москву, къ Царю Ивану Васильевичу Грозному. Для отвоза къ Царю своихъ грамотъ и дани сибирской, однимъ словомъ, главнымъ посломъ своимъ, отправилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ своего любимаго атамана Ивана Кольца, того самаго Кольца, который, не разъ былъ осужденъ на смертную казнь прежними царскими грамотами. Удостоенный чести быть посломъ войска козацкаго, смѣло отправился Иванъ Кольцо въ Москву, предъ грозные очи царя московскаго, на судъ или на милость Царя Ивана Васильевича. На узкихъ саночкахъ, запряженныхъ оленями и собаками, пустились съ Иваномъ Кольцомъ пятьдесятъ человѣкъ козаковъ, по пути неизвѣстному, по дорогамъ непроложеннымъ. Вьюги жестокія, снѣга глубокіе, непроходимые, злая стужа зимняя, сибирская, все легко могло погубить отважныхъ путниковъ; да и хищнымъ, вѣроломнымъ татарамъ, не трудно было подстеречь и ограбить пословъ ермаковыхъ, въ обширныхъ пустыняхъ сибирскихъ. Много перенесъ тяжелыхъ трудовъ и путевыхъ опасностей атаманъ Иванъ Кольцо съ товарищами, много разъ отчаявались козаки въ своемъ предпріятіи, пробыли въ дорогѣ безъ малаго цѣлый годъ; но Богъ помиловалъ терпѣливыхъ путниковъ,—и Иванъ Кольцо съ товарищами благо-

получно прибылъ въ Москву, удостоился предстать предъ лицо Царя Ивана Грознаго и вручилъ Царю грамоту козака Ермака Тимоѳеевича и при грамотѣ дань сибирскую: шестьдесятъ сороковъ соболей (2,400), двадцать лисицъ черно-бурыхъ и пятдесятъ бобровъ.

О томъ, какъ явились въ Москву послы ермаковы бить челомъ Царю Ивану царствомъ сибирскимъ, драгоцѣнными соболями, черными лисицами и бобрами, а также и о томъ, какъ они были приняты Царемъ Грознымъ самодержавнымъ, и какую радость доставили всему народу русскому, тотъ же краснорѣчивый историкъ Карамзинъ разсказываетъ въ своей исторіи такъ:

«Давно не бывало такого веселья въ Москвѣ «унылой: Государь и народъ воспрянули духомъ. «Слова́: «новое царство послалъ Богъ Россіи!» съ «живѣйшею радостью повторялись во дворцѣ и на «Красной площади. Звонили въ колокола, пѣли «молебны благодарственные, какъ въ счастливые «времена Іоанновой юности, завоеваній царствъ «казанскаго и астраханскаго. Молва увеличивала «славу подвига: говорили о безчисленныхъ воин-«ствахъ, разбитыхъ козаками, о множествѣ наро-«довъ, ими покоренныхъ, о несмѣтномъ богатст-«вѣ, ими найденномъ. Казалось, что Сибирь упа-«ла тогда съ неба для Россіи; забыли ея дав-«нишнюю извѣстность и самое подданство, что-«бы тѣмъ болѣе славить имя Ермака. Опала сдѣ-«лалась честью, оглашенный преступникъ Иванъ

«Кольцо, смиренно наклоняя повинную свою го-
«лову предъ Царемъ и боярами, слышалъ ми-
«лость, хвалу и имя добраго витязя».

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный дарилъ по-словъ деньгами, сукнами; пожаловалъ Ермаку Тимофеевичу двѣ брони, серебрянный кубокъ и шубу съ плеча царскаго. Царь Иванъ написалъ козакамъ, — вѣчное забвеніе старыхъ ссоръ и вѣчную благодарность народа русскаго, за ихъ важную услугу для Россіи. Ермаку Тимоѳеевичу приказывалъ Царь быть главнымъ въ Сибири начальникомъ и утверждать въ землѣ сибирской порядокъ и власть государеву. Для большей чести Ермаку Тимоѳеевичу, называлъ его Государь, въ своей милостивой грамотѣ, не простымъ козакомъ, а атаманомъ — княземъ сибирскимъ (1).

Отправивъ пословъ своихъ въ Москву, и долго не получая никакого извѣстія, не зная при томъ, дошло ли его посольство до Царя Грознаго и чѣмъ-то порадуетъ его Царь Иванъ Васильевичъ, Ермакъ Тимоѳеевичъ все таки не унывалъ, а сохранялъ твердость души своей обыкновенную. Въ ожиданіи пословъ, ходилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ въ различныя отдаленныя земли сибирскія, приводилъ, разсѣянные на обширныхъ пространствахъ народы и племена азіатскія, подъ вѣчное влады-

---

(1) Ист. Госуд. Росс. Т. IX, глава V, стр. 236. Примѣч. 709.

чество русское; получалъ съ однихъ дань старую, налагалъ на другихъ подать новую, творилъ судъ и расправу, наблюдалъ во всемъ строгую справедливость, и благополучно возвратился изъ похода своего въ городъ Сибирь.

Прошло полтора года съ тѣхъ поръ, какъ отправился въ Москву посломъ атаманъ Иванъ Кольцо. Ни слуху, ни духу о послахъ не было. Дружина козацкая отъ трудовъ ратныхъ, отъ болѣзней да отъ ранъ уменьшилась на половину. Терпѣливый и непоколебимый духомъ Ермакъ Тимоѳеевичъ начиналъ безпокоиться объ участи своихъ пословъ.

Наконецъ, по веснѣ 1584-го года, воротился изъ Москвы посолъ козацкій Иванъ Кольцо съ товарищами и привезъ козакамъ государево жалованье и дары милостивые, а атаману князю Ермаку Тимоѳеевичу подарки царскіе богатые и почетную царскую грамоту. Вмѣстѣ съ атаманомъ Иваномъ Кольцомъ, прибылъ въ Сибирь и воевода московскій, присланный съ людьми ратными, на помощь атаману князю Ермаку Тимоѳеевичу.

Радостно встрѣтилй козаки своихъ пословъ-товарищей, а также и воеводу царскаго, и присланныхъ на подмогу стрѣльцовъ московскихъ. Козаки угощали своихъ новыхъ товарищей на славу, дарили ихъ мѣхами дорогими, и приготовлялись къ новымъ отважнымъ подвигамъ. И было тогда въ городѣ Сибири веселіе великое.

Веселъ былъ и князь-атаманъ Ермакъ Тимоѳее-

вичъ, только одно приказаніе царское и огорчало его. Было то приказаніе царское прислано съ воеводою московскимъ и заключалось оно въ томъ, чтобы выслалъ атаманъ-князь Ермакъ Тимоѳеевичъ въ Москву немедленно, плѣннаго сибирскаго царевича Маметкула. Пока держалъ Ермакъ Тимоѳееевичъ царевича при себѣ и обходился съ нимъ милостиво, бывшій султанъ сибирскій Кучумъ опасался прогнѣвить Ермака Тимоѳееевича, не смѣлъ безпокоить и нападать на козаковъ. Отправляя же царевича Маметкула въ Москву, лишался атаманъ-князь хорошаго заложника и располагалъ навѣрное, что старый Кучумъ сильно озлобится за отправку сына и надѣлаетъ козакамъ много пакостей. Но отдавши своему Государю цѣлое царство, не захотѣлъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, на первыхъ же порахъ, ослушаться приказанія царскаго. Оставить же царевича Маметкула при себѣ и начать о немъ переписку съ Москвою, было дѣло очень долгое, да пожалуй и опасное. Вѣдь почемъ можно знать, не ровенъ бываетъ часъ, чтобы могъ сказать Царь Грозный самодержавный, за такую проволочку и за такое самовольство козацкое?

Скрѣпивъ сердце, видя явный козацкому дѣлу убытокъ, отправилъ Ермакъ Тимоѳееевичъ, согласно приказанію царскому, царевича Маметкула въ Москву.

Что́ ожидалъ атаманъ-князь Ермакъ Тимоѳееевичъ, то́ доподлинно и случилось.

Бывшій сибирскій султанъ Кучумъ, провѣдавъ объ отправкѣ своего сына въ Москву, пришелъ въ великій гнѣвъ и въ ярость великую. Располагая своимъ разумомъ такъ, что Ермакъ Тимоѳеевичъ, одинъ, всему тому дѣлу причиною, поклялся Кучумъ вѣчно мстить Ермаку Тимоѳеевичу. Въ злобѣ своей, Кучумъ снова началъ вооружать татаръ сибирскихъ противъ козаковъ. Кучумъ непрестанно толковалъ своимъ татарамъ, что всѣ горести ихъ происходятъ отъ русскихъ пришельцовъ, и наущалъ татаръ не щадить козаковъ. Подъученные Кучумомъ татары взбунтовались и поклялись умертвить всѣхъ козаковъ безъ остатка.

Непріязненныя свои дѣйствія начали татары изъ-подтишка. Чуть только козаки неосторожно удалялись отъ города, татары ихъ подкарауливали, нападали на нихъ съ многочисленными силами и безчеловѣчно умерщвляли. Гдѣ могли татары одолѣть открытою силою, тамъ брали силою; а гдѣ татары думали, что ихъ сила не возьметъ, тамъ старались одолѣть козаковъ хитростью. Первымъ погибъ, чрезъ измѣну татарскую, бывшій посолъ козацкій, и вѣрный другъ Ермака Тимоѳеевича, отважный атаманъ Иванъ Кольцо. Завели измѣнники татары Ивана Кольца съ сорока́ его товарищами въ засаду, напали на козаковъ толпою многочисленною и безжалостно умертвили ихъ всѣхъ до послѣдняго. Услыхавъ про убійство лучшихъ своихъ козаковъ и про погибель своего друга и сподвижника любимаго, атамана Ива-

на Кольца, твердый духомъ атаманъ-князь Ермакъ Тимоѳеевичъ не выдержалъ, прослезился и зарыдалъ, какъ малый ребенокъ. Измѣна татарская придала Кучуму смѣлости пуще прежняго. Возстали татары на козаковъ поголовно, обступили несмѣтными полчищами городъ Сибирь и осадили въ немъ Ермака Тимоѳеевича со всею его дружиною. Обложивши городъ Сибирь войсками, не допускали татары къ козакамъ никакого продовольствія, и располагали между собой такъ: чтобы уморить козаковъ смертью голодною.

Атаманъ-князь Ермакъ Тимоѳеевичъ могъ бы дѣлать противъ татаръ вылазки, но жалѣлъ своей дружины малочисленной, а татары измѣнники не подступали близко къ стѣнамъ города Сибири и пули козацкія до татаръ не достигали. Такими порядками, безъ всякаго большаго сраженія, продолжалась эта осада четыре мѣсяца. Не имѣя больше въ городѣ ни единаго зерна продовольствія, и видя кругомъ себя гибель и смерть неминучую, не подумалъ атаманъ-князь Ермакъ Тимоѳеевичъ сдаваться врагу несмѣтному, а рѣшился на дѣло отважное, отчаянное.

Ночью на 21-ое іюля 1584 года, отобралъ Ермакъ Тимоѳеевичъ отрядъ козаковъ самыхъ надежныхъ, далъ имъ въ начальники атамана Матвѣя Мещеряка, и послалъ ихъ на бой съ татарами; а самъ, съ остальными товарищами, остался охранять столицу сибирскую.

Вышли козаки изъ крѣпости въ-тихомолку, скрытно подкрались къ стану вражескому, незамѣченными прошли сквозь обозы татарскіе и напали на сонныхъ татаръ съ криками громкими.

Переполошились татары: иные бѣжали со страху куда ни попало, иные защищались отчаянно. Рубились козаки съ татарами всю ночь до самаго свѣта. Увидали татары поутру, что билось противъ нихъ козаковъ небольшое количество; ободрились татары, и свѣжія, многочисленныя толпы непріятельскія смѣло нахлынули со всѣхъ сторонъ на усталыхъ козаковъ. Козаки отступили немного, засѣли въ обозъ татарскій, загородили себя кибитками, и мѣткою ружейною пальбою, жестоко разили непріятеля; татары дрогнули, а козаки снова вышли изъ-за обоза, напали на татаръ мужественно, множество враговъ положили на мѣстѣ, а остальныхъ загнали въ степи. Прогнавъ непріятеля, козаки съ торжествомъ возвратились въ городъ Сибирь, и получили добрую похвалу отъ атамана-князя Ермака Тимоееевича.

Послѣ такого сильнаго разгрома, взбунтовавшіеся татары снова покорились. Власть Царя Русскаго упрочилась надъ Сибирью крѣпче прежняго; но Ермакъ Тимоѳеевичъ не удовольствовался тѣмъ, что разбилъ и прогналъ мятежныхъ татаръ. Въ страхъ непріятелю и для будущей своей безопасности, не смотря на малое число козаковъ, предпринялъ Ермакъ Тимоѳеевичъ новый походъ на востокъ царства сибирскаго; прошелъ съ своею

дружиною по землямъ дальнымъ, разбилъ и усмирилъ князьковъ татарскихъ, встрѣчавшихъ козаковъ непріязненно; вездѣ ужасалъ непокорныхъ враговъ местію суровою, но щадилъ жителей мирныхъ и безоружныхъ.

Поддержавъ славу оружія русскаго, и возстановивъ въ землѣ сибирской спокойствіе, возвратился атаманъ-князь въ городъ Сибирь съ богатою добычею.

Много разъ побѣжденный, но все таки непокорный, султанъ Кучумъ не хотѣлъ оставлять козаковъ въ покоѣ и злобно придумывалъ тысячи хитростей, чтобы снова залучить козаковъ вдаль отъ города и заманить ихъ въ какую нибудь засаду. Нѣсколько человѣкъ покорившихся атаману-князю татаръ, подъученые Кучумомъ, пришли къ Ермаку Тимоѳеевичу, съ притворною на султана Кучума жалобою, что снова появился бѣглый султанъ въ окрестностяхъ города Сибири, что расположился Кучумъ неподалеку отъ рѣки Вагая, и что не пропускаетъ онъ въ Сибирь бухарскихъ купцовъ съ товарами.

Ермакъ Тимоѳеевичъ немедленно отобралъ пять-десятъ исправныхъ молодцовъ, самъ сѣлъ съ ними въ лодки и отправился по рѣкѣ Иртышу въ рѣку Вагай, чтобы отыскать караваны бухарскіе и прогнать бѣглаго султана сибирскаго. Искалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ татаръ и бухарцовъ понапрас-

но: онъ нигдѣ не могъ отыскать ни тѣхъ, ни другихъ. Въ неудачныхъ поискахъ прошелъ цѣлый день. Дѣло было къ вечеру. Не желая много удаляться отъ столицы, поворотилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ свои лодки назадъ. Наступила темная осенняя ночь, пошелъ проливной дождь, зарѣлъ сильный вѣтеръ, рѣка забушевала; волны Вагая, вздымаемыя страшными порывами вѣтра, запѣнились и закипѣли. Все предвѣщало жестокую бурю. Утомленные дневными трудами козаки пристали къ небольшому острову, близь впаденія рѣки Вагая въ рѣку Иртышъ, прикрѣпили лодки къ островку, вышли сами на берегъ, раскинули шатры и расположились ночевать. Думая, что рѣка Вагай кругомъ острова глубока, и зная, что у Кучума не было лодокъ, козаки не поставили часовыхъ, и усталые, измученные греблею, заснули крѣпкимъ сномъ.

Но султанъ Кучумъ не спалъ. Онъ цѣлый день скрытно слѣдилъ за всѣми малѣйшими движеніями козаковъ. Когда же Кучумъ узналъ, что Ермакъ Тимоѳеевичъ съ товарищами расположился ночевать на островкѣ, тогда, не смотря на жесточайшую бурю, отправилъ Кучумъ своихъ татаръ отыскивать къ острову бродъ. Одинъ изъ татаръ кучумовыхъ нашелъ бродъ, перебрался на островъ, тихо подползъ къ шатрамъ козацкимъ и увидалъ козаковъ крѣпко спящихъ, даже не охраняемыхъ часовыми. Татаринъ осторожно обошелъ весь станъ Ермака Тимоѳеевича, утащилъ у без-

печныхъ козаковъ три ружья съ лядунками, проворно возвратился назадъ къ Кучуму и доложилъ ему, что козаки спятъ крѣпко, и что нѣтъ около нихъ стражи, а въ доказательство своихъ словъ, представилъ Кучуму три козацкихъ ружья съ лядунками. Заиграло тогда сердце кучумово злою радостью. Тотчасъ же перебрался онъ черезъ рѣку въ бродъ, вышелъ на островъ, тихо подкрался съ татарами къ шатрамъ козацкимъ, напалъ на сонныхъ безоружныхъ козаковъ и перерѣзалъ ихъ всѣхъ. Только одинъ Ермакъ Тимоѳеевичъ пробудился. Услыхавъ звукъ оружія и стоны умирающихъ, быстро схватился Ермакъ Тимоѳеевичъ за свой мечь тяжелый, сильными ударами меча поразилъ ближайшихъ татаръ, громко кликнулъ къ себѣ козаковъ-товарищей, но товарищи ему не откликнулись: всѣ товарищи его лежали мертвые. Стояли предъ нимъ злые татары во множествѣ, а около него не было товарища ни единаго. Ища себѣ спасенія, какъ яростный левъ, бросился Ермакъ Тимоѳеевичъ на татаръ многочисленныхъ, проложилъ себѣ дорогу къ берегу, хотѣлъ перепрыгнуть въ лодку, но оступился въ темнотѣ — и упалъ съ крутаго берега въ рѣку Иртышъ. Тяжелая желѣзная кольчуга, подарокъ Царя Ивана Грознаго (1), опустила могучаго воина на дно.

---

(1) Ист. Госуд. Росс. Т. IX глав. VI, стр. 240, 5-е изд. Эйнерлинга.

Такъ погибъ атаманъ-князь Ермакъ Тимоѳеевичъ на 6-ое августа 1584-го года; но слава его не погибла. Покоренная имъ Сибирь навсегда присоединилась къ Россіи и черезъ два года послѣ преждевременной кончины атамана-князя, богатая Сибирь присылала въ Москву ежегодной дани: пять тысячъ сороковъ соболей, (200,000); десять тысячъ лисицъ черныхъ, и пятьсотъ тысячъ бѣлокъ, не считая бобровъ и горностаевъ. Заслуги и достоинства Ермака Тимоѳеевича были высоко оцѣнены еще при жизни его, и что всего важнѣе, утверждены и награждены доброю памятью благодарнаго потомства.

Церковь наша православная, историки, стихотворцы отечественные, всѣ — добрымъ словомъ вспоминаютъ имя простаго донскаго козака Ермака Тимоѳеевича.

Въ тобольской соборной церкви, донынѣ ежегодно гласится вѣчная память доблестному витязю Ермаку Тимоѳеевичу съ храбрыми его товарищами.

Историкъ Карамзинъ описываетъ подвигъ Ермака Тимоѳеевича такими словами:

«Ермакъ погибъ безвременно, но совершивъ главное дѣло: ибо Кучумъ, зарѣзавъ сорокъ девять сонныхъ козаковъ, уже не могъ отнять сибирскаго царства у великой державы, которая единожды навсегда признала оное своимъ достояніемъ. Ни современники, ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести сего завое-

ванія, величая доблесть его не только въ лѣтописаніяхъ, но и въ святыхъ храмахъ, гдѣ мы и нынѣ торжественно молимся за него и за дружину храбрыхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пали на берегахъ Иртыша. Тамъ (въ Сибири) имя сего витязя живетъ и въ названіи мѣстъ и въ преданіяхъ изустныхъ, тамъ самыя бѣдныя жилища украшаются изображеніемъ *атамана-князя*.»

Другой отечественный писатель, стихотворецъ Дмитріевъ, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, изображалъ достоинства Ермака Тимоѳеевича въ слѣдующихъ стихахъ:

«Миръ праху твоему Ермакъ!
«Да увѣнчаютъ Россіяне
«Изъ злата вылитый твой зракъ,
«Изъ ребръ Сибири источенна
«Твоимъ булатнымъ копіемъ....
«. . . . . .
«. . . . . .
«. . . . . .
«Великій! гдѣбъ ты не родился,
«Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ,
«Твой подвигъ жизни совершился,
«Хотябъ изчезъ твой самый прахъ;
«Хотябъ сыны твои, потомки,
«Забывъ дѣянья предка громки,
«Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ
«И жили съ алчными волками.
«Но ты, великій человѣкъ,
«Пойдешь въ ряду съ полубогами

«Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ;
«И славы лучь твоей затмится,
«Когда померкнетъ жизни свѣтъ
«И небо на косу падетъ!»

Наконецъ, спустя слишкомъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ со времени кончины Ермака Тимоѳеевича, удостоился онъ отъ благодарнаго отечества новой величайшей награды.

Въ губернскомъ городѣ Тобольскѣ, въ шестнадцати верстахъ отъ развалинъ прежней столицы сибирской, на крутомъ берегу Иртыша, воздвигнутъ на память отдаленнымъ потомкамъ, въ честь Ермака Тимоѳеевича, мраморный памятникъ на гранитномъ подножьи. Вышина всего памятника, съ подножіемъ, $7^1/_2$ сажень, а вѣсу до 12 тысячъ пудовъ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ памятника вырѣзаны изъ мрамора слѣдующія надписи:

На западной сторонѣ памятника, обращеной къ родинѣ Ермака Тимоѳеевича, къ мѣстамъ, гдѣ онъ проводилъ свою молодость и откуда предпринялъ на Сибирь свой знаменитый походъ, вырѣзана надпись: *Покорителю Сибири Ермаку*. На южной сторонѣ памятника вырѣзана цифра *1581*, означающая тотъ достопамятный годъ, когда Ермакъ Тимоѳеевичъ пришелъ къ городу Сибири и покорилъ его. На сѣверной сторонѣ памятника вырѣзана изъ камня цифра *1584*. Въ этомъ году Ермакъ Тимоѳеевичъ погибъ преждевременною смертью. На

восточной сторонѣ памятника находится надпись: *Воздвигнутъ въ 1839-мъ году.*

И такъ церковь наша русская, историки и стихотворцы русскіе и весь народъ русскій,—всѣ высоко почитаютъ подвиги Ермака Тимоѳеевича, и всегда съ похвалою произносятъ его простое имя.

Ни богатство отцовское, ни служба придворная, ни знаменитость рода не были причиною столь великой славы Ермака Тимоѳеевича; одни только достоинства душевныя, природный разумъ, непоколебимое мужество и сильное стремленіе къ подвигамъ похвальнымъ возвеличили славу атамана-князя сибирскаго.

Пройдутъ еще столѣтія, но имя донскаго казака Ермака, родившагося простолюдиномъ, не будетъ позабыто, а переживетъ въ отдаленномъ потомствѣ весьма многія имена, знатныя одною родовитостью.

И. Троицкій

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СИБИРИ И РѢКѢ АМУРѢ.

Въ прошломъ 1858 году, присоединены къ Сибири обширныя земли, лежащія около рѣки Амура, и утверждено договоромъ съ Китайцами свободное плаваніе нашихъ судовъ по всему протяженію рѣки Амура.

Разсматривая расположеніе водъ сибирскихъ, мы видимъ, что главнѣйшія рѣки въ Сибири: Обь, Енисей и Лена не могутъ приносить никакихъ выгодъ для сибирской заморской торговли, потому, что всѣ эти рѣки впадаютъ въ Ледовитый Океанъ, постоянно покрытый то сплошными, то плавающими льдами, и совершенно неудобный для мореплаванія. Рѣка Амуръ, протекая по русскимъ и китайскимъ владѣніямъ на разстояніи 4500 верстъ, и впадая въ Восточный Океанъ, составляетъ лучшій водяный путь для сибирской заморской торговли. Лѣтъ еще двѣсти тому назадъ, промышленники и козаки сибирскіе стремились утвердиться на берегахъ Амура, охотились тамъ за соболями, строили крѣпости и сѣяли хлѣбъ. Но, по малому тогдашнему населенію Сибири, число храбрыхъ Русскихъ, приходившихъ на Амуръ,

было не велико, да и Китайцы смотрѣли непріязненно на близкія къ нимъ поселенія наши. Произошла тогда съ Китайцами война. Амурскіе поселенцы оказали величайшую храбрость и защищали свои крѣпости съ мужествомъ, которое достойно прославило имя русское. Эта война кончилась договоромъ, заключеннымъ въ городѣ Нерчинскѣ (забайкальской области) въ 1689 году. (1) По нерчинскому договору всѣ земли, лежащія отъ устья Амура, вверхъ по рѣкѣ на 1600 верстъ, остались неразмежеванными, и русскія поселенія и крѣпости на берегахъ Амура были срыты и уничтожены. Съ тѣхъ поръ пріамурскія земли не заселялись ни Русскими, ни Китайцами, и лежали въ запустѣніи.

Лѣтъ пять тому назадъ, во время послѣдней войны нашей съ Французами и Англичанами, правительство наше, ожидая нападеній непріятельскихъ на Камчатку и крѣпость Петропавловскъ, заботилось о доставленіи туда пороха, пушекъ и продовольствія. Видя трудность и почти невозможность доставить воинскіе запасы сухимъ путемъ, отправило наше правительство всѣ снаряды и подкрѣпленія внизъ по рѣкѣ Амуру, и всѣ тяжести были доставлены въ Петропавловскъ исправно и скоро. Съ тѣхъ поръ мы начали настойчиво требовать, чтобы Китайцы положили

---

(1) Во время малолѣтства Царя Петра Алексѣевича, когда управляла царствомъ русскимъ царевна Софія Алексѣевна.

точныя границы неразмежеваннымъ землямъ, а между тѣмъ, плаваніе нашихъ военныхъ и купеческихъ судовъ по Амуру продолжалось, и мы приступили къ измѣренію и описанію пріамурскихъ земель, а также къ постройкѣ по берегамъ Амура деревень, почтовыхъ станцій, пристаней и городовъ. Нынѣ уже основаны тамъ города: Николаевскъ, Благовѣщенскъ, Маріинскъ и Софійскъ, но и нынѣ говорятъ и пишутъ объ Амурѣ много разнаго. Иные говорятъ, что по берегамъ Амура лежатъ земли ни куда негодныя, что Амуръ для судоходства неспособенъ, и что отъ пріобрѣтенія пріамурскихъ земель не будетъ для Россіи никакой выгоды. Другіе же утверждаютъ, что пріамурскій край—золотое дно, что всего тамъ въ волю: и лѣсу, и соболей, и жемчугу, и рыбы, и каменнаго угля, и винограду, и что земли около Амура — самыя плодородныя по всей Сибири.

Кому же тутъ вѣрить и какъ узнать правду? Изъ одного мѣста, а вѣсти приходятъ разныя. А на повѣрку дѣло выходитъ просто. Извѣстно, что Амуръ течетъ на нѣсколько тысячъ верстъ, да и впадаютъ въ него рѣки тоже не маленькія. По этому естественно, что на Амурѣ есть мѣста богатѣйшія, есть и поплоше, есть и никуда негодныя. Во многихъ мѣстахъ около Амура лежатъ плодородныя земли, растутъ хорошіе лѣса, а въ тѣхъ лѣсахъ дорогіе соболи водятся въ изобиліи. Это извѣстно многимъ, если не

всѣмъ. Что же касается до судоходства по Амуру, то также извѣстно, что многія русскія военныя суда входили съ моря въ Амуръ, и что пароходы наши *Лена* и *Надежда,* не имѣя лоцмановъ, не зная рѣчнаго русла, поднимались вверхъ по рѣкѣ на 3,000 верстъ. Устье Амура свободно отъ льдовъ, не менѣе пяти мѣсяцевъ въ году; а сверхъ того, по морскому берегу южнѣе устья отыскано русскими моряками нѣсколько большихъ и глубокихъ заливовъ и гаваней, хорошо закрытыхъ отъ непогоды. Изъ таковыхъ заливовъ самыхъ важнѣйшихъ четыре: Де-Кастри, Императорскій, Святаго Владиміра и Посьета. Окрестности этихъ заливовъ, а особливо двухъ послѣднихъ, весьма плодородны, но и тутъ, какъ и по всему пріамурскому краю, жителей покамѣсть немного: мѣстами живутъ бѣглые Китайцы, а мѣстами кочуютъ различныя, не большія числомъ людей, племена азіатскія. Но теперь, когда рѣка Амуръ окончательно утверждена за Россіею, дѣло приметъ другой оборотъ теперь хорошія земли не долго останутся пусты.

Для многихъ и до сихъ поръ, не только пріамурскій край, но и вся Сибирь есть страна неизвѣстная; многіе и до сихъ поръ смотрятъ на Сибирь и ея богатства съ недовѣрчивостью, отъ многихъ и теперь пожалуй услышишь такія слова: «Ну, что за хорошая страна Сибирь, коли въ нее ссылаютъ за наказаніе»? На это можно отвѣчать, что мѣсто, куда ссылаютъ, вовсе въ томъ неповинно. Встарину, когда не было еще у

Россіи Сибири, не разъ ссылали опальныхъ князей, бояръ и дьяковъ въ разные русскіе города: Тверь, Угличь, Рязань, Нижній-Новгородъ и другіе, а въ Тулѣ изъ ссыльныхъ на оружейный заводъ образовалось цѣлое сословіе *оружейниковъ*, которые живутъ не хуже купцовъ и мѣщанъ тульскихъ. Во всѣхъ этихъ городахъ потомки ссыльныхъ остаются на жительствѣ доброю волею и не промѣняютъ своего мѣста ни на какое другое. Главное горе ссыльнаго не въ томъ, куда его ссылаютъ, а въ томъ, что его удаляютъ отъ родины, въ наказаніе. Пошли любаго человѣка, противъ его воли, въ какую хочешь, въ самую лучшую сторону, — всякая сторона, самая богатѣйшая покажется ему горькою и постылою.

Пожалуй много найдется и въ Сибири мѣстъ неплодородныхъ, пустынныхъ и унылыхъ, но за то, сколько же тамъ мѣстъ привольныхъ и урожайныхъ? Да и гдѣ же на большихъ разстояніяхъ не найдется мѣстъ неспособныхъ? Проѣзжайко у насъ по Россіи, примѣрно, хоть отъ Архангельска до Астрахани, такъ тоже встрѣтишь всякой чуши изрядное количество, а вѣдь между Астраханью и Архангельскомъ только около 2500 верстъ. Въ Сибири это разстояніе небольшое. Сибирь земля пространная, въ ней можно сдѣлать въ одинъ конецъ 10,000 верстъ, такъ оно и понятно, что тамъ можно найдти худоземельныхъ мѣстъ побольше, чѣмъ между Архангельскомъ и

Астраханью, но и хорошаго найдешь въ Сибири тоже не мало. Всего дано Сибири отъ Господа-Бога достаточно: земли и воды, лѣсовъ и луговъ, серебра и золота. Конечно и тамъ готовыя галушки никому сами въ ротъ не валятся, понятно, что и тамъ, какъ и вездѣ, необходимо человѣку трудиться да учиться, потому, что безъ труда да безъ ученья всегда и вездѣ человѣку будетъ плохо. Вообще же въ Сибири, православный людъ живетъ сытно и привольно; крестьяне сибирскіе всякаго домашняго скота и птицы держатъ достаточно, лаптей не носятъ, и о пушномъ хлѣбѣ врядъ ли слыхивали. Не было прежде въ Сибири ни одного русскаго жителя, а теперь ихъ тамъ болѣе трехъ милліоновъ. Мало и теперь около Амура православнаго народа, но пройдутъ десятки лѣтъ и будутъ пріамурскихъ жителей считать тоже милліонами, и будутъ около Амура пристани корабельныя, дороги желѣзныя, и устроятся тамъ села и города богатые, и сдѣлается нашъ пріамурскій край лучшимъ уголкомъ сибирскимъ.

Мы уже знаемъ изъ предъидущей статьи о завоеваніи Сибири Ермакомъ, но рѣка Амуръ съ ея берегами до прошлаго года оставалась въ рукахъ Китайцевъ, и только 16-го Мая 1858 года, генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, генералъ-адъютантомъ Муравьевымъ, заключенъ съ ними договоръ объ утвержденіи за Россіею пріамурскихъ земель. За это, 26-го

Августа того-же года, онъ всемилостивѣйше возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство, съ наименованіемъ: *графъ Муравьевъ-Амурскій.*

КАКОЙ БЛАГОДАТИ ЖДАТЬ ОТЪ МІРА.

Благословите, братцы, правду сказать.

Нѣтъ на цѣломъ свѣтѣ такого великаго дѣла, каково великое дѣло—Міръ. Если есть какой случай, который надо разсудить, то лучше міра никто не разсудитъ. Какъ ни будь разумно начальство, будь хоть семи пядей во лбу,-не разсудитъ такъ, какъ разсудитъ міръ. Отъ начальства многое крыто; случись бѣда, большой за малаго прячется, богатый за свои деньги хоронится; глядь, виноватаго и нѣтъ. А можетъ, виноватый тутъ и есть, сидитъ, бородку поглаживаетъ, да мошной пошевеливаетъ. Да и нельзя начальству за всѣмъ углядѣть. Дѣла у начальства много, все дѣлаетъ на спѣхъ, поищетъ, поищетъ, да и броситъ, потому — не найдешь, коли не попадается: мудрено тому выпить, кому не подносятъ. Міръ — совсѣмъ другое дѣло: у міра все на виду, и будь у разбойника лисій хвостъ и волчій ротъ — не отвертится. Одинъ знаетъ про его коня, другой про корову, а всѣ то вмѣстѣ, міромъ, — насквозь его знаютъ. Передъ стороннимъ человѣкомъ нашъ братъ — потемки, что лѣсъ дремучій въ лѣтнюю

пору; а на міру человѣкъ — что березка зимою: вся подноготная видна.

Вотъ тоже у насъ такое было дѣло. У Захара Игнатьева пропала жена, Акулиной звали ее. Туда, сюда, пропала, да и все. Наѣхалъ судъ, согнали народъ чуть не со всей волости, искать; бродили по лѣсу, бродили по болоту — тѣло нашли, а головы нѣтъ. Мѣсяца три все слѣдствіе шло; все дознали доподлинно: и кто видѣлъ Акулину въ послѣдній разъ, и гдѣ она была, и что дѣлала, и не была-ли замѣчена въ какой шалости. Ну и бросили. Черезъ мѣсяцъ Захаръ женился, а еще недѣль черезъ шесть молодая жена у Захара родила. Ну гдѣ-же начальству знать, у кого изъ насъ мужиковъ когда жена родитъ? А у міра все на виду: не скроешься, живи хоть въ Питерѣ, хоть въ Москвѣ и гдѣ народу тьма тьмущая, все прослышитъ. Не то, чтобы подсылать стали, подсматривать, а такъ, все само собой доходитъ. У начальства одни, а у міра можетъ быть тысяча тысячъ глазъ.

Тоже проѣзжалъ баринъ въ Питеръ, на сдаточныхъ, изъ имѣнья, деньги за мельницу получивши — да и пропади баринъ безъ вѣсти. Говорили тогда что-то недоброе про Степана, изъ Завражьяго починка, будто онъ барина возилъ, а кому передалъ — неизвѣстно. Лѣтъ шесть тянулось дѣло, всѣхъ перебрали, года два Степанъ Завражій въ острогѣ высидѣлъ, отсидѣлся, — выпустили. Пустился Степанъ въ торговлю, камень

на шоссе ставилъ, и извозничалъ, и харчевню держалъ. Теперь послѣ пропажи барина прошло лѣтъ двѣнадцать, Степанъ Завражій у насъ церковнымъ старостой, борода во весь тулупъ, брюхо отростилъ, избу новую поставилъ въ два жилья, и живетъ на боку лежа. А на міру извѣстно, что камень онъ ставилъ въ убытокъ, и по торговому дѣлу ему не везло, и въ харчевнѣ проторговался. А какъ про то знать начальству? — Вовѣкъ не узнаетъ. Извѣстно, случается, что и разъищутъ дѣло, и попадется виноватый, потому — какъ ворy ни воровать — му́ки не миновать, а все отъ начальства легче отвертѣться, чѣмъ отъ міра.

Великое дѣло — Міръ.

Опять и то сказать — повинности разложить. Возьми хоть чиновника, хоть купца, хоть самаго цѣловальника, который въ счетѣ кого хочешь за поясъ заткнетъ, и тотъ не разложитъ повинностей такъ, какъ разложитъ міръ. Стороннему человѣку нельзя знать, кто что можетъ заплатить; почемъ ему знать, полномочный ли человѣкъ Кузьма Сидоровъ, или нѣтъ; можетъ, Кузьма такъ только, сиротинкой прикидывается. Сторонній человѣкъ ничего знать не можетъ; пожалуй, продастъ онъ у Кузьмы послѣднюю лошаденку, съ сумой пуститъ, а толку мало: это уплата за одинъ годъ, а тамъ ужъ ничего не возьмешь: что — съ камня лыка. А міръ на немъ можетъ обождать; міръ знаетъ, что можетъ быть съ самаго Свѣтлаго Праздника Кузьма веснухой провалялся; дастъ

ему отдохнуть, поправиться, и пошолъ человѣкъ опять за ново. Съ міру по ниткѣ, извѣстно, голому рубаха. А не выживетъ Кузьма — тотъ же міръ сиротъ пріютитъ, накормитъ и выроститъ; потому, первое дѣло, что оно не разоритъ; а второе дѣло, что всѣ сироты все-же опять міру работники будутъ.

Также опять — случись надъ человѣкомъ бѣда. Стороннему человѣку — дѣла нѣтъ, а міръ — все видитъ, все знаетъ. Помочь — можетъ быть міръ и не поможетъ, потому — на всякое чиханье не наздравствуешься, — за то кое-что облегчитъ: иной разъ другой помоги и не надо, чтобы справиться съ бѣдой.

Когда міръ справедливъ, то и рекрутчину справить никто справедливѣе міра не можетъ. Стороннему человѣку нельзя знать, какія шашни за кѣмъ водятся, и кого незачѣмъ беречь на селѣ и за кѣмъ очередь. А у міра все на глазахъ, и разсудитъ міръ дѣльно, когда справедливъ; а за кѣмъ бы и очередь, да человѣкъ тотъ хорошій, полезный, такъ помилуетъ, и лучше міра никто знать не можетъ, кого надо помиловать.

Все это такъ, да это еще не все. Больше всего спасибо міру за то, что онъ даетъ землю, и всякому даетъ сколько надо. Это дѣло великое. Ни въ одномъ царствѣ на свѣтѣ нѣтъ этого блага, и въ этомъ завидуютъ намъ и Французы, и Нѣмцы, и Англичане, и всякій народъ. Одинъ ты мужикъ въ семьѣ — вотъ тебѣ полоса на одну душу;

у другаго шесть душъ — вотъ тебѣ полосы на шесть душъ: одному не столько и надо, сколько шестерымъ. Надѣлено всѣмъ, сколько кому слѣдуетъ, и работай съ Божьей помочью. Прошло, примѣрно, пятнадцать лѣтъ, подошла ревизія: кто тянулъ за шесть душъ — троихъ схоронилъ, а кто тянулъ за одну душу, тому Богъ далъ семерыхъ. Идетъ передѣлъ и опять земля дается по душамъ, тому на три души, а другому на восемь. Сыновей поженилъ, дочерей выдалъ замужъ, — пошло племя плодиться, такъ, что къ новой ревизіи изъ восьми душъ стало двадцать пять. И міръ на всякую душу выдѣлитъ, ни одна душа христіанская безъ своей полосы не останется: всякій сытъ будетъ, только работай, не лѣнись. Еслибы не было передѣловъ, то у кого было земли на три души, тотъ такъ на своемъ и сиди, хоть у него народится душъ двадцать. Гдѣ взять земли? Только развѣ купи, коли есть на что, либо найми, такъ, чтобы работать изъ двухъ сноповъ, а третій отдай за землю. Оно-бы, кажется, и можно жить, покамѣсть; да на дѣлѣ какъ выходитъ?

На міру и работать хорошо, тѣмъ, что лѣнивому не больно скучно трудиться: на людяхъ и смерть красна; а ретивый не очень станетъ изъ силъ выбиваться, а то осмѣютъ сосѣди. Весело идетъ работа, и всякія примѣты замѣчать легко. На міру говорятъ, будто кто сѣетъ пшеницу въ день Апостола Симона Зилота (14 Мая), у того родится пшеница, таки злато. И ужь съ міромъ не тол-

куй: иной разъ на Симона Зилота и поздненько сѣять, да раньше не дадутъ, засмѣютъ. Весна прошла, лѣто настало, и тутъ ужъ не зѣвай: лѣто собираетъ, а зима подбираетъ, и всякій знаетъ, что лѣтній день кормитъ годъ. Тутъ съ покосомъ управляйся, такъ, что и отдохнуть некогда, а какъ міромъ-то примемся косить, такъ и бабы всѣ въ работѣ, а на селѣ ни души, будто вымерло.

Говорятъ, что до Ильина дня сѣно сметать, — пудъ меду въ него накласть. А мѣстами бываетъ, что на Илью о сѣнѣ некогда и подумать: другія работы поспѣли.

Прошлымъ лѣтомъ у насъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ, рожь стала поспѣвать съ Казанской Богоматери, такъ что недѣлю пропустя надо-бы и жать. На высокихъ, сухихъ мѣстахъ пожалуй надо было зачинать съ самой Казанской. Такое вышло сухое, да теплое лѣто. Такъ нѣтъ. На міру говорятъ, что это пустяки, что и дѣды наши не-запомнятъ, чтобы до Ильи жать начинали. А въ Ильинъ день у насъ храмовой праздникъ; такъ отгулявши, съ Богомъ, за серпы: такъ ужъ истари ведется. На бѣду, съ Казанской пошли жары да пожары, духота, сушь, и до самыхъ Спожинокъ не выпало дожде ни одной капли. Рожь поспѣла такъ дружно, что не успѣли мы всѣ оглянуться, какъ она потекла, и потекла.... А тутъ храмовой праздникъ: пока праздновали, да гуляли, утекло ржи больше половины: какъ тронешь

колосъ, такъ и сыплется. Гдѣ въ хорошій годъ съ полосы вымолачивали десять мѣръ, тамъ нынче не взяли и трехъ, а уродилось, всякій видѣлъ, у Ивана Краснаго, больше чѣмъ въ хорошій годъ. Иванъ Красный у насъ мужикъ есть, мужикъ добрый и работящій, только неуживчивый, съ норовомъ: все наровитъ, какъ-бы по своему сдѣлать, не такъ, какъ люди. Можетъ, онъ и хорошо сдѣлаетъ, да не по нашему; а этого міръ не любитъ: дома какъ хочу, а въ людяхъ — какъ велятъ. Видитъ онъ, около Казанской, что дѣло плохо: уйдетъ зерна больше половины. Бросилъ Иванъ покосъ и принялся за жнитво. Чтожъ, подняли Ивана на смѣхъ, проходу не даютъ; кто говоритъ, что онъ лошадей хлѣбомъ кормить будетъ, а самъ и сѣномъ обойдется; а кто — и не хорошими словами обзываетъ, за то, что жаденъ, грабитель, птицъ Божьихъ грабитъ. Сердится Иванъ Красный, со злости краснѣетъ, однако съ міромъ ничего не сдѣлаешь: бросилъ жать, принялся опять за косу. Пропустили Ильинъ день, стали жать, и хоть хватились за умъ, да поздно: стали жать до свѣту, по росамъ, а днемъ нечего было и трогать: какъ тронешь, такъ пустой колосъ и вяжи въ снопъ. Изъ каждыхъ ста четвертей семьдесятъ даромъ бросили: въ рукахъ были, да выпустили. Со всего-то прихода утекло тысячи двѣ съ половиною четвертей, по три съ полтиной, такъ выходитъ безъ малаго на девять тысячъ цѣлковыхъ. Это ужъ чистый убытокъ, потому что

жали, вязали, возили, сушили, молотили — все тѣ же снопы, а пахать подъ нихъ и сѣять — все равно было, подъ хорошій урожай, или подъ скудный.

Міру все ни по чемъ, міръ богатъ; да еслибъ и не былъ богатъ, то ничего, потому что на людяхъ, говорятъ, и смерть красна. Такъ-то оно, такъ, однако все-же лучше — не умирать. Пусть всѣ собрали по тридцати мѣръ, вмѣсто ста, однако Иванъ Красный говоритъ, будто ему сто мѣръ было-бы лучше. Не знаю, правда-ли.

На что лучше передѣловъ на міру: всякому земля, и еслибы промотался человѣкъ вовсе, пропился до нитки, такъ нѣтъ, братъ, земли не пропьешь: насильно будешь съ хлѣбомъ. Конечно,— доброе дѣло, — что человѣку никогда не придется умереть съ голоду, была-бы только охота работать. Да замѣчаемъ мы, что на передѣльной землѣ не такъ-то хорошо работается, какъ надобы работать по настоящему, да и на сторонѣ тоже работа нейдетъ, такъ, какъ надобно. Знаетъ мужикъ, что его полоса отойдетъ сосѣду, какъ ни трудись, ну, и трудится спустя рукава. Гдѣ земли немного, а работаютъ по навозу, такъ надо бы скота прибавить, да захватить сохой по глубже, а можетъ быть вмѣсто сохи и плугъ завести. А тутъ въ виду передѣлъ, такъ и призадумаешься. Обдѣлай землю, удобри, а для этого выпаивай теленка, да солому береги, да сѣна припасай, смѣкай на пять, на восемь, на пятнад-

цать лѣтъ впередъ, доводи землю до того, что лучше не надо. Только, что обдѣлалъ полосу, — глядь — передѣлъ, и прощайся съ своимъ по́томъ и съ своею кровью. Выходитъ, что работалъ на сосѣда. Конечно, сосѣдъ хорошій человѣкъ, и по Закону Христіанскому я стараюсь любить его, какъ самого себя, однако все какъ-то любишь своихъ родныхъ дѣтей больше, чѣмъ сосѣда. Знай я, что земля достанется дѣтямъ, я такъ обдѣлалъ-бы ее, какъ пухъ. Сосѣду тоже пособлю охотно, однако убиваться для него, какъ для своихъ дѣтей, нечего грѣха таить, нѣтъ, не стану.

Замѣчаютъ у насъ тоже старики, что и на сторонѣ работа идетъ плохо. Пойдетъ мужикъ на заработки; ну, наймется пахать, косить, — крестьянское дѣло, — еще туда-сюда, бредетъ. Да знаемъ мы тоже, что еслибы всѣ на свѣтѣ пахали, да косили, такъ некому-бы и хлѣба продать: у всякаго свой хлѣбъ. Есть другія работы, не земляныя, на фабрикахъ; тамъ рабочіе и хозяева хлѣба не сѣютъ, а безъ хлѣба жить нельзя, такъ покупаютъ. Вотъ этого-то намъ и надо. Работы на фабрикахъ хорошія, а вотъ сколько ни живешь, какъ ни глядишь, а съ фабрики всякій присылаетъ домой такую малость, что лучше-бы не уходилъ, да дома сидѣлъ: не меньше-бы того заработалъ. Виднѣе всего это въ Питерѣ да около Москвы. Фабричный рабочій — не то мужикъ, не то мѣщанинъ, и заработываетъ не мало, да все мимо рукъ идетъ; а такой же фабричный, только не нашъ братъ, а

изъ Нѣмцевъ, заработываетъ вдвое и втрое больше, да и деньги у него держатся. Отчего это? Неужели Нѣмецъ лучше нашего сработаетъ? Или больше мужика можетъ сработать? Силы у него что-ли больше? — Нѣтъ, братъ, погоди! Пойдетъ дѣло на кулаки, такъ помни только, много-ли у тебя было реберъ! — А тутъ секретъ совсѣмъ другой. Не умѣньемъ взялъ Нѣмецъ, не силой, а просто тѣмъ, что у него нѣтъ передѣловъ. Видитъ Нѣмецъ, что у него и за себя, и за семью только и надежды, что на свои руки, ну, и старается. А нашъ знаетъ, твердо знаетъ, что какъ онъ ни пропьется, какъ ни загуляетъ, хоть послѣднюю рубаху съ плечъ спуститъ, — все ничего, — земля про него у міра есть, и дѣти съ голоду не помрутъ. Пойдетъ въ работѣ на споръ, такъ нашъ Нѣмца за поясъ заткнетъ, а споръ кончился — надо отдохнуть, въ харчевню сходить, либо во царевъ, а Нѣмецъ все работаетъ, ломитъ, что твой конь ретивый, будто все на споръ, и отдыху словно не знаетъ. За то въ праздникъ вырядится Нѣмецъ бариномъ, идетъ съ своей Нѣмкой подъ ручку въ кирку, и послѣ обѣдни газеты читаетъ.

Какого и ждать пути отъ человѣка, когда онъ живетъ врозь отъ своей семьи; а покуда есть передѣлы, до тѣхъ поръ мужикъ все будетъ оставлять семью въ деревнѣ, а самъ будетъ прогуливать половину времени и проматывать девять гривенъ съ рубля заработка. Хозяину нечего и дѣ-

лать съ танимъ работникомъ: вычитай, пожалуй, за прогулъ, только дай задаточекъ, въ деревню оброкъ послать. Послалъ, да и работаетъ опять исподволь, безъ натуги, помаленьку, съ отдышкой, чтобъ не надорваться. Хозяинъ съ прогула терпитъ убытки, и надбавляетъ цѣну на свой товаръ. На своей сторонѣ, за границей, Нѣмцы работаютъ такъ же ретиво, товару у нихъ дѣлается вдесятеро противъ нашего, и везутъ его къ намъ и продаютъ дешевле нашего, домашняго. Текутъ къ нимъ наши денежки рѣкой, и за пудъ какого нибудь дорогаго товару мы имъ отпускаемъ цѣлый корабль хлѣба. Тамъ пудъ дорогаго товару можетъ быть пятеро сработали, а корабль хлѣбомъ набить — пятерымъ не подъ силу. На цѣлый корабль напахать, насѣять, нажать, намолотить — едва пятьсотъ душъ успѣютъ. Выходитъ, что нашихъ пятьсотъ душъ за границу на пять душъ Французовъ или Англичанъ работаютъ: оттого они и богаче насъ.

А отчего? Все болѣе отъ передѣловъ. Вотъ если-бы фабричному-то некуда было дѣваться, коли загуляетъ, не было-бы про него у міра земли, такъ онъ не сталъ-бы и гулять, покрѣпче поналегъ-бы на свою работу. Тогда, глядишь, нашъ товаръ не хуже нѣмецкаго станетъ, и не дороже, и денежка у фабричнаго заведется, на черный день, а подъ старость, можетъ, онъ и земельку купитъ да на огородѣ у себя копаться станетъ,

пока сыновья и дочери опять каждый себѣ добывать будетъ кусокъ хлѣба.

Тоже и въ деревнѣ работа безъ передѣловъ пошла-бы лучше; объ этомъ нечего и говорить. Своя-ли земля, или передѣльная? Которую лучше наблюдать станешь? — Подходитъ нынче время передѣловъ, такъ не охота и навозъ вывозить: одинъ, два года — куда ни шло, хоть кое-какъ да родится хлѣбъ, хоть земля и изнурится до нельзя. За то, по крайней мѣрѣ, мое-де добро сосѣду не достанется. Въ тотъ годъ, безъ навозу, не такъ-то родится хлѣбъ: примѣрно, съ одной мѣры, вмѣсто девяти, снимешь шесть. Выходитъ, что со всякой мѣры посѣва три мѣры въ урожаѣ пропало, а прикинуть на всю Русь православную, такъ тутъ пропадаетъ хлѣба не на одинъ милліонъ рублей. А все изъ-за чего навозъ-то придерживаемъ? не изъ зависти, не изъ жадности, а все изъ-за того, что — грѣшный человѣкъ — своя рубашка къ тѣлу ближе. Да и виноватъ-ли я въ томъ, что у меня тѣло-то свое?... А послѣ передѣлу, какъ навалятъ навозу всякій на свою новую полосу, такъ случается и хорошо, однако бываетъ и то, что перерод̀ъ становится хуже недороду: опять несходно.

Теперь, если и такъ разсудить: пусть на селѣ сто дворовъ; изъ нихъ приходится, примѣрно, десять дворовъ совсѣмъ неимущихъ, пятнадцати дворамъ надо слегка помочь, остальные 75 хозяевъ исправны съ грѣхомъ пополамъ, а изъ нихъ

еще человѣкъ пятнадцать богатыхъ. Если-ли хоть одинъ человѣкъ изъ богатыхъ, который разбогатѣлъ-бы отъ земли? Нѣтъ ни одного. Тотъ торгуетъ, этотъ извозничаетъ, одинъ корчемствомъ занимается, другой харчевню держитъ, тотъ міроѣдствуетъ, а этому бабушка ворожитъ. Отъ земли никто не разбогатѣетъ на передѣлахъ, и не промышляй никто на сторонѣ, поживали-бы всѣ на міру ровненько, ничѣмъ-бы другъ передъ другомъ никто не отличался, какъ коровы въ стадѣ у одного хозяина. А если-бы земля была своя, безпередѣльно, да кромѣ того — въ одной межѣ, то расправляйся, какъ знаешь, и поглубже соху пустишь, и скота разведешь. Если одолѣваешь, и копѣйка прикопляться стала, прикупи еще клокъ земли, а если не подъ силу стало — продай часть, половину что-ли, или четверть, а на вырученныя деньги лошадку прикупи, коровку, збрую исправь. Глядишь, остальную-то землю и обдѣлалъ такъ, что отъ году копѣйка остается, а копѣйка ведетъ рубль. Много-ли тамъ лѣтъ прошло, человѣкъ исправился, и воротилъ свое.

Правда и то, что у иного деньги пойдутъ не на поправку, а на пропой души человѣческой. Иному дай волю, такъ онъ помаленьку спуститъ свою землю, продастъ и избу, и останется голъ какъ соколъ, ни двора, ни кола. Бѣда сущая! — На передѣлахъ ужъ этого быть не можетъ: все-же міръ выдѣлитъ землю какому хочешь голышу; да и избы продать нельзя. Все это такъ, только на

передѣлахъ бываетъ не въ примѣръ хуже этого. Задолжаетъ нашъ братъ міроѣду за соль, за деготь, за веревки, еще за что-нибудь, да задолжаетъ не настоящую цѣну, а въ два или въ три дорога: когда денегъ нѣтъ и соли нѣтъ, такъ пообѣщаешь за соль что хочешь. Обмолотились: несешь міроѣду хлѣбъ — не беретъ опять по настоящей цѣнѣ. «У тебя, говоритъ, хлѣбъ-то некупленый, а я соль да деготь на деньги покупаю. Куда мнѣ съ твоимъ хлѣбомъ! Еще вези, да продавай, да еще Богъ знаетъ, что дадутъ.» — Наговоритъ мужику всякой всячины, да подъ конецъ и смилуется: возьметъ рожь за полцѣны.

Кажется, и заплатилъ, и дѣло съ концомъ; анъ нѣтъ, мы знаемъ, что это только присказка, а сказка впереди. Подходитъ Рождество, а у мужика хлѣбъ-то весь; что было, то пріѣдено, а то продано на подати, на повинности, туда, сюда. Какъ быть? — Идетъ мужикъ къ тому же міроѣду: «Пособи, родимой!» — А тотъ опять ломаться станетъ: «Гдѣ мнѣ, любезный, про тебя хлѣба напасти! Развѣ что вотъ немного осталось и то для себя, только цѣна стала не прежняя; осенью цѣна была двугривенный за мѣру, а нынче полтинникъ, и то только для тебя, по дружбѣ моей, уступлю. Да что ужъ съ тобой дѣлать! Для милаго дружка и сережка изъ ушка».

Беретъ мужикъ свой же хлѣбъ взаймы, опять не въ настоящей цѣнѣ, а осенью опять раздѣлывайся, какъ въ прошломъ году. Въ два, въ три

года, въ пять лѣтъ дойдетъ мужикъ до того, что платить нечѣмъ, и отдастъ міроѣду свою-же тягловую землю въ кортому. Да и этого еще мало. Міроѣдъ заставляетъ того-же мужика за проценты работать на его же землѣ, а долгъ все не уплачивается, да часто еще ростетъ. Такъ на весь вѣкъ мужикъ и закабалится. А случись ему лѣтъ черезъ десять умереть — тотъ же міроѣдъ плачетъ на весь міръ: разорился, видишь, совсѣмъ, данника потерялъ! А такихъ данниковъ у него на селѣ не мало и между исправными мужиками; міроѣда же еще въ старшины выберутъ, либо въ волостные головы, и пойдетъ мудровать пуще прежняго. И руки у него станутъ бѣлы, а бѣлыя ручки чужіе труды любятъ, и заживетъ міроѣдъ, какъ козелъ въ огородѣ, какъ волкъ въ овчарнѣ.

А кому отъ этого легче, что данники у міроѣда въ своихъ избахъ живутъ, на своихъ коняхъ ѣздятъ; міроѣду же легче и выгоднѣе. Названье только, что изба своя, а въ самомъ-то дѣлѣ, весь мужикъ со всѣми животами у міроѣда въ карманѣ сидитъ; да мало того, что сидитъ, еще проценты приноситъ.

Такъ что же, лучше? — Въ долгу, какъ въ шелку, или — голъ, какъ соколъ? Пусть всякій самъ разсудитъ.

По мнѣ же лучше быть го́лу какъ со́колу. По крайней мѣрѣ, продавши все до нитки, долги заплатилъ, и чистъ человѣкъ. Потомъ, когда случилось гривну заработать, такъ она, знаю, что моя.

Но надо торговаться съ этою гривной, да пленку съ нея сдирать, да расчитывать, сколько тутъ на хлѣбъ, и сколько за долгъ, міроѣду.

Одна только бѣда безъ передѣловъ, и бѣда не малая: не будь передѣловъ, хозяйничай всякій мужикъ на своей землѣ да въ одной межѣ — міроѣды совсѣмъ разорятся и носы повѣсятъ: бѣда имъ придетъ неминучая. Не то бѣда мужику, что ему кто нибудь въ долгъ повѣритъ. За это еще спасибо. А вотъ бѣда, въ долгъ затянуться, да все тянуться въ уплату; ну, и затянешься, въ разоръ разоришься: — за хвостъ не удержаться, коли гриву упустилъ. Когда земля была-бы безпередѣльно вся своя, да такъ, что ужъ негдѣ взять другой, если свою спустишь, и міру негдѣ взять земли въ надѣлъ тому, кто разорится, то и разоряться не такъ-то легко будутъ. Сказка есть такая, что мужику будто-бы достался какъ-то заколдованный кошелекъ, а въ немъ всего одинъ цѣлковый. И такой этотъ кошелекъ былъ мудреный, что ежели вынешь изъ него рубль да истратишь, то тамъ сейчасъ-же заведется другой, новенькій цѣлковый; истратишь и этотъ, а въ кошелькѣ ужъ новый шевелится. Не знаю, коково-то пожилъ мужикъ съ своимъ кошелькомъ; да не о томъ покамѣсть и рѣчь. А дѣло въ томъ, будетъ-ли человѣкъ бережливъ, когда у него такой кошелекъ заведется? Станетъ-ли онъ беречь копѣйку на черный день? — Нѣтъ, не станетъ, потому, что у него и безъ того всегда есть

запасъ, а разориться въ конецъ до безхлѣбицы онъ никакъ не можетъ.

У нашего брата въ тягловой землѣ на передѣлахъ — тотъ же заколдованный кошелекъ: всегда клокъ земли будетъ. Отъ этого у насъ и бережливости нѣтъ, все на авось, да небойсь, да какъ нибудь, да послѣдняя копѣйка ребромъ. И чтожъ за бѣда, коли задолжаешь,—что за бѣда, что міроѣдъ съ цѣловальникомъ отъ жиру врозь ползутъ? Вѣдь, безъ земли не останешься, а работать — все равно, помаленьку станешь, на себя или на міроѣда, хоть и заложишь, и отдашь ему свою тягловую землю. А будь земля своя, такъ, что другой неоткуда—взять, коли не купишь, такъ нѣтъ,—міроѣду ее не такъ-то легко отдать. Своято земля — плоть моя, кожа моя; отдать хоть какую малую часть своей крѣпостной земли — черезъ-чуръ тяжело; отдать аршинъ земли, съ котораго и дѣтямъ, внукамъ, и дальше, распраправнукамъ будетъ на вѣки вѣчные или добрая краюха хлѣба, или капусты кочна четыре — нѣтъ, погоди! Это все равно, что съ себя дать содрать какой нибудь аршинъ кожи.

Пригорюнились-бы тогда міроѣды: не ловко-бы имъ стало, потому что тогда всякій человѣкъ крѣпче держался-бы за свое. А отчего крѣпче? — Оттого крѣпче, что тогда было-бы что нибудь свое. Когда свое, то — всякому извѣстно, — упустишь, не воротишь; а на передѣлахъ — хоть сто разъ

упускай землю, все тебѣ опять будетъ: ну, и не держимся, поживаемъ все больше спустя рукава.

Возьмемъ опять то село во сто дворовъ, гдѣ десять хозяевъ совсѣмъ неимущихъ, а пятнадцати надо слегка помочь. Говорятъ, что передѣлъ имъ помогаетъ. Да совсѣмъ-ли пособитъ передѣлъ неимущему? — Никогда не пособитъ такъ, чтобы человѣкъ совсѣмъ поправился. Отдастъ онъ свою тягловую землю въ кортому за долгъ, а самъ станетъ работать изъ хлѣба, а дѣти по міру пойдутъ: тотъ-же міръ ихъ кормитъ. Стало быть, о передѣлахъ вопросъ коротокъ. Какъ міру выгоднѣе и легче кормить неимущихъ, когда всякій живетъ на передѣлахъ, цѣлый вѣкъ свой на чуку, терпя отъ черезполосицы и передѣла, или — когда у всякаго земля своя и знаетъ всякъ, что сколько онъ своего поту въ землю ни прольетъ, все его будетъ?

Отвѣтъ ясный и простой. И бѣдному, и богатому безъ передѣловъ было-бы сходнѣе, да и по всему народу православному пошла-бы со всѣмъ другая жизнь. Одна бѣда: цѣловальникамъ и другимъ всякимъ міроѣдамъ пришлось-бы до зарѣзу плохо.

Дѣло только въ томъ, чтобы у всякаго хозяина земля была въ одной межѣ, чтобы всѣ три поля, озимое, яровое, и паръ, да тутъ-же и покосъ, въ одну загороду загородить можно было. О томъ, какъ хозяйничать одному въ одной межѣ — поговоримъ въ другой разъ; хозяйство тоже не слиш-

комъ мудреное, только за нимъ побольше смотрѣть надо будетъ. Такъ — до другого разу, а покамѣсть — просимъ прощенья.

Разинъ.

ГОВОРЯТЪ И СПОРЯТЪ.

Обо всемъ люди говорятъ, обо всемъ люди спорятъ.

О горѣлкѣ люди тоже говорятъ и тоже спорятъ.

Говорятъ о горѣлкѣ иные люди потому, что ее возлюбливаютъ.

Говорятъ о ней другіе люди, ради назиданія пьющихъ.

Наконецъ, говорятъ о горѣлкѣ: откупщики, цѣловальники, корчмари, шинкари и прочіе люди, горѣлкой торгующіе; и говорятъ они всѣхъ краснѣй. Видимое дѣло, товаръ лицомъ продаютъ!

Но что-же люди говорятъ о горѣлкѣ, и о чемъ они спорятъ?

Одни говорятъ, что въ сырую, холодную погоду, послѣ тяжелой работы, усталому человѣку выпить чарку хорошей и дешевой водки — здорово. Но объ этомъ еще спорятъ.

Другіе говорятъ, что пить много водки, проводить время въ кабакахъ и напиваться до безобразія — и стыдно, и вредно. Но объ этомъ никто не споритъ.

Наконецъ люди виномъ торгующіе говорятъ, что очень пользительно подбавлять въ горѣлку по-

больше водицы, а денежки брать, какъ за хорошую водку. Но съ откупщиками и со всѣми ихъ чадами питейными говорить о горѣлкѣ трудно. Дѣла ихъ чисты, рѣчи голосисты, а на счетъ сивухи откупщикамъ и штофы въ руки.

Говорятъ, что крестьяне ковенской губерніи дали такое обѣщаніе, чтобы не пить больше ни капли водки, и говорятъ, что они честно держатъ данное слово.

Говорятъ, что крестьяне рязанской губерніи, спасскаго да зарайскаго уѣздовъ, и саратовской губерніи, сердобскаго уѣзда, тоже не хотятъ пить дорогую горѣлку, а берегутъ копѣйку на черный день. Мудрено ли, что крестьянская трезвость гладитъ откупщиковъ противъ шерсти!

Говорятъ, надо человѣку жить—не дурить, на полсловѣ смѣкать, а про горѣлку толковать много нечего. Всякому извѣстно, что *пьянство тяжкій грѣхъ*. Только тяжкій грѣшникъ объ этомъ и поспоритъ.

КІЕВСКІЕ БОГОМОЛЬЦЫ.

У малороссійскихъ поселянъ хожденье въ Кіевъ на поклоненье древнимъ русскимъ святынямъ столько же обычно, какъ у жителей Великой Россіи — къ Троицкой лаврѣ. Напримѣръ, въ Борзнѣ ежегодно весною подымется душъ десять, пятнадцать и болѣе, старыхъ и малыхъ, мужчинъ и женщинъ — *молиться Богу въ Кіевъ*. Сговорятся же они объ этомъ еще съ зимы и выберутъ между собой старшину, который называется у нихъ *отáманомъ*. Этотъ избранный долженъ быть непремѣнно грамотенъ и сверхъ того — благочестивъ и опытенъ въ дорогѣ. Все общество богомольцевъ называется *громадою*, и одно такое названіе означаетъ уже, что люди взялись за дѣло съ-обща. Сойдись тѣ-же люди на пирушку или соберись безъ общаго дѣла на улицѣ, — ужъ они громадою называться не будутъ, и воля тутъ каждому поступать по произволу. Но лишь только общество взялось обдумать или сдѣлать что-нибудь съ-обща, лишь только оно назвалось громадою, то ужъ каждый долженъ принаровляться къ общему толку и къ общей волѣ, и произвола нико-

му тутъ не дается. Всему глава тогда — ота́манъ, котораго громада выбрала полюбовнымъ согласіемъ. Этотъ-то ота́манъ назначаетъ громадѣ богомольцевъ, въ который день собраться всѣмъ имъ въ полѣ, на такомъ-то мѣстѣ. Обыкновенно сборное мѣсто бываетъ подъ вербой, или на курганѣ, которыхъ множество насыпано въ Малороссіи по полямъ, съ незапамятныхъ временъ. Богомольцы приходятъ не одни: ихъ провожаютъ братья, сестры, отцы, матери, а не то — родные или пріятели. Приноситъ сюда каждый изъ дому что́ у кого есть лучшаго: одинъ — приноситъ кувшинъ молока, другой — жареную курицу, третій — вареники, иные — даже и борщъ въ горшечкахъ. Не забываютъ захватить изъ дому и напитковъ. Богомольцы прощаются съ своими родными и друзьями, такъ сказать, на пиру, но этотъ пиръ для нихъ то-же, что́ заговины. Лишь только обѣдъ кончился, всѣ встаютъ, молятся Богу, прощаются и — для богомольцевъ начинается строгій постъ. До самого Кіева и обратно, пища ихъ — одни сухари, взятые въ котомку, а питье—одна вода. На походѣ никто не долженъ забавляться шутками или пустыми разсказами. За этимъ строго смотритъ ота́манъ, котораго никто изъ богомольцевъ не смѣетъ ни въ чемъ ослушаться. Онъ назначаетъ мѣста для отдыха и ночлега; онъ ведетъ счеты дорожнимъ издержкамъ, поровну на каждаго. Если-бы случился какой споръ между его спутниками, — онъ разбираетъ, кто правъ, кто не правъ.

и тутъ каждый долженъ передъ нимъ смиряться. Виновныхъ онъ тутъ же караетъ стыдомъ, укоряя передъ громадою грозными или насмѣшливыми словами; а это для Малороссіянина значитъ много. Есть и пословица на Украинѣ: «Словомъ ударишь больнѣе, чѣмъ палкою» (1). Рѣдко бываетъ, чтобы въ громадѣ кто-нибудь не унялся отъ ота́манскаго слова, — и это не только между богомольцами, да и во всякой иной громадѣ, гдѣ отаманъ избранъ, что называется, вольными голосами. Но еслибы случилось, что кто-нибудь ощетинился противъ громадской власти, или сдѣлалъ слишкомъ важный проступокъ, то наказаніе виновнаго посреди громады бываетъ обыкновенно самое строгое. Это всѣ знаютъ, и потому громады или — что́ все равно — ея ота́мана каждый боится больше, чѣмъ боялся бы иного начальника. Начальника можно смягчить подаркомъ, а громада подарковъ не принимаетъ. Начальника можно обмануть хитрыми рѣчами, а громада, во время суда, смотритъ не одной парой глазъ, слушаетъ не одной парой ушей, судитъ не одной головой. Начальника можно умилосердить, разжалобить, если мягкое сердце; а громада и тутъ не поддается: у ней сердецъ много, она крѣпко хранитъ свое право отъ упущенія, и судъ ея непреложенъ. Самъ ота́манъ (нужды нѣтъ, что власть ему дана

---

(1) По Малороссійски говорится оно такъ: *Словомъ забьешъ більшъ, ніжъ дубиною.*

какъ-будто полная) посреди громады — не тотъ человѣкъ, что дома. Тутъ онъ весь на глазахъ у своего общества: онъ знаетъ общія мысли и чуетъ душою общія чувства; тутъ онъ родного не пощадитъ, и для пріятелей не уважитъ, сохраняя свое ота́манское достоинство. Есть на Украинѣ пословица въ народѣ: «Громада — великій человѣкъ.» Отаманъ это знаетъ и, принявъ отъ громады власть надъ каждымъ, чувствуетъ себя тоже великимъ человѣкомъ, и ведетъ себя — не какъ равный въ кругу равныхъ, а какъ отецъ посреди семейства. И вотъ вамъ смыслъ, что́ значитъ обще́ство богомольцевъ, поднявшееся для того, чтобы достойно поклониться древнимъ святынямъ Кіевскимъ. Оно, такъ сказать, выдѣлилось изъ толпы людей, занятыхъ всякими житейскими мелочами; оно отвергло покой и довольство домашней жизни; оно воздержаніемъ отъ лакомой пищи и всякихъ напитковъ возжелало отрезвить свое тѣло, чтобы трезва была душа во время молитвы; всѣ помыслы свои старается оно направить къ богопочитанію. Даже въ многолюдности этого общества есть свой особенный толкъ. Почему бы двоимъ-троимъ не идти молиться Богу въ Кіевъ? для чего нужна тутъ цѣлая громада? Вотъ для чего. Во первыхъ, малороссійскіе богомольцы ночуютъ обыкновенно подъ открытымъ небомъ, чтобы, такъ сказать, не прикасаться къ суетному міру на постоялыхъ дворахъ и не нѣжиться на покойныхъ ночлегахъ. Тутъ, для безопасности, мало двоихъ-троихъ людей. Во

вторыхъ, два-три ума, двѣ-три души, сложась по слову, не много выскажутъ поучительнаго. Иное дѣло, когда бесѣдуетъ о Богѣ и человѣческомъ спасеніи цѣлая громада, да еще въ глазахъ бывалаго и грамотнаго человѣка: тутъ каждый услышитъ больше, чѣмъ у себя дома; тутъ на свободѣ отъ житейскихъ дѣлъ, узнаетъ онъ много такихъ вещей о душѣ человѣческой, о грѣхахъ и праведности, которыхъ ему, пожалуй, никогда бы не узнать при другихъ обстоятельствахъ. Пускай здѣсь кто-нибудь скажетъ нелѣпое слово, — не пойдетъ оно въ ходъ, потому, что много умовъ сложилось въ одинъ умъ, и тотъ, кто сказалъ ни то, ни се, поневолѣ замолчитъ, когда услышитъ изъ другихъ устъ болѣе разумныя рѣчи. Пускай здѣсь молодежь вздумаетъ дурачиться, — вся громада осудитъ шалость одними глазами, не то рѣчами, а ота́манъ повершитъ судъ своею властью. Тихо и чинно ведетъ себя общество богомольцевъ и во время пути, и во время отдыховъ, точно посреди церкви вѣрующихъ.

Ота́манъ обыкновенно беретъ съ собой какую-нибудь книгу, — чаще всего Псалтырь, или Новый Завѣтъ, — и во время отдыховъ читаетъ и толкуетъ святыя словеса своимъ спутникамъ. Когда становятся на вечернюю, или утреннюю молитву, онъ поочередно заставляетъ каждаго читать вслухъ *Отче нашъ*, символъ вѣры и псаломъ *Помилуй мя, Боже!* для того, чтобы никто не остался послѣ путешествія незнающимъ этихъ мо-

литвъ. На походѣ, или за трапезою, ота́манъ заводитъ рѣчи о житіяхъ святыхъ, прославившихся въ преданіяхъ Церкви своими человѣколюбивыми подвигами, а когда достигнутъ Кіева, онъ путеводствуетъ громаду по всѣмъ святынямъ и, по мѣрѣ своего разумѣнія, все ей толкуетъ, что́ она видитъ и слышитъ. Такимъ образомъ богомольцы возвращаются изъ похода съ душою облегченною, утѣшенною и возвышенною говѣньемъ, исповѣдью и святымъ причащеніемъ, съ сердцемъ, просвѣщеннымъ слушаніемъ Слова Божія въ пустынѣ, вдали отъ всякой житейской помѣхи, съ памятью, обогащенною назидательными разсказами о грѣхѣ и праведности.

Я зналъ одного борзенскаго козака, который ежегодно отправлялся съ женой на поклоненіе кіевскимъ святынямъ и не разъ былъ выбираемъ ота̀маномъ. Онъ былъ бездѣтенъ, и весь избытокъ отъ умѣренной своей жизни раздавалъ нищимъ, или нуждающимся сосѣдямъ, храня для себя, на всякій случай, сумму не болѣе, какъ въ 20 рублей серебромъ. Жили они съ женой въ величайшемъ согласіи и сохранили до старости, въ домашнихъ разговорахъ, уменьшительныя имена, которыми называли другъ друга во времена молодой любви, еще не освященной бракомъ. Онъ называлъ ее *Пара́ся*, а она его — *Ива̀сь*. У нихъ родился сынъ, но вскорѣ умеръ, и послѣ того не было больше дѣтей. Это несчастье не сокрушило, а возвысило ихъ души. Мать глубоко почувствовала свою по-

терю и, увидѣвъ свое дитя мертвымъ, казалась сумасшедшею. Она схватила его на руки и побѣжала къ своей сосѣдкѣ, которую любила и которая радовалась ея счастью. Не понимая сама, что́ дѣлаетъ, она бросила мертвое дитя на постель и сказала: «Возьмите его себѣ, радуйтесь имъ!» потомъ ударила себя въ грудь и начала, что называется по-малороссійски, *голосить*. Но отецъ, явясь слѣдомъ за нею, началъ ее уговаривать сквозь слезы:

«Послушай, Парасю, не прогнѣвляй Господа милосерднаго: онъ знаетъ, для чего посылаетъ намъ горе. Можетъ быть, наше дитя было бы самое несчастное въ свѣтѣ; можетъ быть, его свели бы съ добраго разуму лихіе люди и отвели отъ путей Господнихъ.»

«А на что же намъ теперь наша жизнь?» говорила Парася. «Для кого наши труды? Для кого наше имущество?»

«И то Господь лучше насъ знаетъ», отвѣчалъ мужъ. «Еслибъ мы не узнали никогда великаго горя, то не знали бы, какъ горько бываетъ на свѣтѣ людямъ и какъ помогать несчастнымъ».

Въ этомъ духѣ проповѣдывалъ Ивась до конца жизни, и всегда былъ того убѣжденія, что только страдающая душа способна понять страданія ближняго и помышлять всего больше объ общемъ благѣ.

Вскорѣ послѣ потери дитяти, онъ предложилъ женѣ слѣдующую безкорыстную работу, на поль-

зу общую. Видно, что онъ въ трудахъ искалъ облегченія своей горести.

«Знаешь ли что́, Пара́сю?» сказалъ онъ. «Въ нашемъ сосѣдствѣ нѣтъ колодязя; люди ходятъ Богъ знаетъ какъ далеко за водой по холоду. Выроемъ мы съ тобой въ свободное время ко-ло́дязь».

Поняла его Парася, и принялись они горячо за дѣло. Начали рыть колодязь на чертѣ своего двора съ улицей. Онъ роетъ, а она коробочкой землю вытаскиваетъ; потомъ мѣняются трудомъ, и спорятъ о томъ только, какъ бы взять на себя больше тяжелой работы. Проходящіе по улицѣ козаки и мѣщане останавливаются, дивуясь, что люди достаточные затѣяли такой тяжкій трудъ. Иные смѣялись надъ ихъ нѣжными спорами и взаимными опасеніями, что бъ кто-нибудь *не увередился;* иные просто называли ихъ помѣшанными. Но Ивась и Парася, пользуясь всякимъ днемъ и часомъ, свободнымъ отъ полевыхъ и огородныхъ работъ, продолжали свое предпріятіе съ постоянствомъ грусти, которая въ трудѣ себѣ ищетъ спасительнаго облегченія. Наконецъ колодязь былъ вырытъ; приготовленный Ивасемъ понемногу, заблаговременно, срубъ впущенъ; пришелъ священникъ и освятилъ воду; всѣмъ предоставлено было безмездное пользованіе колодяземъ. Вода была въ немъ прекрасная. Сосѣди благодарили *Ивася* и *Парасю*, которыхъ иначе и не называли въ околоткѣ, подшучивая надъ ихъ нѣжностью.

Жизнь этой добродѣтельной четы была совершенно въ нравахъ малороссійскихъ; но какъ эти нравы, въ послѣднее время, начали замѣтно портиться, уступая мѣсто не совсѣмъ чистому торгашеству и всяческому разврату, на источники которыхъ не буду здѣсь указывать; то Ивась и Парася казались какимъ-то исключеніемъ изъ своего общества. То, что́ въ другихъ семействахъ было видно по частямъ, въ нихъ соединялось во всей полнотѣ. То, что́ у сосѣдей было въ умѣренной, или слабой степени, напримѣръ, добродушіе, взаимное уваженіе, преданность благочестивымъ установленіямъ Церкви, совершенное самоотверженіе въ пособіи ближнимъ во имя Христово, — у нихъ дѣлалось чѣмъ-то очень сердечнымъ. Проще сказать: они были то, чѣмъ слѣдовало бы каждому быть; но какъ все кругомъ болѣе или менѣе упало въ чистой нравственности, то и казались они чѣмъ-то невиданнымъ и безпримѣрнымъ.

Любопытно, между прочимъ, знать ихъ супружеское обхожденіе въ повседневномъ домашнемъ быту. Мужъ, по смыслу апостольскаго ученія, былъ здѣсь глава жены, при всей кротости своего характера и готовности на всевозможныя уступки. Такъ, онъ говорилъ ей всегда: *ты, Парасю*, а она ему: *вы, Ивасю*. Когда онъ садился обѣдать, она только служила ему, но за столъ съ нимъ не садилась. Онъ вовсе не требовалъ, чтобъ она стояла, точно какая раба: это дѣлалось само собою; это было въ духѣ ихъ жизни, въ кото-

рой жена, любя мужа, съ гордостью любви дѣлала его господиномъ своимъ, и едва-ли Ивась когда-либо замѣчалъ странность ея способа быть съ нимъ. По крайней мѣрѣ, онъ ни въ чемъ не настаивалъ. Подавъ ему, напримѣръ, борщъ, Парася останавливалась тутъ же подлѣ стола и, сложа на-крестъ руки, разспрашивала его о посѣвахъ, о всходахъ, или говорила о своихъ курахъ и поросятахъ, или о томъ, что́ слышала отъ сосѣдки, или указывала ему лучшія *пелю́сточки* (1) капусты въ борщѣ, или убѣждала его кушать побольше, а если онъ отказывался, то освѣдомлялась, здоровъ ли онъ, безпокоилась, не скрываетъ ли онъ своего недуга, и, словомъ, расточала своему Ива́сю всѣ нѣжности, къ которымъ способна женщина и въ выраженіи которыхъ она чувствуетъ постоянную потребность. Когда-же убѣждалась, что Ивась совершенно здоровъ, что онъ дѣйствительно больше съѣсть не можетъ, она убирала со стола миску съ борщомъ, подавала ему другое кушанье, а сама, отойдя къ печи, доканчивала то, что́ оставалось отъ Ивася, стоя и поставивъ миску на *при́печкѣ* (2).

У нихъ рѣдко бывали гости, потому, что они хмѣльного вовсе не употребляли; а потчиванье въ Малороссіи для гостя только тогда и пріятно, когда

---

(1) Такъ называются части капустяной головки, разрѣзываемой вдоль, для того, чтобы положить въ борщъ.

(2) Передняя часть печи, площадка передъ печью.

хозяинъ показываетъ ему примѣръ. Положимъ, я захотѣлъ бы попотчивать гостя простолюдина. Прежде, нежели онъ приметъ отъ меня рюмку, онъ непремѣнно скажетъ, не угодно ли вамъ самимъ сперва выпить? Если я гостю радъ, я долженъ выпить хоть немного: въ противномъ случаѣ, у него, что называется, остановится въ горлѣ мой напитокъ, и онъ постарается уйти отъ меня поскорѣе. Одинъ богатый помѣщикъ угощалъ своихъ крестьянъ, по случаю рожденія сына. Въ разсказахъ ихъ объ этомъ пиршествѣ, на первомъ планѣ стояло вовсе не то, что водки было разливное море, а то, что *онъ самъ пилъ водку съ народомъ*. Гость не требуетъ отъ хозяина, чтобъ онъ напился съ ними до пьяна. Напротивъ, осуждается хозяина, который потерялъ способность распоряжаться угощеніемъ. Одной только рюмкой надобно доказать гостю, что хозяинъ принимаетъ его, какъ друга; а потомъ, хоть и просятъ хозяина прикушать, но не оскорбляются отказомъ. Каково же было гостямъ Ивася и Параси, которые не знали и вкуса водки! Къ нимъ заходили по дѣлу, за совѣтомъ, или за помощью, ихъ уважали, любили, но въ хатѣ у нихъ не засиживались, потому что хозяева мало входили въ сосѣдскія сплетни и ссоры, и на всѣ жалобы предлагали простыя евангельскія правила, которыя не всегда охотно выслушиваетъ сосѣдъ отъ сосѣда. Такія рѣчи не многимъ приходились по вкусу, и ихъ оставляли въ покоѣ. А супругамъ нашимъ

—того было и нужно. Ивась, въ свободное отъ трудовъ время, прочитывалъ женѣ что-нибудь изъ Новаго Завѣта и толковалъ непонятныя слова; а она слушала его съ благоговѣніемъ, сидя за своимъ гребнемъ.

Всякую заутреню, обѣдню, вечерню и всенощную посѣщали они всенепремѣннѣйше; а когда наступала весна, они отправлялись въ Кіевъ говѣть. Почти невѣроятно, какъ они оставляли свой домъ и все хозяйство на цѣлый мѣсяцъ. Все это было поручаемо какой-нибудь старухѣ, или сосѣдней дѣвочкѣ, которую вознаграждали они гостинцемъ изъ Кіева. Счастливая ли случайность, или необыкновенное усердіе къ нимъ сосѣдей было причиною, что, возвратясь, они заставали въ дворѣ у себя все въ цѣлости и порядкѣ. По крайней мѣрѣ никто отъ нихъ не слыхалъ никакой жалобы. Однажды пришли они проститься къ старушкѣ сосѣдкѣ, вдовѣ священника, женщинѣ высокой христіанской жизни, женщинѣ истинно добродѣтельной, къ которой они питали особенную расположенность.

«На кого же вы оставили теперь свое хозяйство?» спросила она.

«Теперь намъ пришлось трудненько», отвѣчалъ ей Ивась, «да Богъ послалъ намъ добраго человѣка. Сидимъ мы и горюемъ съ Парасею, что не на кого намъ оставить свое добро: дѣвушки сосѣднія повыходили замужъ, а старушки повымерли; у всякаго жъ и въ полѣ, и въ дому свое хозяйство.

Что тутъ дѣлать? Вдругъ подошелъ къ окну старецъ Божій (нищій). Парася и говоритъ: «Не посылаетъ ли намъ это Господь хозяина?» А я и говорю: «Въ самомъ дѣлѣ!» и сердце во мнѣ взыграло. Смотрю—славный такой, блаженный. Зазвали его въ хату, накормили. Я и говорю: «Дідýсю! не останешься ли ты у насъ на хозяйствѣ, пока мы воротимся изъ Кіева?» А онъ будто затѣмъ и присланъ. «Добре», говоритъ. «Идите съ Богомъ.» Итакъ мы вотъ, благодаря Богу, собрались и идемъ.»

«Откуда жъ этотъ старичекъ? кто онъ?» спросила сосѣдка.

«А мы, признаться, и не спросили», отвѣчалъ Ивась. «Видимъ—старецъ Божій: чтó жъ тутъ разспрашивать?»

Сосѣдка слушала дивную повѣсть о необычайномъ довѣріи къ захожему, но не дивилась Ивасю: она знала, какъ онъ тонко проницателенъ, какъ безошибочно онъ чуетъ душою добрую и недобрую душу. Въ самомъ дѣлѣ воротились Ивась и Парася изъ Кіева и нашли все въ цѣлости и порядкѣ: молоко обращено въ творогъ и масло, корова и теленокъ присмотрѣны, куры, свиньи, поросята,—все живо, все сыто; въ комóрѣ не тронута ни малѣйшая вещь, хотя ключъ отъ коморы оставленъ былъ на рукахъ сторожа, чтобъ онъ бралъ себѣ чтó нужно изъ съѣстного. Поблагодарили Ивась и Парася Божьяго старца, дали ему приличное награжденіе. Онъ взялъ и ушелъ, не

извѣстно куда, оставивъ послѣ себя одно воспоминаніе объ услугѣ. Сосѣди разспрашивали у него, въ отсутствіе нашей четы, откуда онъ. Называлъ онъ какое-то далекое село; но Ивасю вовсе это было не нужно. Онъ былъ увѣренъ, что самъ Богъ послалъ ему сторожа, и, въ простотѣ вѣры, радовался сердцемъ.

Таковы бываютъ отáманы Кіевскихъ походовъ. Можно судить, какъ благотворно дѣйствуетъ слово и дѣло подобнаго человѣка на молодыхъ людей, во время странствованія по чужой сторонѣ, вдали отъ дома, и притомъ въ строгомъ постѣ и говѣньѣ! Такъ, при оскудѣніи благочестія въ тѣхъ, кто въ жизни долженъ служить примѣромъ благочестія, между простолюдинами являются люди, смиренно и никому невѣдомо проповѣдующіе словомъ и дѣломъ чистое ученіе Іисуса Христа.

П. Кулишъ.

СОВѢТЪ МАТЕРЯМЪ.

Проведя мою молодость въ деревнѣ и имѣвъ случай, въ продолженіи врачебныхъ моихъ занятій, неоднократно бывать въ разныхъ губерніяхъ, я убѣдился, что смертность въ сельскомъ быту повсюду обнаруживается преимущественно между дѣтьми, и что большая часть младенцевъ умираетъ во время прорѣзыванія первыхъ зубовъ, то есть отъ четвертаго, или седьмаго мѣсяца, до двухъ лѣтъ. Извѣстно, впрочемъ, изъ наблюденій, что смертность младенцевъ довольно велика не только въ Россіи, но и въ другихъ государствахъ; ее обыкновенно приписываютъ нѣжному дѣтскому возрасту, неудобствамъ жизни родителей и климату.—Но меня все таки удивляло то́, что напихъ крестьянскихъ дѣтей умираетъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на половину, и того болѣе; какъ напримѣръ въ западныхъ губерніяхъ. Невольно спросишь, какая тому причина? Чѣмъ можно отвратить такое бѣдствіе? Присматриваясь къ тому, какъ живутъ наши крестьяне, видя безпечность матерей въ уходѣ за дѣтьми и вредъ отъ глупыхъ совѣтовъ разныхъ несвѣдущихъ лицъ, которыя берутся за леченіе ребенка, замѣчаемъ,

что главною причиною большой смертности младенцевъ есть небрежный присмотръ за дѣтьми, отъ неумѣнія матерей, какъ обращаться съ ними въ первое время послѣ рожденія, особенно, когда у нихъ прорѣзываются зубы.

Мнѣ случалось видѣть, какъ застуживаютъ дѣтей, не одѣвая ихъ по погодѣ; какъ держатъ ихъ въ избахъ, которыя слишкомъ жарко натоплены, или полны дымомъ, и по пословицѣ, что паръ костей не ломитъ, кладутъ ребятъ на горячую печь, какъ будто жаръ можетъ вылечить ихъ отъ болѣзни. Забываютъ притомъ, что дымъ не только вреденъ дыханію младенца, но что отъ него рождается большая часть глазныхъ болѣзней, и что простуженное дитя — безъ того въ жару и не въ состояніи вынесть такого тепла, какому оно подвергается на лежанкахъ, или на печкахъ.

Первое условіе для того, чтобы предотвратить разныя болѣзни дѣтей, есть опрятность, не только ребенка, но и самой матери. Это условіе въ крестьянскомъ быту почти никогда не соблюдается. Отъ нечистоты тѣла даже взрослые часто страдаютъ; можно себѣ представить, какъ она вредна для младенца! Годоваго ребенка уже носятъ въ баню, а ранѣе года моютъ его рѣдко, или вовсе не моютъ. Нечистота порождаетъ множество болѣзней, особенно сыпей, задерживаютъ испарину, столь важную въ дѣтскомъ возрастѣ, наконецъ бываетъ иногда единственною причиною постояннаго безпокойства ребенка, которое

мать приписываетъ какому нибудь недугу. Она прибѣгаетъ въ такомъ случаѣ за совѣтомъ къ невѣжественной знахаркѣ, и та даетъ младенцу различныя снадобья, которыя въ самомъ дѣлѣ разстроиваютъ его здоровье.

Но самый большой вредъ причиняетъ неумѣніе матерей кормить младенца: его питаютъ или посредствомъ рожка, что удается весьма рѣдко, или давая ему въ пищу, кромѣ груднаго молока, такія яства, которыхъ слабый, еще неприготовленный желудокъ младенца переварить не въ состояніи.

Въ этомъ дѣлѣ, для избѣжанія вреда, лучше всего слѣдовать тому, что указываетъ намъ сама природа, которая, для питанія дѣтей, назначаетъ сперва молоко матери, а потомъ, когда постепенно прорѣзываются зубы и укрѣпляются силы ребенка, другую, соотвѣтствующую его возрасту пищу.

Человѣкъ рождается не имѣя зубовъ. Это уже доказываетъ, что до появленія ихъ достаточно для питанія ребенка одного молока матери. Мы видимъ, что младенецъ, какъ бы понимая это, ротикомъ и ручками своими хватается за грудь, которую ему даютъ сосать. Дѣйствительно молоко заключаетъ въ себѣ всѣ свойства, удовлетворяющія потребностямъ младенца. Такъ, первое молоко, которое онъ всасываетъ, имѣетъ качества слабительнаго и очищаетъ желудокъ отъ разныхъ нечистотъ, накопившихся въ немъ еще въ то время, когда младенецъ находился въ утробѣ матери. Послѣ того молоко постепенно теряетъ это

свойство и дѣлается все болѣе и болѣе питательнымъ. Въ то время, когда у дитяти показываются первые зубы, молоко матери достигаетъ самой большой питательности, и хотя все еще должно составлять главную пищу ребенка, но тогда уже можно выбирать для него и такія снѣди, которыя свойствами своими и удобоваримостью соотвѣтствовали бы его возрасту. Извѣстно, что зубами размягчается пища для перевариванія желудкомъ, и пока у младенца еще не вырѣзались зубы, значитъ, желудокъ его еще не можетъ переваривать такую пищу, которая должна быть сперва пережована. Зубы прорѣзываются постепенно, а это намъ показываетъ, что питаніе ребенка подобною пищею, до′ появленія у него зубовъ, не только не укрѣпитъ его, но обременитъ лишь желудокъ, и произведетъ въ немъ разнаго рода разстройства, напримѣръ: отрыжку, рвоту, поносъ, который нерѣдко дѣлается кровавымъ, и судороги.

Разсмотримъ сначала появленіе первыхъ восьми зубовъ, которые называются *рѣзцами*. Эти зубы дѣйствительно могутъ называться такъ, потому что они расположены на передней части обѣихъ челюстей, верхней и нижней, и имѣютъ видъ, на подобіе ножа или ножницъ, и назначены для того лишь, чтобы раздѣлять пищу на мелкія части, но неспособны, по устройству своему, къ пережевыванію пищи.

Съ появленіемъ двухъ первыхъ, или нѣжныхъ

рѣзцовъ, молоко матери или кормилицы дѣлается уже, какъ мы сказали, недостаточнымъ для питанія; тогда мы должны непремѣнно избрать для ребенка такой родъ пищи, который, не требуя пережовыванія, годился бы для его питанія. Само собою разумѣется, что въ это время еще нельзя давать ему пищи мясной. Кромѣ снѣдей дорогихъ и неизвѣстныхъ въ деревенскомъ быту, каковы: ароруть, вермишель, сухари изъ бѣлаго хлѣба, саго и другія, у крестьянина всегда найдется подъ рукой своя домашняя пища, совершенно достаточная для кормленія младенца: овсяная крупа и мякишъ чернаго хлѣба, изъ которыхъ можно приготовить жидкій отваръ. Для этого хлѣбъ должно сперва высушить и истолочь въ порошокъ, а крупу хорошенько вымыть; послѣ того варить ихъ не долѣе получаса въ кипяткѣ. Къ этому отвару можно прибавлять немного сахару или соли. Но въ деревняхъ, при кормленіи дитяти, обыкновенно портятъ эту пищу тѣмъ, что вмѣсто жиденькаго отвара, изъ крупы варятъ густую кашу, а хлѣбъ даютъ ребенку въ видѣ мякиша, или жованый, и тѣмъ причиняютъ младенцу явный вредъ, разстраивая слабый его желудокъ такою пищей. Напротивъ того, если бы она была приготовлена такъ, какъ указано мною, то могла бы быть весьма полезна. Еще лучше давать ребенку, во время прорѣзыванія первыхъ рѣзцовъ, жиденькую кашицу изъ гречневыхъ, или смоленскихъ крупъ на разведенномъ молокѣ, но

немного; молоко должно быть не густое, а крупа хорошо промытая и свѣжая. Пока не прорѣжется вторая пара зубовъ, то есть верхніе рѣзцы, до тѣхъ поръ достаточно давать ребенку, кромѣ груднаго молока, того же отвара, или молочной кашицы, разъ въ день и притомъ не слишкомъ много. Съ появленіемъ второй пары можно кормить ребенка тою же пищею, но уже два раза въ день. Точно также должно поступать и при прорѣзываніи слѣдующихъ паръ рѣзцовъ, наблюдая только, чтобы пища была немного погуще, все еще въ родѣ жидкой кашицы. Замѣнять такую пищу другою, которую ребенокъ переварить еще не можетъ, не слѣдуетъ. Рѣзцы начинаютъ прорѣзываться иногда на четвертомъ, а обыкновенно на седьмомъ мѣсяцѣ отъ рожденія ребенка; прорѣзываніе всѣхъ рѣзцовъ продолжается иногда до одиннадцатаго мѣсяца. Во все это время достаточна пища, нами указанная.

За рѣзцами выходятъ не глазные зубы, или клыки (которые возлѣ рѣзцовъ прорѣзываются послѣ), но первая пара *коренныхъ* зубовъ, способныхъ уже для жеванія пищи. Съ появленіемъ ихъ, ребенку можно уже давать, кромѣ груди, хлѣбъ, размоченный въ снятомъ коровьемъ молокѣ, которое непремѣнно должно быть разведено пополамъ съ водою; иногда можно замѣнять молоко сырымъ или жидко сваренным яичнымъ желткомъ. Наконецъ, когда коренные зубы уже совершенно прорѣжутся, можно давать кромѣ мо-

ченаго хлѣба и желтка, даже тертый картофель, или немного рыбы, но только свѣжей, а не соленой. — Къ пищѣ, годной для дѣтей въ это время, относятся также предметы, болѣе дорогіе, напримѣръ: хорошо разваренный рисъ, перловая крупа, гречневая каша, а также калачи. Выхожденіе коренныхъ зубовъ длится обыкновенно отъ 13-ти, или 14 мѣсяцевъ до полутора года, и болѣе.

Вслѣдъ за ними выходятъ *глазные* зубы, или *клыки,* на каждой челюсти по два. Обыкновенно думаютъ, что прорѣзываніе глазныхъ зубовъ опаснѣе, чѣмъ другихъ, и чтобы поддержать силы ребенка начинаютъ его кормить гораздо чаще и притомъ такою пищей, которую желудокъ ребенка переварить еще не можетъ. Отъ этого появляются припадки, вредящіе правильному ходу прорѣзыванія зубовъ. Для отвращенія вредныхъ послѣдствій, достаточно одной осторожности въ пищѣ и дозволяется давать ребенку, кромѣ груднаго и коровьяго молока, разныя жидкія похлебки, названныя выше, или наваръ, сперва изъ куринаго мяса, а потомъ изъ баранины, если желудокъ здоровъ; но отнюдь не давать самаго мяса и не позволять ребенку кушать щи изъ кислой капусты, или кислый борщъ, которые производятъ въ желудкѣ кислоты, и безъ того обильныя у дѣтей въ этомъ возрастѣ. Затѣмъ можно давать дѣтямъ и отваръ изъ обыкновеннаго мяса; но кромѣ того, я все таки совѣтую кормить его

молочною пищею, приготовленною изъ разныхъ крупъ, жидкою и густою; только по немногу въ одинъ разъ. Вообще, на этотъ случай есть хорошее правило: лучше кормить ребенка чаще и понемногу, нежели вдругъ дать ему столько, что можетъ обратиться во вредъ. Обыкновенно матери отговариваются тѣмъ, что имъ некогда, при своихъ работахъ ходить за ребенкомъ; что рабочее время имъ очень дорого; но онѣ забываютъ, что если ребенокъ заболѣетъ отъ излишней пищи, то этого дорогаго времени пропадетъ еще больше. Обыкновенно также торопятся отнимать дѣтей отъ груди. Ежедневный опытъ убѣждаетъ, что и этотъ обычай крайне вреденъ.

Кормленіе груднымъ молокомъ полезно не только потому, что оно легко переваривается въ слабомъ желудкѣ ребенка, но еще и потому, что оно заключаетъ въ себѣ именно тѣ питательныя свойства, которыхъ нельзя замѣнить ничѣмъ другимъ. Сверхъ того самое сосаніе груди полезно для ребенка, ибо уменьшаетъ раздраженіе десенъ, еще слабыхъ и слишкомъ чувствительныхъ. Поэтому кормленіе грудью можно прекращать не ранѣе, какъ черезъ годъ и два мѣсяца, или черезъ годъ и четыре мѣсяца. — Прорѣзываніе клыковъ оканчивается обыкновенно въ 20-мъ мѣсяцѣ.

Итакъ мы насчитываемъ у ребенка, на каждой челюсти, по восьми зубовъ. Въ этомъ состояніи онъ уже можетъ обходиться безъ груднаго

молока, которое замѣняется цѣльнымъ коровьимъ, непремѣнно свѣжимъ.

Остальные зубы, прорѣзывающіеся затѣмъ, уже не представляютъ такой опасности для ребенка и самый уходъ за нимъ дѣлается легче, хотя осторожное употребленіе пищи такъ же необходимо, какъ и прежде. Нельзя слишкомъ скоро давать ему пищу грубую, но съ появленіемъ новыхъ коренныхъ зубовъ можно постепенно пріучать ребенка къ употребленію мяса, сначала куринаго, или дичи, или баранины; потомъ, когда прорѣзывается послѣдняя пара зубовъ этого возраста, можно давать и обыкновенное мясо, но не жирное и никакъ не солонину, ветчину или соленую и копченую рыбу.

Какъ ни просты и ни сподручны эти средства для первоначальнаго питанія ребенка, однако въ деревняхъ, къ сожалѣнію, ихъ мало употребляютъ. Родители приготовляютъ тѣмъ для своихъ дѣтей страданія, иногда неоставляющія ихъ во всю жизнь, и такимъ образомъ отнимаютъ, по нерадѣнію своему, у самихъ же себя полезныхъ членовъ семейства. Дѣти дѣлаются золотушными, подвергаются разнаго рода лишайнымъ, чесоточнымъ и другимъ сыпямъ, ихъ обезображивающимъ; они развиваваются слабо, и если не умираютъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, то растутъ медленно, часто заболѣваютъ англійскою болѣзнію, а къ ней прибавляется и собачья старость: ребенокъ худѣетъ, чахнетъ и

не принося утѣшенія, вызываетъ только ропотъ родителей, не желающихъ сознаться, или даже не понимающихъ, что они сами были причиною своего несчастія и страданія дѣтей.

Конечно, не всегда случается, что дѣти, отъ неправильнаго кормленія, умираютъ рано; но это вовсе не доказываетъ, что кормленіе можетъ быть пренебрегаемо. Стоитъ только вспомнить, что изъ ста младенцевъ обыкновенно умираютъ до шестидесяти, или даже до семидесяти, а что остальные, только съ рѣдкими исключеніями, выходятъ изъ дѣтства здоровыми. Чему же можно приписать такую сильную смертность дѣтей, какъ не плохому уходу за ними со стороны родителей и неправильному кормленію, которое въ дѣтскомъ возрастѣ составляетъ непремѣнное условіе для ихъ сохраненія?

Такая страшная смертность дѣтей и страданія ихъ не выдуманы нами только для того, чтобы напугать неосторожныхъ родителей. Мы всему этому были свидѣтелями, и средства, которыя здѣсь предлагаются, оправдались на дѣлѣ. Не разъ убѣждались мы, что при правильномъ питаніи дѣтей указанными нами способами и при купаніи ихъ, по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю, въ теплой водѣ, они вовсе не страдали отъ прорѣзыванія зубовъ, или страдали кратковременно и несравненно слабѣе.

Для исполненія всего, что мы предлагаемъ не нужно ничего особеннаго, кромѣ доброй воли и

небольшой осторожности. Нѣтъ сомнѣнія, что, при любви къ своему ребенку, свойственной каждой метери, найдутся многія, которыя, послѣдовавъ этимъ совѣтамъ, скажутъ намъ потомъ за нихъ искреннее спасибо. —

П. Алабушевъ.

КАТЕРИНА.

I.

Не нажить ужъ намъ такой знахарки, какъ покойница Даниловна! Сколько людей за нее Бога молятъ! Кто ее зналъ — благословляетъ, кто только слыхалъ про нее — и тотъ благословляетъ. Такъ ужъ изъ рода въ родъ ей почетъ идетъ.

А я-то вѣдь взросла вмѣстѣ съ нею. Она была изъ чужой стороны къ намъ завезена. Досталась нашему барину гдѣ-то далеко вотчина, вотъ и поѣхали они съ барыней, пробыли тамъ мѣсяца два и привезли съ собой оттуда дѣвочку Катю, сиротку, такъ—лѣтъ, можетъ, десяти. Чудна показалась намъ та дѣвочка: не то, чтобы приласкаться, ступить она не умѣетъ, въ платьи путается, а говоритъ какъ-то мудрено, не по-нашему.

Насъ у барыни цѣлая орда дѣвченокъ была; мы, бывало, и посмѣиваемся между собой: какую это диковинку намъ привезли! Разспрашиваемъ у ней о томъ, о семъ, — она только пугливо осматривается; разсказать ничего не хочетъ. А ужъ какъ о-

кружимъ ее да пристанемъ крѣпко, — она вырвется отъ насъ, или станетъ да руки ломаетъ себѣ....

Бывало, барыня въ гости поѣдетъ, — мы ее кличемъ погулять, побѣгать съ собою; не идетъ съ нами, а бѣжитъ одна къ курганчику, что подъ лѣсомъ; тамъ сядетъ и сидитъ.... И звала она тотъ курганчикъ *могилою;* мы ее завѣряемъ: «Не могила это: тутъ никто не хороненъ». А она намъ: *могила!* и рукою поведетъ по тому курганчику, и опять *могила*, да и все тутъ. Смѣялись мы, смѣялись, да послѣ и сами прозвали курганъ могилою.

А насъ все дичится, мы ее и ласкали, и голубили, а тамъ и досадно намъ стало, что за нашъ привѣтъ нѣтъ отъ нея никакой ласки, — и стали мы ее гнать да гнать.... Глупыя были мы дѣти, нежалостливыя!

II.

Примѣтили мы, что она каждый вечеръ ускользнетъ въ барынину спальню и сидитъ тамъ, еще и дверь притворитъ; а чуть заслышитъ, что господа изъ гостинной идутъ, выбѣжитъ.... «Что́ она тамъ дѣлаетъ?» думаемъ. И сговорились мы: «Подкрадемся да подсмотримъ!» Такъ и сдѣлали. И видимъ мы — горитъ въ спальнѣ лампадка передъ образами и свѣтитъ въ окно полный мѣсяцъ, а Катя сидитъ на полу, спустила съ одной руки платье и глядитъ на бѣлый рукавъ свой, на со-

рочку, — а рукавъ вышитъ и выстроченъ; глядитъ да такъ задумается, такъ задумается! только изрѣдка слезинка скотится по щекѣ.... И лампадка на нее свѣтитъ, и полный мѣсяцъ, а она перебираетъ пальчиками рукавчикъ свой шитый.... Мы ухнули на нее — и не дослышала; а какъ съ хохотомъ вбѣжали, испугалась и заплакала, и сказала по-своему намъ: «Не трогайте вы меня!»

Жалко мнѣ ее тогда стало; я обнимаю ее, а она меня тихонько отталкиваетъ, отталкиваетъ.... На ту пору пришла барыня: «Кто смѣетъ въ спальнѣ сидѣть?» Пригрозила, накричала и узнала, что́ было. Досталось намъ, а еще пуще Катѣ!

Съ тѣхъ поръ мы и проходу ей не даемъ: все тѣмъ рукавомъ смѣемся. Она молчитъ. И послѣ того не видали мы у ней рубашки. Не знаю, куда она и дѣла; мы думали, не сожгла ли.

III.

Прожила она у насъ зиму. — Учила ее ключница работамъ разнымъ. Она слушалась, да толку-то что-то мало выходило, — плохо понимала. Стала она что-то. занемогать Мы долго не примѣчали; а она все слабѣй, все безсильнѣй становилась.... Ужъ не вырывается отъ насъ, не борется съ нами; а какъ схватимъ, то она только глаза закроетъ.... Гдѣ же это дѣтямъ разсуждать?

Слегла Катя больна. Узнали мы, прибѣжали къ ней. Лежала она въ чуланчикѣ подъ лѣсницею,

и присматривала за ней ключница. Посмотришь на нее — словно восковая, прозрачная стала такая. Возьмешь за руку, пустишь, — рука падаетъ. Когда бъ не глаза ея горящіе, блестящіе, подумали бы мертвая.... Да остались только отъ прежней красы брови черныя, тонкія, какъ шнурочекъ.... Мы пришли къ ней и молчимъ, и она молчитъ. Посидѣли такъ, и ушли, и что-то намъ скучно безъ Кати стало....

IV.

Утихла непогода, перешли дожди весенніе, потеплѣло, зазеленѣло, разцвѣло. Легче стало Катѣ немножко, и просится она у ключницы погулять. Выпросилась и прямо къ тому курганчику, что могилою звала, прямо туды пошла. А какъ выздоровѣла, мы опять на нее напустились, опять ссориться съ нею стали, насмѣхаться.... А Катя каждый день ходитъ да ходитъ къ той могилѣ. Мы и вздумали опять ее подстеречь да испугать; и какъ она пошла, мы другою дорогою туда же побѣжали. Курганчикъ тотъ густою, зеленою травою заросъ, да высокою такою! а тутъ кругомъ лѣсъ — дубъ и береза. Вотъ мы ползкомъ побли-же подобрались, смотримъ — лежитъ Катя, покачивается тихонько и какую-то пѣсенку поетъ, да такъ тихо, такъ жалобно, словно слезы горькія выливаетъ.... Покачивается, будто въ люлькѣ, и поетъ:

Ой ты, коте, коточекъ,
Не ходи ты рано въ садочекъ...

Мы слушаемъ... Пѣла она и про голубей, и про пташекъ зозуль воркующихъ, и про сестеръ, и про братьевъ. Пѣла — мы заслушались; сидимъ, а Катя все поетъ да поетъ.... А какъ подошли мы къ ней, голосъ ея замолкъ, испугалась, поблѣднѣла. Мы ее цѣловать стали, и просимъ ее: «Скажи намъ», просимъ, «гдѣ твоя сторона далекая? и какая она? разскажи!»

Она только вздрогнула.

«Ну, скажи намъ», всё ее просимъ, «всѣ тамъ говорятъ, какъ ты? У всѣхъ рукава вышитые? Всѣ эту пѣсенку знаютъ? И насъ выучи этой пѣсенкѣ!»

Она взглянула на насъ, да какъ заплачетъ! Опять взглянула и на насъ, и вокругъ на лѣсъ, на поля, махнула рукой и внизъ лицемъ упала, рыдаючи...

. . . . . .

V.

А на утро ужъ не встала она: горитъ вся и несвязныя рѣчи лепечетъ.... То вдругъ поднимется, какъ здоровая, сядетъ, склонитъ голову на руку и запоетъ пѣсню... И пѣсня поется, и слезы у ней рѣкой льются... Весело и тихо поетъ, и вдругъ воскликнетъ, словно отъ боли жгучей, и поднимается, и глядитъ на насъ яснымъ, яснымъ взглядомъ.... ажно жутко намъ станетъ!.....

Велѣла барыня перевести ее въ людскую, и шесть недѣль она проболѣла. Приходила въ память, да всё какъ-то не въ полную память: смотритъ кругомъ, и никого будто не узнаетъ... И съ годъ вотъ такъ-то она промучилась. И полегчаетъ, кажется, а тамъ опять бредитъ, и опять томится....

VI.

А какъ ужъ пришла она къ намъ послѣ недуга, мы ее и не узнали: высокая-высокая стала, да тонкая, да худенькая. Румянецъ пропалъ, и глаза какъ-то потухли. Тише она стала и суровѣе. Одинъ разъ мы попробовали ее по-прежнему подразнить, и больше ужъ никогда не пробовали. Она ужъ не рвалась и не кипѣла, какъ прежде, а сказала намъ только: «Что́ вамъ надо? Я васъ не трогаю, — не трогайте же меня!» И спокойно такъ сказала, и поглядѣла на насъ спокойно.... Цѣлый, бывало, день она работаетъ, и слова не проронитъ.

Барыня ее любить стала: «Вотъ у меня работница», бывало, гостямъ хвалится, «прилежная такая и умная!»

Ни шутки отъ ней, ни пѣсни мы ужъ не слыхали. Просили ее сколько разъ: «Спой ты намъ ту пѣсенку, что ты ходила на могилу пѣть!»

«Я не помню», отвѣчала, «не знаю». А сама любила слушать, какъ поютъ. Молчаливая была и непривѣтливая; а, бывало, скажетъ: «Пойте,

дѣвушки, пойте!» сами мы не знали, какъ это мы ее слушались такъ безотговорочно. Проситъ «пойте» — мы и пѣть станемъ.

А она ужъ чисто говорила, и по-своему, вѣрно, отвыкла, забыла.....

VII.

Мы ее бояться стали..... Припомнили все прежнее, что за чудная она была изначала.... А еще больше страхъ навела на насъ она, какъ стала бродить по полямъ, по лѣсамъ, да травы, да цвѣтки сбирать..... Дождется праздника, пошлютъ насъ по ягоды, или по грибы господамъ, а она только слава, что ходитъ съ нами. Горсточки и той не наберетъ а травъ да цвѣтовъ полны руки Мы, бывало замѣчаемъ втихомолку за нею: то стоитъ, на небо смотритъ, то въ воду глядитъ. Подойдетъ къ древу—каждый листочекъ, кажется, милъ ей; по полю, по лѣсу ли ходитъ — ко всему приглядывается, прислушивается и, кажется, оживаетъ она. Вотъ будто ей и весело, и грусть беретъ, и будто-ей что чего-то плакать хочется.....

VIII.

Еще два года жила она съ нами, всё такая же; потомъ барыня отдала дочь замужъ, поѣхала гостить къ молодымъ и Катю съ собой взяла. Мы какъ прощались съ нею, очень плакали, а она

не плакала, только печальна была и цѣлую ночь гдѣ-то проходила; до свѣту пришла и много цвѣтовъ, много травъ принесла.

Вотъ уѣхала она съ барыней и долго потомъ я ея не видала. Барыня наша заболѣла, прохворала цѣлые два года и умерла тамъ. Во все это время мы лишь изрѣдка, бывало, что̀ послышимъ объ Катѣ. Прикащикъ туда ѣздитъ, такъ вотъ онъ и разсказываетъ. Слышалъ — замужъ ее отдали тамъ, да говорили еще, что отдали-то силою. А она осталась такая жъ, какъ и прежде была, и отъ мужа въ лѣсъ бѣгаетъ. И смѣялись надъ ней.

Вотъ это однимъ лѣтнимъ вечеромъ сидимъ мы да говоримъ себѣ, и тихо такъ вездѣ. Вдругъ колокольчикъ! Все ближе да ближе... Видимъ — летитъ карета прямо къ крыльцу. «Господа! господа!»

Выходятъ они, и за ними женщина вышла.... Катя! Мы обрадовались, цалуемъ ее, обнимаемъ, осматриваемъ, что́ изъ нея за человѣкъ вышелъ. Она ласково намъ отвѣчаетъ... Но все чудное что-то было въ ней... Смотришь на нее, и кажется тебѣ, что только она и выросла, и разуму дошла, а что ты-то дитёй осталась передъ ней, что не ровня ты ей....

IX.

И мужъ ея пріѣхалъ.

Съ мужемъ она жила не очень согласно; а онъ ее крѣпко любилъ и часто, бывало, плачется на

нее, что вотъ жена меня не любитъ! А она хоть бы слово ему какое утѣшное сказала: опуститъ только глаза и неподвижная такая, строгая и суровая... Онъ глянетъ, вздохнетъ и усмирится сейчасъ же. А какъ ея нѣтъ, то онъ разсказываетъ да горюетъ: «И за что́ я люблю ее? за что́? Не стоитъ она! И ужъ какъ я молилъ ее: люби! Чего же дождался?» — «Ты», говоритъ, «меня силою взялъ; у тебя правды Божьей нѣтъ; ты меня», говоритъ, «словно товаръ какой присвоилъ.» А я ее взялъ, оттого, что я жить-то безъ нея не могъ!» И жалко его бывало, какъ слушаешь; а какъ ее увидишь, то отчего-то вдругъ охолодѣешь къ нему. «Бѣдный человѣкъ!» скажешь только.

А она-то вѣдь никогда не жаловалась никому, и никто не посмѣлъ спросить, пожалѣть въ глаза; только развѣ пѣсню подслушаемъ. Какъ ужъ она пѣвала! Господи, какъ пѣвала! Душа твоя томится и рвется, бывало, слушаючи. Тяжело тебѣ, а все слушалъ бы. Вотъ разскажу вамъ, были мы на одной свадьбѣ съ нею, и женихъ и невѣста круглыя сироты. Тамъ и пѣли и величали, а Катерина только глядѣла на молодую, и словно ей жаль ея стало. Вдругъ она запѣла, опустивши голову на руки; запѣла она, затужила. Все утихло; всѣ смолкли. Разряженные гости, что и стояли, и сидѣли, смѣялись да шутили, словно окаменѣли; у всѣхъ голова склонилась, и слезы въ три ручья потекли. И этакъ тихо стало; только ея голосъ разливается, да рыдаютъ молодые.... А она

закрыла лице свое бѣлыми руками да все поетъ, и, кажется, перестать было не въ ея силѣ: пѣлось ей! А какъ ужъ она вымолвила:

Снарядить-то ее есть кому,
Благословить-то ее некому!

и женихъ и невѣста безъ памяти упали. Было въ ея пѣснѣ что-то нечеловѣческое. А пѣсня-то вся такъ пѣлась:

Ахъ ты, рѣчка, рѣчка быстрая!
Что течешь ты, не колыхнешься,
На крутой берегъ не взóльешься?
Ахъ ты, дѣвица-красавица!
Что сидишь ты, все кручинишься,
Говоришь ты, не усмѣхнешься?
«Отчего же мнѣ веселой быть,
На что́ глядячи, мнѣ утѣшиться?
Какъ и всѣ-то гости съѣхались...
Только нѣтъ-то мого батюшки,
Государыни моей матушки.
Вы, сестрицы мои, подруженьки!
Вы, подите въ церковь Божію,
Вы ударьте трижды въ колоколъ,
Разбудите мого батюшку,
Государыню мою матушку;
Разбудите и скажите имъ —
Что теперь-то мнѣ ихъ надобно:
Снарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому!» (1)

(1) Записана авторомъ впослѣдствіи отъ самой Катерины.

Съ той поры ее, бывало, первую на свадьбу просятъ: «Запой ты, Катерина, дай намъ поплакать!» Такъ, бывало, и говорятъ. И она безъ отговорки стала ходить. Бывало, рада такъ, что еще за день у ней глаза блестѣть станутъ и голосъ все дрожитъ.

На свадьбѣ, ужъ извѣстно, вино пьютъ; вотъ и она привыкать къ нему стала. А въ первый разъ, вотъ какъ это было. Былъ у насъ въ деревнѣ одинъ горемычный человѣкъ; звали его Михайла. У него жена умерла, дѣти умерли, обѣднѣлъ онъ и съ горя пить сталъ. Вотъ былъ онъ на свадьбѣ вмѣстѣ съ нами и слушалъ, какъ Катерина пѣла, и очень онъ плакалъ горько. Налилъ вина, подошелъ къ ней: «Выпей», говоритъ, «выпей, сердечная,—полегчаетъ!» Она подняла глаза, посмотрѣла на него, а онъ все плачетъ, все проситъ: «выпей!» Взяла она и выпила.

Не даромъ вѣдь говорятъ, что въ винѣ горе топится, а отъ того-то пьется вино, отъ того-то и жаждется горемыкамъ. Втянулась въ него Катерина, и сами мы не замѣчали; да какъ-то разомъ глаза у всѣхъ открылись потомъ. Она, бывало, прежде напоется, а тамъ ужъ и пить станетъ.

Я разъ и говорю ей тихонько на пиру: «Катерина, голубушка! не пей ты много: тутъ чужіе люди есть—осудятъ тебя; лучше ты спой намъ!«

«Ахъ, вы, люди безжалостные!» отвѣтила горь-

ко: «все вамъ пой да пой,—отдохнуть не дадите! Дайте отдохнуть, дайте выпить вина забывчиваго!»

И бывало ужъ какъ выпьетъ, не поетъ больше, а такъ, словно дремлетъ. Жалко было смотрѣть на нее.

X.

Дѣтей она любила. Бывало, сама придетъ и сидитъ между ними, и все будто ей жаль ихъ. Смотритъ-смотритъ, и по головкѣ погладитъ, другого за подбородокъ возьметъ, или за ушко.

И дѣти ее любили. Сказки имъ, бывало, сказываетъ, и чудно станетъ, глянувши на нихъ. Дѣти и веселы, и боятся, ушки насторожили, слушаютъ, жмутся къ ней сами, а она разсказываетъ-разсказываетъ. Мы, бывало, и сами подберемся, слушаемъ. Случается, что она и не замѣтитъ, глаза горятъ, а рѣчь-то, рѣчь-то льется! Слово изъ души вылетаетъ и въ душу просится живое слово!

И никогда она одинаково не разскажетъ, бывало, никогда. Дѣти и говорятъ ей: «Нѣтъ, нѣтъ», кричатъ, «забыли тетушка: тогда вотъ такъ разсказали (часто она все объ Ивасѣ Безродномъ разсказывала), а теперь, видно, забыли.»

«Дѣтки!» молвитъ, а сама глядитъ своими оча-

ми яркими и проникающими, «тотъ Иванъ Безродный умеръ; у меня другой народился!»

Дѣти смѣются, бывало; а намъ взгрустнется по ней: въ полномъ ли умѣ - разумѣ она?

XI.

Жила у насъ въ сосѣднемъ селѣ одна старушка дряхлая, одинокая, и была она знахарка превеликая. Вотъ и разскажи кто-то Катеринѣ, какія старушка та чудеса дѣлаетъ, какъ болящіе исцѣляются у ней, и какъ всѣ за совѣтомъ къ ней бѣгутъ. Катерина задумалась, а на другой день пошла къ знахаркѣ и пробыла тамъ долго, долго.

Приходитъ — барыня гнѣвается: «Какъ смѣла безъ спросу уйдти!» грозитъ и кричитъ. А та слушаетъ, и всё о чемъ-то думаетъ - думаетъ.

И съ того дня стала она такая ласковая, такая привѣтная. Бывало, какъ одна сидитъ да глянешь — суровая и строгая, словно осуждаетъ кого; чуть услыхала голосъ чей, увидала кого, — сейчасъ усмѣхнется и глянетъ ласково. И пить бросила. Мы думаемъ: «Слава Богу! слава знахаркѣ, — вылечила!»

XII.

Заболѣла у насъ дѣвочка. Катерина и говоритъ ея матери: «Полечу я вашу дочку!» Та молчитъ, —

боится говорить. А Катерина: «Не бойся, не бойся! Я знаю, чѣмъ ее лечить, и вылечу.»

«И вдругъ я ей повѣрила», говорила потомъ женщина та, «отдала дочку, — она и вылечила. Ночи надъ нею просиживала вмѣстѣ со мною, да еще, бывало, я истомлюсь, забудусь, а проснусь — она всё не спитъ, всё на мою дочку глядитъ....»

Вылечила она другого, третьяго и стала ужь всѣхъ лечить на деревнѣ. И по чужимъ ее селамъ даже брали, — вездѣ она помогала. Взяли ее разъ куда-то далеко къ болящей. Барыня всегда ее отпускала и любила, когда ей, бывало, Катерина гостинчикъ какой привезетъ, хоть калачикъ, что ли. Ну, еще и то, что всѣ ей кланялись за Катерину и ублажали ее. А она можетъ и пустить, можетъ и не пустить, — въ ея волѣ....Вотъ была Катерина въ отлучкѣ, а я тогда и заболѣй: грудь у меня ноетъ, знобитъ меня и горю, — тяжело приходится. Надумала матушка: «Повезу я тебя хоть къ старухѣ; она еще лучше Катерины лечитъ.»

XIII.

Пріѣхали мы туда. Избушка стоитъ; крыша взъерошенная; двери скрипливыя. Вошли — кромешная старушоночка лежитъ да охаетъ. Я гляжу на нее пристально — дряхлая, чуть живая.

«Бабушка, помогите!» говорю.

«Помоги мнѣ, Господи, да прибери скорѣй!»

простонала. «Я давно ужь изъ ума выжила, дитятко!»

«А вотъ», говорю, «вы нашу Катерину-то вылечили, — какъ рукой сняли.»

«Чудна ваша Катерина!» отвѣчаетъ: «Приходитъ ко мнѣ, спрашиваетъ: «Какъ мнѣ на свѣтѣ «жить?» А сама во всѣ глаза глядитъ на меня,— перепугала. «Живи, касатка, какъ люди», говорю. — «Нѣтъ, скажи, какъ мнѣ жить, мнѣ!» — «Сядь-ко», говорю, «да перекрестись, да молитву «прочитай: на тебя напущено.» Она сѣла, перекрестилась и заплакала. А тутъ у меня травы висятъ по стѣнамъ, и на окнѣ на солнушкѣ сушились. «На что̀ тебѣ травы столько?» спрашиваетъ. «Люде «дямъ помогаю.» — «Помоги же и мнѣ, родная!» — «Да что̀ у тебя болитъ-то? скажи!» — «Душа «моя болитъ!» проговорила тихо, а у самой слезы потекли. «А голова не болитъ?» — «И голова бо«литъ, и вся я больна!» Вотъ я ей травку даю; она поклонилась и пошла. — Я было вздремнула, слышу — опять стучатся, опять она. «Что «тебѣ?» — «Научи меня, родная, какими ты зель«ями лечишь?» Я разсердилась и гоню ее, а она ужъ такъ-то плачетъ, разливается: « Не научишь, то «убей меня тутъ! все равно я пропаду... «я вотъ», говоритъ, «ужъ сколько маялась на свѣтѣ — все «пусто да пусто, никого не радую, и никто меня «не веселитъ, и дѣла у мѣня нѣтъ душевнаго ни«какого.» Я думаю — дурѣетъ она, а жалко мнѣ ея. Я тамъ и показала ей кое-что, больше для

утѣхи ей. «Гдѣ жъ», думаю, «гдѣ ей запомнить!» А она вѣдь запомнила все. Начала, слышу, ужъ сама лечить. Досадно мнѣ и обидно было, что она у меня кусокъ хлѣба отбиваетъ. Разъ она пришла, и полны руки травъ. Я ея неласково встрѣчаю, а она словно не видитъ: «Знаешь эти травы, бабушка?» — «Не знаю», говорю, «да и «знать-то не хочу.» — «Нѣтъ», говоритъ, «ты «возьми. Я тебѣ это принесла. Полезныя травы, «цѣлющія!» — «Ты на чемъ ихъ испробовала-то, «что ручаешься?» — «Да на себѣ, бабушка.» — «Какъ «на себѣ?» — «А такъ», говоритъ: «вѣдь я прежде-то всегда сама попью; не свалитъ, — тогда и «людямъ даю.» Удивила она меня, ей Богу! А говоритъ-то вѣдь такъ, что сердце ей вѣритъ. И вотъ съ той поры она мнѣ травы-то всякія носитъ. Спасибо ей, не обидѣла меня за мою науку.»

XIV.

Мало помогла мнѣ старушка. Катерина пріѣхала — вылечила. Она, бывало, только за голову возьметъ, тихо да нѣжно, бережно такъ, и то ужъ полегчаетъ тебѣ.

И всегда она прежде, бывало, спроситъ: «Нѣтъ ли печали у тебя на сердцѣ? Разскажи мнѣ.»

Я и говорю ей разъ: «Что́ разсказывать-то? чужая печаль никому не горька, чужая бѣда никому не разумна!»

«Ужъ мнѣ ли не разумна?» отвѣтила, «мнѣ ли

не горька? Нѣту на свѣтѣ бѣломъ, нѣту мнѣ чужой печали, — все моя печаль. Пожила бы ты съ мое — узнала бы!...»

Удивилась я, слыша такую рѣчь и промолвила: «А мужъ-то твой?»

Она не разсердилась, нѣтъ! Только подумала немного и сказала: «И его печаль — моя печаль, да не мое дѣло помочь ему!... Не своей волей за бѣду я ему стала; а у него воля была неразумная.»

XV.

Кажись, спокойна она стала, довольна стала, а не по днямъ, по часамъ разрушало ее.... Посѣдѣла вся, и глубокія морщины такія по высокому челу легли.... А все сказки сказывала, все пѣла по-прежнему, — еще лучше, кажись!... Бывало, плачешь-плачешь, и еще плакать хочется, слушаючи....

А какъ она захворала, сколько людей собралось къ ней! плачъ-то какой! горя-то сколько! Мужъ любилъ ее сильно; самъ на человѣка не похожъ сталъ; плакалъ надъ ней, бывало, по цѣлымъ часамъ, — убивался-то какъ!

Она все молчала и смотрѣла на всѣхъ, словно задумавшись. Разъ только, передъ смертью ужъ, проговорила, будто себя не помня: «Люди вы бѣдные! люди вы горемычные!»

Марко Вовчокъ.

ЧТО ТАКОЕ ПОЭЗІЯ И ЧТО НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Слово *поэтъ* взяли мы, по письменному преданію, отъ древнихъ Грековъ. У нихъ поэтами звали людей съ высокими душевными способностями, и притомъ такихъ, которые умѣли свою мысль и чувство выскazать сильно, красно и всякому понятно. Мыслью и чувствомъ наградилъ Богъ каждаго, но не каждый разумѣетъ глубоко, что́ передъ нимъ дѣется, и не каждый принимаетъ близко къ сердцу добро и зло, радость и горе. Иной такъ ужъ и родится на свѣтъ человѣкомъ недоумковатымъ, и въ сердцѣ у него какъ-то нѣмо и пусто. Другого съ дѣтства пришибетъ жизнь горемычная, или вздорные люди отуманятъ своими рѣчами и дѣлами. Такіе безталанные мало что́ смекаютъ на вѣку своемъ, и самую печаль свою смутно какъ-то чувствуютъ. Слово у нихъ выходитъ вялое, и мудрено имъ высказать, что́ у нихъ въ душѣ дѣлается. Но случается, что человѣкъ по самой природѣ своей явится умнѣе и душою чутче прочихъ сверстниковъ. Отъ какихъ это причинъ происходитъ, — отъ счастливой ли на-

туры отца и матери, отъ невѣдомыхъ ли случайностей, отъ перваго ли младенческаго воспитанья, Господь одинъ то знаетъ; только ростетъ онъ умомъ и зрѣетъ душою не по днямъ, а по часамъ, и что́ бы ни постигло его въ жизни, все онъ выдержитъ безъ душевнаго упадка, и въ счастьи ли, въ горѣ ли — все онъ человѣкъередовой. Никто такъ мѣтко да сильно слова не молвитъ, никто и печальною рѣчью тебя такъ не задѣнетъ за сердце. Выходитъ изъ него, такъ скажемъ, краса-человѣкъ, и въ знатномъ ли кругу поставитъ его судьба, или велитъ ему пахать землю съ пахарями, а не то — бурлачить съ бурлаками, — всюду онъ первый безъ кичливости и властелинъ безъ насилія. Слово его—правда чистая: слово его берется изъ теплаго сердца и пройдетъ черезъ ясный разумъ, и ужъ мудрено то переиначить всему его обществу, что́ онъ проречетъ отъ полноты душевной. Завистникъ и недоумокъ встанетъ противъ него съ своей рѣчью недожеванной, и то не бѣда: всякая праведная душа вторитъ ему и, коль нельзя вслухъ, молча держитъ его сторону. Каждый изъ насъ встрѣчалъ на вѣку своемъ такихъ людей — и не въ одномъ какомъ-либо званіи, не въ одинаковой участи, не за одинаковой работой. Бываетъ иной разъ — мужикъ топоромъ передъ тобой рубитъ, а рѣчь его острѣй топора. Случалось намъ видать — баринъ перомъ канцелярскую суть переписываетъ, а словомъ отзовется въ го́рѣ или ра-

дости, — точно изъ пѣсни слово вынетъ, въ пѣсню бы вложилъ то слово задушевное и распѣвалъ бы его въ слухъ друзьямъ своимъ. Это тѣ люди, которыхъ Богъ создалъ какъ-то особенно и далъ имъ власть словесную надъ умами и надъ сердцами человѣческими. Не часты они въ жизни нашей, нѣтъ!... попадаются они изрѣдка среди міру, точно камни самоцвѣтные, и не всѣ они высказываютъ, что́ ихъ уму среди дня, словно день среди ночи, ясно видится, не всѣ они открываютъ намъ, что́ у нихъ въ сердцѣ совершается. Есть у нихъ минуты счастливыя или горькія, когда они свои мысли и чувства точно въ золотую цѣпь тебѣ выкуютъ; выскажутъ они вдругъ то, что́ долго въ душѣ точно скрытой огонь лежало и только словами-искрами въ повседневной рѣчи сверкало, и выходитъ ихъ рѣчь широка и гладка, и сильна — сильнѣе всѣхъ другихъ рѣчей, и кто слышитъ огненную ту рѣчь, долго не можетъ позабыть ее. Идетъ она въ присловья, перенимаютъ ее въ пѣснѣ, перепечатываютъ ее съ бумаги на бумагу. Разными способами выказывается такой одаренный особымъ даромъ человѣкъ: иной притчу сложитъ мудреную и правдивую, другой пѣсню споетъ — сердцемъ къ сердцу тебѣ застонетъ, а тотъ бумагу мертвую на вѣки вѣковъ словомъ своимъ оживитъ. Этакихъ-то людей называютъ поэтами, а рѣчи ихъ зедушевныя и незабвенныя — поэзіею.

Много было въ человѣчествѣ поэтовъ. Тысячи

лѣтъ живетъ на землѣ великое человѣчество, и въ каждомъ языкѣ являлись свои особенные даровитые люди, и родною рѣчью властвовали надъ родными себѣ умами и сердцами. То была власть кроткая и любовная; той власти всякая разумная душа своею волею покорялась. Владыки-поэты давали людямъ, въ своихъ глаголахъ, законъ правды и красоты душевной, и дорогъ былъ ихъ сопле-менникамъ тотъ законъ, какъ сокровище нетлѣнное, и хранили они его въ памяти и на бумагу списывали, и печатнымъ искусствомъ печатали, въ наслѣдіе потомкамъ. Рождались поэты на то, чтобы яснымъ дѣлать въ мірѣ, что́ темно и невразумительно было для міра, и словомъ ихъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ держатся въ мірѣ высокія понятія и прекрасныя чувства для всякаго, кто это добро духовное возлюбитъ и себѣ присвоить возжелаетъ. И какъ семья у семьи доброе слово перенимаетъ, такъ народъ у народа пренимаетъ его поэзію и на свой языкъ перекладываетъ, и изъ вѣка въ вѣкъ къ бо́льшему разуму приходитъ. Но, перенимая чужую поэзію, народъ у себя творитъ свою собственную, независимую. Каждый народъ живетъ по-своему и разумѣетъ вещи, къ себѣ принаровляя, къ своему быту, къ своему исконному обычаю. Поэтому родные поэты говорятъ понятнѣй родному сердцу, и родная поэзія для насъ, людей Русскихъ, милѣе и дороже всѣхъ другихъ поэзій. Разсѣяна она въ живыхъ рѣчахъ ходячихъ и въ голосистыхъ пѣс-

няхъ по всему русскому міру, и кто изъ насъ не знаетъ нашихъ присловій и прибаутокъ, которыми русскій человѣкъ, словно солью, свою бесѣду приправляетъ? Всѣ эти красные словца, всѣ эти золотыя словесныя блестки наслѣдовали мы отъ людей, которые жили прежде насъ на Руси и, живя, отъ богатой души своей, умныя и красныя рѣчи, точно жемчугъ, въ живой народъ роняли. Кто изъ насъ задушевныхъ пѣсень не заслушивался? Эти пѣсни — для души нашей не бездѣлица. Молода была душа наша — веселилась ихъ напѣвами и складными, звучными, что струны, словами. Состарится душа наша — вспоминать будетъ молодость незабвенную по этимъ звукамъ. Чистою правдою полны эти пѣсни: въ нихъ все то вѣрнымъ и мѣткимъ словомъ высказано, что́ было въ душѣ у того, кто ихъ сложилъ и пустулъ въ міръ на вѣчную о себѣ память. Это звонкоголосая исторія о людяхъ, которые когда-то жили, какъ мы живемъ на свѣтѣ, любили, какъ мы любимъ, страдали, какъ мы страдаемъ, надѣялись, какъ мы надѣемся, и все ждали чего-то лучшаго, какъ ждемъ и мы теперь, и никогда ждать не перестанемъ. Нельзя намъ не знать, какъ жили прежде насъ люди: намъ душа наша велитъ знать всю прошлую жизнь и всѣ радости, и всѣ муки. Намъ не имя и прозвище того дорого, кто передалъ намъ изъ далекой старины о себѣ голосъ: дороги намъ его мысли и чувства. Мыслями его мы богатѣемъ, чувствами его

душу свою украшаемъ. Вотъ почему, услыхавъ новую намъ пѣсню, живо мы ее своему уму присвоиваемъ, и въ сердцѣ она у насъ точно своя собственная радость или печаль засядетъ. Это капиталъ духовный, который вѣчно въ міру обора-чивается и отъ одного къ другому переходитъ, и отъ отцовъ къ дѣтямъ и внукамъ, были бъ только того достойны, по наслѣдству идетъ. Богатъ русскій міръ пѣснями; есть ему чѣмъ похвастать-ся передъ иными народами. На всякой случай въ жизни у него есть не одна, а сотни пѣсень. Какъ мать ребенка убаюкиваетъ, русскій человѣкъ крас-но и живописно въ пѣсняхъ своихъ тебѣ разска-жетъ. Какъ игры дѣтскія, веселыя, беззаботныя, малопечальныя игры, совершаются, — и про то пѣсни поютъ, словно изъ райскихъ дверей голоса вылетаютъ. Какъ любитъ дѣвушка, какъ прикло-няется къ ней сердце молодецкое,все это въ пыш-ныхъ картинахъ, въ золотыхъ рѣчахъ пѣсня вы-сказала, никакой радости и печали вспомнить не позабыла, всякіе случаи, счастливые и несчастные, точно на гусляхъ переиграла и въ разумъ тебѣ довела. Какъ женятся, какъ живутъ, веселятся и плачутъ, какъ умираютъ и на міръ Божій въ по-слѣдній разъ оглядываются, все, все, до послѣд-ней мелочи въ пѣсню вошло и навѣки въ ней, въ завѣтъ роду грядущему, осталось. Пѣсня — ду-ша жизни русской, пѣсня въ радости товарищъ, пѣсня въ горѣ утѣха. Тяжело и грустно было бы русскому человѣку на бѣломъ свѣтѣ безъ пѣс-

ни. Иной былъ бы онъ жилецъ мірской безъ пѣсни. Не далъ бы онъ о себѣ знать потомкамъ, кто онъ таковъ и какова была душа его.

Заѣзжіе къ намъ изъ чужа грамотѣи своему уму-разуму насъ учатъ и русской нашъ толкъ и вкусъ на свой переучиваютъ. Углубляемся мы въ бездну книжную, и простой умъ природный на умъ искусственный обмѣниваемъ. Къ иноземнымъ народамъ ѣздимъ за добычей умственной. Гордо смотримъ, наконецъ, вокругъ себя на ближняго, точно міръ весь подъ свою власть завоевали, и ужь сами себѣ кажемся не-Русскими: малодескать намъ имени русскаго, по нашимъ всемірнымъ умственнымъ владѣніямъ. Но когда, утоливъ гордость свою, переберемъ и сочтемъ все свое научное богатство и дадимъ ему цѣну истинную, окажется тогда, что, пріобрѣтая въ чужой сторонѣ, мы научились одному только — научились знать, что́ чего сто́итъ, и, научась, видимъ, что русскій народъ дороже сто́итъ для насъ всѣхъ иныхъ народовъ, и сокровища его душевныя—дороже всѣхъ иныхъ сокровищъ. Окажется, что пока мы не учились у иностранцевъ и не бывали у нихъ дома, мы низко, слишкомъ низко ставили свое родное и давали слишкомъ много цѣны чужому, мало извѣстному или невѣдомому. Хорошо оно тамъ, гдѣ оно есть, а наше *есть* и того для насъ лучше. Хорошо оно, чтобы знать его, но не годится, чтобы жить по немъ. Какъ спустится человѣкъ съ гордой высоты, что подняла его

наука иноземная, и взглянетъ своему народу въ лицо взглядомъ опытнымъ, и вслушается въ его пѣсню, въ его душу живую, — увидитъ онъ умомъ и уразумѣетъ сердцемъ, что всего тѣснѣй сжился онъ съ родной Русью и ничего не можетъ быть милѣе для него родной Руси. Много силы дали ему науки чужеземныя, а и больше того даетъ живая душа народа русскаго. Почтилъ онъ всякую поэзію въ чужихъ народахъ, обогащая умъ свой, а и больше того станетъ чествовать самобытную русскую пѣсню, которая высоко поднимаетъ его просвѣщенную душу. И что просвѣщеннѣе сталъ русской человѣкъ въ духѣ и истинѣ, то жарче приникнетъ къ своему народу и глубже войдетъ въ духъ и красоту его пѣсни. Только люди порченные и наукой недоконченные чуждаются ее, забываютъ ее, на чужой соръ мѣняютъ ее. Не по способности, значитъ, наслѣдство наслѣдникамъ, не по заслугѣ имъ дары многоцѣнные. Не знаютъ, значитъ, они народа извнутрь его души; знаютъ его съ чернаго тѣла запыленнаго, съ лица, мятелью засыпаннаго. Не велика однакожъ потеря — шелуха съ зерна: унесетъ ее вѣтромъ, а зерно къ зерну присыплется. Начитались мы довольно иноземныхъ книгъ, насмотрѣлись мы вдосыть на жизнь иноземную, на иноземные законы и обычаи. Много хóроша и много худа. Хорошее — примѣръ намъ; худое — намъ острога; а жизнь наша и душа наша все же на Руси святой. Величаемъ тебя, рабочій русскій народъ!

ты не много позанялъ отъ сосѣдей нравовъ, обычаевъ и житейской мудрости: ты самъ о себѣ крѣпокъ умомъ живешь; ты пѣсню о себѣ изъ своей души поешь; твоя поэзія — не заемная, самобытная; а что́ зерномъ лежитъ, то корешкомъ пойдетъ, а изъ корешка пышнымъ стеблемъ, тучнымъ колосомъ выкинется. Много вѣковъ миновало тебѣ, а все смотритъ ты свѣжимъ юношей, и широкъ передъ тобой раздолъ мужества. Величаемъ тебя, простой русской работникъ, что не состарѣлся ты духомъ отъ безвременья, что не принялъ ты на-вѣру чужихъ обращиковъ, не запѣлъ и не зажилъ на чужой ладъ, что умнѣй ты былъ премудрыхъ грамотѣевъ своихъ, не бросился ты съ ними мѣнять свое на чужеземное и остался при родномъ обычаѣ, при родной простой рѣчи своей, при своей пѣснѣ, ни у кого не перенятой. Нѣтъ въ мірѣ слова сильнѣе, голосистѣе твоего, нѣтъ пѣсни задушевнѣе твоей, нѣтъ ни у котораго народа души свѣжѣе и моложе твоей....

П. Кулишъ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

(Подобранныя авторомъ предыдущей статьи.)

I.

Ахъ, ты, сердце мое, сердце,
Ретивое, молодецкое!
Къ чему ноешь-занываешь,
Ничего мнѣ не скажешь,
Что ни радости, ни печали,
И ни одной бѣды и напасти?
Привязалось ко мнѣ горе,
Къ молодому мóлодцу;
Я не знаю, какъ и быти,
Своему горю пособити;
Не могу горя избыти,
Ни заѣсть и ни запити.
Я пойду ли лучше въ поле,
И разсѣю мое горе
По всему по чисту полю:
Уродися, мое горе,
Ты травою полыньею.
Какова трава полынь горька,
Таково-то горе сладко!

II.

Ужъ какъ полно, красна дѣвица, тужити!
Не наполнишь ты синя́ моря слезами,
Не воротишь друга милаго словами.
Говорила я милому, говорила,
Я въ упросъ ли друга милаго просила:
«Не женися ты, мой милый, не женися!»
Не послушался, душа моя, женился, —
Онъ присыпалъ ко бѣдну́ сердцу печали,
И онъ налилъ очи ясныя слезами,
Запечаталъ уста алыя онъ кровью.

III.

У дороднаго добра мо́лодца
Много было на службѣ послужено —
На нечи было въ воли полежало.
Дослужился я, добрый мо́лодецъ, до край печи,
И увидѣлъ корыто предолгое,
Что опросилъ я у товарищей:
«Не та ли то Волга широка и долга,
Широка и долга, крутобе́режна?»
Какъ увидѣлъ въ ставчикѣ ложечки:
«Не тѣ ли то веслы, чѣмъ на Волгѣ гребутъ?»

У дороднаго добра мо́лодца
Много было на службѣ послужено —
Съ кнутомъ за свиньями похожено;
Много цвѣтного платья поношено —
И саха́рнаго куска поѣдено—
У ребятъ корокъ отымано;

На добрыхъ коняхъ поѣзжено —
На чужія дровни присѣдаючи,
Ко чужимъ дворамъ приставаючи.

У дороднаго добра мóлодца
Много было на службѣ послужено—
На поварняхъ было по сижено,
Кусковъ и оглодковъ попрошено,
Потихоньку безъ спросу потаскано,
Голиками глаза выбиты,
Ожегомъ плеча поранены.

IV.

Охъ-ти, горе великое,
Тоска-печаль несносная!
Куда бѣжать — тоску дѣвать?
Въ лѣса бѣжать—листья́ шумятъ,
Листья́ шумятъ, часты кусты,
Часты кусты ракитовы.
Пойду съ горя въ чистó поле,—
Въ чистомъ полѣ трава ростетъ,
Цвѣты цвѣтутъ лазоревы.
Сорву цвѣтокъ, совью вѣнокъ,
Совью вѣнокъ милу́ дружку,
Милу́ дружку на головушку:
«Носи вѣнокъ — не скидывай:
Терпи горе—не сказывай.»
— « Нося вѣнокъ, самъ скинется:
Терпя горе, слово молвится.»

V.

Ты, рябинушка, ты, кудрявая,

Ты когда взошла, когда выросла?
Ты, рябинушка, ты, кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
«Я весной взошла, лѣтомъ выросла;
Я весной цвѣла, лѣтомъ выцвѣла.»
Подъ тобою ли, подъ рябинушкой,
Что не макъ цвѣтетъ, не трава ростетъ,
Не трава ростетъ, не огонь горитъ,
Не огонь горитъ, — ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодеческое.
Ахъ, горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ,
По душѣ ль, душѣ, по лебедушкѣ,
По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.
Ты, душа ль, душа, красна дѣвица!
На зарѣ ль, зарѣ, зарѣ утренней,
При восходѣ ли свѣтла солнышка,
Не простившися съ отцомъ, съ матерью,
Не видавшись съ добрымъ мóлодцомъ,
Жизнь оставила, скончалася.
Ой вы, вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, вы осенніе!
Вы не дуйте здѣсь: васъ не надобно.
Прилетайте вы, вѣтры буйные,
Что со сѣверной со сторонушки,
Вы развѣйте здѣсь мать сыру землю,
И, развѣявши по чистýю полю,
По чистýю полю, по широкому,
Вы раскройте мнѣ гробову доску,
Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
Распрощатися съ моей милою,
Съ моей милою, съ душой дѣвицей!

Окропивъ ея горючéй слезой,
Я вздохну, умру подлѣ ней тогда.

VI.

Какъ во городѣ было во Казани,
Среди было торгу на базарѣ: —
Хмѣлюшка по выходамъ гуляетъ,
Да и самъ себя хмѣль выхваляетъ:
Что и нѣтъ-то меня, хмѣлюшки, лучше,
Хмѣлевой моей головки веселѣе.
Еще царь-государь меня знаетъ,
Господа, бояре почитаютъ,
Священники-попы благословляютъ.
Да и свадьбы безъ хмѣля не играютъ,
И крестинъ безъ меня не бываетъ.
Еще въ домѣ подерутся-побранятся,
Да и тутъ безъ хмѣля не мирятся.
Только лихъ на меня мужикъ-крестьянинъ:
Онъ частенько во зеленый садъ гуляетъ,
Онъ широкія борозды копаетъ,
Глубоко меня, хмѣля, зарываетъ,
Въ ретиво сердце тычинку втыкаетъ.
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался—
По тычинушкѣ вверхъ увивался,
Распустилъ свои яровы шишки.
Красны дѣвушки хмѣлинушку сбирали,
Во рогожные кули зашивали,
На овинѣ меня, хмѣлюшку, сушили,
На базаръ меня, хмѣля, вывозили.
Что богатые мужики покупали,
Во суслицѣ меня, хмѣлюшку, топили.

По дубовымъ бочкамъ разливали.
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался —
По уторамъ я, хмѣль, расходился,
Въ молодецкія головы забирался,
Не въ одномъ мужикѣ разыгрался.
Отсмѣю жъ я крестьянину насмѣшку:
Ужъ я сдѣлаю его сатаною,
Я ударю его въ тынъ головою!
. . . . . .

VII.

Изза бору, бору, изза зелено́ва
Протекала свѣтъ быстрая рѣчка,
Стучала-гремѣла по каменьямъ острымъ,
Обростала быстра рѣчка калиной, малиной.
На калиновомъ мосточкѣ сидѣла голубка,
Ноженьки мыла, перемывала,
Свое сизо перышко перебирала,
Свою буйну голову она чесала;
Перечесавъ буйну голову, сама взворковала:
«Завтра поутру батюшка будетъ....
Хоть онъ будетъ, аль не будетъ, тоски не убудетъ;
Вдвое, втрое у голубки печали прибудетъ.»

VIII.

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты рацвѣтали:
Ахъ, кабы на меня да не кручина,
Ни о чемъ бы я нетужила!
Не сидѣла бы я подпершися,
Де глядѣла бы я во чисто́ поле....

И я батюшкѣ говорила:
«Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, государь, за неровню;
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы:
Не съ хоромами жить — съ человѣкомъ,
Не съ богатствомъ жить мнѣ, а съ совѣтомъ.»

XI.

Что пониже города было Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала, пролегала мать Камышенка рѣка;
Какъ съ собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга.
Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку.
Что по той ли быстринѣ, по Камышенкѣ рѣкѣ,
Какъ плывутъ тутъ, выплываютъ два снарядные стружка.
Хорошо были стружечки изукрашены:
Они копьями, знамены будто лѣсомъ поросли.
На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, все Донскіе козаки,
Да еще жъ и Гребенскіе, Запорожскіе.
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны кумачемъ подложены,
Астрахански кушаки полушелковые,
Пестрядиныя рубашки съ золотымъ голуномъ,
Что зеленъ сафьянъ — сапожки, кривые каблуки,
И съ зачесами чулки да всѣ гарусные.
Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ,
Они хвалятъ-величаютъ православнаго царя,
А бранятъ они клянутъ воеводу,

Что съ женою и съ дѣтьми и со внýчатами:
«Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,
Кормовое, годовое, наше денежное,
Да еще же не пущаетъ насъ по Волгѣ погулять,
Внизъ по Волгѣ погулять, съ дунинаю воспѣвать.»

X.

Ахъ, молодость, молодость!
Чѣмъ-то вспомянуть тебя?
Вспомяну я молодость
Тоскою-кручиною,
Тоскою-кручиною,
Печалью великою.
Не пила, не ѣла я,
Все милòва ждала я.
Пойду млада пó воду
Съ ушатами, ведрами.
Пущу ведра подъ гору,
Сама взойду на гору.
Сама сяду на траву,
Прикинуся яблонью,
Яблонькой кудрявою,
Грушею зеленою.
Мимо той ли яблоньки
Протекала рѣченька,
Какъ по той ли рѣченькѣ
Съѣзжалися господа;
Какъ срубили яблоньку
Подъ самый подъ корошекъ;
Раскололи яблоньку
На доски на тонкія,

На доски на тонкія —
Дѣлать гусли звóнчаты.
Кому поиграть въ гусли,
Кому поплясать будетъ?
Играть въ гусли молодцу,
Плясать красной дѣвицѣ.

ДѢДУШКА.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ;
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

* *
*

Бѣлъ какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испитымъ лицомъ,
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.

* *
*

Все прошло, пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.

* *
*

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ;
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлой,

Съ печки не спрыгнетъ.

* *
*

Старику немного надо:
Лапти сплесть, да сбыть —
Вотъ и сытъ. Его отрада
Въ Божій храмъ ходить.

* *
*

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славитъ Бога
Божіе дитя.

* *
*

Радъ онъ жить, не прочь въ могилу,
Въ темный уголокъ....
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичокъ?

ПѢСНЯ БОБЫЛЯ.

Ни кола, ни двора,
Зипунъ — весь пожитокъ....
Эхъ, живи не тужи,
Умрешь — не убытокъ!

Богачу-дураку
И съ казной не спится;
Бобыль голъ какъ соколъ,
Поетъ-веселится.

Онъ идетъ да поетъ,

Вѣтеръ подшѣваетъ:
Сторонись богачи!
Бѣднота гуляетъ!

Рожь стоитъ по бокамъ,
Отдаетъ поклоны....
Эхъ, присвистни, бобыль!
Слушай, лѣсъ зеленый!

Ужь ты плачь ли, не плачь —
Слезъ никто не видитъ;
Оробѣй, загорюй —
Курица обидитъ.

Ужь ты сытъ ли, не сытъ,
Въ печаль не вдавайся,
Причешись, распахнись,
Шути-улыбайся.

Поживемъ да умремъ —
Будетъ голь пригрѣта....
Разумѣй, кто уменъ....
Пѣсенка допѣта!...

И. Никитинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!

Иду — съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колятъ мнѣ лицо... Иду я наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О Божья благодать!... о, какъ прилечь отрадно
Мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я — на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя, точно въ морѣ,
Ужь вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ — по зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
Вездѣ скрыпятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влагѣ ударяя...
О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай — дары святые неба;
Но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно;
О дай намъ солнышка! пошли Ты вёдра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками

Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И, позабывъ, что ихъ мы полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

А. Майковъ.

ПѢСНЯ.

Не красна заря занималася,—
Зачиналася, зарождалася
Нова долюшка крестьянская,
Доля новая, моленая,
У Христа Бога прошеная.
На канунѣ дня Николина,
Государь Царь батюшка —
Александръ-свѣтъ Николаевичъ
Писалъ грамоту великую
Ко всѣмъ боярамъ, ко помѣщикамъ:
«Вы ль, бояре, вы помѣщички!
Слуги мои вѣрные, надежные!
Собирайтесь по уѣздамъ, по губерніямъ,
А и думайте думу крѣпкую,
Думу крѣпкую, великую, —
Какъ уладиться съ крестьянами:
Абы крестьянамъ жить, не тужить,
За меня Царя, за васъ Бога молить;
А и надобны крестьянамъ усадьбы, дворы,
Чтобъ хозяйствомъ жить, не бродяжничать,
А и нужны крестьянамъ луга, поля,
Чтобъ себя кормить, дани разны платить;

Пусть же усадьбы, дворы они выкупятъ,
Луга, жъ, поля, сколько надобно,
По найму берутъ, по условію.
А и выкупъ съ наймомъ по цѣнѣ платить,
Иль работою иль деньгами,
Какъ міромъ урядятся.

* *
*

Вы ль бояре, вы помѣщички!
И вы думайте думу крѣпкую, безъобидную—
Абы съ правдой любовь въ вашей думѣ жила.
А даю вамъ сроку на шесть мѣсяцевъ;
А пройдутъ мои мѣсяцы срочные,
Приносите вы свои думушки
Ко мнѣ ль, къ Царю Бѣлому:
Я и самъ еще попридумаю,
Какъ уладить дѣло крестьянское,
Христіанское.

* *
*

И собираются бояре, съѣзжаются
По всѣмъ уѣздамъ, по губерніямъ;
Они думаютъ крѣпку думушку,
Какъ исполнить волю Царскую, —
Абы крестьянамъ жить, не тужить,
За Царя, за нихъ Бога молить.

* *
*

Умудри, Господи, бояръ, помѣщиковъ!
Пошли имъ Господи, думу скорую, совѣтную!
Абы не было межъ ними спорщиковъ,
А и не было откладальщиковъ,
Абы дума въ дѣло свершилася.
Слава Царю батюшкѣ,
Что помнитъ крестьянушекъ!

Подай ему, Господи, Царство мирное,
Царство мирное благословенное!
Порадуй его дѣтками и внуками,—
Приведи ему, Господи,
Видѣть правнуковъ!

Иванъ Бѣляевъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

I. Правительственныя распоряженія, — составлены

стр.

И. Троицкимъ:

а) Рѣчи Государя Императора:

Тверскому дворянству . . . . . 4.

Вологодскому дворянству. . . . . 5.

Костромскому дворянству. . . . . 6.

Смоленскому дворянству . . . . . 7.

Виленскому дворянству . . . . . 8.

б) О Высочайшій рескриптъ начальнику пермской губерніи объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ . . . . 9.

в) О присоединеніи охтянскихъ поселянъ къ Санктпетербургскому городскому обществу . . . . . 12.

г) Объ уволненіи дѣтей нижнихъ чиновъ департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій въ свободныя сельскія и городскія, податныя сословія . . . . . 14.

д) Объ открытіи женскихъ училищъ . . . . . 17.

е) Объ открытіи училища при тюремномъ замкѣ въ городѣ Самарѣ . . . . . 18.

ж) Объ акціонерныхъ обществахъ . . . . . 19.

з) Правила для обозначенья осадки рѣчныхъ судовъ . . . 26.

и) Правила о публичной продажѣ движимыхъ имуществъ . 27.

і) Объ устройствѣ рекрутскихъ участковъ Государственныхъ крестьянъ въ Сибири. . . . . 28.

к) О льготахъ лицамъ, переселяющимся въ города Аяузъ, Конбекты и Копалъ 29

стр.

л) Объ учрежденіи и города Софійска . . . . . 31.
м) Объ учрежденія сарапульскаго удѣльнаго имѣнія . . . 31.
н) О перечисленіи Государственныхъ крестьянъ въ удѣльное вѣдомство . . . . . 32.
о) О лѣсномъ налогѣ . . . . . 32.
п) Указы относительно промысловъ и торговли . . . . . 33.
р) Объ изданіи перваго продолженія полнаго свода законовъ. 36.
с) Списокъ крестьянъ и мѣщанъ, которыхъ Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловать изволилъ разными наградами . . . . . 38.
II) Разсказы изъ Русской Исторіи. Разказъ С. Максимова . . . . . 46.
III) Атаманъ-князь Ермакъ Тимоѳеевичъ И. Троицкаго . . . . . 73.
IV) Нѣсколько словъ о Сибири и рѣки Амурѣ . 125.
V) Какой благодати ждать отъ міра А. Разина. 132.
VI) Говорятъ и спорятъ . . . . . 151.
VII) Кіевскіе богомольцы П. Кулиша. . . . . 153.
VIII) Совѣтъ матерямъ . . . . . 167.
IV) Катерина Марка Вовчка . . . . . 178.
X) Что такое поэзія и что народная пѣсня. 195. П. Кулиша
XI) Народныя пѣсни . . . . . 204.
XII) Дѣдушка И. Никитина . . . . . 212.
XIII) Пѣсня Бобыля И. Никитина. . . . . 213.
XIV) Нива Майкова. . . . . 214.
XV) Пѣсня Ивана Бѣляева. . . . . 216.

ОПЕЧАТКИ:

Напечатан:			*должно быть:*
стран.	строк.		
184	20	будто ей что чего-то	будто ей чего-то
185	9	слышалъ	слышимъ
196	29	суть	сушь
197	28 и 29	зедушевныя	задушевныя

НАРОДНОЕ

ЧТЕНІЕ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ,

СОСТАВЛЕННАЯ

А. ОБОЛОНСКИМЪ И Г. ЩЕРБАЧЕВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 13 мая 1859 года.

Цензоры: *В. Бекетовъ.*
К. Обертъ.
и *С. Палаузовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША,

на углу Вознесенскаго и Екатерингофскаго проспектовъ, въ домѣ Лея.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Въ старые годы думали, что грамотность и науки нужны только для немногихъ людей, — для тѣхъ, которые управляютъ другими. Думали, что достаточно начальнымъ людямъ быть образованными, и дѣло пойдетъ хорошо, хотя бы подчиненные были не болѣе, какъ простыя механическія силы. Но время шло и показывало многими опытами, что умная голова тогда только сильна на дѣлѣ, а не на словахъ однихъ, когда ее слушаются другія умныя головы. Такъ какъ въ машинѣ каждая самая мелкая вещь должна соотвѣтствовать отдѣлкою крупнымъ, такъ и въ дѣлѣ живомъ слѣдуетъ подначальному человѣку на столько быть ошлифованнымъ, чтобы вполнѣ понимать и возможно лучше исполнять мысль своего старшаго. Безъ этого всякая мысль, выходя изъ умной головы, останавливается на ходу своемъ въ живомъ дѣлѣ: не понимаетъ ее ясно другая, подначальная голова, и не понимая искажаетъ, да уже искаженную пускаетъ въ ходъ; и этакъ разумное

намѣреніе старшаго явится, пожалуй, на дѣлѣ смѣшнымъ и даже вреднымъ. Кого винить? Старшій не виноватъ, что его не поняли; меньшіе тоже не виноваты, что понять были не въ силахъ; а въ сущности виноваты всѣ. Не слѣдовало учить изъ множества людей одного, или немногихъ: слѣдовало всѣхъ учить заровно; пускай бы каждый началъ съ аза и учился грамотѣ и наукамъ, сколько могъ, сколько позволили бы ему обстоятельства и способности. Нѣкоторые пріостались бы позади, другіе ушли бы впередъ; но когда дошло бы до дѣла, то эти передовые нашли бы людей, которые понимали бы ихъ мысли, которымъ растолковать можно бы было. Всѣ дѣятели общественные оказались бы, такъ скажемъ, учениками одной школы, только не равныхъ успѣховъ. Этимъ способомъ всякое предпріятіе шло бы у насъ успѣшнѣе, и десятеро людей сдѣлали бы, пожалуй, то, чего не въ состояніи сдѣлать два десятка, непонимающихъ своего распорядителя.

Говорится здѣсь только о дѣлахъ, которыя исполняются по плану одного, или нѣсколькихъ умныхъ человѣкъ: трудно ихъ выполнить, когда нѣтъ людей, достаточно образованныхъ, чтобъ понимать самую мысль предпріятія. Но если взглянемъ пошире, то откроется еще большая надобность въ умственномъ развитіи всѣхъ общественныхъ дѣятелей, какъ бы ни была мала сама по себѣ ихъ часть общей работы. Образованность — не какая-нибудь прихоть досужаго ума;

образованность — не роскошъ жизни, какъ полагаютъ нѣкоторые. Это — сила, нужная каждому для того, чтобы жить по возможности достойнѣе имени *человѣкъ*. Всѣмъ извѣстно, какія безчинства позволяютъ себѣ нѣкоторые начальные люди среди необразованныхъ, темныхъ подчиненныхъ. Представьте же, еслибы кто-нибудь изъ этихъ нѣкоторыхъ вздумалъ обойтись такъ въ образованномъ обществѣ. Пусть это общество будетъ вовсе не чиновное, а только образованное. Вѣдь самый грубый чинъ—малый или большой, все равно — невольно смирится. Отчего? Права его тѣ самые, власти его никто у него не отнимаетъ; а поведетъ себя онъ въ образованномъ кругу болѣе по-человѣчески, чѣмъ въ необразованномъ. Диковина! А дѣло вѣдь ясно: онъ чуетъ силу, которая сильнѣе его правъ и власти; эта сила—образованность. Онъ чуетъ, что каждое слово его будетъ взвѣшено, каждое нахальное движеніе осмѣяло въ каждой разумной душѣ; а это такой судъ, котораго ужасается и тотъ, кто не боится никакого иного посрамленія. Этого мало: самыя злоупотребленія власти прекращаются тамъ, гдѣ каждый, или почти каждый, можетъ ясно разумѣть, въ чемъ именно нарушено гражданское, или личное право. Это мы видимъ по тѣмъ народамъ, которые признаны *образованными*. У нихъ безнаказаннаго произвола въ исправленіи общественной службы нѣтъ и быть не можетъ. А чѣмъ народъ необразованнѣе, тѣмъ чаще терпитъ онъ

отъ людей, выбравшихся кой-какъ въ начальники. Почему эти господа смѣютъ обижать простой народъ? Потому что они сильнѣе. А чѣмъ сильнѣе они? Тѣмъ, что знаютъ то, чего не знаютъ другіе, имъ подначальные. Сила ихъ—образованность, то есть, образованность сравнительно съ тѣми, которыхъ они туманятъ и путаютъ въ своихъ бумагахъ; безсиліе ихъ подначальныхъ—невѣжество. Положимъ я, который пишу эти строки, буду подначаленъ волостному писарю, или другому начальному человѣку. Вѣдь со мной онъ не поступитъ ни такъ нахально, ни такъ несправедливо, какъ съ какимъ-нибудь неграмотнымъ поселяниномъ. Богатъ ли я, или бѣденъ, есть ли у меня знакомства съ людьми посильнѣе, или нѣтъ,— все равно онъ будетъ со мной остороженъ, и очень остороженъ. Почему? понятно каждому. Что же, если не я одинъ равенъ по образованности начальному человѣку, а вся наша община? Тогда, естественно, онъ укротится, каковъ бы онъ тамъ ни былъ себѣ; тогда, естественно, станетъ онъ ходить передъ нами тихо, говорить учтиво, исполнять свою должность осторожно. Вотъ и выходитъ, что противъ злоупотребленій разныхъ грамотѣевъ, отъ которыхъ часто терпитъ народъ, самое надежное средство образованность. Это духовная сила, противъ которой не устоитъ никакое ело. Добралось наконецъ до этой истины наше правительство и, сколько сможетъ, старается о томъ, чтобы низшій слой народа не оставался

темнымъ. Такой толкъ даемъ мы слѣдующему Высочайшему повелѣнію.

«1858 года декабря 14, Государь Императоръ, утвердивъ предположенія о порядкѣ преобразованія заведеній военныхъ кантонистовъ и неранжированныхъ баталіоновъ бывшихъ учебныхъ стрѣлковыхъ полковъ въ училище военнаго вѣдомства, на основаніяхъ, указанныхъ въ Высочайше утвержденномъ 10-го іюня 1858 года положеніи о сихъ училищахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отеческой заботливости и попеченія о нижнихъ чинахъ, кои, по обязанностямъ службы, старости лѣтъ и другимъ причинамъ, особенно затрудняются въ содержаніи малолѣтнихъ дѣтей, Всемилостивѣйше соизволилъ дозволить, *въ видѣ опыта*, принимать въ училища солдатскихъ дѣтей, *съ дѣсятилѣтняго* возраста.»(1)

Этотъ документъ выражаетъ мысль, что слѣдуетъ образовывать умы, начиная съ самаго низшаго класса гражданскаго общества. Но какъ образовывать? то есть, какимъ способомъ? Вербовать ли мальчишекъ по деревнямъ и обучать ихъ для какой-нибудь надобности, напримѣръ, для писарскаго дѣла, или предоставить родителямъ свободу въ выборѣ школы и наукъ? Очевидно для каждаго, что второй изъ этихъ двухъ способовъ разумнѣе и справедливѣе. Правительство наше, стараясь идти по пути разума и правды,

(1) *Сенатскія Вѣдомости*, 1859 г. № 7.

принялось исправлять прежнія распоряженія, которыя сдѣланы были людьми, умными по своему времени, *умными* такъ, какъ въ тѣ поры понималось это слово, а не такъ, какъ оно понимается нами. Къ числу ихъ ошибокъ принадлежитъ, между прочимъ, школа писарей при лѣсномъ и межевомъ институтѣ министерства государственныхъ имуществъ, учрежденная въ 1844 году. Оно какъ-будто и хорошо: писаря нужны въ министерствѣ; министерство государственныхъ имуществъ—вѣдомство обширное: гдѣ взять писарей, пріученныхъ къ бумагамъ, собственно ему свойственнымъ, къ вѣдомостямъ, собственно для этого вѣдомства придуманнымъ? И вотъ набираютъ десятка три мальчишекъ изъ подвѣдомственныхъ министерству семействъ, везутъ въ Петербургъ и ввѣряютъ начальнику и учителямъ школы: выдѣлайте изъ нихъ писарей, — не людей, болѣе или менѣе образованныхъ, а именно писарей. Кто были эти учители и ихъ начальникъ, какъ обходились они съ дѣтьми, взятыми изъ родныхъ семействъ, какъ выдѣлывали изъ нихъ живыя машинки для переписки министерскихъ бумагъ,— не извѣстно. Но по новымъ понятіямъ о томъ, что́ такое человѣкъ и какъ слѣдуетъ приниматься за его образованіе, школа писарей оказалась явленіемъ несовременнымъ, и вотъ 29 декабря прошлаго года состоялось слѣдующее Высочайшее повелѣніе.

«Сдѣлать нынѣ же распоряженіе къ закрытію

этой школы, возвративъ изъ числа находящихся въ оной 27-ми мальчиковъ восемь человѣкъ на попеченіе родителей, или родственниковъ, согласно изъявленному ими на то желанію, а изъ остальныхъ за тѣмъ девятнадцать человѣкъ — одного передать въ коннозаводское вѣдомство, какъ пансіонера онаго, а восемнадцать распредѣлить, по усмотрѣнію министерства, сообразно способностямъ ихъ, въ Лисинское егерское училище, или же въ межевыя и писарскія должности» (1).

Въ каждомъ правительственномъ распоряженіи надобно искать намъ, людямъ частнымъ, живой мысли. Эти распоряженія дѣлаются для насъ, и намъ слѣдуетъ ихъ знать и разумѣть. Безъ того правительство будетъ безсильнымъ дѣятелемъ, при всей видимой своей силѣ. Могущество его, въ смыслѣ благотворности для народа, зависитъ отъ того, что его понимаютъ, что ему сочувствуютъ. На этомъ-то основаніи сказалъ одинъ умный человѣкъ, что сила политическаго краснорѣчія заключается больше въ народѣ, который слушаетъ, чѣмъ въ человѣкѣ, который говоритъ. Слова, весьма замѣчательныя! приложить ихъ можно ко всякому, кто поставленъ править умами и волей себѣ подобныхъ. Да, было бы недостойно съ нашей стороны разсѣянно, или равнодушно внимать тому, что́ обнародывается въ Россіи во всеобщее свѣдѣніе отъ правительства. Изъ предыдущихъ двухъ

(1) *Сенатскія Вѣдомости*, 1859 г. № 10.

статей, да и изъ многаго другого, видно, что его вниманіе обращено нынѣ всего больше на огромное большинство населенія имперіи,—на простонародье во всѣхъ его видахъ. Если этотъ слой русской жизни сдѣлался въ наше время не первымъ, то очевидно — главнымъ. Въ немъ хранятся свѣжія силы, которыми обновится Россія, при благотворномъ вліяніи просвѣщенія. Это почувствовано наконецъ многими, если не всѣми, распорядителями народнаго богатства, народнаго внутренняго устройства, народнаго образованія. А что почувствовано, видимъ изъ того, что допускаютъ и простой народъ къ участію во всевозможныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ наравнѣ съ высшими сословіями, что даютъ простому народу нѣкоторую возможность обсуживать и рѣшить въ своемъ простомъ обществѣ, какъ ему быть, какъ ему жить относительно поземельной собственности, что уменьшаютъ съ каждымъ годомъ обязательныя школы и предоставляютъ обучаться, кто чему хочетъ, гдѣ и какъ сможетъ. Всѣ эти мѣры, конечно, не что́ иное покамѣсть, какъ осторожные опыты; но мы, люди частные, люди, управляемые другими, должны быть благодарны и за то управляющимъ нами, что отъ насъ требуютъ не слѣпого, а разумнаго исполненія предначертанныхъ высшею властію мѣръ къ улучшенію общественной нашей жизни. Отъ нашего спокойствія, отъ нашего сознанія собственнаго достоинства, отъ нашей дѣятельности будетъ зависѣть болѣе суще-

ственное наше участіе въ судьбахъ гражданскаго нашего общества. Покамѣсть, намъ стараются облегчить только путь жизни, а разумъ, ведущій по нему, въ насъ предполагается. Къ такого рода правительственнымъ распоряженіемъ принадлежатъ слѣдующія Высочайше утвержденныя постановленія государственнаго совѣта, въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ.

«1. Обязательства, договоры и всякаго рода акты, какъ домашніе, такъ и явочные, или же крѣпостнымъ порядкомъ совершаемые, писанные, вопреки установленнымъ объ употребленіи гербовой бумаги правиламъ, на простой, или не надлежащаго достоинства гербовой бумагѣ, не признаются, по сей одной причинѣ, недѣйствительными.

«2. Тѣ изъ сихъ актовъ, кои совершены явочнымъ или крѣпостнымъ порядкомъ, подлежатъ полному удовлетворенію наравнѣ съ актами, совершенными съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ о гербовой бумагѣ правилъ; но присутствующіе и секретари, надсмотрщики, писцы крѣпостныхъ дѣлъ, нотаріусы и маклеры, допустившіе нарушеніе сихъ правилъ, подвергаются установленному за сіе въ статьяхъ 634 и 635 Улож. о Наказ. (Св. Зак. Т. XV, изд. 1857 года) взысканію.

«3. Всѣ прочіе изъ упомянутыхъ въ ст. 1-й актовъ, хотя и подлежатъ, равнымъ образомъ, удовлетворенію, когда не опровергается дѣйствительность подписи должника и вообще не будетъ

предъявлено противъ самаго содержанія акта никакого спора; но проценты съ такихъ обязательствъ считаются только съ того времени, когда они предъявлены будутъ ко взысканію, и заимодавцы лишаются процентовъ, постановленныхъ за неустойку, а при конкурсѣ получаютъ удовлетвореніе только изъ того имѣнія, которое останется послѣ полнаго удовлетворенія всѣхъ обязательствъ, законнымъ образомъ совершенныхъ. Независимо отъ сего, какъ выдавшій обязательство съ нарушеніемъ установленныхъ объ употребленіи гербовой бумаги правилъ, такъ и принявшій оное, подвергаются, когда такое нарушеніе откроется, денежному взысканію: за употребленіе, вмѣсто гербовой, простой бумаги втрое противъ цѣны той бумаги, которую слѣдовало употребить, а за употребленіе гербовой не надлежащаго достоинства бумаги, втрое противъ разности между цѣною сей бумаги, съ тою, которую употребить слѣдовало (1).»

«Въ измѣненіе и дополненіе статей 2330—2334 Зак. Граж. (Св. Зак. Т. X. част. 1-й, изд. 1857 года).

«I. Дѣйствіе довѣренности прекращается: 1) Окончательнымъ исполненіемъ порученія, возложеннаго оною на повѣреннаго. 2) Истеченіемъ срока, на который она дана. 3) Уничтоженіемъ довѣренности по распоряженію довѣрителя. 4) Объявленіемъ повѣреннаго о желаніи сложить съ

(1) *Сенатскія Вѣдомости*. 1859 г. № 11.

себя принятую имъ по довѣренности обязанность. 5) Смертію довѣрителя или повѣреннаго, лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или особыхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію тому или другому присвоенныхъ, или же признаніемъ одного изъ нихъ безумнымъ, сумашедшимъ, несостоятельнымъ, или пропавшимъ безъ вѣсти.

«II. Прошеніе объ уничтоженіи довѣренности подается: 1) Въ то судебное мѣсто, гдѣ должны быть совершены дѣйствія повѣреннаго, если довѣренность дана на совершеніе какихъ-либо дѣйствій въ опредѣленномъ судебномъ мѣстѣ. 2) Въ уѣздный судъ или гражданскую палату по усмотрѣнію довѣрителя, если довѣренность дана на совершеніе какихъ-либо дѣйствій вообще безъ ограниченія ихъ опредѣленнымъ судебнымъ мѣстомъ. При таковой просьбѣ довѣритель обязанъ представить слѣдующія на учиненіе публикаціи объ уничтоженіи довѣренности деньги.

«III. Въ первомъ случаѣ, судебное мѣсто дѣлаетъ постановленіе объ уничтоженіи довѣренности, во второмъ, дѣлается публикація объ уничтоженіи довѣренности. Въ обоихъ случаяхъ судебное мѣсто сообщаетъ объ уничтоженіи довѣренности, для надлежащей отмѣтки, въ то судебное мѣсто, гдѣ довѣренность совершена. Если дѣйствіе довѣренности ограничивалось одною опредѣленною губерніею, то объ уничтоженіи оной публикуется въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ той губерніи; когда жъ дѣйствіе оной не ограничено ни-

какою мѣстностію, то въ Сенатскихъ объявленіяхъ и въ вѣдомостяхъ С.-Петербургскихъ академическихъ и Московскихъ университетскихъ. Сіи публикаціи повторяются три раза.

«IV. Довѣритель имѣетъ право требовать, чтобы повѣренный возвратилъ данную ему довѣренность, и въ случаѣ какого-либо въ томъ замедленія со стороны сего послѣдняго, просить содѣйствія земской или городской полиціи, или губернскаго правленія о понужденіи его къ сему. Губернское правленіе, въ случаѣ отсутствія повѣреннаго, дѣлаетъ повсемѣстную публикацію о обязанности его возвратить довѣренность. Независимо отъ сего, довѣритель можетъ заявить непосредственно отъ себя объ уничтоженіи довѣренности во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ повѣренный его можетъ за него дѣйствовать. Присутственное мѣсто, въ которое будетъ представлена довѣренность, объ уничтоженіи коей сдѣлана публикація, обязано не только оставить ее безъ дѣйствія, но препроводить оную въ то мѣсто, которое публиковало объ ея уничтоженіи; для возвращенія довѣрителю.

«V. Повѣренный можетъ сложить съ себя принятую имъ по довѣренности обязанность, но при семъ онъ долженъ увѣдомить о своемъ намѣреніи довѣрителя, съ возвращеніемъ подлинной довѣренности, и объявить тому присутственному мѣсту, въ коемъ онъ по довѣренности дѣйствовалъ, указавъ и мѣсто жительства довѣрителя.

«VI. Акты, совершенные повѣреннымъ, и другія его по довѣренности дѣйствія, до полученія имъ извѣстія о прекращеніи силы ея, или же полученія публикаціи объ уничтоженіи довѣренности въ мѣстѣ пребыванія повѣреннаго признаются законными. Всѣ заключенныя послѣ полученія сей публикаціи сдѣлки признаются недѣйствительными; если же будетъ доказано, что объ уничтоженіи довѣренности было уже извѣстно лицамъ, заключившимъ такую сдѣлку, то виновные наказываются по законамъ о подлогахъ.

«VII. Безсрочная довѣренность не теряетъ силы своей и по истеченіи земской давности, если она не уничтожена довѣрителемъ. Сверхъ того, къ ст. 2329-й присовокупить слѣдующія слова: «но съ тѣмъ вмѣстѣ на самой довѣренности означается: когда, кому и на какой предметъ совершена повѣреннымъ передача оной (1).»

Частная благотворительность, внушаемая сердцемъ, жаждущимъ добра, имѣетъ важныя преимущества передъ правительственною. Лица, поставленныя во главѣ государственнаго управленія, представляютъ Государю свои предначертанія не иначе, какъ въ видахъ соразмѣрной пользы для всѣхъ областей имперіи и безъ всякаго пристрастія къ какому-либо городу, или странѣ, на счетъ другихъ городовъ и странъ. Напротивъ, частный благотворитель, задумавъ совершить доб-

(1) *Сенатскія Вѣдомости.* 1859, г. № 11.

рое дѣло посредствомъ нѣкоторой жертвы отъ своего избытка, не отдаетъ никому отчета, почему онъ предпочитаетъ извѣстную мѣстность другой мѣстности, которая, положимъ, имѣетъ большее право на любовь его. Подобный примѣръ представилъ недавно графъ Кушелевъ-Безбородко, котораго предки принадлежали къ коренным малороссійскимъ панамъ и, возвысясь при Екатеринѣ Второй до степени первоклассныхъ государственныхъ сановниковъ, получили отъ нея въ даръ обширныя земли на своей родинѣ, со многими тысячами поселянъ. Излишніе доходы съ этихъ земель, обработываемыхъ Малороссіянами, могли бы, конечно, успокоить многія надобности земляковъ; но частная благотворительность повинуется однимъ только указаніямъ ума и сердца. Просвѣщенное вниманіе графа Кушелева-Безбородко обратила на себя женская богадѣльня на Малой Охтѣ, въ С.-Петербургѣ, и онъ предложилъ совѣту Императорскаго Человѣколюбиваго Общества готовность свою принять съ 1-го января 1859 года содержаніе этой богадѣльни на собственный счетъ. Въ ней призрѣвается сто человѣкъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Графъ обязался жертвовавать на сей предметъ ежегодно 11,000 р. сер. съ обезпеченіемъ взноса этой суммы за себя и наслѣдниковъ своихъ принадлежащими ему имѣніями и съ предоставленіемъ себѣ права въ послѣдствіи замѣнить этотъ взносъ предоставленіемъ въ вѣдѣніе Человѣколюбиваго Общества денежнаго

капитала, или недвижимой собственности, съ коихъ годовой доходъ составлялъ бы показанную выше жертвуемую имъ сумму.

Государь Императоръ, сочувствуя всякому благотворенію, оказанному его подданнымъ, всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать графа Кушелева-Безбородко кавалеромъ ордена Владимира 4-й степени и чиномъ коллежскаго совѣтника (1). Такимъ образомъ благотворительный подвигъ графскій не остался безъ соотвѣтствующей ему награды.

Городъ Санктъ-Петербургъ моложе почти всѣхъ городовъ, носящихъ русскія имена, но пользуется выгодами, о которыхъ и не слыхать въ другихъ мѣстахъ. Напримѣръ, здѣсь учреждено Императорское Человѣколюбивое Общество, которое въ каждую часть Санктъ-Петербурга опредѣлило врачей для бѣдныхъ, а также повивальныхъ бабокъ. Независимо отъ этого, въ декабрѣ прошлаго года, оно устроило въ принадлежащемъ ему домѣ, на Литейной улицѣ, подъ № 31, лечебницу для приходящихъ, въ которой каждый явившійся больной могъ бы получать медицинское пособіе, а бѣдные, сверхъ того, и лекарства, безъ всякой платы. Сообщаемъ, въ сокращенномъ видѣ, и самое положеніе о лечебницѣ для приходящихъ.

«1. Въ этой лечебницѣ каждодневно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, всѣ больные, какого бы пола и возраста ни были и каки-

(1) *Сенатскія Вѣдомости*, 1859. г. № 11

ми бы болѣзнями ни одержимы, могутъ въ опредѣленные часы пользоваться совѣтами врачей, безъ всякой платы.

«2. Больные, кои предтсавятъ о недостаточномъ своемъ положеніи свидѣтельство попечителя о бѣдныхъ, снабжаются и необходимыми для пользованія ихъ лекарствами, отпускаемыми на счетъ суммъ Человѣколюбиваго Общества, по рецептамъ врачей лечебницы, изъ вольныхъ аптекъ, или изъ домашней аптеки, которая будетъ устроена при лечебницѣ.

«11. Въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, управляющій лечебницею можетъ изъ состоящей при лечебницѣ аптеки выдавать безплатно лекарства и такимъ больнымъ, которые не имѣютъ свидѣтельста отъ попечителя о бѣдныхъ; но о сихъ больныхъ, для надлежащаго удостовѣренія о ихъ положеніи, немедленно сообщаетъ канцеляріи совѣта Человѣколюбиваго Общества.

«12. Одержимые болѣзнями, препятствующими посѣщать лечебницу, если притомъ имѣютъ свидѣтельства о бѣдности, поручаются управляющимъ лечебницею попеченію находящихся отъ Человѣколюбиваго Общества въ каждой части С.-Петербурга врачей для бѣдныхъ.» (1)

Названіе Человѣколюбиваго Общества Императорскимъ показываетъ, что оно учреждено по мысли и волѣ Государя Императора (еще въ минувшее царствованіе). Русскіе Цари, заботясь въ

(1) *Сенатскія Вѣдомости*, 1859, г. № 12.

особенности о городахъ, въ которыхъ имѣютъ свою резиденцію, этимъ самымъ даютъ благой примѣръ городамъ, удаленнымъ отъ ихъ непосредственнаго вниманія; но города наши всё ждутъ, не придумаютъ ли для нихъ чего-нибудь хорошаго въ Санктъ-Петербургѣ, и, за немногими исключеніями, остаются равнодушны къ общественнымъ интересамъ. По истинѣ достойны они того неустройства и безпомощности, въ какихъ о сю пору находятся. Благоденствіе каждаго гражданскаго общества зависитъ отъ его собственной разумной дѣятельности на пользу общую; а разумно дѣйствовать, сознавая свои человѣческія права, никто и ничто нашимъ горожанамъ не мѣшаетъ. Оставаясь въ бездѣйствіи касательно улучшенія своего общественнаго положенія, они задаютъ правительству необъятную работу — во все войти, всему дать ходъ, все сохранить, все исправить и вести далѣе и далѣе. Естественно, правительству невозможно всего обнять; остается ожидать успѣха отъ движенія живыхъ силъ.

Движеніе живыхъ силъ остановилось въ Малороссіи едва ли не больше, нежели въ какой-либо другой части Имперіи. Тамъ въ старину предоставлена была гражданамъ почти неограниченная свобода въ устройствѣ внутренней жизни городской и сельской. Это произошло отъ особенныхъ обстоятельствъ, которыя для остальныхъ провинцій Русскаго царства не существовали, — именно

оттого, что Малороссія, находившаяся подъ властію Польши, добровольно присоединилась къ государству Московскому. Но Малороссіяне не умѣли воспользоваться правами, которыя пріобрѣли посредствомъ договора съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Козацкіе старшины помышляли только о собственныхъ выгодахъ, забывая о выгодахъ общихъ. Произошли ссоры и безурядицы. Въ ссорахъ и безурядицахъ теряли Малороссіяне одно право за другимъ. Это дѣло натуральное, и жаловаться тутъ не на кого. Наконецъ остались только при одной землѣ, которою владѣли по наслѣдству. Но и тутъ посягательство на чужое добро не прекратилось. Старосвѣтскіе помѣщики разными хитростями и попойками, а часто и открытою силою, оттягивали у простыхъ козаковъ наслѣдственные пахатныя поля, сѣнокосы и лѣса. Козакамъ, при ихъ безпечности, простодушіи и склонности къ разгульной жизни, угрожала совершенная безземельность. Правительство поспѣшило, хоть поздо, пріостановить легкій переходъ недвижимаго имущества изъ ихъ рукъ въ руки хитрецовъ. Воспослѣдовалъ указъ, по которому козацкія земли могли быть продаваемы только козакамъ. Этимъ указомъ спасено цѣлое сословіе отъ разоренія. Между тѣмъ, при развитіи понятій о земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ, ощутилось неудобство черезполосности, которая произошла большею частію въ Малороссіи именно оттого, что за боченокъ горилки, а иногда за то, чтобъ отдѣлаться отъ

какой-нибудь кляузной претензіи, безпечный козакъ отрѣзывалъ сосѣду дворянину полоску земли въ нѣсколько шаговъ ширины, или уступалъ цѣлую ниву. При невозможности продажи, сдѣлалось невозможнымъ для землевладѣльцевъ-некозаковъ округлить свои земли посредствомъ купли. Отъ этого происходили безпрестанныя претензіи и жалобы съ обѣихъ сторонъ, а не рѣдко и притѣсненія со стороны болѣе сильнаго. Въ прекращеніе всѣхъ подобныхъ случаевъ, сдѣлано 1-го декабря 1858 года слѣдующее дополненіе къ подлежащимъ статьямъ Свода Законовъ.

«1. Малороссійскимъ козакамъ дозволяется земли, принадлежащія, по происхожденію ихъ, къ казачьимъ, продавать лицамъ не козачьяго происхожденія, единственно въ видахъ уничтоженія мелкой черезполосности, въ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда участокъ козачьей земли находится между землями владѣльцевъ инаго сословія; б) когда продавецъ будетъ имѣть въ другомъ мѣстѣ необходимую, для обеспеченія, какъ средствъ существованія его съ семействомъ, такъ и исправнаго взноса податей и отправленія повинностей, землю, въ количествѣ по крайней мѣрѣ 5 дес. удобной земли на семейство, или же когда онъ можетъ на деньги, выручаемыя отъ продажи, пріобрѣсть себѣ пространство земли, равное тому, которое продаетъ, и в) когда подлежащій продажѣ участокъ незначителенъ и заключаетъ въ себѣ не болѣе 3 дес.

«2. Для совершенія на сихъ основаніяхъ продажи вышеупомянутыхъ земель лицамъ не козачьяго происхожденія, соблюдается слѣдующій порядокъ: продавецъ обязывается представить палатѣ государственныхъ имуществъ, непосредственно, или чрезъ волостное правленіе, удостовѣреніе онаго, на приговорѣ общества основанное, въ томъ, что потомственная или иначе отъ козаковъ доставшаяся продавцу земля, которую онъ желаетъ продать, составляетъ его личную собственность, заключаетъ въ себѣ не болѣе дозволеннаго для продажи количества, т. е. не болѣе 3 дес. и дѣйствительно находится въ черезполосномъ владѣніи съ землями покупщика; что сдѣлать обмѣнъ земель посредствомъ полюбовнаго размежеванія не представляется никакой возможности: что продавецъ имѣетъ въ другихъ мѣстахъ землю, могущую обеспечить средства его существованія съ семействомъ, а также исправный взносъ государственныхъ податей и отправленіе повинностей, и именно не менѣе 5 дес. удобной земли на семейство, или же, что за деньги, которыя выручены будутъ имъ отъ продажи земли лицу не казачьяго сословія, онъ обязывается пріобрѣсть для себя количество, равное тому, которое продаетъ, и что, въ противномъ случаѣ, въ исправномъ исполненіи имъ обязанностей по платежу податей и отправленію повинностей, отвѣтствуетъ за него общество, къ которому онъ принадлежитъ. Покупатель съ своей стороны долженъ представить въ палату отзывъ,

съ изложеніемъ всѣхъ условій покупки и съ приложеніемъ плана покупаемой земли, или, за неимѣніемъ онаго, составленное волостнымъ правленіемъ и засвидѣтельствованное земскимъ судомъ описаніе, въ коемъ была бы означена величина пріобрѣтаемаго участка и границы онаго. Палата государственныхъ имуществъ, по разсмотрѣніи дѣла, если признаетъ продажу козачьей земли, для уничтоженія чрезполосности, необходимою, даетъ на то свое разрѣшеніе, и за тѣмъ уже самая продажа совершается общимъ крѣпостнымъ порядкомъ.

«3. Если козакъ, продающій свою потомственную или инымъ способомъ отъ козаковъ пріобрѣтеную землю, не имѣетъ въ другомъ мѣстѣ земли, достаточной для обеспеченія средствъ его существованія съ семействомъ и для исправнаго взноса податей и отправленія всѣхъ повинностей: то деньги, которыя будутъ выручены отъ продажи козачьей земли, должны быть отсылаемы непосредственно отъ покупателя въ волостное правленіе, для представленія въ кредитное установленіе, къ обращенію изъ процентовъ, впредь до покупки козакомъ другихъ земель, взамѣнъ проданныхъ имъ, или до выхода въ другое сословіе, или же до переселенія въ другую губернію.

«*Примѣчанія:* 1-е. Изложенныя здѣсь правила, не распространяются на благопріобрѣтенныя козаками отъ постороннихъ сословій земли, относительно отчужденія коихъ существующія узаконе-

нія остаются въ своей силѣ; и 2-е, равномѣрно сохраняютъ свою силу и узаконенія въ отношеніи перехода малороссійскихъ козаковъ въ другія неподатныя и податныя состоянія съ тѣмъ, чтобы прежде перехода ихъ крѣпостная козачья земля была непремѣнно продана козакамъ же, исключая случаевъ, въ настоящихъ правилахъ постановленныхъ.» (1)

Изъ многихъ распоряженій нынѣшняго правительства видно, что оно старается, сколько это для него возможно, возвратить людямъ ихъ естественныя права, нарушенныя во времена, когда въ обществѣ существовали иныя понятія о человѣкѣ вообще. Разсчетъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ очевиденъ: чѣмъ больше въ государствѣ будетъ свободныхъ и разумныхъ силъ, тѣмъ могущественнѣе сдѣлается государство, тѣмъ оно сдѣлается богаче, тѣмъ больше успѣетъ оно въ просвѣщеніи. Въ числѣ отрадныхъ явленій новѣйшаго времени встрѣчаемъ слѣдующее Высочайшее повелѣніе отъ 7-го декабря 1858 года, отличающееся истинно человѣчнымъ взглядомъ на человѣка, въ его низкой участи.

«1. Крестьянъ Павловской волости (состоящей при казенной Павловской суконной фабрикѣ, московской губерніи, въ звенигородскомъ уѣздѣ) передать въ завѣдываніе министерства государ-

(1) *Сенатскія Вѣдомости*, 1859 г. № 4.

ственныхъ имуществъ, со всею принадлежащею волости землею.

«2. Мастеровыхъ фабрики распредѣлить, согласно изъявленному ими желанію, а именно: 819 душъ мужескаго и 920 душъ женскаго пола оставить въ ихъ домахъ, съ припискою ихъ цѣлою слободою въ мѣщане города Звенигорода, кромѣ одного изъ нихъ, желающаго поступить въ московскіе мѣщане; 76 душъ мужескаго и 67 женскаго пола приписать въ мѣщане города Екатеринославля, съ предоставленіемъ имъ права перечислиться въ крестьяне екатеринославской губерніи по приведеніи въ извѣстность, сколько останется свободной земли послѣ водворенія Болгаръ и Руснаковъ; 25 душъ мужескаго и 24 женскаго пола перечислить въ государственные крестьяне самарской губерніи; 8 душъ мужескаго и 3 женскаго пола перечислить въ государственные крестьяне московской губерніи; 114 душъ мужескаго и 30 женскаго пола изъ рекрутскихъ дѣтей зачислить въ крестьяне Павловской волости, которой и надѣлить ихъ землею по 2 десятины на душу, всего 228 десятинъ, съ полученіемъ, въ замѣнъ того, 130 десятинъ лѣсу изъ фабричной земли; наконецъ 109 фабричныхъ изъ рекрутъ Павловской волости (при нихъ 104 женщины), смотря по ихъ желанію: или уволить отъ службы съ правами, предоставленными отставнымъ нижнимъ чинамъ, или возвратить въ первобытное ихъ состояніе.

«3. Остающимся на фабричной землѣ предоставить оную, за исключеніемъ однако же 30 десятинъ, прирѣзываемыхъ къ фабрикѣ, и 130 десятинъ лѣса, отходящихъ къ Павловской волости, за принятіе 114 душъ фабричныхъ.

«4. Для 21 семейства фабричныхъ, живущихъ въ казармахъ, поступающихъ въ продажу вмѣстѣ съ фабрикой, отпустить на постройку домовъ на каждое семейство по 25 корней изъ поступающаго въ ихъ владѣніе лѣса, и денежнаго пособія по 50 руб. сер.

«5. 146 семействамъ, дома коихъ, построенные за 20 и болѣе лѣтъ, пришли въ ветхость, отпустить, также изъ поступающихъ въ ихъ владѣніе лѣсныхъ дачъ, потребное количество лѣсу, по усмотрѣнію ихъ новаго городскаго начальства, и, кромѣ того, на постройку 45 домовъ по 50 руб. и на исправленіе 101 дома по 20 руб. на каждый.

«6. Желающимъ перейти въ мѣщане города Екатеринославля 23 семействамъ дать на каждое изъ нихъ по 75 руб.; надѣленіе ихъ землею въ аренду, или во владѣніе, предоставить распоряженію города, а отправленіе ихъ на новое мѣстопребываніе произвести попеченіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

«7. Переселяющимся въ государственные крестьяне самарской губерніи 7 семействамъ отпустить отъ военнаго министерства единовременно по 75 руб. на обзаведеніе, сверхъ путевыхъ издержекъ, а отъ министерства государственныхъ

имуществъ надѣлить ихъ землю и средствами на постройку домовъ.

«8. Эти же самыя пособія предоставить тремъ семействамъ, принимаемымъ, по общественнымъ приговорамъ, въ государственные крестьяне московской губерніи.

«9. Фабричнымъ изъ рекрутскихъ дѣтей, поступающимъ въ Павловскую волость, дать въ пособіе, на переносъ изъ слободы въ волость 64 домовъ, по 25 руб. и потребное количество лѣсныхъ матеріаловъ, а для 24-хъ семействъ, живущихъ въ казармахъ, отпустить изъ лѣсныхъ дачъ волости по 25 корней съ необходимымъ количествомъ жердей и хвороста, и отъ военнаго министерства на постройку по 50 руб.

«10. Всѣхъ упомянутыхъ въ предшествующихъ пунктахъ фабричныхъ освободить отъ рекрутской повинности, подушнаго оклада и прочихъ податей на 10 лѣтъ.

«11. 44-мъ фабричнымъ престарѣлымъ и увѣчнымъ отпускать по смерть, вмѣсто производящейся имъ нынѣ денежной дачи и пайка, пенсію по 20 руб. сер. въ годъ каждому.

«12. Четыремъ фабричнымъ: Василію Некрасову, Михайлѣ Власову, Ивану Шорникову и Григорью Андрееву, во вниманіе къ ихъ долговременной полезной и отлично-усердной службѣ, директоромъ фабрики засвидѣтельствованной, назначить пожизненные пенсіоны: первому по 200 руб., второму

по 100 руб., третьему по 93 руб. 33 коп. и четвертому по 73 руб. 33 коп. сер. въ годъ.

«13. Казенный долгъ, 10, 052 руб. 19 коп., сложить (1).»

Человѣкъ самъ по себѣ, въ своей отдѣльной особѣ, слабъ и незначителенъ при всѣхъ своихъ личныхъ достоинствахъ. Онъ силенъ только тогда, когда дѣйствуетъ съ-обща, и чѣмъ больше людей дѣйствуетъ единодушно, тѣмъ надежнѣе положеніе каждаго дѣятеля. Напримѣръ, сельскій хозяинъ устроилъ себѣ домъ и зажилъ въ немъ жизнью дѣятельною, полною довольства. Вѣдь эта жизнь не надежна: въ одинъ часъ пожаръ уничтожитъ всю его усадьбу и подорветъ надолго, если не навсегда, его благосостояніе. Но тотъ же самый хозяинъ, застраховавъ свое жилище со всѣми его принадлежностями, остается спокоенъ на счетъ пожара. Способъ взаимнаго застрахованія очень удобенъ: нужно только уразумѣть его выгоду. Правительство наше, содѣйствуя всячески возбужденію общественныхъ интересовъ въ низшихъ сословіяхъ, какъ наиболѣе нуждающихся въ его покровительствѣ, разослало во всѣ губернскія, областныя и войсковыя правленія, а также въ палаты государственныхъ имуществъ и въ казеныя палаты, положеніе о взаимномъ застрахованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ отъ пожаровъ. Предлагаемъ это положеніе въ сокращен-

(1) *Сенатскія Вѣдомости*, 1859. г. № 10.

номъ видѣ, для руководства тѣмъ, кто желаетъ имъ воспользоваться.

«Волостные головы отправляются, безъ потери времени, въ селенія, собираютъ домохозяевъ и, въ присутствіи сельскаго старшины и добросовѣстныхъ сельской расправы, прочитываютъ во всеуслышаніе крестьянамъ правила сего положенія, объясняютъ имъ пользу онаго и спрашиваютъ каждаго домохозяина, во сколько кто желаетъ обезпечить свое строеніе.

«Каждый домохозяинъ, участвуя, по правиламъ сего положенія, во взаимномъ застрахованіи, обязанъ застраховать свой домъ каменный не менѣе, какъ въ 24 р., со взносомъ преміи 12 коп., и деревянный не менѣе, какъ въ 15 р., со взносомъ преміи 15 к.; но всякому предоставляется на волю застраховать свое строеніе и выше 15 и 24 р., и именно: по губерніямъ: владимірской, казанской, калужской, курской, костромской, московской, нижегородской, орловской, пензенской, рязанской, с.-петербургской, саратовской, тамбовской и тульской, деревянные до 125 р., каменные до 200 р., а въ остальныхъ губерніяхъ — деревянные до 250 р., а каменныя до 400 р. Впрочемъ, министру государственныхъ имуществъ предоставляется перечислять губерніи изъ одного разряда въ другой, соотвѣтственно большей, или меньшей опасности отъ огня, коей подвергаются строенія.

«Строенія, страхуемыя въ 15 и 24 руб. (§ 6), не подвергаются никакой предварительной оцѣнкѣ;

но если страхованіе производится выше, въ такомъ случаѣ наблюдается, чтобы сумма страхованія не превышала двухъ третей стоимости строенія. Для сего волостной голова съ сельскимъ старшиною и добросовѣстными сельской расправы должны произвесть оцѣнку строенія, примѣняясь къ мѣстнымъ цѣнамъ, и, удостовѣрясь, что сумма страхованія не превышаетъ двухъ третей стоимости строенія, обязаны засвидѣтельствовать о семъ на страховой вѣдомости, подъ собственною ихъ отвѣтственностію за вѣрность оцѣнки.

«Обязательному страхованію, по правиламъ сего положенія (§ 6), подлежатъ строенія домохозяевъ изъ государственныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій, въ томъ числѣ и поселенныхъ на собственныхъ земляхъ, а также пріобрѣтенныхъ въ казну, но оставленныхъ, впредъ до возмѣщенія употребленныхъ на покупку ихъ суммъ, на помѣщичьемъ положеніи, состоящихъ на льготѣ, по случаю переселенія ихъ изъ малоземельныхъ въ многоземельныя губерніи, и отставныхъ нижнихъ чиновъ, водворенныхъ въ казенныхъ селеніяхъ. Не изъемлются отъ обязанности взаимнаго застрахованія и тѣ изъ крестьянъ, которые застраховали, или пожелаютъ застраховать свои дома въ частныхъ страховыхъ обществахъ; но во избѣжаніе двойныхъ платежей, отъ воли каждаго домохозяина зависитъ — страховать въ страховомъ обществѣ только ту часть стоимости строенія, которая, по его соображеніямъ, будетъ оставаться необеспе-

ченною, сверхъ принятаго по селенію оклада, если то непротивно уставамъ общества.

«При пріемѣ крестьянскихъ домовъ на страхъ, всѣ строенія, въ одномъ дворѣ состоящія, т. е. домъ со всѣми надворными постройкамп, слѣдуетъ принять за одинъ дворъ. Отдѣльные дома, составляющіе особые дворы, принадлежатъ ли они одному и тому же хозяину, или различнымъ членамъ одного семейства, принимать къ страхованію отдѣльно и писать послѣ общихъ нумеровъ каждаго селенія.

«Къ застрахованію на вышеизъясненныхъ основаніяхъ, могутъ быть принимаемы: 1-е, отдѣльные отъ надворныхъ крестьянскихъ строеній, но находящіеся, однако же, въ самыхъ селеніяхъ амбары, мельницы, фабрики, ткацкія, въ коихъ работы производятся не силою огня; 2-е, строенія лицъ другихъ сословій, постоянно въ казенныхъ селеніяхъ водворившихся, или состоящихъ въ должностяхъ, какъ-то: священно-и церковно-служителей, купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ; 3-е, строенія вдовъ, не имѣющихъ въ своихъ семействахъ наличныхъ душъ мужескаго пола и 4-е, казенныя и мірскія строенія оброчныхъ статей, находящихся въ содержаніи частныхъ лицъ по контрактамъ.

«Въ случаѣ пожара, волостное правленіе немедленно приводитъ въ извѣстность количество погорѣвшихъ строеній и составляетъ онымъ вѣдомость.

*

«Въ вѣдомости прописываются, по сгорѣвшимъ строеніямъ, имена домохозяевъ и суммы, какія слѣдуетъ выдать за сгорѣвшія строенія, сообразно съ вѣдомостями застрахованія, а по сгорѣвшимъ общественнымъ строеніямъ—селеніе, въ которомъ тѣ зданія были и сумма причитающагося вознагражденія. Если строенія несовершенно истреблены пожаромъ, а повреждены только частію, или сломаны во время пожара, въ видахъ прекращенія распространенія огня, въ такомъ случаѣ сельскій мірскій сходъ дѣлаетъ оцѣнку пожарнымъ убыткамъ.

«Сельскій сходъ, для опредѣленія мѣры вознагражденія пожарныхъ убытковъ по несовершенно истребленнымъ пожаромъ и сломаннымъ во время онаго строеніямъ, составляется изъ домохозяевъ того селенія, или деревни, въ которыхъ произошелъ пожаръ, за исключеніемъ самихъ погорѣвшихъ, съ приглашеніемъ къ нимъ, во всякомъ случаѣ до 12 человѣкъ добросовѣстныхъ крестьянъ ближайшихъ селъ и деревень, отъ которыхъ и брать письменное показаніе, при сельскомъ старшинѣ и волостномъ головѣ, о томъ, на какую именно сумму въ строеніи, не совершенно истребленномъ пожаромъ, сгорѣло и на какую сумму понесъ убытка хозяинъ сломаннаго строенія.

«Если пожаръ произошелъ отъ злоумышленнаго намѣренія и злоумышленность будетъ доказана письменнымъ приговоромъ сельскаго мірского схода, то изобличенному въ томъ домохозяину волост-

ное правленіе никакого вознагражденія не назначаетъ и, кромѣ того, злоумышленника представляетъ къ суду для сужденія по законамъ.

«По полученіи изъ уѣзднаго казначейства суммъ, причитающихся погорѣвшимъ и по запискѣ оныхъ на приходъ и расходъ, волостное правленіе немедленно выдаетъ оныя по принадлежности, при сельскомъ старшинѣ и добросовѣстныхъ, съ росписками, и объ исполненіи доноситъ палатѣ государственныхъ имуществъ.

«Вознагражденіе за пожарные убытки выдается домохозяевамъ вполнѣ, не смотря на то, состоитъ ли на нихъ какая-либо недоимка по сборамъ, или нѣтъ.

«Погорѣвшимъ крестьянамъ, а также отставнымъ нижнимъ чинамъ и священно-и церковно-служителямъ, застраховавшимъ принадлежащіе имъ въ казенныхъ селеніяхъ дома, въ случаѣ пожара, производить отпускъ лѣса, на существующихъ въ лѣсномъ уставѣ правилахъ.» (1)

Государственныя повинности, въ томъ числѣ особенно рекрутская, бываютъ тяжелы для низшихъ сословій не столько по существу своему, сколько по участію личнаго произвола со стороны ихъ блюстителей, напримѣръ, волостныхъ головъ и другихъ должностныхъ лицъ, ближайшихъ къ поселянину. Случалось намъ встрѣчать козацкія семейства, состоящія изъ нѣсколькихъ чело-

(1) *Сенатскія Вѣдомости*, 1859 г. № 11.

вѣкъ взрослыхъ братьевъ, которые, Богъ знаетъ какимъ способомъ, уклонились отъ рекрутчины, а тутъ же, въ сосѣднемъ небогатомъ семействѣ берутъ въ рекруты одного изъ двоихъ братьевъ! Явно, что это — дѣло произвола мѣстныхъ властей, находящихся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ тѣми, которые должны быть ихъ ревизорами. Какъ защититься отъ подобнаго злоупотребленія? Жалобою? положимъ. Но видали мы слишкомъ много примѣровъ, что жалобщикъ убивалъ все свое состояніе на ходатайство по самому справедливому дѣлу и оканчивалъ тѣмъ, что обращался въ юродиваго бродягу, возбуждавшаго только безполезное сожалѣніе. Отчего это? Оттого, что волостные головы, подъ другими наименованіями, могутъ встрѣтиться жалобщику всюду, куда онъ ни сунется. Что́ же дѣлать темному и безпомощному поселянину? какъ не поддаться ближайшему притѣснителю, напримѣръ, хоть волостному головѣ, который, дѣлясь несправедливыми доходами съ высшими, имѣетъ полную возможность подавить всякой искъ? Мы ужъ сказали, что человѣкъ самъ по себѣ, въ своей отдѣльной особѣ, слабъ и незначителенъ, при всѣхъ своихъ личныхъ достоинствахъ. Онъ силенъ только тогда, когда дѣйствуетъ съ-обща, и чѣмъ больше людей дѣйствуетъ единодушно, тѣмъ надежнѣе положеніе каждаго дѣятеля. Вотъ и въ настоящемъ случаѣ: почему волостное начальство смѣло рѣшается на указанныя нами злоупотребленія? Потому, что

дѣйствуетъ въ кругу людей темныхъ, и слѣдовательно безсловесныхъ. Знай эти люди точныя положенія, которыми долженъ руководствоваться, напримѣръ, волостной голова, — совсѣмъ инымъ явится онъ человѣкомъ. Когда цѣлое общество людей ясно уразумѣло какія бы то ни было права свои, это даетъ ему силу непреодолимую, — такую силу, которая, не прибѣгая ни къ какимъ мѣрамъ, заставляетъ лукаваго члена этого общества дѣйствовать, если не вполнѣ честно, то съ величайшею осмотрительностью; а это ужъ важное облегченіе для слабыхъ и безпомощныхъ. Мы предлагаемъ простонароднымъ читателямъ нашего журнала слѣдить за всѣми распоряженіями правительства и содержать ихъ въ памяти. Эти распоряженія имѣютъ цѣлью — вооружить каждаго гражданина знаніемъ правъ своихъ, въ предупрежденіе всякаго произвола тѣхъ, которые поставлены блюсти эти права. Безъ всеобщаго образованія общественнаго, нѣтъ никакихъ средствъ возстановить правоту въ повседневныхъ столкновеніяхъ человѣческихъ интересовъ. Законъ самъ по себѣ мертвъ: онъ дѣлается живою мыслью только въ людяхъ, оживленныхъ желаніемъ исполнить его свято; и для правительства, издающаго законы, ничего не можетъ быть отраднѣе, какъ видѣть распространеніе ихъ знанія и уразумѣнія со стороны возможно бо́льшаго числа лицъ: на этомъ основывается сила законовъ; это самое вѣрное ручательство точнаго ихъ исполненія повсемѣстно,

вдали отъ надзора высшихъ властей. Въ этомъ смыслѣ предлагаемъ нашимъ читателямъ слѣдующія мнѣнія государственнаго совѣта, Высочайше утвержденныя, какъ мѣры къ прекращенію замѣченныхъ правительствомъ безпорядковъ при отбываніи рекрутской повинности.

«1. Вторую часть ст. 81-й Уст. Рекр. (Св. Зак. 1857 г. Т. IV) замѣнить примѣчаніемъ слѣдующаго содержанія:

«Для опредѣленія, когда именно многорабочее семейство должно поставить изъ своихъ членовъ второго и третьяго рекрута, надлежитъ общее число работниковъ сего семейства, отданныхъ прежде въ рекруты и состоящихъ въ наличности при текущемъ наборѣ, раздѣлить на число требуемаго рекрута, на 2 или на 3; чѣмъ болѣе будетъ частное число, отъ сего раздѣленія произшедшее, тѣмъ выше должно поставить семейство между другими очередными семействами для взятія съ него второго или третьяго рекрута при текущемъ наборѣ. Напримѣръ, если спрашивается, которое изъ двухъ семействъ должно прежде дать рекрута: 10-рабочее ли третьяго рекрута, или 7-рабочее второго рекрута; то, по раздѣленію 10 на 3, а 7 на 2, частное число будетъ въ первомъ случаѣ $3^1/_3$ и во второмъ $3^1/_2$; а какъ $3^1/_2$ больше чѣмъ $3^1/_3$, то и значитъ, что 7-рабочее семейство должно поставить своего второго рекрута прежде, чѣмъ 10-рабочее третьяго рекрута.

«2. Въ измѣненіе двухъ примѣчаній къ ст. 517-й

Устава Рекрутскаго (Св. Зак. 1857 г. Т. IV) постановить:

«Если въ участкѣ, отправляющемъ рекрутскую повинность натурою, по долговой системѣ, окажутся зачетныя квитанціи прежняго времени, выданныя на одну, двѣ, или три четверти рекрута, и изъ нихъ невозможно составить полныхъ квитанцій въ пользу того же самого участка; то, какъ скоро долгъ на участкѣ возрастетъ по раскладкѣ при которомъ-либо наборѣ до 250, 500, или 750 частей рекрута, участковое начальство представляетъ сіи квитанціи (или, по статьѣ 504-й Устава Рекрутскаго, замѣняющія ихъ контраквитанціи) въ казенную палату для пріема въ зачетъ и сложенія сего долга. За каждую четверть въ представленной квитанціи означенную, палата обязана сложить со счетовъ 250 частей рекрутскихъ; по зачетѣ всѣхъ четвертей, квитанція представляется куда слѣдуетъ, для уничтоженія общимъ порядкомъ. (Уст. Рекр. ст. 507).

«3. Въ дополненіе подлежащихъ статей Устава Рекр. (Св. Зак. 1857 г. т. IV) постановить:

«Зачетныя рекрутскія квитанціи за убылыхъ ратниковъ бывшаго государственнаго ополченія, выданныя на основаніи правилъ 24-го апрѣля 1858 года въ полную собственность тѣмъ семействамъ государственныхъ крестьянъ, къ коимъ ратники принадлежали, могутъ быть сими семействами передаваемы въ казну порядкомъ, означеннымъ въ ст. 525 и 527-й Рекрутскаго Устава.» (1)

(1) *Сенатскія Вѣдомости*, 1859 г. № 5.

Сообщаемъ нашимъ читателямъ, къ свѣдѣнію, нѣсколько новыхъ постановленій относительно торговли.

«1. Декабря 9, 1858 года, разрѣшено увеличеніе сроковъ, существующихъ нынѣ въ городѣ Калязинѣ трехъ однодневныхъ ярмарокъ: 17 марта, 9 мая и въ десятую пятницу по Пасхѣ, съ назначеніемъ для первой и послѣдней ярмарокъ по три дня, а для ярмарки 9 мая — семи дней

«2. Декабря 17, 1858 года учреждена въ городѣ Бѣлостокѣ двухъ-недѣльная ярмарка, съ 25 мая по 8 іюня.

«3., Декабря 27, 1858 г., утверждено росписаніе о продажныхъ цѣнахъ соли, акцизахъ и таможенныхъ пошлинахъ съ нея на 1859 годъ. Представляемъ извлеченіе изъ этого росписанія, сообразно потребностямъ низшихъ классовъ народа.

Цѣны соли для мелочной продажи, на 1859 годъ.

Въ Архангельскѣ		за пудъ	52	коп.
— Астрахани		—	—	33	—
— Владимірѣ	елтонской соли	—	—	64	—
	пермской	—	—	67	—
— Вологдѣ		—	—	66	—
— Воронежѣ		—	—	66	—
— Вяткѣ.		—	—	65	—
— Казани		—	—	56	—
— Калугѣ	елтонской соли .	—	—	63	—
	пермской — .	—	—	67	—

— Костромѣ { елтонской соли — — 59 —
пермской — — — 62 —
— Курскѣ. . . . . — — 68 —
— Москвѣ . . . . . — — 70 —
— Нижнемъ-Новгородѣ
пермской соли . . . — — 59 —
— Новгородѣ . . . . . — — 80 —
— Петрозаводскѣ . . . . — — 77 —
— Орлѣ . . . . . — — 77 —
— Уфѣ . . . . . — — 51 —
— Перми . . . . . — — 46 —
— Пензѣ. . . . . — — 60 —
— Псковѣ . . . . . — — 85 —
— Рязани { елтонской соли . — — 67 —
пермской — . — — 70 —
— С.-Петербургѣ . . . . — — 76 —
— Новомъ Узени . . . . — — 51 —
— Симбирскѣ . . . . . — — 53 —
— Смоленскѣ . . . . . — — 96 —
— Тамбовѣ . . . . . — — 66 —
— Твери, пермской и леденгской — — 71 —
— Тулѣ пермской. . . . — — 70 —

«*Акцизы и таможенныя пошлины.*

«1. Съ крымской соли, везомой отъ внутреннихъ казенныхъ озеръ, какъ то: Евпаторійскихъ, Ѳеодоссійскихъ и Керченскихъ, чрезъ Перекопскіе ворота и Геническій проливъ во внутреннія губерніи, акциза, взимаемаго у воротъ и на проливѣ . . . . . 24.

«2. Съ крымской соли, везомой чрезъ тѣ же пункты отъ частныхъ внутреннихъ озеръ 24.

«3. Съ соли частныхъ озеръ, внѣ Крымскаго полуострова находящихся, акциза . . . 21.

«4. Съ крымской соли, идущей чрезъ Керченскій проливъ въ Азовское море, акциза 24.

«*Примѣчаніе.* Акцизъ сей дозволяется вносить въ Азовскихъ портахъ въ теченіи 6 мѣсяцевъ, со дня привоза соли въ эти порты, съ тѣмъ, чтобы оный былъ взыскиваемъ съ полнаго количества соли, отправляемой изъ Крыма.

«5. Съ крымской соли, вывозимой изъ всѣхъ портовъ Крымскаго полуострова въ Черное море, кромѣ: а) той, которая отправляется самимъ правительствомъ и б) которая означена въ 7 пунктѣ, таможенной пошлины. . . . $1^1/_2$.

«6. Дополнительнаго акциза съ крымской соли, привозимой ко всѣмъ Россійскимъ портамъ Чернаго моря, исключая приморскія мѣста Закавказскаго края . . . . . 23.

«7. Акциза съ соли, обращаемой на вольную продажу съ частныхъ варницъ архангельской губерніи: Поморскихъ, Кемскихъ и Онежскихъ . . . . . 9.

Со всѣхъ прочихъ . . . . . 12.

«8. Вывозъ изъ портовъ восточнаго берега Чернаго моря въ другіе Россійскіе порты, Черноморскіе и Азовскіе, запрещается.

«9. Съ Глауберовой и тому подобныхъ со-

лей, вывозимыхъ отъ казенныхъ и частныхъ источниковъ, акциза. . . . . 10.

«10. Съ соли, отпускаемой на вольную продажу съ Челябинскихъ озеръ, акциза . . . 22.

«11. Съ соли черноморскихъ лимановъ въ херсонской губерніи, въ случаѣ садки сей соли, акциза . . . . . 25.

«12. Съ соли, отпускаемой рыбопромышленникамъ съ Мангишлакскихъ озеръ, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, акциза . . 25.

«13. Съ соли, обращаемой на вольную продажу съ Новоусольскихъ и Ленвенскихъ соляныхъ промысловъ, а равно и со всѣхъ другихъ частныхъ заводовъ, во внутреннихъ губерніяхъ находящихся, кромѣ архангельской, акциза 28

14. Съ соли, добываемой изъ находящагося въ аккерманскомъ уѣздѣ бессарабской области частнаго солончака, акциза . . . 24(1)

Въ двухъ первыхъ книжкахъ нашего журнала мы помѣстили списки крестьянъ и мѣщанъ, Всемилостивѣйше пожалованныхъ разными наградами. Намъ замѣтили со стороны — и очень справедливо, — что этими списками мы достигаемъ вовсе не того, чего желаемъ достигнуть: мы возбуждаемъ ими соревнованіе не къ добрымъ дѣ-

---

(1) *Сенатскія Вѣдомости*, 1859 г. №№ 9, 8 и 2.

ламъ, а къ полученію наградъ за добрыя дѣла; мы поджигамъ тщеславіе, противное истинной добродѣтели; мы, видвигая на всеобщее зрѣлище тѣхъ, которые *были* представлены къ наградамъ, вливаемъ каплю горечи въ сердце тѣхъ, которые по чему-либо представлены къ нимъ *не были*. Извѣстно всякому, какими обстоятельствами сопровождается иногда представленіе простолюдина къ наградѣ. Если добрый человѣкъ, совершивъ свое доброе дѣло, отходитъ смиренно въ сторону и теряется въ толпѣ, о немъ обыкновенно забываютъ волостные головы и другія должностныя лица. Это такъ естественно, что и доказывать не надо. У каждаго и безъ того довольно заботъ; каждый и безъ того всегда въ долгу передъ начальствомъ за неисполненіе многихъ большихъ и малыхъ обязанностей: что́ за охота писать лишнюю бумагу, описывать событіе, навязывать начальству новое дѣло, новую отписку? Если и между просвѣщеннѣйшими людьми очень мало безкорыстныхъ дѣятелей правды, то чего же ожидать отъ поселянъ, выбранныхъ отъ начальства въ головы по расторопности, по зажиточности и тому подобное, но рѣдко, по безусловной честности? Понятно, что отличившійся въ добромъ дѣлѣ долженъ быть кумомъ, сватомъ, пріятелемъ, а не то—даятелемъ подобному господину. А такъ какъ это дѣлается почти сплошь да рядомъ, то извѣстія о наградахъ и не производятъ на умы того дѣйствія, на какое можно бы, казалось, раз-

считывать. Гораздо было бы полезнѣе для нашихъ читателей, еслибы лица постороннія, сочувствуя доброму дѣлу, описали намъ его подробно, безъ всякихъ украшеній, самымъ простымъ языкомъ и хотя бы полуграмотнымъ способомъ. Такіе разсказы были бы историческими свидѣтельствами, что добро точно совершается у насъ въ народѣ безъ всякаго разсчета на награду, совершается изъ любви къ самому добру, которое прекраснѣе всего, чѣмъ можетъ человѣкъ наградить человѣка. Такіе разсказы служили бы поощреніемъ къ добрымъ дѣламъ, какъ живые, увлекательные примѣры высокаго чувства, а не какъ выгодное дѣло, на которое способенъ и тотъ, у кого вовсе нѣтъ чистаго стремленія къ прекрасному. Мы просимъ каждаго, кому случалось быть свидѣтелемъ истинно человѣколюбивыхъ, истинно безкорыстныхъ подвиговъ, сообщать намъ ихъ въ безыскуственномъ описаніи лицъ и событій, со всевозможными подробностями. Мы поставимъ такія описанія выше повѣстей и стихотвореній самыхъ талантливыхъ нашихъ сотрудниковъ; они будутъ истиннымъ украшеніемъ нашего журнала и успокоятъ насъ касательно пользы, которую мы желаемъ приносить обществу *Народнымъ Чтеніемъ*.

ЗАКОНЫ,

КАСАЮЩІЕСЯ КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА.

I.

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ХРИСТІАНИНА И О БЛАГОЧИНІИ ВО ВРЕМЯ БОЖЕСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ.

§ 1. Всякій православный долженъ хотя одинъ разъ въ годъ исповѣдаться и пріобщиться Святыхъ Таинъ по обряду христіанскому, въ постъ, или въ иное время. Дѣтей обоего пола приводить на исповѣдь съ семилѣтняго возраста.

Т. XIV, изд. 1857 г. Уставъ о предупр. преступленій, ст. 23 и 24.

§ 2. Во время Божественной службы не должно быть близь церкви крику, драки и вообще никакого безчинства, также какъ игрищъ, музыки, плясокъ и пѣнія пѣсень. Торговыя же лавки (кромѣ тѣхъ, въ которыхъ продаются съѣстные припасы и конскій кормъ) и питейные дома не должны быть въ это время открываемы.

Ст. 15 и 16.

II.

О СЕЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛѢ.

§ 3. Крестьяне всѣхъ наименованій могутъ имѣть въ своихъ селеніяхъ открытыя лавки, лабазы и другія подобныя торговыя заведенія, но торговать въ нихъ дозволяется имъ одними тѣми товарами, которые означены въ особыхъ къ этой статьѣ приложенныхъ *росписяхъ*, закупая эти товары въ городахъ и на ярмаркахъ.

Т. XI. Уставъ Торговый, ст. 349, 352, 355 и 250.

§ 4. Крестьяне могутъ свободно закупать и развозить въ уѣздахъ и городахъ припасы всякаго рода, также сельскія произведенія, рукодѣлія и издѣлія, и продавать ихъ на торгахъ и рынкахъ изъ возовъ, судовъ и лодокъ, а на ярмаркахъ имѣть для этого временныя лавки.

Ст. 349, 352, 355 и 360.

§ 5. Всѣ роды промышленности, свойственной крестьянскому быту, свободны отъ всякаго сбора, или платежа, безъ всякаго ограниченія, или стѣсненія. Извозничество, содержаніе почтовыхъ лошадей и рѣчныхъ судовъ, харчевень и постоялыхъ дворовъ въ селахъ и деревняхъ, развозка дровъ, плиты и другихъ подобныхъ вещей, огородничество, садоводство и вообще упражненіе въ работахъ и ремеслахъ, крестьянскому быту свойственныхъ, могутъ производиться крестьянами свободно безъ всякаго ограниченія.

Ст. 349, 352, 355 и 360.

§ 6. Купцамъ, мѣщанамъ и посадскимъ запрещается производить въ селеніяхъ какой-либо лавочный торгъ, кромѣ ярмарокъ и установленныхъ торговъ. Они не могутъ имѣть въ селеніяхъ и вообще въ уѣздѣ магазиновъ, лавокъ и складовъ произведеніямъ, кромѣ состоящихъ при фабрикахъ и заведеніяхъ.

Ст. 361 и 365.

§ 7. Сельскимъ обывателямъ дозволяется безпрепятственно привозить въ города на возахъ, лодкахъ и судахъ всякаго рода припасы, для народнаго продовольствія потребные. Всякое притѣсненіе, остановка на пути, на мостахъ и перевозахъ обывателямъ, везущимъ съѣсные и другіе припасы, строго воспрещаются. При ввозѣ въ города сихъ припасовъ въ благополучное время, не требуется отъ привозителей ни явки, ни записи паспортовъ на заставахъ.

Т. XIII. Уст. Нар. Продов. ст. 740, 741 и 742.

III.

О ПРЕДОСТОРОЖНОСТЯХЪ ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ ЗДОРОВЬЯ И ЖИЗНИ.

§ 8. Городская и земская полиціи обязаны наблюдать, чтобы нигдѣ отнюдь не продавались съѣстные припасы несвѣжіе и для здоровья вредные, какъ-то: дурной хлѣбъ, гнилыя мясо, или рыба, масло, овощи плоды и тому подобное.

Т. XIII. Уст. Медиц. Полиц. ст. 854.

§ 9. Тамъ, гдѣ вода для питья берется изъ ручьевъ и рѣкъ, поселяне не должны мочить въ нихъ льна и конопли, также и въ озерахъ, въ которыхъ ловится рыба, а имѣли бы для этого особыя мочильныя ямы.

Т. II. ст. 2772.

§ 10. Проруби, водопойни и портомойные плоты должны быть огорожены вѣхами.

Ст. 2772.

§ 11. Чтобы, какъ скоро воды вскроются, были чрезъ нихъ вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, безопасныя переправы; чтобы для переправы въ ночное время всегда готовы были перевозщики, паромы, или плоты.

Ст. 2777.

§ 12. Зимнія дороги чрезъ поля, степи и во́ды должны быть обставлены въ свое время вѣхами, и чтобы вѣхи эти были сберегаемы. Чтобы при замерзаніи большихъ рѣкъ и озеръ, поселяне не переходили и не переѣзжали ихъ, пока такая переправа не сдѣлается совершенно безопасною.

Т. II. ст. 2777.

§ 13. Чтобы нигдѣ по улицамъ, или дорогамъ, или вблизи ихъ не валялось палаго скота, гнилого мяса и прочей нечистоты.

Ст. 2771.

Примѣчаніе. Всякій хозяинъ обязанъ мести улицу передъ своимъ домомъ, или избою.

Ст. 847.

§ 14. Чтобы нечистота съ улицъ вывозилось на поля, а не бросалась бы въ рѣки, ручьи и канавы.

Ст. 2771.

§ 15. Чтобы ни одно мертвое тѣло не было погребаемо прежде трехъ дней со дня смерти. Чтобы гробы были зарываемы какъ можно глубже, такъ чтобы глубина ямы была не менѣе двухъ съ половиною аршинъ, а могилы засыпались бы наравнѣ съ поверхностью земли.

Ст. 2791, и въ Уст. Врачебн.

§ 16. Прививаніе предохранительный оспы въ уѣздахъ дозволяется всякому, кто получитъ на это дозволеніе отъ врача.

Т. XIII. Уст. Медиц. Полиц. ст. 985.

IV.

О БЛАГОУСТРОЙСТВѢ ВЪ ОТНОШЕНІИ СУДЕБНЫХЪ РОЗЫСКАНІЙ И О ХОЖДЕНІИ ПО МІРУ.

§ 17. Тѣла внезапно (скоропостижно) умершихъ не должны быть погребаемы прежде, чѣмъ это разрѣшено будетъ становымъ приставомъ, или земскимъ судомъ.

Т. II. ст. 2791.

§ 18. Запрещается также прежде осмотра судебнаго и лекарскаго хоронить слѣдующіе трупы: а) тѣла умершихъ вскорѣ послѣ какого-нибудь наружнаго насилія, какъ-то: отъ ушиба, отъ раны, отъ паденія съ высоты и т. п.; б) тѣла умершихъ скоропостижно съ необыкновенными припадками, съ такими, что можно подозрѣвать отравленіе; в) тѣла умершихъ послѣ наружнаго употребленія вредной мази, ваннъ и т. п.; г) най-

денныя мертвыя тѣла новорожденныхъ младенцевъ; д) также въ тѣхъ случаяхъ, когда есть подозрѣніе въ умышленномъ умерщвленіи; е) когда послѣ смерти кого-либо станутъ жаловаться, что смерть произошла отъ непозволеннаго леченія знахарями и ворожеями и лицами, неимѣющими права на леченіе; ж) вообще запрещается хоронить прежде судебнаго и лекарскаго осмотра тѣла людей, бывшихъ по-видимому здоровыми и умершихъ скоропостижно отъ неизвѣстныхъ причинъ.

Т. XIII. Уст. Медиц. Полиц. ст. 918.

§ 19. Если найдено будетъ въ полѣ, въ лѣсу, или же въ иномъ мѣстѣ мертвое тѣло, то сотскій, осмотрѣвъ его и замѣтивъ, какіе есть на тѣлѣ знаки, доноситъ о томъ немедленно становому приставу, или земскому суду, къ тѣлу же приставляетъ стражу изъ поселянъ, подъ надзоромъ десяцкихъ, и велитъ его хранить въ удобномъ и безопасномъ мѣстѣ.

Т. II. ст. 2790.

§ 20. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ опредѣлено производить судебный осмотръ тѣла, не должно предпринимать никакого предварительнаго надъ нимъ изслѣдованія, могущаго воспрепятствовать формальному свидѣтельству; и потому должно стараться, чтобы тѣло оставалось, *если возможно*, въ томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи, въ которомъ человѣкъ умеръ.

Т. XIII. Уст. Суд. Медиц. ст. 1740.

§ 21. Строго запрещается нищенствовать, или бродить въ городахъ, посадахъ, селеніяхъ, по ярмаркахъ, большихъ и торговыхъ дорогахъ, для испрашиванія подаянія

Т. XIV. Уст. о предупреж. прест. ст. 253.

V.

О НАСИЛЬСТВЕННОМЪ ЗАВЛАДѢНІИ И О ВОЗНАГРАЖДЕНІИ ЗА ВРЕДЪ И УБЫТКИ, ПРИЧИНЕННЫЕ ДРУГИМЪ.

§ 22. Насильственное завладѣніе воспрещается всѣмъ и каждому; никто самъ собою расправляться не долженъ.

Тамъ же. ст. 438.

§ 43. Въ случаѣ истребленія, или поврежденія какого-либо имущества, виновный обязанъ за истребленное имущество заплатить, или по существовавшимъ на предметы сего рода во время самого истребленія цѣнамъ, или по цѣнамъ, существующимъ во время постановленія рѣшенія о вознагражденіи, какъ сего будетъ желать и требовать хозяинъ имущества, — а поврежденіе привести въ прежнее состояніе на свой счетъ, или же, если хозяинъ поврежденнаго имущества на то согласится, заплатить сумму, нужную для сего исправленія, или же, наконецъ, когда исправленіе сего имущества по чему-либо окажется невозможнимъ, заплатить за оное на томъ же основаніи, какъ за имущество истребленное. Виновный обязанъ также вознаградить за всѣ понесенные въ

слѣдствіе истребленія, или поврежденія сего имущества потери и убытки, со времени истребленія, или поврежденія онаго по день полной уплаты сего вознагражденія.

Т. X. ст. 673.

VI.

О ПРАВАХЪ И ОБЯЗАННОСТЯХЪ КАСАТЕЛЬНО СОСѢДНИХЪ ВЛАДѢНІЙ И ПОСТОРОННИХЪ ЛИЦЪ.

§ 24. Для довольствія проѣзжающихъ и прогоняемаго скота, луга по дорогамъ не должны быть запираемы (запрещаемы) далѣе Троицына дня, а отпираемы, по большимъ дорогамъ на версту, а проселочнымъ на полверсты отъ дороги, не позже 1-го сентября; также дозволяется и на прочіе луга и пустоши, когда съ нихъ трава скошена и хлѣбъ убранъ, пускать прогоняемый скотъ для довольства кормомъ безъ платы.

Т. X ст. 436.

§ 25. Владѣлецъ земли и покосовъ имѣетъ право требовать: 1) чтобы сосѣдъ запрудами не поднималъ рѣчной воды и ею не потоплялъ его луговъ, пашней и не останавливалъ дѣйствія его мельницы; 2) чтобы хозяинъ противоположнаго берега рѣки не примыкалъ плотины къ его берегу, безъ его согласія.

Ст. 442.

§ 26. Запрещается дѣлать какой-либо сборъ за проходъ и проѣздъ по дорогамъ и постояннымъ

мостамъ. Запрещается брать какой либо сборъ по всѣмъ почтовымъ трактамъ въ уѣздахъ, за переходъ чрезъ пловучіе мосты и за перевозы, если эти мосты содержатся на счетъ казны, или изъ земскихъ повинностой. Но когда пловучій мостъ, или перевозъ въ уѣздѣ содержатъ жители отъ себя, то позволяется установить сборъ, не иначе, впрочемъ, какъ съ разрѣшенія высшаго начальства.

Т. XII, Уст. Пут. Сообщ. ст. 840, 841, 842 и 843.

VII.

ОБЪ ОХОТѢ И РЫБНОЙ ЛОВЛѢ.

§ 27. Запрещается съ 1 марта по Петровъ день (29-го іюня) стрѣлять и ловить звѣрей и птицъ, и привозить съ 1 марта по 1 іюля въ города какую-либо дичь, и торговать ею, гдѣ бы то ни было. Въ губерніяхъ же С.-Петербургской, Новгородской и Псковской воспрещается стрѣлять и ловить звѣрей и птицъ съ 1-го марта по 15-е іюля. Хищныхъ же звѣрей и птицъ можно истреблять во всякое время года.

Примѣчаніе. Хищными звѣрями и птицами называются медвѣди, волки, орлы, ястреба и т. п. наносящіе вредъ человѣку и домашнимъ животнымъ.

Т. XII, Постан. о городск. и сельск. хозяйствѣ, ст. 540 и 543.

§ 28. На чужой землѣ можно охотится тогда только, когда владѣлецъ той земли дастъ на это охотнику письменное дозволеніе.

Ст. 536.

§ 29. Запрещается разорять птичьи гнѣзда, или вынимать изъ нихъ яйца въ лѣсахъ, поляхъ и около воды, исключая только гнѣздъ хищныхъ птицъ.

Ст. 538.

§ 30. Рыбныя ловли на рѣкахъ судоходныхъ и несудоходныхъ составляютъ собственность владѣльцевъ береговъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ловъ рыбы предоставленъ, по особымъ постановленіямъ, кому-либо другому.

Ст. 734.

§ 31. Рыбныя ловли въ водахъ запертыхъ, какъ то: въ озерахъ и прудахъ, лежащихъ внутри частныхъ дачъ, составляютъ также собственность владѣльцевъ береговъ; посторонніе не иначе могутъ пользоваться оными, какъ по письменному дозволенію.

Ст. 735.

VIII.

О ПОСТРОЕНІИ СЕЛЕНІЙ.

§ 32. Если строеніе строится при рѣкѣ, протокѣ или ручьѣ, то слѣдуетъ располагать его не ближе 15-ти сажень отъ береговъ.

Т. XII, Уст. Строит. ст. 425.

§ 33. Улицы въ селеніяхъ или деревняхъ проводить сколько возможно прямѣе; ширина ихъ, особливо въ селеніяхъ при большихъ дорогахъ, должна быть не менѣе 10-ти сажень. Если мѣсто

сырое, топкое, то по бокамъ улицы должно вырывать канавы, не стѣсняя однакожъ ими ширины улицы; на этихъ канавахъ должны быть, гдѣ слѣдуетъ, мостики. Гдѣ канавъ не будетъ сдѣлано, тамъ сажаютъ у домовъ деревья. Уличныя дороги должны быть по срединѣ нѣсколько возвышеннѣе краевъ.

Т. XII. Уст. Стр. ст. 423, 424, 227, 228, 429 и 470.

§ 34. Бани, кузницы, овины, риги и другія подобныя строенія, въ которыхъ держится продолжительный огонь, не должны строиться въ самой деревнѣ, а надобно ставить ихъ поближе (гдѣ есть) къ рѣкѣ, озеру или оврагу. Магазейные амбары должны стоять особнякомъ, не ближе 25 сажень отъ другихъ строеній.

Ст. 472, 473, 460, 505.

§ 35. Жилые деревянные домы или избы отъ другихъ сосѣдственныхъ домовъ должны стоять не ближе 6-ти саженъ; само собой разумѣется, что чѣмъ больше будетъ это пространство, тѣмъ болѣе будутъ охранены жители отъ пожара.

Ст. 475, 439, 445.

§ 36. Домы или избы можно ставить и въ длину, но предпочитается ставить ихъ въ ширину по улицѣ; къ другой сторонѣ, по линіи улицы могутъ быть поставлены прочія хозяйственныя строенія, оставляя между ними и избою, кромѣ воротъ, незастроенное пространство, которое забирается заборомъ. Черныя, дымныя избы слѣдуетъ выводить изъ употребленія.

Печи ставить не въ тѣсныхъ мѣстахъ и окладывать отъ деревянныхъ стѣнъ кирпичами, или оставлять между печкою и стѣнами пустое мѣсто и выводить у печей кирпичныя трубы сверхъ крыши на 1 аршинъ. Гдѣ есть камень, тамъ ставить строенія на каменномъ фундаментѣ.

Ст. 457, 454, 455, 456, 452, 453, 451.

§ 37. Колодцы строить съ высокими срубами и крышами.

Плотины, мельницы и другія заведенія, въ которыхъ дѣйствуетъ вода, надо устроивать такъ, чтобы онѣ не запруживали верхнихъ мельницъ и не затопляли бы сосѣдственныхъ пашенъ или покосовъ, проѣзжихъ дорогъ и бродовъ.

Ст. 468, 507.

§ 38. При въѣздѣ въ каждое селеніе долженъ быть поставленъ столбъ съ доскою, на которой должно быть написано: названіе селенія, кому оно принадлежитъ и сколько въ немъ душъ. Столбы эти должны быть окрашены такою же краскою, какою красятся верстовые столбы на большихъ дорогахъ.

Ст. 431.

IX.

ОБЪ ОТВРАЩЕНІИ И ТУШЕНІИ ПОЖАРА.

§ 39. Въ селеніяхъ жилые покои слѣдуетъ топить днемъ, а не по ночамъ. Во время топленія овиновъ, хозяевамъ или ихъ работникамъ быть

при овинахъ неотлучно, а на всякій случай имѣть въ готовности въ кадкахъ воду. Хлѣба въ скирдахъ близь овиновъ не складывать.

Т. XII, Уст. Стр. ст. 33, 34.

§ 40. Запрещается ходить съ зажженною лучиною или свѣчею безъ фонаря на чердаки, въ конюшни, въ сараи, въ сѣнники, въ кладовыя, въ погреба и другія домашнія строенія.

Ст. 36.

§ 41. Сѣра, смола, порохъ, сѣно, солома, пенька, ленъ и другія вещества, способныя скоро загораться, не должны быть хранимы на печахъ или близко къ нимъ, на чердакахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ можетъ имъ быть опасность отъ огня.

Ст. 37.

§ 42. Тамъ гдѣ для набойки или для краски варится масло въ значительномъ количествѣ (до десяти фунтовъ и болѣе) запрещается производить такую варку ближе 25 сажень отъ строеній. Пеньку и ленъ запрещается сушить въ жилыхъ избахъ.

Т. II. ст. 2774.

§ 43. При выжиганіи травы, жнивья или кореньевъ, поселянинъ долженъ находиться на той полосѣ съ заступомъ, съ метлами, ведрами, наполненными водою и съ другими по возможности огнегасительными орудіями, чтобы не дать огню распространиться далѣе надлежащаго. Въ случаѣ же сильнаго вѣтра къ сторонѣ лѣсной дачи, вы-

жиганіе должно отложить, а разведенный огонь загасить.

Т. XII. Уст. Стр. ст. 52, 53.

§ 44. Такія же предосторожности должно наблюдать: 1) при выжиганіи степныхъ мѣстъ для удобренія ихъ подъ хлѣбопашество и скотоводство; 2) при разчисткѣ лѣсовъ подъ пашни, сѣнные покосы и другія угодья.

Ст. 54.

§ 45. Пастухи въ лѣсахъ никакъ не должны раскладывать огней съ самой ранней весны по 15-е октября въ теплыхъ, и по 15-е сентября въ холодныхъ губерніяхъ. Если же случится пастбище не въ лѣсной дачѣ, но по близости къ ней, то хотя и не запрещается раскладывать огонь, однако надлежитъ прежде вокругъ того мѣста на три сажени шириною скосить траву, и при оставленіи огонь загасить.

Т. XII, Уст. Пожарн. ст. 57.

§ 46. Какъ сельскимъ обывателямъ, такъ проѣзжающимъ и проходящимъ запрещается раскладывать огонь на большихъ дорогахъ и близь лѣсовъ, близь посѣяннаго или собраннаго хлѣба, близь мостовъ, строеній и огородовъ, въ разстояніи менѣе двухъ сажень; при отъѣздѣ же или уходѣ, разложенный огонь приказывается затушить непремѣнно.

Ст. 44.

§ 47. Окрестнымъ жителямъ приказывается тушить и заливать огонь, кѣмъ либо оставленный непотушеннымъ.

Ст. 45.

§ 48. Если произойдетъ въ лѣсу пожаръ, то староста, которому та лѣсная дача поручена въ присмотръ, обязанъ дать о томъ знать земскому суду и лѣсничему того уѣзда, и немедленно, для потушенія пожара, сзывать поселянъ всѣхъ смежныхъ деревень, въ десятиверстномъ разстояніи находящихся, а гдѣ населенія мало, то и изъ селеній на двадцать пять верстъ отъ мѣста пожара состоящихъ. Крестьяне, по первому призыву, должны явиться съ заступами, метлами, ведрами и тому подобными для погашенія огня орудіями и оставаться тамъ для потушенія пожара до тѣхъ поръ, пока пожаръ не окончится.

Ст. 83, 84.

X.

О ПОДАТЯХЪ.

§ 49. Денежные подушные зборы, которые крестьяне вносятъ въ уѣздныя казначейства, бываютъ двоякаго рода: 1) государственныя подати (по 95 коп. сер. въ годъ съ каждой ревизской души мужескаго пола) и 2) земскія денежныя повинности. Количество земскихъ денежныхъ повинностей бываетъ различно, смотря по потребностямъ каждой губерніи. Но какъ государственныя подати, такъ и земскія денежныя повинности вносятся въ то же время и въ то же казначейство, и квитанція въ полученіи ихъ выдается общая. Въ этой квитанціи прописывается

сколько именно поступило въ государственныя подати и сколько въ земскія повинности.

Т. V, Уст. о податяхъ, Ст. 2, 3, 29, 30, 17-я и къ ней примѣч. Т. IV. Уст. о земск. повинност. ст. 16, 89 и 90.

§ 50. Годовыя подати вносятся въ казначейство въ два срока, именно: за первую половину года съ начала января по 1-е марта, а за вторую половину года съ октября по 1-е января. Сверхъ этого, дается плательщикамъ пятнадцатидневная льгота, считая съ 1-го марта или съ 1-го января по 16-е число того или другаго мѣсяца. Можно уплачивать подати частію, или сполна, и прежде означенныхъ сроковъ.

Т. V. Уст. о податяхъ, Ст. 29, 30, 525.

§ 51. Пріемъ податей въ казначейство производится всякій день до полудня, не исключая и табельныхъ дней. При пріемѣ суммъ казначей напередъ принимаетъ отъ тѣхъ, которые прежде другихъ явились съ платежемъ денегъ.

Ст. 35, 36.

§ 52. Россійскую золотую и серебряную монету принимать во всѣ подати, сборы и платежи. Отнюдь не отказывать приносителямъ въ пріемѣ монеты россійской, какъ стараго, такъ и новаго чекана, подъ однимъ предлогомъ неясности знаковъ или легковѣстности, если только разпознать можно наружныя изображенія штемпеля, возвращая одну лишь монету обрѣзанную, проколотую или испиленную.

Т. II, ст. 2840.

§ 53. Уѣздный казначей выдаетъ въ тотъ же день плательщикамъ гербовыя квитанціи (безъ

платежа за бумагу), а плательщикъ въ полученіи квитанціи росписывается. Въ случаѣ неумѣнія грамотѣ, плательщикъ проситъ постороннихъ людей, которые могутъ за него росписаться.

Т. V. Уст. о подат. ст. 45.

§ 54. Въ случаѣ какой либо задержки со стороны казначея въ выдачѣ квитанціи, плательщики должны приносить жалобы свои словесно стряпчему, а въ случаѣ отлучки его — городничему, или исправляющему его должность.

Ст 47.

§ 55. Если какое нибудь селеніе или вотчина не внесетъ за себя подушнаго оклада къ опредѣленному сроку, даже пропуститъ 15-ти дневную льготу, — то недоимка эта взыскивается съ пенею (т. е. со шрафомъ). Пеня берется по одному проценту въ мѣсяцъ, т. е. въ каждый просроченный мѣсяцъ прибавляется по копѣйкѣ на рубль. Пеня вносится всегда за полный мѣсяцъ. Такъ, напримѣръ, кто вноситъ подать хотя бы 16-го марта, съ того взыскивается пеня за весь мартъ, а кто вноситъ хотя бы 1-го апрѣля, съ того за апрѣль и мартъ, и такъ далѣе, держась календарныхъ мѣсяцевъ и не перебивая оныхъ счетомъ 30-ти дней.

Ст. 525.

XI.

О ПОДВОДНОЙ И ДОРОЖНОЙ ПОВИННОСТЯХЪ.

§ 56. Крестьяне обязаны выставлять, куда назначатъ, подводы, по требованію земской полиціи.

Крестьяне получаютъ за каждую подводную лошадь поверстныя прогонныя деньги, или вмѣсто оныхъ, въ опредѣленныхъ случаяхъ, контръ-марки, сколько гдѣ слѣдуетъ.

Т. IV. ст. 212, 213, 213, 444.

§ 57. Иногда требуются, при проходѣ кавалерійскихъ командъ, проводники изъ крестьянъ, безъ лошадей; такіе проводники должны исправлять эту повинностъ безъ платы. Какъ въ подводахъ, такъ и въ проводникахъ между крестьянами должна быть соблюдаема вѣрная очередь.

Ст. 505, 508, 212.

§ 58. Исправленіе (чинка) участковъ на большихъ дорогахъ должно производиться въ свободное отъ полевыхъ работъ время: осенью по уборкѣ хлѣба, а весною послѣ посѣва яроваго, но прежде сѣнокоса. Не препятствуется, впрочемъ, по собственному желанію крестьянъ, исполнять эту повинность и во всякое другое время, по удобности.

Т. XII. Уст. Путей Сообщеній, ст. 772.

§ 59. Проселочныя дороги должны быть шириною не менѣе трехъ сажень. На нихъ (на дорогахъ) должны быть устроены, гдѣ слѣдуетъ, прочные мосты и перевозы; по мѣстамъ низкимъ и болотистымъ слѣдуетъ устроивать *гати,* особенно же гдѣ дорога идетъ между лѣсами; ширина мостовъ (на проселочныхъ дорогахъ) полагается въ девять аршинъ.

Т. XII, Уст. Пут. Сообщ. ст. 524, 736, 737, 730, 738, 739, 740 и 741.

§ 60. Вездѣ гдѣ представляется опасность отъ овраговъ и косогоровъ должны быть дѣлаемы

надолбы, или перила. Мосты (кромѣ маленькихъ) должны быть непремѣнно съ перилами; накатъ (стилка) на мостахъ долженъ быть изъ тесаныхъ бревенъ, а не изъ кругляковъ.

Ст. 524, 736, 737, 730, 738, 739, 740 и 741.

§ 61. По грязнымъ и болотистымъ мѣстамъ, гати и плотины дѣлаются изъ земли, которую берутъ изъ боковыхъ канавъ; сверхъ земли кладутъ фашины, засыпаютъ ихъ землею же и потомъ усыпаютъ пескомъ, или избитымъ въ щебень булыжникомъ; навозъ же или солому для устройства плотинъ брать запрещается.

Ст. 524, 736, 737, 730, 738, 739, 740, 741

О КВАРТИРНОЙ ПОВИННОСТИ, ИЛИ ПОСТОѢ ВОИНСКОМЪ.

§ 62. Воинской постой, или квартирная повинность исправляется обывателями въ натурѣ, т. е. они (обыватели), по требованію начальства, должны отводить офицерамъ и солдатамъ квартиры въ домахъ или избахъ своихъ, не требуя за то никакой платы, если они (поселяне) не имѣютъ для этого особыхъ зданій и не платятъ вмѣсто ихъ такъ называемыхъ квартирныхъ денегъ.

Т. IV, ст. 267.

§ 63. Воинскіе постояльцы занимаютъ тѣ покои (въ домахъ или избахъ), которые хозяиномъ указаны будутъ. При непремѣнномъ (постоянномъ) квартированіи, хозяинъ обязанъ давать постояльцамъ на каждый покой столъ, ставецъ и горшокъ; при переходѣ войскъ, т. е. когда они останавли-

ваются на крартирахъ не надолго, хозяева должны снабжать постояльцевъ, для приготовленія пищи, ведрами, ушатами, квашнями, лопатами и топорами. Воду такимъ постояльцамъ также должны доставлять хозяева. Сверхъ этого постояльцы могутъ требовать отъ хозяина постель, если она есть у него лишняя, полагая по одной на трехъ солдатъ; если же нѣтъ постели, то дается на подстилку солома или сѣно.

Т. IV. ст. 319, 314, 315, 317, 318.

§ 64. Офицеры и нижніе чины, какъ при проходѣ черезъ селенія, такъ и при постоянномъ квартированіи, не могутъ требовать отъ обывателей ничего, сверхъ дозволеннаго закономъ, и за все, взятое сверхъ положенія, обязаны платить тотчасъ наличными деньгами.

Ст. 329.

§ 65. Въ селеніяхъ, при постоянномъ квартированіи, дозволяется постояльцамъ заводить для пропитанія себя птицъ и скотъ; но какъ кормъ для птицъ и скота, такъ и сѣно, и всякій другой фуражъ постояльцы должны имѣть свои, или покупать у обывателей по взаимному согласію, на чистыя деньги. Требовать же чего либо подобнаго постояльцы не имѣютъ права.

Ст. 324.

§ 66. Когда постояльцы расположены въ однихъ покояхъ или общихъ избахъ съ хозяевами, или ихъ прислугою, то они (постояльцы) имѣютъ

вмѣстѣ съ хозяевами и теплоту, довольствуясь дровами или инымъ топливомъ — хозяйскимъ.

Ст. 364.

§ 67. Въ селеніяхъ, тѣмъ постояльцамъ, которымъ отведены особыя избы, или которые имѣютъ собственные домы, отпуска дровъ отъ хозяевъ не назначается, но они могутъ рубить ихъ сами для себя, по отводу земскаго начальства, въ тѣхъ же лѣсахъ, гдѣ помѣщики и крестьяне сами рубятъ, и возить ихъ на своихъ лошадяхъ, отнюдь не принуждая къ этому крестьянъ.

Ст. 366.

§ 68. Освѣщеніе (свѣча, а если ее нѣтъ, то и лучина) отъ хозяина получаютъ одни только нижніе чины (унтеръ-офицеры и солдаты); офицеры же и другіе воинскіе чиновники освѣщаются на собственныя деньги. Если постоялецъ живетъ въ общей съ хозяиномъ избѣ, то особаго для него освѣщенія не полагается, а освѣщается онъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, довольствуясь, за недостаткомъ свѣчъ, и лучиною.

Ст. 367, и 368.

§ 69. При проходѣ черезъ селеніе такихъ воинскихъ командъ, которые не имѣютъ при себѣ никакихъ жизненныхъ припасовъ, обыватели обязаны ихъ продовольствовать сытною пищею, но не даромъ, а за установленную плату. Прежде ухода такихъ командъ изъ селенія, офицеръ, который ведетъ ихъ, долженъ: 1) расплатиться съ обывателями за продовольствіе партіи; 2) полу-

чить отъ земской полиціи или отъ старостъ свидѣтельство (квитанціи) о поведеніи партіи во время ея квартированія у нихъ.

Ст. 354, 355, 357, 358, и 331.

XIII.

О ХЛѢБНЫХЪ ЗАПАСНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

§ 70. Для обезпеченія продовольствія крестьянъ на случай неурожайныхъ годовъ учреждаются хлѣбные запасные магазины. Эти магазины могутъ быть устроеваемы: а) одинъ для нѣсколькихъ, вблизи одна отъ другой лежащихъ деревень, хотя бы то было и въ разныхъ уѣздахъ; б) не иначе, какъ отдѣльно отъ амбаровъ самаго помѣщика, и единственно для ссыпки запаснаго хлѣба.

Т. XIII, Уст. о нар. продов. ст. 140, 141, и 142.

§ 71. Магазины эти должны строиться въ безопасномъ отъ огня мѣстѣ, съ особенными закромами для разнаго зерна. Эти закромы должны быть мѣрные, такъ, чтобы, по занимаемому въ нихъ пространству, можно было судить о количествѣ хлѣба.

Ст. 144 и 145.

§ 72. Взносъ хлѣба производится отъ окончанія жатвы по 1-е января слѣдующаго года. Собранный хлѣбъ ежегодно перемѣняется поселянами на свѣжій. Впрочемъ въ мѣстахъ, гдѣ въ магазины поступаетъ хлѣбъ овинный, дозволяется озимую рожъ перемѣнять въ теченіе двухъ лѣтъ.

Ст. 151 и 152.

§ 73. Изъ надежныхъ хозяевъ выбирается самими крестьянами смотритель надъ магазиномъ, на три года. Высшій же надзоръ надъ магазинами имѣютъ уѣздный предводитель дворянства и попечитель сельскихъ запасныхъ магазиновъ.

Ст. 153 и 138.

§ 74. Для составленія запаснаго магазейнаго хлѣба собирается ежегодно съ каждой ревизской души мужескаго пола по получетверику ржи или пшеницы и по два гарнца овса или ячменя. Этомъ ежегодный сборъ продолжается до тѣхъ поръ, пока въ закромахъ магазейнаго амбара не наберется на каждую ревизскую душу хлѣба: ржи или пшеницы по одной четверти, а овса или ячменя по полчетверти.

Ст. 127 и 128.

§ 75 Никто не имѣетъ права брать хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ безъ разрѣшенія начальства.

Ст. 159.

§ 76. Кромѣ того хлѣба, который собирается для запаса на случай неурожая, при самой уборкѣ отдѣляется отъ каждаго тягла достаточное для посѣва количество яроваго хлѣба. Сѣмена эти ссыпаются въ господскіе или общественные магазины.

Ст. 248.

XIV.

О МЕЖЕВЫХЪ ЗНАКАХЪ.

§ 77. На межѣ между владѣльческими землями оставляется пространство земли для межника ши-

риною въ одну сажень. Пространство это отрѣзается поровну, по $1^1/_2$ аршина, отъ каждаго изъ смѣжныхъ владѣній. Подлѣ отрѣзанныхъ межниковъ въ поляхъ слѣдуетъ проѣзжать сохами или плугами по три раза, а въ лѣсахъ дѣлать просѣки, шириною тоже въ сажень, при чемъ каждому владѣльцу, съ своей стороны, слѣдуетъ прорубить лѣсъ на межникѣ на полсажени.

Т. X. Законы Межевые, ст. 586 и 609.

§ 78. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ починъ межи, по обѣ стороны межника вырывается двѣ ямы, одна на сторонѣ однаго владѣнія, а другая противъ нее на сторонѣ смежнаго владѣнія. Ямы эти должны быть между владѣльческими землями во всѣ четыре стороны на полторы, а въ глубину на одну сажень. При всѣхъ поворотахъ межи и при окончаніи каждаго владѣнія, ямы копаются на срединѣ межника такой же величины. Гдѣ межа идетъ по прямой линіи на дальнее разстояніе, тамъ копать ямы чрезъ каждые 250 саженъ.

Ст. 587.

§ 79. Въ межевыя ямы кладутся уголь и дикіе камни: въ починную яму пять камней, а въ прочія по три камня такой величины, чтобы каждый изъ нихъ одинъ человѣкъ только съ мѣста поднять могъ, гдѣ такіе камни есть. Въ межевыхъ книгахъ описывается сколько въ какую яму положено камней.

Ст. 592.

§ 80. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя во время разлитія рѣкъ затопляются, межевыя ямы до верху насыпаются дикимъ камнемъ, потомъ засыпаются землею и покрываются дерномъ такъ, чтобъ яма имѣла видъ небольшаго кургана, вышиною не менѣе двухъ аршинъ.

Ст. 593.

§ 81 На утвержденныхъ межахъ, передъ всѣми ямами ставятся столбы вышиною отъ земли по одномуаршину. На каждомъ столбѣ вырубается по двѣ грани, одна назадъ, а другая впередъ по межѣ. На столбахъ надъ гранями выжигается государственный гербъ. Въ мѣстахъ, которыя при разлитіи рѣкъ затопляются, ставятся столбы такой пропорціи, чтобы они совсѣмъ покрывались водою во время разлива, а для большаго укрѣпленія столбовъ въ землѣ, вкладывается въ нижнемъ концѣ каждаго столба два бруса на крестъ, длиною не меньше двухъ аршинъ и засыпаются глубоко землею. Дозволяется вмѣсто деревянныхъ столбовъ ставить кирпичные и каменные, по особымъ правиламъ.

Ст. 597, 600 и 602.

§ 82. Владѣльцы земель обязаны межевые знаки сберегать въ цѣлости; лѣсныя просѣки разчищать ежегодно, а когда отъ времени ямы заровняются и столбы выгніютъ, тогда слѣдуетъ объявить объ этомъ уѣздному суду и просить о возобновленіи межевыхъ знаковъ.

Ст. 614.

§ 83. Въ селеніяхъ, сотскіе обязаны смотрѣть, чтобы владѣльцы и ихъ крестьяне межевыхъ признаковъ не портили. Какъ скоро дойдетъ до свѣдѣнія земской полиціи о поврежденіи межевыхъ знаковъ въ какомъ либо владѣніи, то немедленно должно о томъ изслѣдовать и виновныхъ подвергнуть законному суду и взысканію.

Ст. 617 и 619.

§ 84. За истребленіе граничныхъ межъ и другихъ знаковъ, съ намѣреніемъ присвоить себѣ или кому либо другому часть чужой недвижимой собственности, или для иной, также противозаконной цѣли, виновные, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ ихъ вину, подвергаются:

или заключенію въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года;

или же денежному взысканію отъ ста до пятисотъ рублей серебромъ.

Улож. о наказаніяхъ, ст. 2184.

Приложеніе къ § 3-му

РОСПИСЬ КРЕСТЬЯНСКИМЪ И ПРОЧИМЪ ТОВАРАМЪ, КОИ МОГУТЪ БЫТЬ ПРОДАВАЕМЫ ВЪ ГОРОДАХЪ И СЕЛЕНІЯХЪ.

Т. XI. Уст. Торг. прилож. къ ст. 349.

А. Въ гостиныхъ дворахъ, рядахъ и другихъ публичныхъ помѣщеніяхъ.

1) Деревянная или щепетная и глиняная крупная и мелкая всякаго званія посуда, кромѣ фарфоровъ и ан-

глійскаго фаянса, бутылки, штофы и простые стаканы, но кромѣ шлифованныхъ стеклянныхъ товаровъ.

2) Сохи, серпы, косы, иглы швальныя и рагожныя, булавки, ножи и ножницы, русскія простыя, топоры, замки висячіе, гвозди, сковороды, укладъ клинчатой, перстки и прочія крестьянскія желѣзныя мелочныя потребности, принадлежащія къ домашнимъ ихъ нуждамъ, къ крестьянскимъ строеніямъ и къ работѣ, также къ телѣгамъ, роспускамъ и санямъ, и всякія старыя желѣзныя подѣлки.

3) Сукна сермяжныя, кушаки шерстяные инитяные, холсты крестьянскіе крашеные, пестряди, войлоки, овчины, веревки, шлапы, пряжа льняная, шапки съ русскими овчинами, крестьянскія шляпы, рукавицы, упоки, коты, лапти, онучи, вереги, чулки русскіе, мошны и чересы кожаные, русскія шубы и кафтаны.

4) Кресты, цѣпочки, серги, перстни и пуговки мѣдныя и оловянныя и пронизки стеклянныя.

5) Поясы, шнурки, тесьмы, ленты и косники шелковые, бумажные и нитяные крестьянскіе безъ золота и серебра, ветошное и ношеное лоскутье, кромѣ богатыхъ, шелковыхъ и парчевыхъ съ золотомъ и серебромъ, нитки для шитья.

6) Веревки, зола, деготь, смола, рыбій жиръ.

7) Конскія крестьянскія потребности: хомуты и сѣдѣлки простыя деревяннаго дѣла съ ременными и посконными шлеями, кромѣ сдѣланныхъ изъ глянцовой кожи, ремни сыромятные, сани простые, пошевни, дровни, телеги, роспуски, колеса, оси и прочія къ тому потребности, кромѣ наборной мѣдью конской сбруи, телѣгъ и бричекъ на рессорахъ, дрожекъ, колясокъ, каретъ и проч.

8) Рогожи, цыновки, мочалы и лыки.
9) Фрукты, ягоды, овощи и зелень.
10) Живая, мерзлая и соленая рыба.
11) Мясный, курятный и птичій торгъ
12) Подержаныя ветхія мебели и разная старая домашняя утварь.
13) Старыя книги и эстампы.

Б. Подъ домами и на дворахъ дозволено имѣть:

1) Такъ называемыя мелочныя лавочки по особой росписи.
2) Табачныя лавочки по правиламъ въ Уставѣ объ акцизѣ съ табаку опредѣленнымъ.
3) Изразцы, разные строительные матеріалы для мелочной продажи, не имѣя однако плитныхъ дворовъ.
4) Сѣно и солому.
5) Мелкіе деревянные предметы, не имѣя однако же дворовъ съ дровами, бревнами, досками и разнымъ лѣсомъ.

А. Зеленой.

II.

КАКЪ БЫТЬ СЪ ДОРОГОЙ ВОДКОЙ.

А вотъ какъ быть: какъ въ Тульской губерніи, Чернскаго уѣзда, въ селѣ Спѣшневѣ. Тамъ на землѣ князя Долгорукова, поселены крестьяне, которымъ крѣпко надоѣла дорогая, не въ мѣру разбавленная водою водка. Міромъ положили они— не пить водки, да глядѣть другъ за другомъ, чтобы ни одинъ мірянинъ не купилъ ни чарки кромѣ развѣ по болѣзни. Дали Спѣшневцы такую запись, закрѣпили ее клятвой, и — горя мало: будь водка не только что восемь рублей за ведро въ розничной продажѣ, а хоть восемьдесятъ, — не бѣда. Цѣловальникъ можетъ складывать свои пожитки и убираться куда знаетъ, а то такъ можетъ сидѣть въ кабакѣ, съ полуштофами бесѣдовать, да плакать и убиваться, что люди нынче умнѣе стали. Повѣренный и дорогу позабудетъ въ село Спѣшнево.

Впрочемъ нѣтъ, отъ кордонщика, отъ корчемной стражи не убережешься ничѣмъ, ни крестомъ, ни пестомъ. Вотъ въ Харьковской губерніи есть

одинъ кордонщикъ, — какъ долженъ быть кордонщикъ, плутъ первой руки. Видитъ онъ какъ-то, что давно никого не ловилъ съ корчемной водкой, давно поживы не было, и думаетъ, что даромъ хозяйскій хлѣбъ ѣсть не приходится. Какъ быть? Надо какую-нибудь душу человѣческую погубить. И придумалъ онъ вотъ что: насыпалъ въ мѣшокъ мѣру овса, заложилъ въ овесъ поглубже полштофа, да и положилъ мѣшокъ на дорогу — такъ, будто кто проѣзжій съ воза обронилъ; а самъ со своими притаился въ кустахъ, близь дороги, какъ есть душегубъ. Дѣло было къ базару. Ѣдетъ мужичекъ на базаръ, рожь везетъ на возу. Глядь — мѣшокъ на дорогѣ. И не въ догадъ доброму человѣку, какую злодѣйскую штуку придумаетъ злой. Перекрестился, развязалъ мѣшокъ, поглядѣлъ — овесъ. Положилъ онъ овесъ съ своей рожью, и ѣдетъ. А кордонщикъ, съ своей ватагой, видѣлъ, кто попался на ихъ удочку, и слѣдятъ за нимъ издали, берегутъ, глазъ не спускаютъ. Дали ему доѣхать, куда имъ надо было. «Стой!» Стали осматривать, разрыли возъ, какъ будто не знаютъ, гдѣ искать водки, даподъ конецъ и хвать за мѣшокъ съ овсомъ. А тамъ полштофа. Ну что жъ, ободрали бѣднаго мужика, какъ липку, и еще рахонекъ былъ, что отпустили самого-то, хоть и отпустили пѣшаго, чуть не безъ рубахи. Трудно уберечься отъ злаго человѣка.

Тотъ же прощалыга задумалъ ободрать другаго, богатаго мужика. Справлялъ мужикъ свадьбу: сына

женилъ, а вечеромъ, наканунѣ свадьбы, была у него пирушка. Сосѣдъ, другой мужикъ, бѣднякъ, голякъ, задумалъ воспользоваться попойкой, и пока хозяинъ съ гостями и родными гуляетъ, забрался къ нему на гумно за дурнымъ дѣломъ: сталъ насыпать себѣ въ мѣшокъ только что обмолоченнаго зерна. Страхъ разбираетъ бѣднаго вора: воробей на крышкѣ въ соломѣ зашевелится, такъ ужъ ему чудится, что идетъ хозяинъ и вотъ сейчасъ руку на него наложитъ. Остановится бѣднякъ и слушаетъ. Смолкнетъ шорохъ, — онъ опять за свою нечистую работу. Вдругъ опять — шорохъ.... идутъ!... Слушаетъ бѣднякъ, ни живъ, ни мертвъ. И въ самомъ дѣлѣ идутъ! И слышитъ воръ, что пришли на гумно, и разговариваютъ не громко, чуть не шепотомъ. «Ну, глядите-же! вотъ въ эту скирду и зароемъ. А завтра въ обѣдъ и нагрянемъ; сначала по дому поищемъ, потомъ сюда. Одну, другую скирду пошаримъ, а потомъ за эту примемся, найдемъ боченокъ, тогда — гуляй душа! Кошель-то у мужика толстъ, да не только кошель, всѣхъ животовъ отдастъ, не откупится.» Зарыли разбойники боченокъ и ушли. Мужикъ мой, притаившись на гумнѣ, думаетъ, что дѣло плохо. Зла онъ не желалъ сосѣду, а если хотѣлъ попользоваться сосѣднимъ хлѣбомъ, такъ по одной бѣдности, а неизвѣстно, можетъ тоже и на выпивку, на содержаніе тѣхъ же озорниковъ съ братіею. Пошелъ онъ къ хозяину, повинился во всемъ своемъ грѣхѣ и указалъ, гдѣ зарытъ боченокъ съ

водкой. На утро свадьба. Хозяинъ съ гостями и рѣшилъ, чтобы даровую водку выпить, а тамъ посмотрѣть, что будетъ. Въ обѣдъ нахлынула ватага: кордонная стража съ самимъ атаманомъ. Хозяинъ не даетъ обыскивать дома, не пускаетъ да и все. Говоритъ: «*Не дамóся ні зá що, хибá заплáтите намъ 500 рублівъ, якъ не нáйдете горілки; и нáйдете то ми вамъ заплáтимо.*» Спорили, спорили, однако нѣтъ, хозяинъ и гости не подаются. Атаманъ однако согласился, потому что навѣрно думалъ найти водку. Выбрали посредниковъ, главный разъѣздчикъ отдалъ имъ на руки свои 500 рублей, а хозяинъ вытащилъ свои, тоже имъ отдалъ. Какъ съ цѣпи сорвались разъѣздчики: перерыли весь домъ, ничего не нашли, и кинулись на гумно. Объискали всѣ скирды, а одну все обходятъ: берегутъ ее напослѣдокъ,— надежа-скирда. Принялись и за нее, да всѣ гуртомъ, однако и въ ней не нашли. Съ горя копались долго, будто иголки искали, а не боченка. Дѣлать нечего, деньги кордонщика достались хозяину. Тѣмъ однако не кончилось: хозяинъ жаловался начальству, другіе мужики тоже показали на молодца разные грѣхи, такъ что его подъ-судъ отдали. — Все судьба! Не подвернись маленькій воръ, чтобы подстеречь большаго вора, такъ большой-то разорилъ бы мужика въ конецъ, по міру пустилъ бы богатаго человѣка.

Вотъ въ Гродненской губерніи теперь ужъ не страшны ни цѣловальники, ни разъѣздчики. Тамъ

по цѣлой губерніи крестьяне дали клятву не пить водки, такъ по нѣкоторымъ уѣздамъ откупщикъ распустилъ кордонную стражу: нечего ей стало дѣлать. Законы Божескіе и человѣческіе гласятъ, что упиваться виномъ есть грѣхъ смертный, да какъ еще къ этому прибавить, что оно и невыгодно, тамъ нечего и говорить. Иной добрый человѣкъ пропиваетъ въ годъ, примѣрно, двадцать пять цѣлковыхъ; по мелочи оно не видно. Не мудрено сосчитать, что въ двадцать лѣтъ онъ пропилъ пятьсотъ рублей серебромъ, на ассигнаціи это выходитъ тысячу семьсотъ пятьдесятъ рублей. А на такія деньги можно купить себѣ собственной крѣпостной земли, на которой и дѣти, и внуки, всѣ будутъ сыты, обуты, одѣты. Въ Гродненской губерніи теперь пьянаго за деньги не увидишь, корчмы опустѣли, шинкари-жиды сидятъ да плачутъ надъ водкой, а на штофахъ плесень стала заводиться.

Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ!

Жиды-шинкари провѣдали, что священники уговаривали народъ не пить водки, и надо жидамъ какъ нибудь опять смутить народъ христіанскій. Надѣются они, что человѣкъ терпитъ, терпитъ, да какъ не выдержитъ, какъ выпьетъ опять хоть разъ, такъ и пойдетъ опять пьянствовать пуще прежняго, пропивать и послѣднюю копѣйку, и полушубокъ, и шапку. Вотъ и пришелъ одинъ жидъ къ христіанину, принесъ съ собой полштофа, такъ, даромъ, будто по дружбѣ уго-

стить сосѣда. И говоритъ: «Ну, не стыдно ли тебѣ, умному человѣку, слушать, что толкуютъ твои священники, и не пить водки! А какая водка-то нынче стала! Забористая, очищенная, спеціальная, сливки, совершенныя сливки. Вотъ я тебѣ по-дружбѣ принесъ попробовать, чтобы вы не говорили, будто мы, шинкари, все только разбавляемъ водку. Нѣтъ, мы все только стараемся, какъ бы лучше сдѣлать для добрыхъ людей.»

Мужикъ сталъ отнѣкиваться, говорить, что деньги нужны, что ежели что и прикопилось съ тѣхъ поръ, какъ пить перестали, такъ деньги пойдутъ на покупку земли, крѣпостной, собственной земли, безъ передѣла; что сверхъ того священникъ объяснилъ имъ, какой это тяжелый грѣхъ пить водку. — «Да полно, не слушай! А еще умный человѣкъ!» говоритъ жидъ. «Къ тому же я и не хочу твоихъ денегъ; я тебѣ даромъ принесъ, по дружбѣ.» — Хорошо, согласился христіанинъ, и пошли они оба друзьями, въ холодную горницу, выпить вмѣстѣ и закусить. Подалъ крестьянинъ жиду рюмку, чтобы тотъ впередъ выпилъ; тотъ выпилъ и сдѣлалъ такую пріятную рожу, какъ будто ему кто сто рублей подарилъ: это лицемъ показываетъ, что водка перваго сорта. «На же вотъ, закуси, коли другъ», говоритъ мужикъ, и суетъ ему въ ротъ кусокъ свинины. Какъ вскинется мой жидъ, какъ завопитъ: «Какъ? мнѣ? поганаго мяса? Да развѣ ты не знаешь, что намъ законъ запрещаетъ это ѣсть?» — «Да полно, не

слушай! А еще умный человѣкъ!» отвѣчаетъ ему крестьянинъ. «Ну не стыдно-ли тебѣ, умному человѣку, слушать, что толкуютъ твои раввины и не ѣсть свинины. Это я тебѣ по дружбѣ даю, только попробовать.» Обидѣлся жидъ, свинины не попробовалъ, унесъ свою водку. А христіанинъ уцѣлѣлъ отъ соблазна, отъ вражескаго навожденія.

Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ!

Въ Виленской губерніи, въ тѣхъ уѣздахъ, которые по сосѣдству съ Ковенскою, крестьяне тоже положили не пить водки, и клятвой закрѣпили. Въ самомъ губернскомъ городѣ Вильнѣ цеховые ремесленники, столяры, сапожники, башмачники, слесаря и другіе, положили не пить водки.

Саратовской губерніи въ Балашовскомъ уѣздѣ крестьяне соглашаются между собой не пить водки.

Владимірской губерніи въ Гороховецкомъ уѣздѣ есть село Нижній Ландихъ. Тамъ на землѣ княгини Щербатовой поселено пять тысячъ душъ. Крестьяне положили между собой, что питье водки до добра не доводитъ, и потому лучше ее не пить вовсе, ни въ кабакѣ, и не смѣть покупать на выносъ.

Въ Каширскомъ уѣздѣ Тульской губерніи на казенной землѣ есть село Хотуши. Тамъ крестьяне положили, чтобы никто никакъ не смѣлъ пить водку въ кабакѣ. Это истинно умное и доброе дѣло. Передъ обѣдомъ выпить чарку водки — не

повредитъ, только выпить надо дома, честно, при всей семьѣ, чтобы жена видѣла и дѣти видѣли что ты пьешь водку по нуждѣ, что работаешь, изъ силъ выбиваешься, потому тебѣ надо подкрѣпиться. Дома не выпьешь столько, сколько въ кабакѣ. Тамъ сидятъ все люди такіе, которые душу свою пропивают, такъ они и подзадориваютъ человѣка на выпивку черезъ силу. Тамъ и съ товарищемъ выпьешь и съ сосѣдомъ выпьешь, и по дружбѣ выпьешь, и для дружбы выпьешь; тебя попотчивали, и ты попотчуешь, да и напотчуешься до безобразія.

Минской губерніи евреи тоже дали зарокъ не пить водки, потому что дóрога, и въ ней черезъчуръ много воды. Цѣловальникъ беретъ шесть рублей за ведро водки, а по мелочи забрать ведро, такъ заплатишь рублей восемь. По закону ведро хорошаго пѣннику стоитъ три рубля серебромъ, и въ этихъ трехъ рубляхъ и цѣна водки, и барышъ откупщика, и содержаніе кабака, и все, считай, какъ знаешь. А мы платимъ шесть рублей, да еще не за водку: тутъ въ ведрѣ полведра водки — ну, пускай три рубля, да полведра воды — тоже три рубля. Вотъ это ужъ и дорогонько, и обидно. За три рубля можно и начерпать, и на домъ привезти къ откупщику не полведра, а тридцать бочекъ воды, а онъ эту воду намъ же — по три рубля за полведра. Простота наша, простота! И платимъ!...

Ну да и то сказать, теперь ужъ не вездѣ и платятъ. Гродненскіе крестьяне, да и не одни кре-

стьяне, а тоже мѣщане, и купечество, и дворянство — ни гроша не платятъ ни за воду, ни за водку. Хотушинцы, Спѣшневцы и мало-ли еще народу, бросили водку. И по всей Руси православной всякій грамотный человѣкъ читаетъ про нихъ, всякій про нихъ теперь знаетъ, и поздравляетъ ихъ всякій честный человѣкъ, и въ душѣ своей благодаритъ Господа Бога за то, что Онъ наставилъ людей на путь истины, правды и добра, и даетъ имъ силы честно выдержать обѣщаніе.

Въ осьми верстахъ всего отъ Петербурга, самой столицы, въ деревнѣ Коломяги, крестьяне вовсе бросили водку. Въ день поминокъ по умершемъ родственникѣ, помѣщикъ приказалъ-было поднесть мужичкамъ по чаркѣ водки, такъ нѣтъ не стали пить. Да и то сказать, развѣ только пьяницу горькаго, безпробуднаго можно поминать водкой, а человѣка добраго надо поминать добромъ да молитвой за упокой его души.

Въ областномъ городѣ Бѣлостокѣ заводится трезвость; въ Рязанской и Курской губерніяхъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, водка попала въ опалу; Балашовскаго уѣзда село Северки дало зарокъ не пить водки, да и не одно это село, и въ уѣздѣ это святое дѣло нашло откликъ у честныхъ людей. Въ Сердобскомъ уѣздѣ (Саратовской губерніи), въ Кирсановскомъ уѣздѣ (Тамбовской губерніи), еще въ другихъ уѣздахъ Саратовской и Тамбовской губерніи бросаютъ добрые люди водку.

Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ!

Разинъ.

Дополненіе.

Издатели *Народнаго Чтенія*, принимая близко къ сердцу возрожденіе въ простолюдинахъ понятій о человѣческомъ достоинствѣ, предлагаютъ своимъ читателямъ еще слѣдующіе факты добровольнаго воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ, обнародованнаго въ 89 № Московскихъ вѣдомостей:

Вопросъ о воздержаніи отъ вина, конечно, пришелся по сердцу всѣмъ, кромѣ откупщиковъ.

Съ удовольствіемъ читаемъ мы о томъ, какъ въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества крестьяне добровольно отказываются отъ раззорительнаго напитка, но, къ сожалѣнію, замѣчаемъ, что тутъ вкралась непрошенная поэзія. Всякій мужикъ знаетъ, что умѣренное употребленіе вина не только вовсе не вредно, но даже полезно русскому и всякому рабочему человѣку, особенно въ сырое время. Итакъ не лучше ли бы, не навязывая отвлеченныхъ причинъ, сказать попросту, что русскій мужикъ смекнулъ, что раззорятся на дрянную жидкость ему не приходится. Это было бы просто, для всякаго понятно.

Прошу позволенія описать здѣсь то, что у насъ происходило по поводу отреченія отъ вина, и пусть свидѣтели этого дѣла и сами участники-крестьяне упрекнутъ меня гласно, если я скажу неправду.

Съ любопытствомъ прислушивались мы къ толкамъ крестьянъ по дѣлу о распространеніи трезвости. Мы радовались, слыша похвальные ихъ отзывы о тѣхъ, которые рѣшились принести въ жертву, по ихъ понятіямъ, единственное утѣшеніе въ крестьянскомъ быту. Вотъ, думали мы, и наши православные надумаются и послѣдуютъ благому примѣру своихъ собратій. Но мы ошиблись; мужички, казалось, отъ души похваливали другихъ, а нѣкоторые изъ нихъ продолжали попивать при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ.

Гдѣ-то мы читали, что помѣщики должны содѣйствовать распространенію трезвости. Мысль, конечно, похвальная, но не совсѣмъ практическая. Всѣмъ извѣстно недовѣріе крестьянъ къ людямъ не изъ ихъ сословія. Это фактъ, конечно, не розоваго цвѣта, но что же дѣлать, когда онъ существуетъ? Посему, кажется, мы очень хорошо сдѣлаемъ, если будемъ какъ можно менѣе вмѣшиваться въ домашнія дѣла крестьянъ.

Держась давно и твердо этого правила, я продолжалъ наблюдать, надѣясь, что дѣло устроится само собою; но однажды, въ разговорѣ съ крестьянами, я не утерпѣлъ и спросилъ ихъ, почему же они не послѣдуютъ примѣру тѣхъ, кого такъ усердно похваливаютъ?

«А потому, отвѣчалъ одинъ изъ крестьянъ, что этого дѣла намъ безъ вашей милости не сладить».

«Почему же не сладить?...» говорю я, «вѣдь вы сами понимаете, что много пользы можетъ вамъ принести хоть годовое воздержаніе отъ вина; за чѣмъ же дѣло стало!... соберите сходку, да помолившись Богу, положите зарокъ не пить водки.

«Понимать-то мы понимаемъ, и сходку не важность собрать», продолжалъ все тотъ же крестьянинъ, «да толку-то никакого не будетъ. Извѣстное дѣло, у насъ какой нибудь горлопанъ какое хошъ умное дѣло разстроитъ».

Кто знаетъ на дѣлѣ, что такое мірская сходка, тотъ пойметъ, что крестьянинъ былъ правъ. Вотъ почему я увлекся, думая, что вмѣшательствомъ моимъ могу подвинуть дѣло впередъ.

Въ приходѣ нашемъ нѣсколько владѣльцевъ, съ которыми мы согласились помочь желанію большинства. Я далъ знать крестьянамъ, что если у нихъ дѣйствительно есть намѣреніе воздержаться на время отъ вина, то они могутъ собраться потолковать со мною объ этомъ дѣлѣ; тоже самое сдѣлали и другіе помѣщики. Мы сообщили потомъ другъ другу результаты нашихъ бесѣдъ съ мужичками и надобно признаться, что результаты эти были утѣшительны. Многіе изъ крестьянъ весьма здраво разсуждали о томъ, какую денежную пользу могло бы имъ принести временное воздержаніе отъ употребленія того, что откупщики называютъ виномъ. Правда, были немногіе запрятавшіеся въ уголъ и хранившіе краснорѣчивое молчаніе: это были отставные старосты и другое вотчинное начальство, вкусившее нѣкогда сладость мірскаго вина. Мы съ своей стороны помогли крестьянамъ сдѣлать расчетъ, сколько они должны заплатить хлѣбомъ, чтобъ распить по чаркамъ ведро вина. Оказалось, что для этого недостаточно скуднаго нынѣшнаго урожая ржи съ цѣлой десятины земли. Потомъ мы разочли, что если въ семействѣ будетъ сыграна одна только свадьба, справлены одни крестины и всѣ годовые и приход-

скіе праздники безъ вина, если то же семейство продастъ избытки своихъ произведеній и сдѣлаетъ всѣ годовые покупки безъ винныхъ же магарычей, то у такого семейства будутъ готовы денежки на выкупъ чуть ли не половины усадьбы. Все это, казалось, поняли мужики.... дѣло было почти въ шляпѣ. Назначенъ былъ воскресный день, чтобы, отслушавъ молебенъ, всѣмъ приходомъ подписать общій приговоръ. Разумѣется, всѣ мы желали быть свидѣтелями умнаго крестьянскаго дѣла.

Отслужили молебенъ, священникъ сказалъ приличное обстоятельствамъ слово, по окончаніи котораго неожиданно раздался изъ толпы одинъ только голосъ, уничтожившій вдругъ то, что можно было считать порѣшеннымъ. И еслибъ еще этотъ голосъ сказалъ умное, дѣльное слово, то было бы понятно общее увлеченіе, но вотъ какой вздоръ сказалъ онъ: «У насъ еще хлѣба нѣтъ, лучше бы объ этомъ потолковать, а вина пускай всякій пьетъ, сколько хочетъ.» На эту безсмыслицу легко было отвѣчать, что если нѣтъ хлѣба, то тѣмъ важнѣе пожертвовать виномъ, хоть до будущаго урожая. Это замѣчаніе и сдѣлано было священникомъ, но уже не помогло, говорунъ былъ коновалъ... безъ вина ему пришлось бы плохо. У коновала были пріятели, за ними отставное, а можетъ быть, съ грѣхомъ пополамъ, и настоящее вотчинное начальство.... и вотъ доброе дѣло не состоялось.

Главная причина, представленная однимъ изъ ораторовъ по выходѣ изъ церкви, была слѣдующая: «*Ни одно крестьянское дѣло безъ вина рѣшено быть не можетъ; нельзя ничего ни продать, ни купить, ни денегъ занять, да что и мірская сходка безъ вина.*» Къ этому

краснорѣчивому доводу пристало большинство. Еще одинъ мужичекъ сказалъ, что слухи есть о томъ, что откупщикъ уже приготовилъ 6 пудовъ ассигнацій для выкупа крестьянства, но надъ этимъ мужички посмѣялись и нѣкоторые замѣтили, что вѣрнѣе будетъ самимъ приберечь денежки на тотъ-же предметъ.

Наконецъ тотъ-же ораторъ, котораго слова мы выше привели, сказалъ, что въ газетахъ все пишутъ вздоръ и что все напечатанное о воздержаніи отъ вина выдумка. Послѣднія слова подали мнѣ мысль описать произшествіе, какъ оно было, и даже выставить имена нѣкоторыхъ изъ крестьянъ благонамѣренныхъ и тѣхъ, которые помѣшали доброму дѣлу. Мнѣ кажется, что если крестьяне прочтутъ эти строки, то убѣдятся въ томъ, что въ газетахъ пишутъ правду и что собственныя ихъ дѣла, какъ хорошія, такъ и дурныя, сдѣлались извѣстными ихъ собратіи.

Итакъ, вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ крестьянъ, которые не только старались о соглашеніи своихъ товарищей къ воздержанію отъ вина, но и теперь горюютъ, что имъ не удалось уладить этого дѣла. Села Грязнаго крестьяне: *Ксенофонтъ Демидовъ*, *Измаилъ Григорьевъ*, *Меркулъ Ивановъ* и еще очень многіе; всѣхъ мы не можемъ здѣсь назвать, но не можемъ умолчать о крестьянинѣ сельца Надеждино *Кашидѣ Юдаевѣ*. Этотъ мужичекъ откровенно признавался при всемъ крестьянскомъ обществѣ, что, хотя онъ охотникъ выпить, но видя несомнѣнную пользу отъ временнаго воздержанія, онъ охотно жертвуетъ своею страстію.

А вотъ виновники неудачи:

Села Грязнаго: *Памфилъ Павловъ*, ремесломъ коно-

валъ; того же села *Яковъ Никоновъ* и сельца Осовца *Прокофій Нефедовъ*. Эти два послѣдніе были старостами и смѣнены: первый за нетрезвое поведеніе, а вторый—за ущербъ въ господской экономіи и несправедливыя поступки съ крестьянами.

А. Кузминъ

III.

ПОВѢСТЬ О ЮЖНОЙ РУСИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пространство Южной Руси, по языку.— Распространеніе народа по занимаемымъ ими нынѣ землямъ.— Различіе между взглядомъ древняго лѣтописца на народъ и современнымъ взглядомъ. — Народъ поднѣпровскій данникъ Козаръ. — У Козаръ отнимаютъ право взиманія дани Варяги-Русь. — Значеніе общаго имени: *Земля Русская.* — Народу не было легче прежняго подъ владычествомъ Варяговъ-Руси.— Какъ разорительны для народа были княжескіе дѣлежи и междоусобія.

Южною Русью мы называемъ всѣ земли, въ которыхъ простой народъ говоритъ языкомъ, особеннымъ отъ сѣверно-русскаго языка, хотя и похожимъ на него отчасти. Простой народъ въ каждой области — настоящій туземецъ, настоящее коренное населеніе, преимущественно передъ всѣми другими сословіями. Онъ больше всего дорожитъ мѣстомъ, на которомъ родился, дорожитъ (говоря по южно-русски) ба́тьковщиною, то есть наслѣдственною землею. Онъ, въ своей простотѣ, любитъ больше всего родную хату, и не двигается изъ своихъ стародавнихъ, предковскихъ поселеній.

Онъ, отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку, правнуку и такъ далѣе, хранитъ все тотъ же обычай жизни, все тотъ же языкъ, предковѣчный, материнскій, отцовскій, братній, родной. Вотъ именно почему простой народъ въ каждой области (слѣдовательно и въ Южной Руси) — настоящій туземецъ, настоящее коренное населеніе. . . . .

Южною Русью называемъ мы этотъ край въ книгахъ, для отличія отъ Руси *Сѣверной*, въ которой простой народъ, главный ея туземецъ, говоритъ особеннымъ, сѣверно-русскимъ языкомъ; обыкновенно же называютъ южно-русскую землю Малороссіею, въ отличіе отъ *Великой* Россіи, или Украиною, потому что она лежитъ у краю русскаго царства. Только подъ эти названья не подходятъ, по бумагамъ и по книгамъ, всѣ земли, на которыхъ простой, туземный народъ говоритъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, что на Украинѣ. Харьковская земля, Волынская и Подольская земли, Херсонщина, Екатеринославщина и Черноморье, — всего этого на бумагѣ къ Малороссіи не причисляютъ; а между тѣмъ туземцы тамъ по языку и обычаю — Малороссіяне, или Украинцы. Поэтому-то мы, дѣля земли по однороднымъ туземцамъ, должны называть весь край отъ Польши до Кавказа не иначе, какъ Южною Русью. Такъ распорядилась сама судьба народовъ, которые прежде всего различались другъ отъ друга по языку и обычаю, а потомъ уже по государственному владычеству.

Съ незапамятныхъ временъ, когда не было еще

ни Попелей въ Лехіи (1), ни Варяговъ-Руси въ Новѣгородѣ (2), — вся равнина отъ моря до моря и отъ сѣверныхъ дремучихъ лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ до Карпатскихъ горъ лежала вольною пустынею. Некому было ее присвоивать: свѣтъ не всегда былъ густо населенъ народами по-нынѣшнему. Многія земли оставались безлюдными, пока изъ густо-населенныхъ странъ не вышли выходцы и не заняли ихъ своими селитьбами. Откуда взялись предки нынѣшнихъ тузем-цевъ южно-русскихъ, мудрено сказать навѣрное. Думать надо, что пришли они отъ Дуная: про Дунай до сихъ поръ вспоминается въ народныхъ пѣсняхъ. Но какъ бы то ни было, а судя по языку и обычаю, видно, что народъ, который мы зовемъ южно-русскимъ, занялъ когда-то, въ незапамятныя времена, привольныя для него земли сперва по Днѣстру, а потомъ сплошь до Карпатъ, отъ Карпатъ до того края, гдѣ стоитъ городъ Люблинъ (въ Польшѣ), а тамъ далѣе отъ рѣки

---

(1) Предки нынѣшнихъ русскихъ людей назывались Полянами, Сѣверянами и тому подобными именами; но когда Новгородская земля призвала къ себѣ князей изъ-за моря, съ того времени всѣ области, имъ подначальныя, начали называться русскими, то есть, принадлежащими князьямъ, которые назывались, по своему племени, *Русь*, или *Варяги-Русь*.

(2) Поляки пошли отъ Леховъ или Лехитовъ, отчего и зовутъ ихъ до сихъ поръ Ляхами. Самый древній царь ихъ былъ Попель. При немъ и при его потомствѣ Лехи, или Лехиты взяли верхъ надъ другими народами, и съ того времени Польша стала извѣстна, ужъ не по однимъ слухамъ, но и по письменамъ.

Припяти до верховьевъ рѣки Бога (1), а отъ Побожья, то есть, отъ прибрежныхъ земель этой рѣки, до Днѣпра; заселивши же Поднѣпровье частыми хуторами и селами, пошелъ онъ вверхъ по Деснѣ и, не дошедъ до ея верховья, потянулся степями на востокъ, сѣлъ на рѣчкахъ и между рѣчекъ Сулы, Псла, Ворсклы, Орели, и раскинулся до безводнаго Дикаго Поля. Дикимъ Полемъ называлась въ старину Татарская степь, передъ Крымомъ. Эта степь, до татарскаго нашествія на Русь, лежала пустыннымъ кочевьемъ для безхатныхъ, переѣзжихъ съ мѣста на мѣсто народовъ, пастьбищемъ для ихъ стадъ и путемъ для походовъ княжескихъ въ далекія прикавказскія земли. Послѣ Татарщины лежала она между Русью и Крымомъ, точно нѣмое зеленое море. Не смѣли наши селитьбы двинуться дальше Орели, и двинулись къ рѣчкѣ Самарѣ только при царицѣ Екатеринѣ Второй, когда Крымъ обезсилѣлъ и присоединенъ къ Россіи. Дикимъ Полемъ лежало не одно Посамарье, заселенное теперь нашими Украинцами; Дикое Поле шло по Донцу, и вся нынѣшняя Харьковская земля лежала тоже безлюдною пустынею. Лежала она пустыней въ самую Татарщину, да и послѣ Татаръ, когда ужъ выросла и усилилась Москва

---

(1) Называютъ эту рѣку Бугомъ, но это потому, что владѣли ею Поляки, а по-польски *Богъ* произносится *Бугъ* (Bóg). По языку туземцевъ не польскаго, а особеннаго славянскаго происхожденія (въ послѣдствіи такъ названной Руси), слѣдуетъ Бугъ называть Богомъ. Это названіе старѣе Буга.

посреди сѣверной Руси, все еще некому было заселить этой пустыни, все еще страшно было Крымцевъ. Только лѣтъ съ небольшимъ двѣстѣ назадъ, когда встала Украина на Поляковъ, вышли туда изъ Украины смѣлые выходцы, насыпали валы вокругъ своихъ селъ и годъ отъ году шире и шире раскинулись по придонецкимъ землямъ, до самого почти Дону великаго. (А какими судьбами очутились наши земляки на Кубани и въ Черноморіи, о томъ будетъ разсказъ въ концѣ повѣсти).

Итакъ, глядя на карту, которая начерчена по языкамъ и обычаямъ, а не по управленію государственному, увидимъ, что южно-русскій народъ идетъ изъ глубины Польши, отъ самого Люблина, и доходитъ до самого Кавказа по черноморскому и азовскому побережьямъ, а на сѣверѣ досягаетъ выше Глухова и мало не подъ самый Курскъ. Это называется по книжному — географическая область южно-русскаго языка и обычая. Господствуетъ въ этой великой области надъ всѣми языками и надъ всѣми обычаями, откуда бы они ни зашли, языкъ и обычай народа, который всего больше дорожитъ роднымъ, родовымъ, наслѣдственнымъ мѣстомъ, или батьковщиною,—народа, который отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку и правнуку хранитъ всё тотъ же обычай жизни, всё тотъ же языкъ, предковѣчный, родной. Господствуетъ же въ этой области родной обычай и языкъ большинствомъ населенія, которое держит-

ся своего языка и обычая съ самого того времени, какъ оно завладѣло тамошними землями.

Исторія этого большинства должна быть всего ближе нашему сердцу, по христіянскому разумѣнію дѣла; но она-то всего менѣе и извѣстна намъ въ подробностяхъ. Мы знаемъ ее только отчасти, по лѣтописнымъ сказаніямъ о князьяхъ и ихъ дѣяніяхъ. Единственный лѣтописецъ старорусскаго, до-татарскаго времени, Несторъ, какъ будто невзначай проронитъ иногда слово о народѣ, вычисляя княжескіе походы и усобицы. Онъ, по тогдашнимъ понятіямъ, думалъ, что потомству всего нужнѣе будетъ писанная память про владыкъ земныхъ. Онъ не предвидѣлъ, что настанетъ время, когда люди возжелаютъ знать все вмѣстѣ нераздѣльно, что было съ могучими и безсильными, съ значительными и незначительными, съ ученьими и неграмотными. Поэтому лѣтопись его про тогдашнюю старину представляется намъ точно какіе-то потемки, въ которыхъ освѣщены вскользь фигуры князей съ дружинами, то въ бою, то въ походахъ, то на пирахъ, а народъ, которымъ они правили, чуть-чуть выказывается вокругъ нихъ изъ темноты, и лишь догадываться можно, какова была его жизнь при первыхъ князьяхъ новгородскихъ и кіевскихъ. Не ошибемся однакожъ, если скажемъ, что всѣ области, которыя потомъ стали называться однимъ общимъ именемъ Русью, были очень малолюдны. Гуще жилъ народъ, надобно думать, на побережьяхъ

рѣкъ. Раскиданныя по лѣсамъ и полямъ хутора сдвигались у текучихъ водъ, конечно, тѣснѣе и разростались въ села. Села огораживались засѣкою, или валомъ и рвомъ. Отъ этого назывались они городами. Но деревянныя и земляныя ограды не спасали жителей отъ набѣговъ кочевавшихъ у Дона и Волги Козаровъ; поэтому они откупались отъ разоренія данью, — именно платили по горностаю и бѣлкѣ отъ каждаго двора. Легко ли имъ было такое положеніе, не извѣстно.

Но вотъ, отъ лѣсистаго сѣвера, изъ новгородскаго края, плывутъ по Днѣпру воины болѣе сильнѣе, чѣмъ кочевники Козары. Это были выходцы изъ-за моря, которыхъ лѣтописецъ называетъ Варяги-Русь. Не новость были эти воинственные люди для днѣпровскихъ побережьевъ. Съ давнихъ временъ уже начали выходить на Днѣпръ черезъ Волховскій волокъ съ Балтійскаго поморья вооруженныя скандинавскія дружины; плыли онѣ по Днѣпру, грабили прибрежныхъ жителей и спускались за большею добычею къ Черному и Азовскому морямъ, гдѣ раскиданы были въ то время богатыя греческія поселенія. Но никогда еще не видали поднѣпряне такого множества лодокъ, съ такимъ множествомъ вооруженныхъ людей. То плылъ князь Олегъ съ малолѣтнимъ воспитанникомъ своимъ, княземъ Игоремъ Рюриковичемъ. Съ нимъ былъ весь его заморскій родъ, воинственные Варяги-Русь. Съ нимъ было сильное ополченіе и изъ новгородскихъ и сосѣднихъ съ новгородской

землей туземцевъ. Онъ овладѣлъ уже всѣмъ сѣверомъ вокругъ озера Ильменя и двигался къ югу, чтобъ овладѣть городами поднѣпровскими. Занялъ Смоленскъ и посадилъ въ немъ своего намѣстника съ дружиною; занялъ городъ Любечъ и также посадилъ въ немъ своего намѣстника. Съ бою, или безъ бою достались ему эти города, лѣтописецъ не упоминаетъ. Но въ Кіевѣ княжили уже другіе Варяги-Русь и брали дань съ окрестныхъ жителей, на далекое разстояніе. Олегъ подошелъ къ нимъ хитростью, вызвалъ къ себѣ на лодки будто бы для торгу, перебилъ начальныхъ людей и овладѣлъ Кіевомъ. Должно думать, что эта новость не обрадовала Поднѣпровья, кто бы тамъ ни населялъ его. Но, какъ туземцы платили дань Козарамъ и жили подъ страхомъ прежнихъ кіевскихъ владыкъ, то это новое господство было для нихъ не то, что завоеваніе для края, совершенно вольнаго . . . . . .

По малолюдству края, по простоватости жителей, по раздѣльности ихъ общинъ, *купъ* или *громадъ*, одна отъ другой, всякая сила дѣлалась властью. Каждый наѣздникъ, набравъ толпу вооруженнаго народа, могъ вынудить отъ селъ и хуторовъ подать, и еслибы не было рыскающихъ по степямъ кочевниковъ Козаръ, то изъ близкихъ сосѣдей набралась бы орда и брала бы съ народа мѣха, медъ, хлѣбъ и все, что̀ у него водилось. Козары застращали своею силою другихъ наѣздниковъ и брали дань со всего восточнаго днѣ-

провскаго побережья безпрепятственно. Олегъ съ своею дружиною оказался сильнѣе самихъ Козаръ. «Кому вы платите дань?» спросилъ онъ у поднѣпрянъ. — «Козарамъ». — «Не платите Козарамъ, а платите мнѣ.» Видятъ они, что съ нимъ дружина вся въ желѣзныхъ шапкахъ, вся въ медвѣжьихъ, лосиныхъ и кабаньихъ шкурахъ, вся съ тяжелыми сѣкирами, копьями, мечами, луками и стрѣлами, вся дышетъ жаждою драться и побѣждать, и однимъ видомъ своимъ уже пожираетъ все непокорное, — смирились и безпрекословно стали платить Олегу дань, вмѣсто Козаръ. Олегъ близко, Козары далеко; Олегъ засѣлъ на кіевскихъ высотахъ, Козары только въ годовщину являлись на берега Днѣпра за данью. Покорился весь Днѣпръ Олегу, покорилась Десна и Припять, великіе днѣпровскіе притоки.

. . . . . .

Князья были. по своему племени, Русь: отъ этого и вся земля, которую они обложили данью, называлась Русскою землею. Туземцы были всѣ племени славянскаго, какими бы различными именами ни назывались, напримѣръ Поляне, Древляне, Радимичи, Угличи; князья съ ближайшею дружиною были племени Нѣмецкаго, такъ называемые Норманы. Они вывели съ собой изъ-за моря не то, чтобы цѣлую рать: вышли они въ Новгородскую землю съ воинственными своими родственниками и сосѣдями; но въ Новгородской землѣ собрали и вооружили на свой образецъ смѣлыхъ людей изъ туземцевъ,

и вели такимъ образомъ народъ на народъ, землю на землю. Само собой разумѣется, что не могли они обойтись роднымъ норманскимъ языкомъ своимъ и обычаемъ, — должны были узнать языкъ туземный, должны были сжиться и съ туземнымъ обычаемъ. Норманы женились по необходимости на Славянкахъ: дѣти Нормановъ выростали Славянами. И этакъ заморскіе иноязычные выходцы мало по малу совсѣмъ переродились, и только ихъ имя *Русь* осталось навсегда въ народѣ, который Олегъ и Игорь обложилъ данью. Распространилась власть ихъ наслѣдниковъ во всѣ стороны отъ Кіева, и земля шире и шире стала называться Русскою, и самые народы, которыми правили князья кіевскіе, начали называться однимъ именемъ, *Русью*. Не было на днѣпровскихъ берегахъ недостатка въ людяхъ, способныхъ къ боевой жизни; набирали князья дружины, вооружали ихъ по норманскому обычаю и воевали кругомъ все, что не хотѣло имъ подклониться и называться Русью; хаживали и въ далекую Грецію Днѣпромъ и Черным моремъ за добычею, воевали также и для славы. Слава въ тѣ времена добывалась не умомъ благотворнымъ, не добромъ, которое человѣкъ сдѣлаетъ людямъ, а открытою силою. Кто кого одолѣетъ въ полѣ, или на морѣ, тому и слава. На Русскую землю князья Варяги смотрѣли, какъ на собственность, приносящую доходъ; города строили и укрѣпляли для того, чтобы безопаснѣе правительствовать полудикими народцами, чтобы

было гдѣ укрыться въ случаѣ набѣга со стороны сосѣднихъ кочевниковъ, чтобы имѣть постоянные рынки для мѣны и торга матеріалами, собранными съ данниковъ, или добытыми на войнѣ. Пуста и неустроена была тогда земля Русская. Опустошали ее не одни хищные сосѣди, Половцы, Печенѣги и другіе непокорные князьямъ наѣздники, но и сами князья въ своихъ усобицахъ. Не долго, вѣдь, правилъ всею землею *одинъ* князь, съ помощью своихъ воеводъ и намѣстниковъ. Желая дѣтямъ той же княжеской власти, которою пользовались сами, князья кіевскіе дѣлили Русь между ними на части, на удѣлы, завѣщевая слушаться всѣмъ князя кіевскаго, который назывался *великимъ*. Но плохо слушали его князья *удѣльные*. Умѣли они не хуже его обзавестись храброю дружиною и набирать изъ мирныхъ поселянъ рать, спорили другъ съ другомъ за города и села, поднимались нерѣдко и противъ великаго князя самого, не хотѣли помогать ему противъ сосѣдей, не берегли народа, не заботились объ его довольствѣ и спокойствіи. Несчастную жизнь вели поселяне, самую невѣрную и опасную. Молодые и смѣлые съ горя покидали родныя хаты и брались за дѣло ратное, бездомовное, бродячее; старые и робкіе перебивались кой-какъ, откупаясь данью и повинностями отъ наѣздовъ княжеской дружины. Города богатѣли торговлею, села нищали отъ неустройства и беззащитности. Городовъ было однакожъ слишкомъ мало, и не составляли они того,

что́ называлось землею Русскою. *Землю* Русскую составляли тѣ люди, которые извлекали изъ нея собственными руками средства для жизни, а не тѣ, которые торговали жизненными потребностями, получивъ изъ рукъ въ руки готовое. Слѣдовательно, какой бы славы ни добыли себѣ князья съ дружинами на полѣ и на морѣ, какъ бы ни хорошо было подъ ихъ правленіемъ какому-нибудь десятку городовъ, но собственно *земль*, или *народу* оттого не было лучше. Не даромъ старинный сочинитель велерѣчивой хвалы князю Игорю говоритъ: «О стонать Русской землѣ, помянувши первыхъ князей и первыя усобицы!» Но и послѣдніе князья, и послѣднія передъ Татарщиною усобицы не возвеселили ее. И о послѣднихъ временахъ могъ бы сказать онъ то, что́ говорилъ о своемъ времени: «Тогда (Русская земля) засѣвалась усобицами, и росли на ней усобицы. Тогда въ княжихъ крамолахъ коротали люди свой вѣкъ. Тогда по Русской землѣ рѣдко пахари кликали, но часто вороны каркали, дѣля трупы между собою, а галки свою рѣчь говорили, сбираясь летѣть на трапезу.» (1)

Въ такомъ-то положеніи была земля Русская, то

(1) Приведемъ для охотниковъ и подлинныя слова изъ хвалебной поэмы XII вѣка: «Тогда.... сѣяшеться и растяшеть усобицами.... въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ съкратишясь. Тогда по Руськой земли рѣдко ратаеве кыкахуть; нъ часто врани граяхуть, трупія себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе.»

есть, цринадлежавшая князьямъ Варягамъ-Руси, когда изъ далекой Азіи вышли многочисленною ордою воинственные кочевники Татары, и двинулись къ поднѣпровскимъ тучнымъ пастбищамъ. Это были уже не Половцы и Печенѣги. Противъ этихъ мудрено было устоять одному князю кіевскому, или съ двумя-тремя союзниками, удѣльными князьями. А между потомками Варяга Игоря, не было въ XIII вѣкѣ и на столько согласія, чтобы встрѣтить Орду всѣми соединенными силами. Татары въ два похода разгромили собранныя князьями войска, истребили главныя силы ихъ, называвшіяся *дружинами*, перебили князей, или разогнали ихъ по далекимъ землямъ; княжескіе города, какъ сборныя мѣста и устои ихъ силы, были разрушены, вызжены, опустошены; сельскіе и хуторскіе жители, обогащавшіе князей установленною и произвольно-взимаемою данью, сдѣлались безотвѣтными поставщиками Татарамъ звѣриныхъ шкуръ, меду и разныхъ жизненныхъ потребностей. Этой бѣдѣ подчиниться было не трудно послѣ трехвѣковаго обычая князей выходить въ зимнее время изъ городовъ своихъ *на полюдье*. Разъѣзжая отъ села къ селу по людямъ, князья вершили судныя, не бездоходныя для нихъ дѣла, и отправляли *повозы* съ данью въ свои складочныя мѣста. Они не знали иной мѣры, кромѣ возможности взять больше, или меньше, смотря по богатству даятеля, или по собственной прихоти, и эта вѣчно увеличиваемая мѣра взиманій обра-

щалась уже въ обычай для новыхъ князей. Татары дѣлали то же самое, и народъ не всталъ на ихъ баскаковъ (сборщиковъ дани) даже и въ такой мѣрѣ. какъ Древляне на жаднаго князя Игоря (1). Пали и медленно возобновлялись города, ненужные и даже опасные Татарамъ, но села оставались подъ ихъ владычествомъ въ томъ самомъ, если не въ лучшемъ положеніи, какъ и при князьяхъ Варягахъ. Князья, ведя вѣчно войну съ сосѣдями и другъ съ другомъ, то и дѣло набирали рать изъ мирныхъ поселянъ, въ подспорье постояннымъ своимъ дружинамъ. Этой рати они не щадили въ стычкахъ своихъ съ противниками, и если погибала значительная часть ея, то, осматривая побоище, благодарили Бога, что дружина этимъ способомъ уцѣлѣла (2). Такъ смотрѣли они на мирный народъ, населявшій землю Русскую, и изъ этого видно, много ли было ей отъ нихъ добра! Нашествіе Варяговъ-Руси съ дружи-

---

(1) Князь Игорь выѣхалъ однажды съ дружиною на полюдье въ Древлянскую землю. Добыча обыкновенно дѣлилась между княземъ и дружиною. Игорю показалась малою часть, отдѣленная имъ на свой пай; онъ отпустилъ большую часть дружины *съ повозами* въ Кіевъ, а самъ съ немногими приближенными людьми воротился къ Древлянамъ на новое полюдье. Древляне, видя, что у князя нѣтъ никакой мѣры въ сборѣ дани, возмутились и убили его со всѣми его спутниками.

(2) Такъ, въ войну князя Мстислава Тмутараканскаго съ княземъ Ярославомъ, одолѣвшій Ярослава Мстиславъ радовался, что поле битвы усѣяно было людьми ратными, а дружина осталась цѣла

ною и набранными на сѣверѣ людьми было бурею, передъ которою склонились поселяне поднѣпровскіе на далекое разстояніе отъ обоихъ береговъ. Эта буря стихала и бушевала снова по Украинѣ, въ видѣ поѣздовъ на полюдье, въ видѣ княжескихъ усобицъ, въ видѣ порывовъ къ сосѣдямъ за добычею; а люди мирные, пахари смиренные, рыболовы убогіе и пустынные бортники и звѣроловы клонились и клонились передъ ней, какъ деревья подъ вѣтромъ. Нашествіе Татаръ было новою бурею. Ужаснѣе первой разразилась она, но не было причинъ имъ возмущать спокойствіе Русской земли такъ безустанно, какъ возмущали его неугомонные и завистливые другъ къ другу князья Варяги. Усобицъ Татары на Руси не знали, на сосѣдей хаживали съ собственными, кровными силами. Взяли они десятаго для ухода за своими стадами и табунами; но послѣ этого побора, поселянинъ зналъ одно свое дѣло мирное, не кровавилъ рукъ въ бояхъ княжескихъ на себѣ подобныхъ, не клалъ головы въ полѣ, на паству воронамъ. Глядя на Татарщину глазами преданныхъ князьямъ лѣтописцевъ, надобно горевать о народѣ, который долженъ былъ платить дань *поганымъ*. Но когда посмотримъ на нее со стороны безопасности жилищъ и самихъ людей сельскихъ и городскихъ, со стороны дани и военной, самой тяжкой повинности, то выходитъ, что клинъ былъ выгнанъ клиномъ — не болѣе. Русская земля дострадалась до страшныхъ бѣдствій при задор-

ныхъ Варягахъ, — до такихъ бѣдствій, что паде-ніе городовъ и ихъ владѣтелей, со всею ихъ не-насытимою дружиною, было уже для ней не зломъ, а облегченіемъ. Татары не трогали христіянской вѣры, не навязывали своей; Татары не вмѣшива-лись въ общинную расправу сельскихъ жителей; Татары не стѣсняли промысловъ и торговли. Ве-дя кочевую жизнь на краю Руси, въ безлюдныхъ степяхъ, они довольствовались только сборомъ да-ни и предоставляли народу нашему жить, какъ ему угодно. Ничто не мѣшало ему поумнѣть, упро-чить здравымъ и спокойнымъ судомъ старые обычаи свои по внутреннему благоустройству; ничто не мѣшало ему развить свою рѣчь до пѣ-сенной и разговорной красоты; ничто не мѣша-ло ему захватывать больше и больше земли подъ обработку и селитьбы. Будучи народомъ кочевымъ и слѣдовательно полудикимъ, Татары не могли по-давить своею народностью славянскаго здороваго и живучаго духа. Мы были впереди Татаръ по жизни семейной, по общественнымъ обычаямъ, по вѣрѣ. Рано, или поздо сила кочевниковъ раздроби-лась бы и ослабѣла, какъ и дѣйствительно случи-лось. Рано, или поздо внутренняя сила народа на-шего выросла бы и собрала самоё себя въ одно желаніе, въ одинъ порывъ; отказалась бы въ свое время Украина платить поганымъ дань, выдержа-ла бы ихъ мщеніе, противопоставя мечи мечамъ, стрѣлы стрѣламъ, и неизбѣжно явилась бы на По-

днѣпровьи свободная нація. чуждая Татарщинѣ, противоположная ей по языку, по нравамъ и обычаямъ, по вѣрѣ. Но случилось иначе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Княжество Литовское. — Торжество надъ Татарами. — Сравнительно нетягостное владычество Литвы.— Татарщина была гибильна для городовъ и высшихъ сословій, но не для простого народа.— Отдѣльное существованіе Руси Червоной, или Галиціи. — Посягательство Поляковъ на туземное исповѣданіе вѣры.— Борьба польской народности ва Червоной Руси съ южно-русскою.— Мѣры къ уничиженію южно-русскаго населенія.— Живучесть южно-русской народности въ Галиціи.— Возрожденіе ея и надежды на новую общественную идею народности вообще.

Въ то время, когда Татары, успокоенные вѣковымъ обладаніемъ Южною Русью, начали ослабѣвать отъ внутреннихъ несогласій, по другую сторону Южной Руси, въ лѣсистомъ и болотистомъ краю, усилилось княжество Литовское. Неутомимые звѣроловы Литвины начали дѣлать частые набѣги за добычею на Русь съ самого паденія княжеской силы. Татары вступались, сколько могли, за свое завоеваніе, за свои доходы. Война долго шла между двумя народами въ видѣ летучихъ набѣговъ. Наконецъ Литвины рѣшились овладѣть Русью окончательно. Вышли Татары противъ Литвиновъ, вывели съ собой противъ нихъ и Украинцевъ. Но это уже были не тѣ Татары, что вышли изъ Азіи съ Батыемъ; не было ужъ у нихъ

единодушія, не было вѣры у нихъ, что все имъ покорится, не было прежняго воинственнаго духа. Что касается до туземнаго ополченія, то оно было слабо само по себѣ и мало расположено сражаться за Татаръ. Литовскій князь Гедиминъ ударилъ на всю эту силу у рѣчки Ирпени и сломилъ ее однимъ ударомъ. Татары почувствовали тогда, что съ Литвинами бороться имъ невозможно, и уступили имъ свое завоеваніе.

Легко досталась Южная Русь Гедимину, зато и правленіе его было мирное. Онъ предоставилъ народу управляться своими громадами и купами; онъ призналъ городскіе писанные законы неизмѣнными и заимствовалъ ихъ даже для самой Литвы; онъ, будучи язычникомъ, не тронулъ, какъ и Татары, вѣры туземцевъ. Состояніе Южной Руси не измѣнилось подъ его властью ни мало. Народъ прозвалъ Татаръ *погаными*, а Литву *беззаконною*, не любя ихъ обычаевъ, противныхъ его славянству. Лѣтописцы-монахи не менѣе народа гнушались своими иновѣрными властелинами: но ни народъ въ пѣсняхъ своихъ, ни лѣтописцы въ своихъ сказаніяхъ не передали намъ какихъ-либо кровавыхъ или темныхъ событій, по которымъ можно было бы заключить, что Украина поднѣпровская бѣдствовала въ Литовщину больше, нежели подъ владычествомъ князей-Варяговъ, или даже столько. Татары сломили безпокойную силу вольнонаемныхъ дружинъ и набираемыхъ по произволу княжескому ратей. Татары разразились бурею надъ мел-

кими спорщиками и наѣздниками, истреблявшими туземный народъ, недававшими ему заниматься мирно своимъ дѣломъ, топтавшими его нивы, грабившими его имущество. Русская земля отдохнула подъ ихъ спокойнымъ правленіемъ, основаннымъ единственно на взиманіи дани. Этотъ отдыхъ продолжался и подъ владычествомъ Гедимина. Ученые, глядя на Татарщину, какъ на поголовное избіеніе всѣхъ встрѣчныхъ, воображаютъ, что пуста сдѣлалась Русская земля по всему великому Поднѣпровью со времени Батыева нашествія. Но другіе ученые, глядящіе на дѣло проще, не могутъ допустить, чтобы цѣлая нація двинулась изъ своего родного края для истребленія народа въ другихъ краяхъ. Какой разсчетъ въ этомъ имѣли бы завоеватели? Если грабежъ, то грабить можно было и не убивая. Притомъ же повинную голову мечъ не сѣчетъ: это общечеловѣческое правило, основанное на общечеловѣческомъ чувствѣ. Татары были дикари, а всё же люди: они могли находить удовольствіе въ томъ, чтобы вырѣзать цѣлый городъ, добытый послѣ упорнаго сопротивленія; но дико было бы съ нашей стороны допускать въ нихъ ненасытимую жажду убійства. Они наслаждались торжествомъ своимъ надъ русскими воинственными князьями, но какое наслажденіе для самаго грубаго сердца убивать людей безоружныхъ? Напротивъ, дорожа данью, они должны были щадить мирныхъ поселянъ, какъ щадитъ хозяинъ питающее и обогащающее его стадо. Они

вырвали села и хутора изъ рукъ иныхъ обладателей, разрушивъ города, какъ оплоты ихъ державы, но, вырвавъ, естественно должны были смотрѣть на нашу Украину, какъ на свое новое, доходное хозяйство. Города лежали въ развалинахъ еще и во времена Гедимина,—это правда; но селамъ никто не мѣшалъ размножаться и увеличиваться въ объемѣ,—никто, кромѣ развѣ набѣговъ со стороны такихъ сосѣдей, какъ были Торки и Берендѣи, воинственные кочевники, державшіеся въ низовьяхъ Днѣпра, подобно Запорожцамъ, которые явились въ послѣдствіи на тѣхъ же мѣстахъ и, вѣроятно, наслѣдовали отъ нихъ нравы, обычаи, способъ войны и самый духъ свой. Но какъ бы ни были часты эти набѣги, какъ бы ни мало имѣли села средствъ отражать ихъ, а все-таки это было зло малое, въ сравненіи съ безпрестанною домашнею войною, которую вели удѣльные князья и князьки другъ съ другомъ, не давая покою безоружнымъ жителямъ, набирая изъ нихъ ополченія, уничтожая ихъ посѣвы, грабя и истребляя ихъ движимое имущество. Что Украина поднѣпровская не лежала впустѣ, видно изъ одного того, что, спустя мало времени, въ возстаніяхъ на Поляковъ, она могла бороться съ ротами хорошо обученныхъ Нѣмцевъ и польскими опытными въ бояхъ хоругвями. А что ея ополченія составлялись не изъ размножившихся выходцевъ, ясно изъ языка, которымъ она говорила, — языка не польскаго, не жмудскаго, не нѣмецкаго, а чисто юж-

но-русскаго украинскаго. Лѣтописи молчатъ о народѣ южно-русскомъ со временъ Татарщины; не упоминаютъ о немъ и во времена Литовщины: это-то и доказываетъ, что народъ жилъ мирно, что его никто не тормошилъ, что онъ оправлялся, богатѣлъ и размножался въ тишинѣ, откупаясь данью отъ татарскихъ и литовскихъ наѣздовъ на полюдье, точно такъ, какъ откупался бы онъ отъ наѣздовъ варяго-русскихъ, княжескихъ. . . . . .

. . . . . .

Зная южно-русскаго поселянина нашего времени съ его нравами и обычаями, съ его языкомъ и пѣснями, непохожими ни на татарскіе, ни на литовскіе, ни на польскіе, мы видимъ, что никогда Украина поднѣпровская не была ни безлюдною, ни до конца подавленною, и что не очень великъ былъ гнетъ иноземный надъ народомъ, который остался самимъ собою въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій иноземнаго владычества. Онъ только въ исторіи записанъ подавленнымъ и почти уничтоженнымъ; на самомъ же дѣлѣ былъ на столько цѣлъ и невредимъ, на сколько могъ отбиваться отъ набѣговъ хищныхъ сосѣдей и откупаться данью и повинностями отъ своихъ правителей. По-видимому, онъ былъ обреченъ судьбою на ничтожество, — на то, чтобы служить сперва безотвѣтными рабочими силами литовскимъ завоевателямъ, чтобы увеличить потомъ богатство сборовъ въ казну Польско-Литовскаго королевства; но послѣдовавшія событія

показали, что въ это безмолвное, темное для исторіи время зрѣли и крѣпли въ немъ нравы и понятія, противъ которыхъ не въ силахъ была устоять беззаконная гордость польскаго пановань я; въ немъ незамѣтно готовилось противодѣйствіе рабству, въ которое землевладѣльцы и правители польскіе ввергли было большинство населенія украинскаго. Объ этомъ поведемъ подробную рѣчь въ свое время, а теперь обратимся къ той части Южной Руси, которая шла къ самимъ Карпатамъ и назвалась Русью Червоною, или Галицкою. По языку, она такая же Русь, какъ и Южная, Украинская; но судьба ея была совсѣмъ иная, и повѣсть наша коснется ее только очеркомъ.

Разоривъ Кіевъ, Татары двинулись на Волынь, опустошили городъ Ладыжинъ на рѣкѣ Богѣ, потомъ взяли города Каменецъ, Владиміръ, Галичъ, наконецъ перешли Карпатскія горы и, повоевавъ Венгрію и другія сосѣднія земли, удалились другимъ путемъ въ Азію. Южная поднѣпровская Русь осталась безъ хозяевъ; правили ею баскаки ханскіе. Уцѣлѣвшіе отъ побоищъ князья смотрѣли у нихъ изъ рукъ, вели себя, какъ люди подначальные, какъ прикащики, допущенные къ сидѣнью въ полуразрушенныхъ городахъ изъ милости. По одному этому можно уже судить, какъ измельчали и уничижились въ усобицахъ потомки вѣщаго Олега и гордаго Святослава. Въ Галицкой, или Червоной Руси утвердился, по отходѣ Татаръ, князь Даніилъ. Къ нему бѣжали изъ сосѣднихъ

краевъ жители, напуганные Татарами. Червоная Русь сдѣлалась многолюднѣе Руси Украинской, поднѣпровской. Даніилъ воевалъ довольно удачно съ Литовцами, Ятвягами, Чехами и прослылъ въ Европѣ могучимъ государемъ; но его походы и битвы были не что́ иное, какъ послѣднія вспышки варяжскаго молодечества, варяжской неугомонности, и, разумѣется, жажды къ обогащенію чужимъ добромъ. Правда, онъ всю жизнь сбирался воевать съ Татарами, подговаривалъ сосѣдей къ общему походу; но еслибъ и успѣлъ въ этомъ, то изгнаніе Татаръ воротило бы только на Руси времена княжескихъ усобицъ, — небольшой былъ бы выигрышъ для мирныхъ поселянъ! При наслѣдникахъ его, Червоная Русь сдѣлалась спорною добычею Венгровъ и Поляковъ, наконецъ король Казимиръ Великій совсѣмъ присоединилъ ее къ Польшѣ.

Судьба этого края, слѣдовательно, была та же самая, что́ и Руси поднѣпровской,—по-видимому, даже лучшая, такъ какъ король польскій былъ христіянинъ, а не язычникъ. Но вышло напротивъ, Татары и Литвины, язычники, оставили въ покоѣ вѣру туземцевъ; напротивъ, Поляки, христіяне, считали долгомъ своимъ ввести католичество и въ новоприсоединенной къ королевству области. Казимиръ Великій, желая утвердить за собою Червоную Русь, обѣщалъ въ актѣ соединенія не нарушать въ ней греко-восточной вѣры, и дѣйствительно не сдѣлалъ противъ нея никакого постановленія. Но не одинъ онъ распоряжался въ

королевствѣ дѣлами правленія. Духовная власть была очень сильна въ Польшѣ изстари. Главный архіепископъ, *примасъ* королевства, повиновался въ томъ, что́ касалось собственно вѣры, одному римскому папѣ. Его подначальные, ради интересовъ Церкви, или лучше сказать іерархіи, готовы были на всѣ законныя и незаконныя, общія и частныя мѣры. Дыша ихъ духомъ, множество латинскихъ поповъ и монаховъ вышло изъ Польши въ Червоную Русь въ видѣ миссіонеровъ. Они смотрѣли на обряды греческой Церкви, какъ на религію. слишкомъ несовершенную и требующую преобразованія, во спасеніе душъ христіянскихъ. Грековосточное священство казалось имъ, въ сравненіи съ латинскимъ, крайне невѣжественнымъ и почти варварскимъ. Увлекая его словомъ и корыстными приманками къ единенію съ римскою Церковію, они воображали, что выводятъ пастырей, а вмѣстѣ съ ними и паству, изъ тьмы въ свѣтъ. Проповѣдуя ученіе Христово, по измышленію папъ, они были увѣрены, что вмѣстѣ съ этимъ ученіемъ вносятъ въ Червоную Русь и гражданское просвѣщеніе. Къ мѣрамъ крутымъ и насильственнымъ они не прибѣгали; но это продолжалось не догло.

По смерти Казимира Великаго, въ правленіе короля Людовика Венгерскаго, папа особою буллою, то есть, открытымъ указомъ, повелѣлъ отправить въ Червоную Русь сколько возможно больше духовныхъ лицъ разныхъ степеней, съ

тѣмъ, чтобы «освободить этотъ край отъ ереси и язычества, и обратить его къ католичеству». Не безъ фанатическихъ крутыхъ переворотовъ, не безъ кровавыхъ и насильственныхъ преслѣдованій, основано на Русской землѣ, въ три года, три латинскія епископства и одно архіепископство, на мѣсто уничтоженныхъ папскою буллою епископовъ грековосточныхъ, въ Галичѣ, Перемышлѣ, Владимірѣ и Хелмѣ. «Воздвигнись на подвиги, Христовъ воитель, исполинъ Божій!» взывалъ къ Людовику Венгерскому папа, «воздвигнись на подвиги ты, который до сихъ поръ преслѣдовалъ невѣрныхъ и еретиковъ, и еще намѣреваешься преслѣдовать!» И король, воображая себя дѣйствительно воителемъ Христовымъ и исполиномъ Божіимъ, не чуждался никакихъ мѣръ, чтобы достойно выполнить высокое дѣло, возложенное на него главою католической Церкви. Въ одномъ изъ своихъ донесеній папѣ онъ писалъ: «Восемь францисканскихъ монаховъ, въ теченіи пятидесяти дней перекрестили больше двухъ-сотъ тысячъ еретиковъ.» (Еретиками называлъ онъ исповѣдывавшихъ греко-восточную вѣру). Онъ доносилъ торжествуя, что землевладѣльцы и ихъ подданные толпами идутъ къ крещенію, и просилъ папу выслать ему двѣ тысячи францисканцевъ, чтобы не оставить въ Червоной Руси ни одного человѣка въ предковской вѣрѣ. Можно понять, съ какимъ духомъ шли къ католическому крещенію землевладѣльцы и подданные, сознавая себя христіянами

православными, истинными; можно судить, какія надобно было употребить принужденія и преслѣдованія, чтобы заставить цѣлую область въ самое короткое время перемѣнить свои убѣжденія и, вмѣсто Іисуса Христа, признать главою Церкви римскаго папу.

Какъ бы то ни было, но Червоная Русь еще въ XIV столѣтіи была разрознена въ вѣрѣ съ собственно такъ называемою нами Южной Русью, которая вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго. Одни въ ней сдѣлались полными католиками, другіе остались уніатами, что́ одно и то же, по подчиненности католическимъ властямъ и въ слѣдствіе подчиненности, по духу вѣроученія. Это разорвало между двумя сосѣдними землями тѣсную связь, которая всего крѣпче держится единствомъ вѣры; это заставило ихъ смотрѣть взаимно на судьбу свою изчужа; это было причиною, что исторія Южной Руси литовской пошла отдѣльно отъ исторіи Южной Руси польской, а потомъ австрійской, то есть Галиціи, или Руси Червоной. Одинъ только языкъ да нравы и обычаи, не зависящіе отъ вліянія Церкви и политики, остались между этими землями общими основаніями жизни, по которымъ судьба Червоной Руси никогда не перестанетъ интересовать насъ, какъ часть нашего родного края.

Въ настоящее время, по-видимому, ничто не мѣшаетъ намъ слѣдить за всѣми явленіями жизни червонорусскаго народа, или Галиційцевъ. Обшир-

ная равнина, по которой раскинулась Малороссія, идетъ, слегка волнуясь, до самыхъ Карпатъ, и однакожъ, черезъ несуществующую въ природѣ пограничную черту, къ намъ, въ Малороссію, не доходятъ голоса нашихъ соплеменниковъ. Въ теченіи пятисотъ лѣтъ, отъ перваго возобладанія варяжскихъ князей надъ землями между Днѣпромъ и Карпатами, составляли мы съ ними одинъ народъ, отражали совмѣстными силами напоръ восточныхъ дикарей и западныхъ грабителей, судились одними и тѣми же законами, жили одинаковыми обычаями, подлежали вѣдомству одной и той же духовной іерархіи. Съ XIV вѣка, какъ уже сказано выше, Галиційцы сдѣлались легкою добычею польскаго правительства, и съ того времени до сихъ поръ внутреннее управленіе у нихъ и у насъ не имѣетъ между собой никакой связи, при всей одинаковости нашего языка и нашихъ обычаевъ. Много потерпѣла отъ этого и самая народность въ Червоной Руси, хотя не до конца, далеко еще не до конца изглажена она противоположными ей народностями, польскою и нѣмецкою.

Нѣкоторые изъ современныхъ польскихъ писателей утверждаютъ, будто старо-русскіе дворяне въ Галиціи ополячились потому, что смотрѣли на польскую народность, какъ на свою собственную; другими словами — что они собственную народность считали только уклоненіемъ отъ поль-

ской, которая будто бы была для нихъ образцовою.

Какъ ни отрывочно записывали старинные лѣтописцы совершавшіяся у нихъ въ виду событія, какъ ни мало слѣдили за дѣйствіями и стремленіями своего правительства, какъ ни слѣпо были они преданы торжествующей силѣ; но всё же сохранились въ ихъ писаніяхъ воспоминанія о мѣрахъ, которыми Поляки старались изъ Червоной Руси сдѣлать другую Польшу.

Еще во время Казимира Великаго, когда впервые начали они распоряжаться въ Галиціи, какъ въ завоеванной области, многія старо-русскія семейства претерпѣли отъ нихъ разныя несправедливости. Въ какой степени эти несправедливости были возмутительны, видно изъ того, что между обиженными родилось единодушіе, и они рѣшились освободить свою землю отъ Ляховъ посредствомъ иноземной помощи. Галицкіе Русины, подобно тому, какъ въ послѣдствіи ихъ соплеменники Украинцы, послали уполномоченныхъ своихъ къ Татарамъ и звали ихъ къ себѣ противъ Поляковъ. Это одно уже показываетъ, каково пришлось имъ на своей родинѣ, послѣ ея присоединенія къ королевству Польскому. Предпріятіе, однакожъ, не удалось; многіе дворяне лишились жизни, многіе бѣжали изъ отечества, а обширныя земли тѣхъ и другихъ достались Полякамъ. Казимиръ Великій естественно поспѣшилъ раздать ихъ своимъ еди-

ноплеменникамъ, чтобы упрочить за собою обладаніе новопріобрѣтенною страною.

Но, какъ всегда бываетъ, не одни дѣйствительные участники въ потерянномъ дѣлѣ подверглись мести и грабежу со стороны счастливыхъ противниковъ. Русскіе дворяне большею частью сдѣлались безпріютными бѣглецами въ собственномъ отечествѣ; нѣкоторые изъ нихъ съ отчаянья ушли къ Татарамъ и потомъ водили ихъ орды на грабежъ родной земли своей, захваченной иноземцами. Правительство польское, состоявшее изъ польскихъ магнатовъ, не могло иначе дѣйствовать относительно Галиціи, какъ въ духѣ уничтоженія всего того, что́ составляетъ силу націи и отличаетъ ее, въ собственныхъ глазахъ, отъ господствующаго племени. Поэтому оно пользовалось всякимъ случаемъ исторгать богатства изъ рукъ туземцевъ и водворять на ихъ наслѣдственныхъ земляхъ дворянъ польскихъ. Поэтому оно оставляло безъ преслѣдованія вопіющія насилія такихъ людей, какъ извѣстный Щенсный, который, не имѣя средствъ содержать собранное противъ Турокъ ополченіе, напустилъ его на Галицію по-татарски и остановленъ былъ только укрѣпленіями Львова, куда русскіе дворяне бѣжали отовсюду, спасаясь отъ пытокъ и убійствъ (1). Поэтому оно

---

(1) По этому случаю русскіе дворяне Львовскаго и Жидачовскаго повѣтовъ заключили съ городомъ Львовымъ оборонительный союзъ противъ всего королевства, исключая особу са-

смотрѣло сквозь пальцы даже на такія дѣла, какъ заговоръ противъ Русиновъ въ Перемышлѣ, куда Поляки созвали мѣстное дворянство и, внезапно напавъ на него, вырѣзали до послѣдняго, а Перемышль и его окрестности заселили своими единоплеменниками (1). Довольно развернуть лѣтописи Длугоша и Кромера, не говоря уже о Львовской и другихъ хроникахъ, чтобы видѣть, какими мѣрами польская народность водворялась въ Галиціи. И если Казимиръ Великій не защищалъ правъ собственности новыхъ своихъ подданныхъ, то тѣмъ менѣе заботился онъ о неприкосновенности старо-русскаго исповѣданія. Желаніе окатоличить Червоную Русь было въ самомъ началѣ польскаго господства такъ сильно у Поляковъ, обращеніе иновѣрцевъ на лоно мнимой *истинной вѣры* почиталось такимъ достойнымъ дѣломъ, что Длугошъ, наперекоръ тому, чего вовсе не было, приписалъ восхваляемому имъ со всѣхъ сторонъ королю Казимиру Великому гораздо позднѣйшее основаніе Львовскаго архіепископства, какъ уже было ска-

---

мого короля Казимира. Въ договорномъ актѣ читаемъ слѣдующія имена: Paulus et Stano de Czartorie (Чарторыйскій), Demitr Lahodowski de Pohorelce, Jurgyi de Malczyce, Stecko et Onyszko de Czerkas, Fyetko de Czothany, Dimitr et Jacko de Diedoszyce (Dzieduszycki) и проч.

(1) Это извѣстно намъ изъ жалобы литовскихъ дворянъ на Поляковъ, которые условились было перерѣзать ихъ на сеймѣ въ Парчовѣ (1449) «...учинити, какъ учинили надъ паны рускими перемышльскими, позвавши ихъ до рады и тамъ порѣзали, и Перемышль заселили.» См. Литовск. Лѣтопись, изданную Нарбутомъ въ Вильнѣ, 1846.

зано объ этомъ выше (1). Казимиръ Великій не хотѣлъ, или не успѣлъ этого сдѣлать; но духъ римскихъ папъ, стремившихся все подчинить своей іерархіи, такъ обуялъ тогдашнія правительства въ католическихъ земляхъ, что, и безъ письменныхъ распоряженій изъ Рима, они творили волю главы своей Церкви наперерывъ одни передъ другими. Напримѣръ, Людовикъ Венгерскій обнародовалъ въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ рѣшительное постановленіе, чтобы къ назначенному времени вывезены были на извѣстное пустопорожнее мѣсто всѣ еретическіе (т. е. греко-восточнаго исповѣданія) священники, съ дѣтьми, женами и всѣмъ имуществомъ, съ тѣмъ, чтобы они тамъ и оставались, въ изгнаніи, какъ плѣнные, вдали отъ родныхъ мѣстъ, которыя король предоставилъ попамъ католическимъ. Лѣтописецъ тогдашній, латинскій попъ, разсказывая объ этомъ, какъ очевидецъ, не находитъ въ подобной мѣрѣ ничего безчеловѣчнаго и очень спокойно замѣчаетъ: «Это было сдѣлано для того, чтобы удобнѣе присоединить королевскихъ подданныхъ къ римской Церкви».

Трудно себѣ представить, какими ревностными поборниками папскаго всемірнаго владычества, ка-

---

(1) Длугошъ, кн. IX, стр. 1131. Еще Нарушевичъ опровергалъ это преданіе (IV, not. 172; VII, 59, 76), а недавно Стадницкій (Syn. Hedymina, II, 236) объяснилъ этотъ фактъ совершенно убѣдительно.

кими преданными слугами католическаго духовенства были старинные, правительствовавшіе дворяне польскіе. Нашъ просвѣщенный вѣкъ не долженъ, однакожъ, строго осуждать ихъ за это. Они были погружены въ глубокое невѣжество въ то время, когда латинскіе прелаты возвѣстили имъ новое ученіе вѣры на мѣсто стародавняго славянскаго многобожія; они были не въ силахъ постигнуть нечестіе такъ называемаго просвѣщенія умовъ, основаннаго на угнетеніи, на грабежѣ и человѣкоубійствахъ во имя единой Церкви и единаго пастыря, какъ назывались у нихъ римская Церковь и римскій папа. Религіозная ревность ихъ свидѣтельствуетъ намъ, какъ много рыцарскаго, юношески-мечтательнаго было вообще въ ихъ характерѣ, и какъ горячо готовы они были отстаивать истину, или то, что́ казалось имъ истиною. Вся вина падаетъ на тѣхъ, кто давалъ направленіе юному, стремительному духу ихъ воинственнаго племени и въ чьихъ рукахъ они были страшными, но неповинными орудіями. Имъ, какъ и всѣмъ вообще воинственнымъ исполнителямъ папскихъ замысловъ, не оставлено было даже возможности достигнуть зрѣлыхъ понятій о значеніи явленій міра сего въ глазахъ Вѣчнаго Разума и безпредѣльной Любви небесной, такъ какъ папскою буллою воспрещалось учиться вмѣстѣ съ духовными людямъ свѣтскимъ, которые не желали вступить въ духовное званіе. Что́ же тутъ удивительнаго, если со временъ короля Ягеллы состоялось и болѣе

ста лѣтъ было поддерживаемо сеймовое опредѣленіе, запрещавшее русскому дворянству греческаго исповѣданія отправлять какіе бы то ни было общественныя должности и вступать въ брачные союзы съ особами латинской вѣры? Только въ 1522 году король Сигизмундъ принужденъ былъ настойчивостью польскаго дворянства допустить исповѣдывавшихъ греческую вѣру къ отправленію высшихъ государственныхъ должностей, что́ черезъ семь лѣтъ подтвердилъ и привиллегіею.

Таково было вообще положеніе русскихъ дворянъ въ Польскомъ королевствѣ, а тѣмъ болѣе въ Червоной Руси, гдѣ Поляки распоряжались въ качествѣ завоевателей. И потому весьма естественно, что въ то время, какъ одна часть тузем-ныхъ дворянъ, вѣрныхъ своей народности, погибла въ битвахъ, или, ограбленная своими гонителями, впала въ нищету и ничтожество, другая часть, какъ бы велика она ни была, должна была мало-помалу, уступая необходимости, принять римскую вѣру, усвоить себѣ польскій языкъ и польскіе нравы, для того, чтобы пользоваться, наравнѣ съ Поляками, правами гражданства. Вспомнимъ при этомъ, что гибнутъ въ бою за независимость земли своей люди, самые сильные духомъ, что торжествующіе грабители находятъ скорѣе всего предлогъ къ грабежу въ поступкахъ и словахъ личностей благороднѣйшихъ, что преслѣдуются подозрительнымъ правительствомъ исключительно умы, опасные по своему вліянію на угнетенное

общество. Слѣдовательно, послѣ смерти однихъ, послѣ матеріальнаго упадка другихъ и бѣгства, или заключенія третьихъ, въ Червоной Руси остались дворяне, или ничтожные по характеру, или осторожные до безмолвія и неподвижности, или просто поклонники торжествующей силы и предатели своей родины, которыхъ такъ много въ каждой разоренной странѣ и которые составляютъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ перевѣса иноплеменниковъ въ борьбѣ съ туземцами.

Еслибы состояніе, въ которое приводитъ извѣстное общество самовластіе одного, или множество лицъ, оставалось неизмѣннымъ, то еще въ XIV вѣкѣ Червоная Русь, въ главныхъ своихъ представителяхъ дворянахъ, перестала бы быть *Русью*. Но природа племенъ людскихъ основана на истинахъ, которыя могутъ въ теченіе вѣковъ быть отвергаемы политикою и подавляемы нетерпимостью, и, не смотря на то, продолжаютъ существовать, незримо для преслѣдователей, въ преданіяхъ, въ понятіяхъ, чувствахъ и даже какъ-будто въ самой крови племени, которое не отжило еще своего вѣка. Уничтоженная до послѣдняго своего отпрыска народность кроется въ могучихъ зарослях другой народности, видимая одному животворящему вселенную духу, ждетъ своего времени, никѣмъ непредвидимаго, ждетъ обстоятельствъ, на которыя нѣтъ и намека въ существующемъ порядкѣ вещей, и вдругъ является въ самобытномъ образѣ, и сильнѣе прежняго борется

съ непріязненными силами за свое существованіе.

. . . . . .

Въ наше время путешественникъ, встрѣчаясь въ Галиціи съ туземными учеными, на освѣдомленія о русскомъ народѣ, слышитъ отвѣтъ, что въ Южной Руси нѣтъ Русскихъ, а есть только Поляки и Нѣмцы (1). Не говоримъ уже о сочиненіяхъ на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ, которыя увѣряли и увѣряютъ міръ, что будто бы русская народность Червоной Руси болѣе не существуетъ. А между тѣмъ въ Галиціи издаются южно-русскія книги и газеты, въ Галиціи основано въ 1848 году ученое общество подъ именемъ Галицко-Русской Матицы, въ Галиціи (во Львовѣ) существуетъ воздвигнутое, складчиною простого народа и духовенства, на развалинахъ стараго польскаго университета русское всеучилище, подъ названіемъ *Народный Домъ Русскій*. Исторія боренія русскаго народнаго духа съ иноземнымъ въ этой несчастной странѣ можетъ составить предметъ отдѣльнаго, обширнаго сочиненія. Я ограничился здѣсь только главными свидѣтельствами, что живетъ еще южно-русская народность въ Руси Червоной, и если не погибла въ теченіи пяти вѣковъ, когда не было и помину о значеніи народности въ исторической судьбѣ

---

(1) Авторъ недавно посѣтилъ Галицію, и дѣйствительно съ нимъ такъ случилось много разъ,—такъ что, будучи менѣе знакомъ съ этой страной научнымъ образомъ, онъ могъ бы подумать, что наконецъ погасла и послѣдняя искра нашей народности въ этой древней области южно-русской.

народовъ, то не при нынѣшнихъ племенныхъ стремленіяхъ погибнуть ей. Можетъ быть, это упорное отрицаніе ея законности и самаго существованія, эти намѣренныя литературныя нападки на нее, и даже, по-видимому, неблагопріятствующія ей гражданскія обстоятельства, именно служатъ къ ея возбужденію, къ возстановленію лучшихъ ея силъ и къ ихъ развитію въ литературахъ и общественной жизни.

П. Кулишъ.

IV.

САША.

I.

Я ее давно, давно знаю: мы изъ одной деревни; вмѣстѣ въ куклы игрывали. Ужъ какая она была искренняя, какая сердечная дѣвочка, скажу вамъ! Какъ подружится съ кѣмъ, полюбитъ — рада душу отдать; въ глаза смотритъ: пожелай чего-нибудь, я угадаю — угожу. Мы съ ней слюбились крѣпко. Бывало, она мнѣ все свое отдаетъ, и не прошу — сама отдаетъ: и куклы, и сережки свои, все, все, да только улыбается сама, на меня глядя. Дѣвочки другія и начнутъ дразнить ее, подсмѣиваться: «Раздарила, теперь у самой ничего нѣту!»

А постарше, тѣ ее бездомовницею называютъ: «Вотъ», говорятъ, «будетъ изъ тебя хозяйка путная! соберешь домокъ!»

И мать ей часто за это выговаривала и грозила; а она всё только усмѣхается.

«Ну, не жалко тебѣ раздавать-то все?»

«Чего жалко? Я ее люблю, — что́ жъ тутъ жалѣть? Не жалко....»

II.

Намъ пошелъ пятнатцатый годъ — однолѣтки мы съ нею — какъ вышла ната барышня замужъ. А была наша барышня ужъ не въ первомъ цвѣту. Много книжекъ читала, и нравомъ была строптива: на сосѣдей косилась, на людей гнѣвалась. Жениха не находилось ей, дружбы ни съ кѣмъ не водила. Худѣла да желтѣла надъ книжками.

Лѣтъ ужъ ей за тридцать было, когда пріѣхалъ ея братецъ въ гости изъ губерніи, а съ нимъ высокій баринъ, этакой круглолицый да видный изъ себя, спокойный, довольный; все поглаживаетъ себя рукою по подбородку да расхаживаетъ съ трубкою мѣрнымъ шагомъ.

Первые-то дни барышня хоть и понарядней пріодѣлась, да въ разговоры съ пріѣзжимъ гостемъ не пускалась; а онъ поклонится утромъ, спроситъ о здоровьи, и ею тожъ не занимается.

Баринъ только часто на нихъ поглядывалъ (этакіе у него глазки были пронзительные, узенькіе, черные; лукавый очень видъ имѣлъ и хитрый), поглядывалъ, да вечеркомъ разъ, обнявши сестрицу, долго съ нею по комнатамъ ходилъ и всё о чемъ-то толковалъ-толковалъ, словно совѣтовалъ, образумливалъ.

Барышня задумчива пришла въ свою комнату, и долго думала она, думала и вздыхала....

Съ той поры она ласковѣй съ пріѣзжимъ стала, и всё вмѣстѣ они съ нимъ и гуляютъ, и за обѣдомъ рядышкомъ сидятъ. А какъ собрался онъ выѣзжать, барышня наша тогда въ слезы ударилась. Братецъ насупился. Пріѣзжій все это видитъ; самому ему жалко стало, не то—скучно; махнулъ онъ рукой, да и посватался.

Свадьбу съиграли не откладывая, и поѣхали молодые на житье въ губернію.

III.

Молодой барынѣ захотѣлось изъ своей деревни служанку себѣ взять. «На что́ мнѣ чужую, когда свои есть? Чужой надо плату, да еще какая слуга попадется, — нанятую не научишь.»

Выбрала она Сашу: смышленѣе, проворнѣе всѣхъ она ей показалась. Взяли Сашу и увезли съ собою.... Отецъ, мать, сетры, всѣ остались; одна Саша поѣхала на чужую сторону.

Очень я плакала провожаючи. А она всё прижимаетъ меня къ себѣ: «Не забуду, не забуду тебя!»

Уѣхала она, и мало намъ вѣстей доходило. Такъ годъ прошелъ. Вдругъ недобрые слухи объ Сашѣ стали носиться. Мать хоть плачетъ, хоть тужитъ, а всё вѣрить ей не хочется. Отецъ насупился, и слова о Сашѣ своей любимой не промол-

вить. Сестры услышатъ про нея—краснѣютъ.... Судятъ-рядятъ люди, а всё еще никто навѣрно сказать ничего не можетъ.... Вотъ тогда-то меня потребовали къ молодой барынѣ. Шлютъ меня къ ней въ губернію. Пришла я прощаться къ Сашину отцу, и спрашиваю: «Что́ прикажете Сашѣ?»

«Да не знаю и самъ, что ей приказать», отвѣчаетъ: «благословить ли мнѣ ее, или проклясть свою дочку!»

Стоитъ, руки скрестилъ и въ окошко глядитъ.

А мать со мною вышла, слезами заливается, провожаетъ за ворота. «Благословляю я! скажи ты Сашѣ, что мать благословляетъ.... Скажи, чтобы Богу молилась....»

Сестры повыбѣгали себѣ за мною: «Кланяйся сестрѣ! кланяйся Сашѣ нашей!»

IV.

Тяжело вѣдь отбиться отъ роду, отъ своей стороны, — кто этого не знаетъ! Ѣду я къ барынѣ да всё про Сашу думаю, и тѣмъ только утѣшаюсь: «Увижу я свою подругу вѣрную, поговорю съ нею, потужу — легче мнѣ будетъ.... А Саша меня какъ встрѣтитъ? И что́ съ нею сталось? Правда ли, что́ люди говорятъ? И каково житье ей?» Всё дорогу цѣлую раздумываю про Сашу.

Везъ меня нашъ деревенскій старичекъ, Прохоръ, сморщеный, щедушный старичекъ; и за-

вистливъ онъ былъ очень: что́ бъ ни увидѣлъ въ чужихъ рукахъ, хоть тамъ палку березовую, сейчасъ вздохнетъ: «Эхъ, еслибъ мнѣ такую!» И всё, бывало, онъ твердитъ: «Эхъ-ма! когда бъ денегъ тма!» По пути мы съ нимъ села барскія богатыя проѣзжали, лѣса темные дубовые, поля широкія,— всё онъ вздыхалъ: «Эхъ-ма!» Такой чудной былъ старичекъ!

V.

Мы пріѣхали вечеромъ.... Наша барыня жила среди города, на широкой улицѣ. Всё дома каменные, высокіе, крыши желѣзныя, окна большія, и свѣтъ изъ оконъ на улицу вырывается; передъ крыльцами фонари горятъ; по мостовой стучатъ дрожки, коляски и наша тележка тряская. Вечеръ темный былъ, время осеннее, тучи ходили — мѣсяцъ хоронили, только звѣзды яркія сверкали. Холодноватый и свѣжій вѣтерокъ повѣвалъ....

Подъѣхали мы къ бѣлому дому каменному, въ ворота постучались. Намъ отворилъ бородачъ, тучный изъ себя и приземистый, — видно кучеръ; поклонился намъ и что-то проворчалъ про себя.

VI.

Мы за нимъ въ избу вошли — почернѣлая, неубранная, лавки прожженыя, столы шатаются, вездѣ вода по полу разлита, зола разсыпана....

Поваръ тутъ сидѣлъ, въ бѣлой курткѣ, сгорбленный, веселый старичекъ, плѣшивый, и два парня круглолицыхъ, румяные, одинъ въ армякѣ, а другой въ курткѣ съ пуговицами блестящими. Сейчасъ всѣ они къ намъ бросились: давай осматривать, моргать, усмѣхаться. Поваръ намъ кивнулъ головою: садитесь, отдохните.

Саши нѣту; спросить про нее боюсь.... Прохоръ поглядываетъ да всё вздыхаетъ. Всѣ сидимъ, молчимъ; а въ разбитое окно вѣтеръ свѣчу задуваетъ....

«Ну», заговорилъ кучеръ, «какъ же вы тамъ въ деревнѣ-то у себя роскошничаете? Несѣяную муку́ пожираете?» Такъ всѣ и залились хохотомъ. И пошли тогда шутки да прибаутки, и тѣшились они, и пересмѣивали насъ, сколько ихъ душѣ было угодно. Парни выходятъ изъ избы, да и говорятъ намъ: «Ну, спасибо, что пріѣхали: хоть маленько мы вами тоску свою размыкали!» И вправду: скука ихъ одолѣла всѣхъ, такъ рады были они, хоть чѣмъ попало себя развеселить. Такія у нихъ лица были недовольныя да заспанныя, да скучныя.

VII.

Я съ духомъ собралась и спрашиваю у повара про Сашу. Кучеръ услыхалъ и перебилъ.

«Ты мнѣ поклонись, да у меня спроси! Вотъ гляди-ка. (Дверь отворилъ). Видишь, коморочка противъ? Тамъ твоя Саша сидитъ, а вотъ у меня

ключикъ отъ замочка.» (Показалъ мнѣ ключъ изъ кармана).

Говоритъ онъ, а я смотрю — какой тяжелый замокъ виситъ на двери!... Саша ты моя бѣдняжечка!

«Что́ жъ», говорю, «никогда она и не выходитъ оттуда?

«Какъ можно! Ей всѣ пути скатертью, только вотъ за ворота, со двора — не прогнѣвайся!»

«На что́ жъ ее заперли?»

«Да вотъ, когда я со двора иду, то и запираю, ато нѣтъ.»

«Пустите меня къ ней», прошу его.

«Съ нашею радостью, — иди!»

Отомкнулъ, я вошла — темно, хоть глазъ выколи, тамъ. «Саша! Саша!» кличу. Тихо.

«Не ушла ли она куда?» думаю, «какъ нибудь «вырвалась.»

Постояла я тамъ, и опять въ избу вошла.

«Видѣла?» спрашиваетъ кучеръ.

«Видѣла», говорю.

«Радости-то, я думаю, не оберетесь, а?»

VIII.

Тутъ вошла быстрая, крошечная старушонка, личко у ней остренькое, ехидное, ухватки воровскія: всё заходитъ съ разныхъ сторонъ, словно выискиваетъ, гдѣ побольнѣй щипнуть. Покружила-покружила она, да и говоритъ мнѣ: «Сегодня ужъ

къ барынѣ тебя не поведутъ; ложись, спи.» И ушла.

Сѣли мы ужинать. Сашу кликали — не пришла.

Послѣ ужина всѣ спать полегли въ кухнѣ, а я сижу въ людской — не спится. Я сижу одна да думаю, да жду: «Что́ жъ это Саша не бѣжитъ ко мнѣ? И гдѣ она? Ушла ли, или мнѣ откликнуться не хотѣла?»

Шелохнулось что-то.... Подниму я голову — стоитъ передо мною высокій мальчикъ, мнѣ показалось. Гляну еще — это Саша.... А волосы-то у ней въ кружокъ острижены; высокая такая стала и худенькая; живые ясные глаза впали и румянецъ сбѣжалъ съ лица....

Встала я, и она стоитъ.

«Саша», говорю, «Саша!»

Такъ-то мнѣ ее жалко тогда стало!

Она ближе ко мнѣ: «Обними», говоритъ, «обними же меня да поцѣлуй!»

Обнялись мы и поцѣловались крѣпко.... И плакать стали пуще.

«Мать благословеніе тебѣ прислала, сестры кланяются», говорю ей.

Она вспыхнула, а разспрашивать ничего не разспрашиваетъ; да и мнѣ-то не говорилось. Сидимъ обнявшись, да изрѣдка словомъ перекинемся, житье старинное дѣтское спомянемъ.

IX.

На другой день къ барынѣ меня зовутъ. Полная она стала такая и величавая. Осмотрѣла

меня съ головы до ногъ, какъ зовутъ спросила, и говоритъ мнѣ: «Смотри ты, не избалуйся. Избалуешься — косу отрѣжутъ, вотъ какъ Сашкѣ, и накажутъ строго.» Разсказала мнѣ, что́ дѣлать, приказала, пригрозила и выслала.

И стали мы вмѣстѣ съ Сашей жить да поживать. Не красно было мое житье, а Сашино-то горькое какое! Всякъ ее урекаетъ, всякъ коритъ и смѣется.

Пуще всѣхъ донимала ее ключница: такъ, бывало, и язвитъ, словно жаломъ.

Старикъ поваръ.... да и тотъ не безъ того, чтобъ чѣмъ не попрекнуть ее: онъ сердитъ бывалъ тверезый, ко всѣмъ придирается, и Богъ знаетъ за что́. То́ покажется ему, что ты на него взглянулъ не такъ, то́ насмѣхаешься... за что ни-будь да придерется. А когда хмѣленъ, то ужъ и быть нельзя ласковѣй. Всѣхъ тогда хвалитъ; а его бранять—уговариваетъ, что нехорошо это. «Люди, въ мирѣ живите!» говоритъ. «Не скучайте, не ссорьтесь, дѣлитесь всѣмъ другъ съ дружкою; кто хочетъ выпить — я позволяю; самъ бы ему купилъ, да все ужъ пропилъ, — потерпи; а самое главное — дружно живите!» Больше всѣхъ онъ Сашу любилъ и ласкалъ, когда пьянъ бывалъ.

Одинъ только поваръ пьяный и не обижалъ ее. Ато, бывало, кто чужой придетъ, — торговка ли знакомая, или сосѣдская дѣвушка, гости ли къ кому изъ людей, либо къ ключницѣ, — всѣ-то поглядываютъ, шопотомъ спрашиваютъ, головою по-

качиваютъ, руками разводятъ.... А она, словно обвыклась съ тѣмъ, не жалуется, не горюетъ.

X.

Я ей ни слова. «Не надо ее тревожить», думаю. Да разъ вхожу въ людскую (праздникъ былъ, господъ дома не было и люди разошлись), вхожу, — печь топится, и Саша сидитъ на лавкѣ, сама въ огонь глядитъ, а слезы текутъ-текутъ.... Сѣла я подлѣ и рукой ее обняла. А она, на меня не глядя, расказывать стала.

«Привезли меня сюда молодою, небывалою, и много я переплакала тогда.... всё, бывало, вечерами плачу.... Все мнѣ чужое, все незнакомое, неласковое. Грусть-тоска была великая!... Вотъ стою я разъ на крыльцѣ, подъ вечеръ, да смотрю, да тужу; а ужъ весна шла: снѣгъ осѣлъ, почернѣлъ, подъ заборомъ травка тонкая выбивалась; морозецъ еще держался: ручейки, лужицы замерзали тонкимъ ледочкомъ. Солнышко красно и багряно заходитъ.... Стою — такъ вспомнилась мнѣ сторона моя милая! «Господи!» думаю, «хоть бы словечко мнѣ кто сердечное, привѣтное сказалъ, хоть бы глянулъ!» — «Саша, чего заскучала? Не скучай, милая!» слышу. Я сдивовалась, испугалась; гляжу — это бариновъ племянникъ молодой. Подошелъ, взялъ мою руку, пожалъ, еще на меня глянулъ и отошелъ. Испугалась я и досадно стало: что́ онъ, пожалѣлъ, что ли? пошутилъ? надо мною

посмѣялся? Вѣдь всѣ они безъ жалости, безъ милости.... Развѣ этотъ жалостливѣй? Глаза у него точно очень ласковые мнѣ показались.

«Задумалась я и долго всё думала; тоска развѣялась даже, только тревожна душа моя.... Вспомнился мнѣ тогда нашъ пріѣздъ, какъ *онъ* стоялъ передъ барыней робко, какъ мѣшался, путался въ разговорѣ за обѣдомъ.... Вспомнилось, что онъ часто на меня изъ-за двери глядитъ, бывало.... что работаю я около окошка — онъ ходитъ мимо и смотритъ.... Въ эту ночь я и во снѣ его видѣла.... Встала на зарѣ, и опять объ немъ вспомнила.... и день цѣлый онъ у меня изъ головы не выходилъ.... А вечеромъ я опять на крылечко выбѣжала: увижу ли его сегодня? скажетъ ли слово мнѣ? Выбѣжала, а онъ ужъ тутъ стоитъ, словно ждетъ меня. «Здравствуй, Саша!» А я молчу. Стоимъ — онъ на меня глядитъ... вотъ, чую — глядитъ, а сама глазъ я не подниму, слова не скажу.... Тутъ стукнулъ кто-то, мы испугались и разошлись поскорѣй.

XI.

«Съ той поры каждый день я его тамъ видѣла, каждый день. Сколько разъ вѣдь зарекалась: не пойду я! не хочу! да и сама не знаю, какъ выйду. А онъ мнѣ такъ радъ бывалъ, въ глаза, мнѣ, бывало, смотритъ и всё спрашиваетъ: «Любишь ли, Саша?» А я, скажу тебѣ, я очень его полю-

била, очень.... Какъ стали люди замѣчать да посмѣиваться, сначала мнѣ стыдно и горько было, а тамъ — я думаю: «Что́ жъ? люди смѣются, — «пускай себѣ! Я люблю его, я *его!* что́ жъ мнѣ о «себѣ думать-то? Думай онъ. Хорошо ему, весело, «что смѣются — смѣйтесь; а обидно ему покажется — «самъ онъ знаетъ, что́ сдѣлать. А я послушаюсь «его слова, его приказу.» Вотъ живу я себѣ и не тужу. Дома мы почти не видались: слѣдили за нами; и вотъ, бывало, куда пошлютъ меня — я ему шепну, и сойдемся гдѣ-нибудь въ глухомъ переулкѣ, подъ чужими воротами сядемъ.

XII.

«Только разъ приходитъ онъ встревоженный такой. «Саша!» шепчетъ мнѣ, «дядя и тётка «узнали все!»

«У меня сердце заныло: «Разлучить хотятъ?» спрашиваю.

«Не бойся, не печалься!» уговариваетъ. А на самомъ лица нѣту.... Сѣли мы рядышкомъ и наплакались въ волю тогда.

«Какъ же намъ быть-то, Саша?» спрашиваетъ.

«Тебѣ знать», говорю, «тебѣ и рѣшать.»

«Эхъ, Саша, Саша! что́ я рѣшу! Меня тоска, «меня сомнѣнье пугливое беретъ! Что дѣлать — «не знаю! Скажи ты....»

«Да что́?» говорю. «Ужъ какъ ты не надумаешь, «ужъ какъ ты не знаешь....»

«Ты, Саша, на меня не смотри и меня ты не «осуди: самъ я себѣ нерадъ, ей Богу! всё я «боюсь.»

«Чего жъ боишься?»

«Да ужъ съ дѣтства такъ. Отецъ-то у меня су- «ровый былъ и строгъ. Забилъ онъ меня и за- «пугалъ. Вотъ и теперь еще всё мнѣ его голосъ «слышится: — «Не храбрись ты ни въ чемъ: бѣду «наживешь! Иди по дорожкѣ хитро да тихо—хо- «рошо будетъ!» — Я вѣдь и тебя-то обмануть сби- «рался, Саша; обмануть хотѣлъ и потомъ бро- «сить, — ты прости меня! Не бросилъ: силъ не «было, потому что полюбилъ крѣпко.... Скажи «мнѣ, Саша, скажи, что́ дѣлать? Мучусь я, и го- «лова кругомъ идетъ.... Охъ, Саша, еслибъ мож- «но мнѣ было жениться на тебѣ!»

«Женись», говорю.

«А люди-то что́ скажутъ? Подумай-ка, Саша, «какъ люди-то напустятся, — дядя, жена его злая «еще пуще, — всѣ! всѣ родные! Заклюютъ они «насъ, Саша! Умеръ бы я теперь съ радостью!»

«И заплакалъ самъ.

«Ну, умремъ, коли хочешь», говорю.

«Онъ всё плачетъ. И долго плакалъ. Всталъ потомъ и увѣренно такъ говоритъ: «Нѣтъ, Саша, «грѣхъ умереть отъ своей руки! Будь что́ будетъ — «женюсь я на тебѣ! женюсь.... Богъ съ ними со «всѣми! Что́ они мнѣ? Чего бояться ихъ? Женюсь «да и заживемъ съ тобой!»

«Поцѣловалъ меня и веселъ пошелъ себѣ.

XIII.

«Воротилась я домой — кличетъ меня ключница къ барынѣ; сама злобно посмѣивается: это она все барынѣ разсказала. Я пошла.... Много тогда я наслушалася словъ всякихъ, но до сердца тѣ слова мнѣ не дошли, — не оттого ли, что ужъ я знала ихъ, ожидала.... Я стоял передъ барынею, слушала крикъ и грозьбу, и брань, вотъ словно то́ далекій колоколъ гудѣлъ.... *Онъ* у меня передъ глазами носился, и все мнѣ прояснялось кругомъ.

«Цѣлую ночь ту я глазъ не свела, — думала, думала.... Чего-то не передумала я тогда!

«Утромъ господа чай пили, — вошелъ онъ. Я не ждала, что такъ рано онъ придетъ къ нимъ. Я испугалась.... Вижу, что и онъ не спалъ: блѣдный такой и усталый. Поглядѣлъ на меня, и тогда глаза у него блеснули, и отважный такой показался мнѣ.

«Господа удивились. Барыня неласково, сурово спросила: «Что́ это значитъ? откуда? зачѣмъ?» Баринъ всталъ и по комнатѣ сталъ ходить, потомъ опять сѣлъ.

«А онъ всё отважно имъ отвѣчаетъ: «Я пришелъ къ вамъ съ просьбою.... Саша....»

«А баринъ его перебилъ: «Да ну, ну, Богъ «проститъ! Только смотри, чтобъ впередъ ты не «глупилъ.»

«Я не знаю, гдѣ совѣсть-то у твоего племян-

«ничка!» вскрикнула барыня. «Еще и разговоры «объ этомъ заводитъ!»

«Да вѣдь отъ покорности, душенька: хочетъ «прощенье получить отъ тебя», говоритъ баринъ.

«И заспорили межъ собою. Спорятъ, а ему сказать слова не дадутъ.

«Я то́ все слышу и вижу изъ-за двери. Вижу, что онъ ужъ теряется, подбѣгаетъ къ нимъ, схватилъ ихъ за руки и на колѣни самъ упалъ. «Отдайте мнѣ Сашу, отдайте!»

«Какъ? что́? что́?» и не поймутъ никакъ, что́ онъ говоритъ; вскочили покраснѣли....

«Сашу отдайте! Я жениться на ней хочу!»

«Жениться!» кричитъ барыня. «Ты съ ума «сходишь? Да ты помѣшался! Да ты пропадешь! «ты погибнешь! Да тебя всякій добрый человѣкъ «на порогъ не пуститъ!... Какъ ты уживешься «съ простой дѣвкой, съ грубою, съ глупою?»

«А баринъ куритъ-куритъ, — едва голова видна въ дыму, и всё покрикиваетъ: «Вотъ сумашед- «шій! Ахъ, наказалъ Господь!»

«А *онъ*: «Отдайте, мнѣ Сашу!» (самъ краишекъ барынина платья цѣлуетъ и за руки ее ловитъ.) «Что́ жъ, развѣ у простой дѣвушки сердце не «любитъ? Всѣ мы равны передъ Богомъ, тётинька! «Отдайте мнѣ Сашу! Я умру безъ нея! Безъ нея я на «свѣтѣ жить не хочу!»

«Слушаю я, и жалко такъ мнѣ его стало!

«Пустите!» вырывается барыня, «отстаньте! «Какъ вы смѣете со мною такъ говорить! Я не

«отдамъ дѣвку! Что хотите дѣлайте — не отдамъ! «Подите прочь! прочь!»

«Такъ онъ и упалъ рыдаючи. А баринъ ходитъ да куритъ, да охаетъ.

«Сашка!» крикнетъ барыня.

«Я вошла. Она схватила со стола ножницы и кивнула на меня. Я ближе подошла. Она рванула мои косы — и стричь меня.... Одну косу отрѣзала, на другой ножницы сломала.... У самой у ней руки дрожатъ — разсержена.

«Баринъ смотритъ, остановился съ трубкой. И *онъ* смотритъ, на нее, на меня, да только плачетъ слезно.... А мнѣ чего-то словно холодно стало, — вотъ будто какой-то вѣтеръ холодный обвѣялъ меня и все отъ меня разнесъ далеко. Велитъ барыня мнѣ разсыпанныя, раскиданныя волосы свои собрать и высылаетъ меня.

«Собрала я косы и вышла.... Что́ же? я *его* добро; воленъ онъ былъ дать имъ меня.... Только зачѣмъ же онъ отдалъ-то? . . . . . .

. . . . . .

XIV

«Барыня меня съ того время не велѣла спускать съ глазъ. Ключницѣ-то хлопотъ было! Не досыпала — все за мною слѣдила.... Только я шагъ ступлю — за мной крикъ: «Куда? куда?» И долго я его не видала. Не видала, и рада тому была. Вотъ, словно бъ я его совсѣмъ разлюбила.

Не то, что сердита я была, не то, что обижена, а словно разлюбила, — не надо мнѣ его....

«Барыня долго меня донимала, долго гнала; потомъ онъ ходить пересталъ — забывать стала и бросила за него нападки. А баринъ и радъ тому. Онъ только тяжелый на подъемъ человѣкъ: обидѣть ли, приласкать ли — трудно ему. Какъ ужъ разсердится, то послѣ сколько дней сокрушается: «Зачѣмъ безпокоить меня? Дѣлайте себѣ, «что́ хотите — меня не тревожьте пожалуйста! «Это все одно, что помѣшать обѣдать человѣку!» Барыня не такая удалась: она вспыльчива и скорая на все. «Не хочу, не хочу твоего пле- «мянника на глаза пускать!» Баринъ сейчасъ согласенъ: «Не вели пускать, душенька: хоть оно «и жалко немножко, да свой-то покой всякому «дороже.»

XV.

«Родился у меня мальчикъ, — такой крикунчикъ былъ, безпокойный! Хлопотъ мнѣ было съ нимъ много; вѣдь я невыклая была, молодая, а тутъ того нѣту, другого нѣту; то́ попроси у людей, то́ посовѣтуйся съ людьми. Столько мыслей, столько-то заботы мнѣ было! Кругомъ всѣ на меня глядятъ съ усмѣшкой. Кто бъ ни зашелъ къ намъ, кто бъ ни заглянулъ, — даже и обиднымъ-то словомъ не хотятъ укорить — брезгаютъ. Вотъ развѣ ключница не стерпитъ — крикнетъ. Только поваръ

ласкалъ насъ, когда пьянъ бывалъ.... Да, да, и заботъ было и хлопотъ! А на душѣ тогда тихо какъ-то стало, тихо....

XVI.

«Однимъ вечеромъ, — я жила тогда одна вотъ въ этой самой горенкѣ, гдѣ меня замыкаютъ теперь, чтобъ дитя крикомъ не докучало людямъ, — вечеромъ сижу я, слышу — крадется кто-то, двери осторожно отворяетъ.... крадется *онъ*. Глянула я и не обрадовалась, и не опечалилась, только мнѣ будто скучнѣе стало. Исхудалъ онъ и измучился. Много говорилъ тогда, много плакалъ и ласкалъ, дитёй радовался. «Я», говоритъ, «я сегодня вѣдь «цѣлый день у васъ въ сараѣ прятался, мучился: «такъ видѣть тебя желалось.» Я все слышу, все знаю, жаль мнѣ его, только онъ мнѣ лишній человѣкъ совсѣмъ.

«А онъ съ того вечера опять ходитъ. Какъ дитя онъ любилъ! Часто я, бывало, гляжу на нихъ обоихъ, часто. Мальчикъ очень схожъ съ нимъ уродился: такіе же глаза ласковые и обликъ весь въ *его*.

«Всё мнѣ жалче да жалче *его*, сердцемъ всѣмъ жалко стало.... Бывало, я думаю-думаю, — умъ за разумъ заходитъ. И что это сталось межъ нами? Онъ ли виною, я ли причиною?... Станетъ онъ, бывало, о своемъ отцѣ покойникѣ разсказывать, станетъ горевать да жаловаться, — и мнѣ отецъ его покойный примстится: суровъ и тяжелъ,

глаза у него ледяные, а грудь каменная, а голосъ у него повелительный.... Сѣдъ онъ, какъ лунь, и страшенъ; и гнететъ онъ, и клонитъ дѣтскую головку безсильную все ниже да ниже.... А *его* я всё себѣ дитёю представляла, словно *онъ* дитя мое, и что рубятъ тому дѣтищу руку правую.... Такая тоска меня брала всегда, а всё слушать я любила про его отца покойнаго: покойникъ все предо мною застелетъ тѣнью своей, и мнѣ жалче станетъ *онъ*, милѣе....

XVII.

«Захворалъ мой мальчикъ и померъ.... Что́ это жизнь-то наша, Господи! Ужъ и годится ли тосковать такъ по умершемъ, какъ я тосковала? Какая жизнь человѣческая? Всё-то неладно такъ, все-то неясно такъ!...

«*Онъ* съ горя, съ печали заболѣлъ. Пошла я къ нему. Радъ былъ онъ мнѣ, какъ ужъ радъ! «Пропалъ бы одинъ», говоритъ, «не зналъ какъ мнѣ быть, что́ мнѣ дѣлать!»

«А какъ въ дверь застучали, онъ задрожалъ весь: «Кто это? оттуда? что́ дѣлать!»

«А то за мною пришли: барыня прислала. Пришли и берутъ меня отъ него, ведутъ, а онъ провожаетъ да плачетъ.

XVIII.

«Привели меня, и въ другой разъ косу отрѣзали.... Теперь за мной велѣно всѣмъ присматри-

вать; а если не время, то меня замыкать приказано. И вотъ ужъ три недѣли я со двора не выходила. *Его* съ той поры не видала я. Поваръ встрѣчался съ нимъ сколько разъ, — кланяется мнѣ, говоритъ, и очень печаленъ. Черезъ него онъ мнѣ обновки, деньги присылаетъ.

«Томится душа моя, и нигдѣ душа успокою, нигдѣ душа себѣ пріюту убогаго не сыщетъ. Пріѣхала ты — безъ словъ мое сердце облегчила, безъ ласокъ поуспокоила. Спасибо, желанная ты моя!»

И такъ схватила Саша, такъ меня въ своихъ рукахъ крѣпко сжала.... И вдругъ обезсилѣла и словно разбитая упала около меня. Грусть и мою-то душу сдавила. Обнимаю я ее: «Усни«, говорю, «усни у меня на колѣняхъ!»

«Ахъ, какъ же уснуть-то мнѣ!» промолвила, «у меня изъ сердца будто горькій ключъ бьетъ и кипитъ, и всю душу мою топитъ!

. . . . . .

XIX.

Думаю я, думаю, чѣмъ пособить ей и какъ помочь, да и говорю разъ: «Саша! а схожу-ка я къ *нему* да все разузнаю, — веселѣй намъ будетъ.»

«Что́ жъ знать-то? Сходи, коли хочешь», отвѣтила. «А веселѣй, видно, не будетъ!»

«Не круши себя, Саша!» упрашиваю: «вѣдь

онъ тебя любитъ, сама говоришь; и ты его любишь, — не горюй. Раскажи только мнѣ, куда идти и какъ мнѣ узнать его?»

«Да ты выйди вечеркомъ на уголъ. Вѣрно, онъ тамъ стоитъ, — меня ждетъ. А узнавай ты его по красѣ, по виду честному.... Бѣлокурый и кудрявый, шинелька черная на немъ; а походка у него тихая.»

Выждала я времячко — побѣжала на уголъ, а навстрѣчу мнѣ прямо *онъ*... я сейчасъ узнала.

«Саша кланяется», ему шепнула.

Онъ вздрогнулъ и ахнулъ.

«Чья ты? откуда?»

«Я деревенская», отвѣчаю.

«Ахъ, такъ это *ты* пріѣхала недавно! Я знаю, все знаю, что́ тамъ у васъ дѣлается, хоть самъ и не бываю. Что́ мнѣ Саша велѣла?»

«Ничего, только кланяется.»

«Или ужъ не любитъ она меня, что и словечка не нашлось у ней посердечнѣй! Хоть отъ меня скажи ты ей, что нѣтъ ни сну, ни покою, что меня разлука сокрушаетъ!»

«Да что́ жъ ей дѣлать-то?» говорю ему: «не ея воля!»

«Ахъ, что́ жъ мнѣ дѣлать!» вскрикнулъ. «Я бъ радъ украсть ее, да какъ?»

«Какъ же украсть? Трудно», говорю, «трудно ужъ теперь горю пособить. Еслибъ прежде-то вы порѣшили чѣмъ....»

«Да, еслибъ я зналъ-вѣдалъ всѣ муки да все

горе, я порѣшилъ бы. Ато вѣдь опомниться не успѣлъ! Накричали на меня, нашумѣли, и грозятъ, и упрекаютъ; съ толку сбили меня, отуманили! Что́ жъ Саша говоритъ?»

«Ничего объ этомъ не говорила.»

«Ничего!... Сердечная дѣвушка — слава ей! Вѣрно живется весело и безъ меня, — тоска не обуяла?»

«Эхъ», говорю, «не вамъ бы на нее обижаться! За кого она теперь въ четырехъ стѣнахъ-то замкнута?»

«Какъ же быть?» вскрикнулъ. «Ну, я пойду къ дядѣ, побѣгу.... Я въ ноги имъ кинусь, молить-просить ихъ буду.»

«Въ-рядъ ли послушаютъ.»

«Да я Сашу видѣть хочу! Пусть они мнѣ голову снимутъ, а я Сашу увижу! Пойду!»

XX.

Я испугалась: что́ тутъ будетъ? Чтобъ еще хуже не натворилось!

Онъ торопливо такъ къ дому барскому идетъ, а я себѣ за нимъ бѣгу. Онъ къ господамъ, я къ Сашѣ бросилась. Мечусь во всѣ стороны, ей разсказываю, да своимъ умомъ разкидываю, что́ будетъ; а она недвижно сидитъ.

«Саша! что́ жъ ты?» говорю ей. «У меня вчужѣ сердце замираетъ, а ты себѣ не шелохнешься, не шевельнешься!»

«Ахъ, милая!» отвѣтила усмѣхаючись, «сядь да

утишься: не изъ тучи громъ! Ты меня спроси, я лучше знаю — разскажу.»

«Да вѣдь онъ къ господамъ пошелъ!»

«Знаю, что къ господамъ пошелъ. И храбръ онъ, пока идетъ; а лицомъ къ лицу станетъ, руки у него опустятся — оробѣетъ. Я знаю его; повѣрь моему слову!

Я всё-таки успокоиться не могу: всё жду — вотъ крикъ, шумъ, бѣготня поднимется.... Но все тихо.... часы идутъ.... Не вытерпѣла я, прокралась къ господской комнатѣ; а тамъ ужъ темно — спятъ.

Смущенная, я воротилась къ Сашѣ: что́ же это такое?

А Саша только глянула на меня да усмѣхнулась.

XXI.

На другой день Сашу шлютъ и за хлѣбомъ къ чаю, Сашу шлютъ и къ портнихѣ. Ключница рветъ все и мечетъ въ гнѣвѣ; кучеръ Сашѣ ворота настежъ растворяетъ, шутитъ съ ней; поваръ (онъ въ тотъ день тверезъ былъ), поваръ кричитъ на всѣхъ, швыряетъ дровами по избѣ.... Парни хохочутъ. Я ужъ не знаю, что́ и думать мнѣ.

«Саша!» говорю, «что́ ты мыслишь? Какъ же, это? его послушались, что́ ли? Какъ же пускаютъ тебя?»

«Да, вѣрно, ублажилъ ихъ», говоритъ. «Ты не

тревожься по-пустому. Люди не враги себѣ: они подумали — и уладили, себѣ не въ обиду.»

«Лучше ты, Саша, заплачь», говорю.

«Видно, тебѣ слезъ-то дѣвать некуда! У меня жъ не обильно», отвѣтила. . . . . .

. . . . . .

XXII.

Свидѣлась Саша съ нимъ, но веселья у ней не прибыло.

«Что́ жъ, Саша? радъ-то онъ, думаю, какъ былъ?»

«Радъ», отвѣтила.

«А сладилъ-то все это какъ?»

«Поклялся имъ, побожился, что жениться на мнѣ не женится. Присягнулъ имъ — теперь они спокойны. Пусть его утѣшается.»

«Хоть и обидно», говорю, «да всё тревоги такой не будетъ. А, можетъ, послѣ....»

«Попусту и не надѣйся», перебила меня: «*онъ* пугливъ больно. Не всякую вѣдь любовь въ люди показать хочется, милая! Какъ не цвѣтно наряжена, не красно убрана, то дома, въ уголокъ подъ лавку хоронятъ: «Сиди, любовь, утѣшай меня, «а въ люди не выходи: осудятъ люди, и хозяина «пристыдятъ.»

«Ахъ, Саша», говорю, «онъ любитъ тебя!»

«Ахъ, себя-то самого еще больше любитъ, скажу тебѣ.»

«Нѣтъ, не грѣши, Саша. Это его, просто, обошли, отуманили; потерялся онъ; а любить любитъ. Какъ убивался по тебѣ!»

«А вотъ какъ. Мальчишка изъ чужого саду себѣ яблочко добудетъ, и бьютъ его за то, — вѣдь онъ плачетъ, а яблочко отдать не хочется. А спроси-ка ты — признаться-то стыдится.»

«Всё ты, Саша, горе себѣ выискиваешь, словно имъ только и живется тебѣ.»

«Какое горе! ей Богу, не горе! Такъ, мысли мои.»

XXIII.

Всё она въ тѣхъ мысляхъ, въ думахъ да въ раздумьи, мало говорила, мало и глядѣла на что.

А онъ тревожится, спрашиваетъ ее, потомъ подозрѣвать сталъ: «Другого любишь!» И какъ онъ плакался, жаловался! какъ ее и молилъ горячо, и обижалъ горько!

«Саша, Саша!» говорю ей, «подумай ты да уладь свои дѣла. Вѣдь измучитесь вы безъ толку. Какъ онъ тебѣ покоренъ, какъ любитъ! Ну, что́ тебѣ не по нраву, ты прямо скажи, — просто научи его.»

«На цѣлый вѣкъ не научишь, голубушка! Эта грамотка не дается ученьемъ. Нѣтъ, ужъ полно мнѣ вчерашняго дня всё искать!»

«А зажили бы вы хорошо, этакъ въ любви, въ согласіи, тогда!»

«При нашей бѣдности такія нѣжности!» смѣется, а сама всё о чемъ-то мыслитъ. «Знаешь?» говоритъ опять. «Попросила бъ я смерти себѣ, да могила темна!»

«Богъ съ тобою, Саша!»

«Погоди, погоди!» перебила. «А онъ думаетъ, что я другого полюбила... да кого же? Некого мнѣ полюбить! Не хочу, не могу.... Что́ тратиться по-пустому? Кто скупъ, тотъ не глупъ.»

И, бывало, какъ начнетъ, то ужъ чего-чего она тебѣ не доведетъ!

XXIV.

Господи! какой содомъ у насъ былъ тогда въ цѣломъ домѣ! Барыня съ бариномъ ссорится, что на коляскѣ прокупился; баринъ морщится да стонетъ; *нашъ* ревнуетъ; ключница воюетъ съ людьми. На нее, бывало, какъ найдетъ—по цѣлымъ недѣлямъ такъ и жалитъ. Поваръ, слава Богу, тогда пилъ всё, такъ веселъ ходилъ, и увѣщевалъ только, чтобъ жили мы дружно.

XXXI.

Саша задумчивѣй еще стала, и отъ *него* бѣгала. Никуда ее не вызовешь ни погулять, ни прой-

тись. Только въ монастырь по воскресеньямъ ходила. Потомъ и къ ней монахиня стала навѣдываться, —худая такая, хилая; ходила, на палочку опираючись, а лицо этакое спокойное, ясное, — оттого, вѣрно, что всё она молитвы читала. Прибрела разъ эта монахиня, и Саша ее къ барынѣ повела. Сидѣла монахиня долго тамъ, и Сашу призывали, и барыня монахиню чаемъ угощала, и велѣла отвезти въ колескѣ въ монастырь. Спрашивала я у Саши: «Что́ такое это?» — «Погоди», говоритъ, «все узнаешь.»

XXXII.

Вечеромъ вижу — Саша узелокъ связываетъ. Удивилась я, на что́ она это дѣлаетъ!... Вижу — и рубашки туда уложила, и деньжонки свои.

«Саша, да скажи, что̀ это такое будетъ! куда ты сбираешься?»

«Прощай, голубушка!» отвѣтила. «Живи — не тужи, понемножку плачь, понемножку радуйся, за чужимъ не гоняйся, а своего... Боже сохрани, — своего не трать. Помни, что глупому сыну не въ помощь богатство.»

Мнѣ страшно стало: что́ съ нею?

«Не бойся, не пугайся: я въ памяти. А иду я въ монастырь. Барыня позволила. Она боится отвѣчать за мою душу Богу, и позволила. Я завтра чѣмъ-свѣтъ иду. Ты *ему* скажи сама объ этомъ и поуспокой.»

«Такая молодая!» говорю.

«Не старая, да бывалая.... Да скажи ты ему еще... попроси отъ меня: пусть не тревожится.... Мнѣ ужъ отдохнуть хочется.... Я тамъ отдохну....»

XXXIII.

Господи! что́ съ нимъ творилось, какъ узналъ! Жалко было со стороны глядѣть. Я, хоть изрѣдка, а всё ходила къ Сашѣ. Она тамъ при монастырѣ служила. Такъ славно у нихъ!... Стоитъ монастырь тотъ за городомъ, на горѣ, въ лѣсу. Черезъ ограду въ монастырской дворъ деревья зеленыя свѣсились, и сама ограда зазеленѣлась, замшилась. Кельи темныя, маленькія, а въ окошечко глянь — сколько цвѣтовъ цвѣтетъ! какая мурава мягкая!... Подъ горой, слышно, рѣка журчитъ; а прислушайся еще — въ городѣ колеса по мостовой стучатъ.

«Хорошо тебѣ тутъ, Саша?» спрашиваю.

«Хорошо», отвѣчаетъ.

«Покойно?»

«Покойно.»

Еще нерѣчистѣе она стала. Развѣ объ *немъ* спроситъ иногда, какъ живетъ да что́ дѣлаетъ. Я ей разъ говорю: «Саша, ты до сихъ поръ объ немъ все вспоминаешь... не грѣхъ развѣ?»

Она улыбнулась.

«Да», говоритъ, — «куда жъ его хоть и грѣхъ», дѣвать? Промолчу, — развѣ простится?»

«А не жалко тебѣ его? скажи по правдѣ!»

«Нѣтъ, мнѣ ничего не жалко.»

Спрашивала я ее, что какъ это тебѣ на сердце пришло въ монастырь пойти?

«Я часто сюда ходила, — ты знаешь, и полюбилось мнѣ. Тихо такъ тутъ, безмятежно.... Я свою работу отработаю, да и сяду гдѣ-нибудь. Сижу — листья́ шумятъ; рѣка журчитъ; птицы поютъ и порхаютъ; голосу людского не слышно мнѣ....»

XXXIV.

Я сама, сколько примѣчала, ей хорошо жилось. Такъ ее хвалили всѣ въ монастырѣ. И старая монахиня, что за нее у барыни просила, очень полюбила ее: идетъ, бывало, мимо — всегда ее благословитъ. Я уже рада, что она пристроилась, успокоилось. «Пусть ее живетъ въ монастырѣ! Хорошо ей тамъ», думаю. А она нежданно, негаданно и умри. И въ монастырѣ-то никто не зналъ: никого не покликала, а можетъ, не могла покликать. Умерла одна въ своей келійкѣ тѣсной да темной. Я была, какъ ее хоронили. Солнышко такъ было ярко, ясно.... Свѣчи кругомъ гроба пылали; пламя дрожало, и солнышко играло на ея лицѣ. А такое у ней задумчивое лицо было, такое мученическое!

Онъ и до сей поры ходитъ на ея могилу и всё молится тамъ. Жениться не захотѣлъ. Я его сколько разъ на могилкѣ встрѣчала. Такой печальный! «Никто ужъ не повеселитъ меня такъ, какъ моя Саша покойница! Богъ судья дядѣ и тётенькѣ!»

Марко Вовчо́къ.

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СПЛЕТНЯ.

Живи какъ отшельникъ,
Гуляй, или плачь, —
Найдетъ тебя сплетня,
Придетъ твой палачь!

Двери не отворитъ, —
Подъ дверь подползетъ;
Ограда мѣшаетъ, —
Сквозь камень пройдетъ.

Въ чемъ грѣшенъ, не грѣшенъ,
Въ набатъ прогудитъ,
На вѣкъ обезчеститъ,
По гробъ осрамитъ.

И въ грязь тебя втопчутъ
И недругъ и другъ....
Проклятая сплетня!
Проклятый недугъ!

И. Никитинъ.

Садо́къ вишне́вий коло ха́ти;
Хрущи́ надъ ви́шнями гуду́ть;
Плуга́тарі съ плуга́ми йдуть;
Співа́ють иду́чи́ дівча́та,
А матері вече́рять ждуть.

Сімъя́ вече́ря, коло ха́ти;
Вечірня зіронька встае́;
Дочка́ вече́рять подае́,
А ма́ти хо́че научáти,
Такъ солове́йко не дае́.

Покла́ла ма́ти коло ха́ти
Мале́нькихъ діточо́къ своіхъ,
Сама́ засну́ла коло іхъ;
Зати́хло все; тілько дівча́та
Да солове́йко не зати́хъ.

(Переводъ.)

Вишнёвый садикъ возлѣ хаты;
Жукѝ надъ вишнями гудятъ;
Плугъ съ нивы пáхари тащáтъ;
И распѣваючи дѣвчáты
Домой на вéчерю спѣшатъ.

Семья ихъ ждётъ, и все готово;
Звѣзда вечерняя встаетъ,
И дочка ужинъ подаетъ,
А мать сказала бы ей слово,
Да соловейко не даетъ.

Мать уложила возлѣ хаты
Молютокъ — дѣточекъ своихъ;
Сама заснула возлѣ нихъ, —
Затихло всё: однѣ дѣвчаты,
Да соловейко не затихъ.

Л. Мей.

Ой у мéне бувъ коняáка,
Бувъ коняáка-розбишáка,
Булá й шáбля и рушнúця,
И дівчúна-чарівнúця.

Гей, коня́ку, Ту́рки взяли́
Ляхи́ ша́блю пощерби́ли,
И рушни́ця поламáлась,
И дівчи́на відцурáлась.

За Буджáцькими степáми
Ідуть на́ши зъ бунчукáми,
А я съ плу́гомъ та зъ сохо́ю
По-надъ ни́вою сухо́ю.

Гей, гей, гей, мій чо́рний во́ле!
Ни́ва до́вга, въ стерні по́ле,
Вітеръ віе-повівáе,
Казано́чокъ закипáе.

Ой хто въ по́лі, озови́ся!
Ой хто въ лі́сі, відкликни́ся!
Йди до ме́не вече́ряти,
Моé се́рце звесели́ти!
Ой у лі́сі луна́ ги́не,
Изъ-за хмáри мі́сяць плúне,
Вітеръ віе-повівáе,
Казано́чокъ простигáе.

Щоголевъ

(Переводъ:)

Охъ, былъ конь и у меня —
Весь изъ по́лымя-огня,
Были сабля и винтовка,
И колдунья — чернобровка.

Турокъ борзаго словилъ;
Ляхъ мнѣ саблю иззубрилъ;
А винтовка изломалась;
А колдунья отчуралась.

По Буджа́цкимъ по степямъ
Путь козацкимъ бунчука́мъ,
А мнѣ путь одинъ — съ сохо́ю,
По-надъ нивою сухою.

Гей, гей, гей, волъ черный мой,
Долго намъ пахать съ тобой!...
Вѣтеръ вѣетъ-повѣваетъ....
Котелочекъ закипаетъ.

Кто-бъ меня повеселилъ, —
Хлѣбъ-соль вмѣстѣ раздѣлилъ?
Ой, кто въ полѣ — покажися,
Кто въ дубровѣ — отзовися!

Никого.... Въ дубровѣ гулъ;
Мѣсяцъ въ о́блачко нырнулъ;
Вѣтеръ вѣетъ-повѣваетъ;
Котелочекъ простываетъ....

Л. Мей.

ХУСТИ́НА.

Чи то на те Бо́жа во́ля,
Чи така́я ії до́ля?...
Росла́ въ на́ймахъ, виросла́ла,
Зъ сирото́ю покоха́лась.
Небора́къ, якъ го́лубъ, зъ не́ю,
Зъ безтала́нною свое́ю.
Одъ зіроньки до зіроньки
Сидя́ть собі у вдівоньки,
Сидя́ть собі, розмовля́ють,
Пречи́стої дожида́ють.
Дожда́лися.... Съ Чигири́ну
По всій сла́вній Украі́ні
Заревли́ вели́кі дзво́ни,
Щобъ сідла́ли хло́щі ко́ні,
Щобъ мечи́, шаблі гостри́ли
Да збіра́лись на весілле,
На весе́ле погуля́ннє,
На кріва́ве валиця́ннє....

Въ неділеньку да ранéсенько
Сýрми трýби вийгравáли,
Въ похóдъ у дорóгу слáвні компанíйці
До схíдъ сóнечка рушáли.
Випровожáла вдовá свогó сúна,
Ту едúную дитúну,
Випровожáла сестрá свогó брáта,
А сíромý сиротúна
Випровожáла, коня́ наповáла,
До зорнúці изъ кринúці,
Винóсила збрýю — шáблю золотýю
И рушнúцю гакívнúцю.
Випровожáла три пóля, три мúлі,
Прощáлася при долúні,
Даровáла шúту шовкáми хустúну,
Щобъ згáдувавъ на чужúні.
Ой хустúно-хустúночко
Мереéжана шúта!
Тілько й слáви козáцькоі
Сіделечко вкрúти.

Вернýлася, журúлася,
На шляхъ бúтий дивúлася,
Квітчáлася, прибірáлась,
Що-день Бóжій сподівáлась,
А въ неділеньку ходúла
Виглядáти на могúлу.
Минá літо, минá й другóе,
А на трéйтє лúнуть
Преслáвниі компанíйці

Въ свою́ Украіну.
Иде́ військо, иде́ й дру́ге,
А за тре́йтімъ сти́ха....
Не диви́ся, безтала́нна!
Везу́тъ тобі ли́хо:
Везу́ть труну́ малёвану,
Китáйкою вкри́ту,
А за не́ю зъ старшино́ю
Иде́, въ чо́рній сви́ті,
Самъ полко́вникъ компанійський,
Характе́рникъ зъ Січи.
За нимъ иду́ть есау́ли
Да пла́чуть иду́чи.
Несу́ть пани́ есау́ли
Коза́цькую збру́ю:
Ли́тий па́нциръ пору́баний,
Ша́блю золоту́ю,
Три рушни́ці-гаківни́ці
И три самопа́ли;
А на збру́ї коза́цькая
Кровъ позасиха́ла.
Веду́ть коня́ ворonóго
Розби́ти копи́та,
А на ёму сіде́лечко,
Хусти́ною вкри́те.

(Переводъ:)

ПЛАТОКЪ.

Аль была ужь Божья воля,
Аль ея дѣви́чья доля,
Что въ чужой семьѣ вскормилась,
Съ сиротою полюбилась.
Сиротина, словно голубь,
Безталанной смотритъ въ очи
И воркуетъ у сосѣдки
Съ ней съ утра́ до поздней ночи.
Говорили — ворковали,
Госпожинокъ поджидали:
Дождалися.... Въ Чигиринѣ
Всю Украйну созвонили,
Чтобъ коней сѣдлали хлопцы,
Сабли острыя точили,
На веселый пиръ сбирались
На козацкое веселье —
На кровавое похмѣлье.

Въ воскресенье, ра́нымъ-рано,
Су́рмы-трубы заиграли,
Съ красной зорькой компанейцы
Въ путь-дорогу выступали.

Провожала мать-вдовица
Своего роднóва сына,
И сестра роднóва брата....
Сиротину сиротинка
Провожала.... Вороному
Налила воды студёной
И сняла съ стѣны винтовку
Вмѣстѣ съ саблей золочёной.
Провожала зá три пóля
Попрощалась при долинѣ,
И дала дружку платочекъ,
Чтобъ попомнилъ на чужбинѣ.
Охъ, платокъ ты мой платочекъ,
Шитый шелкомъ по узору,
На сѣдлѣ тебѣ козачьемъ
Красоваться только въ пору!
А она-то, сиротинка,
Опознáла грусть тревогу:
Что ни свѣтъ-зоря, выходитъ
Каждымъ утромъ на дорогу,
А въ воскрёсный день съ кургана
Смотритъ.... Очи помутились....
Черезъ двá года на третій
Компанейцы воротились.
Рать гремитъ, гремитъ другая,
А за третьей ратью тихо:
Не гляди туда, голубка!
Не добро везутъ, а лихо:
Гробъ везутъ, китайкой крытый,
И со двухъ сторонъ у гроба

Самъ полковникъ съ старшиною
Въ чёрныхъ свúтахъ идутъ оба,
Самъ полковникъ — запорожецъ,
Характерникъ съ Сѣчи — значитъ;
Слѣдомъ пáны эсаулы....
Кто идетъ за гробомъ, плачетъ....
И несутъ они доспѣхи:
Брóню крѣпкую, литýю
Всю въ рубцахъ, въ насѣчкахъ вражьихъ,
Да и саблю золотую,
А за саблей три винтовки,
Да еще три самопáла,
И по всѣмъ по нимъ козачья
Кровь горячая бѣжала....
Охъ, ведутъ и воронова:
Поразбиты всѣ копыта.
И платкомъ шелкóвымъ, шитымъ,
У него сѣдло накрыто.

Л. Мей.

11 мая 1859 г.

РАЗСКАЗЪ ЯМЩИКА.

Вѣкъ жить — увидишь и худо порою.
Жаль, что вотъ темно, а то изъ окна
Я показалъ бы тебѣ: за рѣкою
Есть у насъ тутъ деревенька одна.

Тамъ живетъ баринъ. Господь его знаетъ,
Этакой умница, братецъ ты мой,
Ну, а теперь ни за что́ пропадаетъ.
Разъ онъ немного размолвилъ съ женой.
Барыня сдѣлала что-то неладно —
Мужъ сгоряча-то ее побранилъ.
Правду сказать, вѣдь оно и досадно:
Онъ безъ ума ее, слышно, любилъ.
Та, — дѣло барское, — знаешь обидно,
Къ матушкѣ нѣжной отправилась въ домъ,
Да сиротой притворилася, видно,
Съ годъ и жила со старухой вдвоемъ.
Только и тамъ она что-то... да это
Дѣло не наше, я самъ не видалъ....
Баринъ-атъ сохъ; иногда до разсвѣта
Съ горя и глазъ, говорятъ, не смыкалъ,
Все вишь грустилъ да жены дожидался,
Ей поклониться онъ самъ не хотѣлъ,
Ну, — а потомъ въ путь-дорогу собрался,
Нанялъ меня — и къ женѣ полетѣлъ.
Ка́къ помирился онъ съ нею, — не знаю.
Барыня что-то сердита была....
Самъ-атъ я, братецъ ты мой, помекаю —
Мать по неволѣ ее прогнала.
Вотъ мы поѣхали. Вижу — ласкаетъ
Баринъ жену: то въ глаза ей глядитъ,
То, знаешь, ноги ковромъ укрываетъ,
То этакъ ласково съ ней говоритъ, —
Ну а жена пожимаетъ плечами,
Въ сторону смотритъ — ни слова въ отвѣтъ.

Онъ и присталъ къ ней почти со слезами:
«Или въ тебѣ и души, дескать, нѣтъ?
Я, дескать, все забываю, прощаю....
Такъ же люблю тебя, милый мой другъ....»
Тутъ она молвила что-то — не знаю,
И покатилася со смѣху вдругъ.
Баринъ притихъ... ужь и зло жь меня взяло!
Я какъ хвачу коренного кнутомъ....
Послѣ одумался — совѣстно стало:
Тройка шла на́-гору, шла-то съ трудомъ,
Конь головой обернулся немного,
Этакъ глядитъ на меня, все глядитъ....
«Ну, молъ, ступай ужь своею дорогой,
Грѣхъ мой на барынѣ видно лежитъ....»
Вотъ мы... О чемъ бишь я рѣчь велъ сначала?
Да, я сказалъ, что тутъ баринъ притихъ.
Вотъ мы и ѣдемъ. Ужь ночь наступала.
Я пріударилъ лошадокъ лихихъ;
Въѣхали въ городъ... Эхъ-ма! забываю
Чей это дворъ, гдѣ коней я кормилъ?
Дворъ-то мощенный.... Постой, вспоминаю....
Нѣтъ, провались онъ совсѣмъ, позабылъ!
Ну ночевали. Заря занималась;
Баринъ проснулся — глядь: барыни нѣтъ!
Кинулись шарить-искать — не сыскалась;
Только нашли у воротъ одинъ слѣдъ,
Кто-то, знать, былъ съ подрѣзными санями....
Мы тутъ въ погоню. Ужь день разсвѣталъ.
Верстъ этакъ семь пролетѣли полями —
Слѣдъ неизвѣстно куда и пропалъ.

Мы завернули въ село да въ другое, —
Нѣтъ-тебѣ слуху; а баринъ сидитъ,
Руки ломаетъ. Лицо-то больное,
Самъ-атъ озябъ, словно листъ весь дрожитъ....
Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Проѣхалъ немного,
И говорю ему: «Слѣду, молъ, нѣтъ;
Этой-вотъ что ли держать намъ дорогой?»
Онъ и понесъ чепуху мнѣ въ отвѣтъ.
Сердце мое облилось тогда кровью!
«Эхъ, погубилъ, молъ, сердечный ты мой,
Жизнь и здоровье горячей любовью!»
Ну и привезъ его къ ночи домой.
Жаль горемычнаго! вчужѣ сгрустнется:
Въ годъ онъ согнулся и весь посѣдѣлъ.
Нынче надъ нимъ ужь и дворня смѣется:
«Баринъ-то нашъ, молъ, совсѣмъ одурѣлъ....»
Диво мнѣ, какъ онъ жену не забудетъ!
Нѣтъ-вотъ поди! коротаетъ свой вѣкъ,
Хлѣба не ѣстъ, все по ней вишь тоскуетъ....
Этакой, братецъ ты мой, человѣкъ!

И. Никитинъ.

VI.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ПИСЬМА.

Получивъ отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ подписчиковъ, крестьянъ и мѣщанъ, письма, полныя искренняго сочувствія къ предпринятому нами изданію, мы считаемъ долгомъ выразить имъ нашу сердечную благодарность, какъ за сочувствіе, такъ и за добрые совѣты, которыми мы не преминемъ воспользоваться. Письма ихъ, кромѣ выраженія надежды на успѣхъ и пользу Народнаго Чтенія, заключаютъ въ себѣ еще нѣсколько мыслей объ образованіи крестьянъ;—мыслей доказывающихъ, что въ русскомъ простолюдинѣ, не смотря на разныя причины, задерживающія его умственное развитіе, не убито еще стремленіе къ просвѣщенію. Подобное явленіе убѣждаетъ, что при начинающемся, по волѣ Монарха, новомъ порядкѣ—народъ русскій должна ожидать великая будущность. Съ позволенія писавшихъ, помѣщаемъ здѣсь нѣсколько писемъ нашихъ простонародныхъ подписчиковъ.

Редакція.

I.

Милостивые Государи!

Спѣшу подѣлиться съ вами чувствомъ глубокой признательности къ доброму вашему предначинанію. Вы изъявили готовность издать новый журналъ для Народнаго Чтенія, значеніе котораго должно быть близко къ сердцу каждаго любящаго

свое отечество гражданина, отъ содѣйствія которыхъ долженъ быть полный успѣхъ вашему благому предпріятію. Мысль ваша видна; успѣхъ долженъ зависѣть, отъ добросовѣстнаго взятаго на себя труда исполненія. Многочисленная семья русская нуждается въ чтеніи подобнаго рода изданій. При благополучно-царствующемъ нашемъ Великомъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, и усердно содѣйствующемъ правительствѣ, и всемъ вѣрнолюбящемъ свое отечество Россійскомъ дворянствѣ, грамотность должна быть развита въ полномъ смыслѣ слова; а отъ благомыслящихъ и добрыхъ помѣщиковъ зависѣть будетъ многое въ распространеніи ея, и духъ народный, при содѣйствіи гражданъ къ великой указанной цѣли, будетъ слѣдовать твердымъ шагомъ къ просвѣщенію.

Грамотность не убьетъ нашей земледѣльческой промышленности, но напротивъ увеличитъ и укажетъ средства къ развитію и обогащенію сельскаго хозяйства. Нѣтъ примѣровъ, чтобъ человѣкъ былъ враждующимъ къ себѣ.

Слѣдовательно, земледѣльческій классъ, при развитіи грамотности, непремѣнно будетъ стремиться, чтобъ упрочить свое благосостояніе и жить наисчасливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, не будучи чѣмъ либо озабоченъ. Самопознаніе крестьянина будетъ говорить объ его нравственности.

Тогда оживотворенный земледѣлецъ явится достойнымъ называться гражданиномъ отечества!

Отъ водворенія и разширенія грамоты въ Россіи и распространенія книгъ государственнаго Свода Законовъ (на что уже и приняты благодѣтельныя мѣры правительства), должно уменьшиться величайшее зло лихоимства, о которомъ много было говорено въ свое время въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Безъ сомнѣнія, журналъ вашъ, «Народное Чтеніе», не преминетъ содѣйствовать къ распоряженіямъ нашего правительства, и будетъ помѣщать въ себѣ тѣ статьи закона, которыя ближе касаются народныхъ правъ разныхъ сословій, населяющихъ земли обширной нашей монархіи.

Исторія наша богата вышедшими изъ быта простого званія людьми, которые были полезны своими дѣяніями Государю и отечеству, земледѣлецъ, ремесленникъ и мѣщанинъ со смиренной гордостью прочтетъ въ журналѣ вашемъ жизнеописанія ихъ и будетъ съ самодовольствомъ разсказывать окружающимъ жизнь знаменитыхъ предковъ своихъ.

Журналъ «Народное Чтеніе» обѣщаетъ дать мѣсто равно всѣмъ: благочестивому пастырю, трудолюбивому земледѣльцу, скромному художнику и великому литератору. Отдѣлъ народной бесѣды будетъ помѣщать ихъ назидательное слово для пользы ближняго и величія Россіи. Дай Богъ, чтобъ журналъ «Народное Чтеніе» былъ руководимъ духомъ истины и правды, и тогда, милостивые государи, будьте увѣрены, что журналъ «Народное Чте-

ніе» съ полнымъ успѣхомъ достигнетъ своего великаго значенія. И будетъ примирителемъ духа невѣдѣній съ духомъ просвѣщенія.

При семъ прилагаю 1 руб. серебромъ, и желаю, чтобъ журналъ вашъ былъ пересланъ на мою милую родину — для чтенія возлюбленнымъ моимъ собратіямъ — землякамъ ярославцамъ.

Честь имѣю свидѣтельствовать предъ вами мою признательность, остаюсь доброжелательный къ предпріятію вашему

Крестьянинъ М. Тихомировъ.

II.

Уважаемый Александръ Александровичъ!

Ваше главное желаніе узнать о крестьянскихъ толкахъ на счетъ «Народнаго Чтенія» вообще и отдѣльно о каждой статьѣ первой книжки. Я на это скажу откровенно, что крестьяне, которые читали или слушали книжку «Народное Чтеніе», вообще всѣ о ней толкуютъ, что ну, *спасибо*! вотъ такъ книжка! Какъ у насъ, что ведется, такъ тутъ и написано, — это все правда. Да какъ же они объ этомъ-то узнали? А другой и скажетъ: вотъ то-то и хорошо, что во всемъ нашемъ быту дано направленіе, — да и правильное. И въ нѣкоторыхъ деревняхъ поговариваютъ — выписывать законы.

Отдѣльно о статьяхъ толкуютъ: о «Привительственномъ Распоряженіи», которое хоть не до всѣхъ касается, но всякій, кто человѣкъ, съ умиленіемъ слезъ сочувствуетъ счастью своего собрата. «Слѣпушкинымъ», всякій возрастъ гордится и тщеславится, какъ представителемъ своимъ. А о прочихъ статьяхъ толкуютъ разнообразно. Изъ пожилыхъ, кто говоритъ, что ему нравится шибко «Расказъ Русской Исторіи», а другой говоритъ, что мнѣ приглянулась шибко-же статья: «Кто человѣкъ, тому сродно все человѣческое.» А третій скажетъ: ну, и «Отставного солдата Захарова» изъ десятку не выкинешь: въ немъ много поучительнаго. Четвертый молвитъ: да и «Разсказъ за чаемъ» исторія славная: это все для того, чтобы обманщикамъ мы не вѣрили. Молодяжникъ всѣ статьи одобряютъ, а «Надежу» и «стихотворенія Цыганова» еще пуще обожаютъ. Вотъ за всѣ и ото всѣхъ, — только и слышно, что *спасибо* да *спасибо!* которое сообщаю и свидѣтельствую Вамъ.

Вашъ покорнѣйшій и нижайшій слуга

Крестьянинъ И. Ивановъ.

Марта 22 дня 1859 года.
Г. Курганъ.

III.

....Въ волостномъ правленіи сидятъ старосты за столомъ, въ переднемъ углу, на почетномъ мѣстѣ. Первый изъ нихъ, голова, по окончаніи своей трехлѣтней службы распоряжается собрать волостную сходку для выбору на мѣсто себя и другихъ — новыхъ. И, при собраньи мірянъ, въ волостномъ правленьи встаетъ и говоритъ имъ свои слова: «Послушайте, міряне! Вотъ объявляю вамъ изъ земскаго суда указъ, въ которомъ велѣно на новое трехлѣтіе избрать изъ васъ, на мѣсто насъ, всѣхъ волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ вновь, и на нихъ, куда слѣдуетъ, представить приговоры на утвержденье; а мы послужили и просимъ увольненья.

Тутъ имъ отовсюду съ поклонами посыплются благодаренья — за честную ихъ службу, и начнутъ просить повторенья — еще послужить.

«Нѣтъ, братцы, избавьте насъ отъ службы: мы свою очередь отвели, пусть и другіе отведутъ.

Тогда начнется выборъ, и крестьяне изъ среды своей всѣхъ должностныхъ лицъ, исключая писаря, (который во всей волости одинъ) изберутъ, и на нихъ свои приговоры дадутъ. — А писарь къ нимъ подойдетъ и изъ кармана исправническое письмо возметъ и показываетъ, что исправникъ

ему быть писаремъ опять здѣсь приказываетъ. «Давайте къ приговору руки, господа старички, да и ко мнѣ, милости просимъ, поздравить въ томъ меня. Я купилъ вина три ведра, а не достанетъ — еще куплю и угощу всѣхъ до пьяна.»

«Напрасна затѣя твоя», всей сходкой отвѣчаютъ крестьяне: «Вѣдь мы, мужики, не взяточники, зачѣмъ для насъ ты купилъ вино? Али для взятокъ съ насъ? и то ужъ, самъ знаешь, какъ міръ безпощадно обираешь, въ годъ по три раза самъ и жена ѣздишь: *славишь, осенуешь, весенуешь и петровничаешь* — хлѣбъ, масло и разные съѣстные припасы и барановъ собираешь. И въ храмовые празничные дни пирушки, по деревнямъ разъѣзжаешь, для того, чтобы въ каждомъ домѣ, вамъ съ женой вина подносили и деньгами дарили; а подъ насъ подкопы все ведете . . . . . .

. . . . . .

. . . . . Помощниковъ Вамъ имѣть не положено, а вы безъ нихъ, троихъ или четверыхъ не живете; жалованье имъ отдаете, и *славить* позволяете, — и послѣ этого всего, выбѣгаете въ купцы.»

«А мы остаемся по прежнему глупцы», заводитъ рѣчь голова. «Да еще какіе! отъ которыхъ Богу нѣтъ ничего, а лѣшему вдоволь всего! Вѣдь, если правду говорить, и земскій дистанычный засѣдатель свое жалованье на наемъ писарей отдаетъ и тысячи рублей проигрываетъ въ карты, а живетъ припѣваючи. Да и какая намъ польза въ томъ, что мы писарей

укоряемъ? Которыхъ укоряемъ, тѣхъ-же и выбираемъ. И выборъ весь тотъ, что посмотримъ, кого исправникъ къ намъ послалъ; и какъ будто молодыхъ новобрачныхъ поздравляемъ. Они намъ вина подносятъ, а мы деньгами отсыпаемся: писарю цѣлковый, писаршѣ полтинникъ. Если не дашь—запишутъ тебя; а кто укорялъ, тотъ — смотришь — опосля и въ бѣду попалъ: послѣднюю корову продалъ и тому же писарю деньги отдалъ!— А все отъ того, что у насъ грамотныхъ мало: зайца кормимъ, а заяцъ въ лѣсъ глядитъ! Если-бы мы употребляли хоть половину этой суммы на помогательство бѣднымъ въ ихъ нуждахъ и на доставленіе средствъ — не шататься по міру сиротамъ, а обучаться грамотѣ въ училищахъ, для того, чтобы они въ-послѣдствіи чрезъ то могли быть вѣрными слугами Царю и полезными членами обществу. А мы не то, что сиротъ учить, и своихъ дѣтей не учимъ! Стыдно! — стыдно!— стыдно! — намъ, отцамъ, не пожелать блага своимъ дѣтямъ, чтобы они потомъ приходили на сходку не для счету, какъ мы, — а для расчету и разбору всѣхъ мірскихъ дѣлъ, какъ честные, съ христіянскимъ образованіемъ судьи. Посмотрите: вонъ скопскіе россейцы, и тѣ надъ нами зубы скалятъ: «Што, братки, сходите къ писарю-то, вы-«пійте по рюмоцки-то! гдѣ не видали, по бара-«шицку-то или по целковицку-то подарите, — «вѣдь ёнъ хорошій человѣкъ-то!»

Дайте сроку, господа, не будетъ и у насъ на сходкѣ вина, а станемъ хлопотать объ открытіи сельскихъ училищъ для образованія нашихъ сыновей и дочерей. Вотъ, какъ мы тогда заживемъ!

Крестьянинъ И. И—въ.

IV.

....Если бы обратилъ кто вниманіе на меня, потрудился узнать всѣ свойства и способности души, узналъ всю, какъ говорится, подноготную моей жизни, и послѣ взглянулъ бы, чѣмъ я занимаюсь въ свободныя минуты, — то не повѣрилъ бы, кажется, самому себѣ. Родясь въ деревнѣ, между людей чуждыхъ, имѣвшихъ такихъ же почти родителей, проведя безцѣнные дни юности за черной работой, не умѣя порядочно читать, а достигши совершенныхъ лѣтъ связанъ былъ семейными узами, я потерялъ надежду быть когда либо грамотнымъ. Судьбѣ угодно было забросить меня въ дикія степи и дремучія лѣса Кавказа, подвергнуть многимъ горестнымъ испытаніямъ, — и при всемъ этомъ сильное влеченіе къ грамотѣ превозмогло всѣ препятствія, — такъ что я почти въ годъ выучился читать и писать.

. . . . . .

Если бы это было все такъ, то, конечно, этотъ

журналъ далъ бы мнѣ болѣе геніальнаго развитія, тогда всю жизнь мою я охотно посвятилъ-бы на усовершенствованіе себя въ познаніи; во что́ бы то ни стало рѣшился пріобрѣтать всевозможныя средства. А теперь, что я за существо — рѣшительно не могу дать отвѣта. Столько въ головѣ думъ, а въ сердцѣ чувствъ въ продолженіе многихъ лѣтъ накопилось у меня, что я рѣдко могу свободно переводить дыханіе; на глазахъ будто непроницаемая завѣса, сквозь которую я ничего не могу видѣть. Много камней преткновенія на пути. Густымъ терніемъ заросла прозрачная стезя къ совершенству. Много видѣлъ я людей, со многими говорилъ; но изъ всего этого множества, — не знаю къ кому протянуть руку, кого просить о помощи: одни не понимаютъ меня, другіе таятъ истину, иныя откровенно говорятъ со мною, но ихъ образъ мыслей совсѣмъ различный отъ моего. Теперь, что мнѣ дѣлать? бросить ли начатое, или продолжать безнадежный трудъ. Неужели голосъ мой замретъ безъ отвѣта!... На чемъ оставитъ меня будущность? Боже! какой мракъ непроницательный!... озари меня Твоимъ свѣтомъ!...

Коротоякскаго уѣзда, слободы Репьевки государственный крестьянинъ Иванъ Евдокимовъ.

1859 г. февраля 25 д.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

I. Правительственныя распоряженія:

а) О пріемѣ въ училища военнаго вѣдомства солдатскихъ дѣтей 5
б) О закрытіи школы писарей — при лѣсномъ и межевомъ институтѣ, ... 6
в) Объ обязательствахъ и договорахъ, писанныхъ на простой бумагѣ 9
г) О довѣренности 10
д) О пожертвованіи въ пользу женской богадѣльни на Малой Охтѣ 13
ж) О лечебницѣ для приходящихъ 15
з) О дозволеніи Малороссійскимъ козакамъ продавать земли лицамъ не-козачьяго происхожденія 19
и) О передачѣ крестьянъ Павловской волости, состоящей при Павловской суконной фабрикѣ, въ завѣдываніе министерства государственныхъ имуществъ 22
к) О взаимномъ застрахованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ отъ пожаровъ 26
л) О рекрутской повинности. 31
м) Объ ярмаркахъ въ городахъ Калязинѣ и Бѣлостокѣ . 36
н) О продажныхъ цѣнахъ соли, акцизахъ и таможенныхъ пошлинахъ съ нея на 1859 г. . . . . —

Законы, касающіяся крестьянскаго быта. А. Зеленаго . . . . . .

а) Объ обязанностяхъ христіанина и о благочиніи во время Божественной службы 42
б) О сельской промышленности и торговлѣ 43
в) О предосторожностяхъ для сохраненія здоровья и жизни 44

5
D-21